СМОЛЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
1918

Известия Смоленского государственного университета

Научный журнал
Выходит 4 раза в год

№ 4(64), 2023

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 01 декабря 2015 года № 13-6518 журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Учредитель и издатель

Смоленский государственный университет

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
Рег № ПИ № ФС77-85683 от 28.07.23
Подписной индекс ПН182 (Почта России)

Редакционный совет

М.Н. Артеменков (*Смоленск, председатель*), И.В. Романова (*Смоленск, заместитель председателя*), В.А. Волков (*Москва*), А.Б. Каменский (*Москва*), В.С. Кошелев (*Минск, Республика Беларусь*), А. Молнар (*Дебрецен, Венгрия*), Л.В. Рацибурская (*Нижний Новгород*), Ф.Б. Успенский (*Москва*), Н.А. Фатеева (*Москва*), З.А. Харитончик (*Минск, Республика Беларусь*), И.Р. Чикалова (*Минск, Республика Беларусь*)

Редакционная коллегия

И.В. Романова (*гл. редактор*), А.В. Тихонова (*зам. гл. редактора*), Р.В. Белютин (*отв. секретарь*), С.Н. Андреев, С.Ю. Артемова, Л.И. Ивонина, Д.Е. Комаров, А.В. Королькова, Л.В. Павлова, О.Е. Похаленков, А.М. Ранчин, Ю.Л. Цветков

16+

Адрес редакции и издателя

214000, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4,
Смоленский государственный университет
E-mail: izwestija@smolgu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Линник Ю. Сомнамбулическое (Венок сонетов М.А. Волошина «Lunaria») 5
Федотов О.И. Поэтологическое эссе Юрия Линника «Сомнамбулическое». О венке сонетов Максимилиана Волошина «Lunaria» (попытка адекватной интерпретации) 12
Кешфидинов Ш.Р. Шафранская Э.Ф. Армянская кошениль и красный цвет Армении в русской словесности 19
Потапова Е.В. «Армянский» VS «грузинский» локальные тексты: к вопросу о генезисе и путях развития 38
Бубнова Н.В. Модель макро- и микроструктуры словаря имен собственных электронного ресурса «Армянский текст русской поэзии» 54
Федоренко В.В. Фольклорные элементы в поэзии Екатерины Клетновой 64
Першина К.В. «Уединенное» и «Опавшие листья» В. Розанова как «другая литература» 76
Папейко А.А. Квалитативная характеристика жизни в поэтическом дискурсе М.И. Цветаевой 89
Парамонова М.Н. Смоленская писательская организация: литературная ситуация послевоенного периода 101
Федоскин А.В. Стихотворения с историческим временным компонентом в современной российской поэзии (на примере премии «Поэзия») 117
Смирнова Д.Н. Классификации названий смоленских улиц 131
Кучер В.В. Языковые средства создания кинематографичности в репродуктивном регистре англоязычного художественного текста 143
Зорина А.В. Семантическое моделирование способов вербализации эмоций в политическом дискурсе Германии 156

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Пьяных Н.И. Государствогенез Древней Руси 171
Шинаков Е.А. Истоки и зарождение русской государственной благотворительности (X–XVI века) 188

Мартинкевич И.А. Формирование правовых основ социального обеспечения инвалидов Великой Отечественной войны в БССР (1940−1950-е годы) 208
Короневский В.И. Защитница православия или благочестивая католичка? Св. София Слуцкая в нарративах XIX – начала XX века... 221
Беляев М.П. Регенсбургский конвент курфюрстов 1636/1637 годов и борьба Бранденбурга за имперский мир 233
Егоров А.А. Англо-русское военное сотрудничество в 1799 году: по материалам «Журнала Экспедиции Голландской» Ивана Федорова 248

Сведения об авторах 256

Содержание журнала «известия смоленского государственного университета» за 2023 год 258

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Юрий Линник

Петрозаводский государственный университет
Петрозаводск, Россия

УДК 821.161.1-1

DOI 10.35785/2072-9464-2023-64-4-5-11

СОМНАМБУЛИЧЕСКОЕ
(Венок сонетов М.А. Волошина «Lunaria»)[1]

Ключевые слова: *Юрий Линник; Максимилиан Волошин; венок сонетов; «Lunaria»; Космос; Сомнамбулизм; Чижевский.*

Незадолго до своей кончины выдающийся стефанист и стефанолог из Петрозаводска Юрий Владимирович Линник прислал мне как Председателю Международного научно-творческого семинара Школа сонета два своих поэтологических эссе для публикации в очередном выпуске альманаха «Венок сонетологов и сонетистов». Полученный грант дает возможность опубликовать как сами эссе, так и адекватные им комментарии. Оба они посвящены пионерским опытам Максимилиана Волошина, автора двух венков – «Corona Astralis», 1909, и «Lunaria», 1913, в которых новая неслыханная жанрово-строфическая форма была впервые апробирована применительно к философии космизма. Эта проблематика в резонансе с пристрастием к стефанистике более всего занимала и самого Линника. Метапоэтическая трактовка Линником двух шедевров своего предшественника представляет несомненный интерес как для исследователей венков сонетов, так и для поэтов, культивирующих их в своем творчестве. На этот раз предлагаем вниманию читателей второе эссе «Сомнамбулическое». Первое, как мы надеемся, будет опубликовано нашими казахстанскими коллегами[2].

Публикатор О. Федотов

1. Гравитация – и гипнотизм: это разноуровневые явления.
Но общее в них – полевая природа.
Таинственные носители силы!
Они неуловимы.
Однако абсолютно реальны.

[1] Публикация и сопровождающий ее комментарий подготовлены при финансовой поддержке гранта РНФ № 23-28-00545 «Сонеты и сонетные ассоциации в русской поэзии XIX–XXI вв.».
[2] Авторские орфография и пунктуация сохранены.

«Lunaria» М.А. Волошина – своего рода интерференция двух этих полей, психического и физического. Накладываясь друг на друга, они создают небывалый эффект.

Гравитация на расстоянии внушает планетам порядок их орбит.

Гипнотизер на расстоянии внушает испытуемому порядок действий.

Луна у М.А. Волошина гравитирует и гипнотизирует.

Мир в лунном освещении обнаруживает полную гипнабельность.

Двойная суггестия вносит в него нечто сомнамбулическое – теряя свою волю, он всецело подчиняется мановениям Гекаты.

Власть Луны безраздельна.

Она погружает в транс все и вся.

Время останавливается.

Это состояние с магической мощью передает волошинский венок.

2. Вспомним Николая Рубцова:

И всей душой, которую не жаль
Всю потопить в таинственном и милом,
Овладевает светлая печаль,
Как лунный свет овладевает миром.

То, о чем тут сказано в промельк, у М.А. Волошина получит глубокое и всеохватное развитие.

Луна овладевает – подчиняет себе – берет в плен: отсюда оцепенение, которое мы переживаем в ее колдовском свете, всклень наполнившем венок.

Господство Луны тотально.

На ее зазыв откликаются и литосфера, и гидросфера, и биосфера – все страты бытия:

От ласк твоих стихает гнев морей,
Богиня мглы и вечного молчанья,
А в недрах недр рождаешь ты качанья,

Вздуваешь воды, чрева матерей,
И пояса развязываешь платий,
Кристалл любви! Алтарь ночных заклятий!

Лоно земли – лоно вод – лоно женщины: Луна везде и всюду вздымает – поднимает – вытягивает вверх.

Лонное – лунное!

Бытие тяжелеет, беременеет.

А как же мертвенность этого излучения?

Тут все противоречиво – двуоборотно – амбивалентно – антиномично.

Полюса замыкаются.

Луну опоясывает Уроборос.

Волво – Йони – Афея: это ипостаси женской богини в разных культурах.

Поэт создает для них общий алтарь.

В зеркале Луны их отражения сливаются в один лик.

От Луны месячные.

«Lunaria» предвосхищает идеи русского космизма о живой включенности Земли во вселенский контекст.

И глубиной таинственных извивов
Качания приливов и отливов
Внутри меня тобой повторены.

Раньше А.Л. Чижевского поэт говорит об изоритмии земного и внеземного.

Лунные резонансы: М.А. Волошин поэтизирует их.

3. Как бы на венок «Lunaria» откликнулся Зигмунд Фрейд?

Это условный вопрос.

Ответим на него столь же условно: открыватель бессознательного нашел бы здесь иллюстрацию своих идей.

Все женское, текучее, земное,
Все темное, все злое, все страстное,
Чему тела людей обречены…

Луна высвечивает – как бы выносит наружу – вытесненное вглубь.

Иногда при чтении венка возникает ощущение, что ты попал на психоаналитический сеанс – твою душу обнажают, выявляя в ней присутствие негатива.

Но разве он не способен оборачиваться позитивом?

Лунный пейзаж как-то коррелирует с нашим подсознанием.

Раскрепощает его.

Русская живопись помогает понять это.

Иван Крамской, Николай Ге, Архип Куинджи: они умели воплощать лунно-нездешнее – на фоне их картин хорошо читается «Lunaria».

4. Устойчивая Луна – и падающее яблоко: они осенили Исаака Ньютона, подсказав ему закон всемирного тяготения.

Это было так ново!

Но о притяжении полов человек знает издревле.

Знает – плотью.

Тут есть инварианты?

Перед нами модификации одного начала?

Космос – и Эрос: их связь исконна.

«Lunaria» утверждает – закрепляет – развивает эту связь.

Века веков над нами тяготело
Всетемное и всестрастное тело…

5. Лунный диск для поэта – как некий текст.

Его можно читать по методу Брайля:

Неистово порывист и нескладен
Алмазный бред морщин твоих и впадин.

Рельеф Луны контрастен.

Пластические антиномии: так хочется – в лучах «Lunaria» – назвать его перепады.

Сильнее всего на поверхности Луны М.А. Волошина волновало Море Дождей (Mare Imbrium).

Почему оно у него именуется Mare Tenebrarum?

Так называлась южная часть Атлантического океана, недоступная для мореплавателей в средние века.

Сработали сложные ассоциации.

Море Мрака!

А рядом – Море Ясности.

Луна превращается в учебник диалектики.

Всюду мы видим двойные знаки пламени и льда.

В текст вкраплены мощные оксюмороны; два примера: жадный труп и бескрылый взмах.

Луна единит – и Луна раскалывает:

…Дух отдала во власть
Безумью плоти. Круг сестер и братий
Разъяла в станы двух враждебных ратей.
Даров твоих приемлет каждый часть…

6. Луна для поэта – заброшенный артефакт.

О ней сказано: остов недосозданной вселенной.

Ошеломительный образ!

Будто вместе с поэтом мы заглянули в творческую мастерскую демиурга.

Ему тоже знакомо недовольство собой?

Луна забракована им как неудачный набросок?

Но в этом своем преломлении она обретает для нас особую экзистенциальную притягательность.

Иллюстрации

Рис. 1. Под этой фотографией в Интернете мы находим такую подпись: «Гравитационное притяжение Эроса. Анализ астероида проведен лазерный дальномером». Импонирует! Любовь и тяготение – в одном контексте

Рис. 2. Освещение в картине Архипа Куинджи «Христос в Гефсиманском саду» (1901) оптимально для чтения «Lunaria»

Рис. 3. Максимилиан Пирнер. Сомнамбула. 1879

Рис. 4. Mare Imbrium = Mare Tenebrarum

Рис. 5. Восход луны встречали чаек клики

Yury Linnik
Doctor of Philosophy, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation, Philosopher-Cosmist, Poet,
Participant of the International Scientific and Creative Seminar Sonnet School
Petrozavodsk State University.
Petrozavodsk, Russia

Somnambulistic
(A Wreath of Sonnets by M.A. Voloshin «Lunaria»)

Shortly before his death, the outstanding stephanist and stephanologist from Petrozavodsk, Yuri Vladimirovich Linnik, sent me, as the Chairman of the International Scientific and Creative Seminar School of the Sonnet, two of his poetological essays for publication in the next issue of the almanac «Wreath of Sonnetologists and Sonnetists». The received grant makes it possible to publish both the essays themselves and the comments adequate to them. Both of them are devoted to the pioneering experiments of Maximilian Voloshin, the author of two wreaths –«Corona Astralis», 1909, and «Lunaria», 1913, in which a new unheard-of genre-strophic form was first tested in relation to the philosophy of cosmism. This issue, in resonance with the predilection for stephanistics, most of all occupied Linnik himself. Linnik's metapoetic interpretation of two masterpieces of his predecessor will be of undoubted interest both for researchers of sonnet wreaths and for poets who cultivate them in their work. This time we bring to the attention of readers the second essay «Somnambulistic». The first one, we hope, will be published by our Kazakh colleagues.

Publisher O. Fedotov

Key words: *Yuri Linnik; Maximilian Voloshin; a wreath of sonnets; «Lunaria»; Space; Somnambulism; Chizhevsky.*

О.И. Федотов

Московский педагогический государственный университет
Москва, Россия

УДК 821.161.1-1

DOI 10.35785/2072-9464-2023-64-4-12-18

ПОЭТОЛОГИЧЕСКОЕ ЭССЕ ЮРИЯ ЛИННИКА «СОМНАМБУЛИЧЕСКОЕ». О ВЕНКЕ СОНЕТОВ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА «LUNARIA» (попытка адекватной интерпретации)[1]

Ключевые слова: *Юрий Линник; стефанистика; «Сомнамбулическое»; Максимилиан Волошин; венок сонетов «Lunaria»*

Талант Юрия Линника гармонично сочетал глубокое философское осмысление мироздания с виртуозным мастерством его поэтического воплощения в самой сложной жанрово-строфической форме сонетных ассоциаций. Им было создано фантастическое количество безукоризненных по своим идейным и художественным достоинствам венков сонетов – 651. Поэт имел обыкновение публиковать свои произведения в сопровождении оринальных авторских комментариев, написанных в стилистической манере Сократа, Ницше и Виктора Шкловского. Особую группу его сочинений составляют поэтологические эссе, к которой относятся и концептуальные размышления о двух пионерских венках сонетов Максимилиана Волошина «Corona Astralis» и «Lunaria», созвучных своим основным пафосом значительной части его собственной стефанистики. Одно из них представлено в данной публикации с адекватными комментариями. Другое, посвященное «Corona Astralis», как мы надеемся, будет опубликовано нашими казахскими коллегами.

Два поэтологических эссе, написанные Юрием Линником в присущей ему манере полупоэтических, полуфилософских сентенций, сменяющих, как у Виктора Шкловского, друг друга по принципу монтажных планов, когда «словам тесно, а мыслям просторно», отыскались в моей электронной почте сами собой.

Как будто долго искал то самое, позабытое по Мандельштаму, слово, что хотел сказать, и вот оно нашлось...

Эссе посвящены двум шедевральным венкам сонетов Максимилиана Волошина «Corona Astralis» и «Lunaria».

[1] Комментарий к публикуемому поэтологическому эссе Юрия Линника подготовлен при финансовой поддержке гранта РНФ № 23-28-00545 «Сонеты и сонетные ассоциации в русской поэзии XIX–XXI вв.».

Мое очное знакомство с Юрием Линником произошло в самом подходящем для этого месте – в московском планетарии, где мировой рекордсмен по количеству написанных им высококлассных венков сонетов[2] (651!) читал свои замечательные произведения, посвященные главным образом космическим объектам мироздания.

И то сказать, центробежно-стремительная круговерть венка органично рифмуется с орбитами движения космических тел, издающих недоступную нашему слуху музыку небесных сфер, убедительно подтверждая прозрения Пифагора.

Волошин первым среди русских поэтов связывает карусель из 15 цепляющихся друг за друга сонетов с фактически породившим ее Космосом. Это случилось в 1909 году, на пике повального увлечения философией космизма, у истоков которой стоял Владимир Соловьев. Еще учил детей арифметике и геометрии калужский мечтатель Константин Циолковский, заодно разрабатывая проект преодоления земного притяжения. Готовил человечество к бессмертию Николай Федоров. Прозревал земной шар в голубой дымке ноосферы Владимир Вернадский. Вынашивал свои космические сонеты Александр Чижевский. К космизму были причастны и другие поэты Серебряного века: Андрей Белый, Велимир Хлебников, Александр Кочетков, Григорий Ширман и мн. др.

Комментарии

1. Что, казалось бы, можно найти общего между гравитацией и гипнотизмом? Действительно, это более чем разноуровневые понятия. Линник сближает их на базе принадлежности к «полевой природе», имея, очевидно, в виду как физическое, так и геологическое значения понятия «поля». В свойственной ему манере он выражает свои эмоции восторженными назывными восклицаниями: «Таинственные носители силы! / Они неуловимы. Однако абсолютно реальны». Волошинская «Lunaria», 1913, представляется ему «интерференцией двух этих полей, психического и физического. Накладываясь друг на друга, они создают небывалый эффект». В самом деле, разве не завораживает нас зрелище ближайшего к нам естественного спутника Земли в окружении бесчисленного сонма звезд, как завораживало оно Иммануила Канта в поистине поэтическом сопряжении с «моральным законом» внутри нас? Видимо, те же самые чувства испытывали и Пифагор, и Аристотель, и Галилео Галилей, и Исаак Ньютон, и Альберт Эйнштейн, вычислившие, рассчитавшие и разложившие на составляющие эту удивительную небесную механику, основанную на

[2] Перу покойного поэта принадлежит и фундаментальное исследование, посвященное этой едва ли не самой сложной, технически изощренной жанрово-строфической форме, порожденной в эпоху Ренессанса, которая, с легкой руки словенского поэта Франце Прешерна, получила широкое распространение в славянских литературах и не просто обрела «за два-три последних десятилетия новую жизнь, а испытывает невиданный, фантастический бум» [Линник, 1914]. Она, можно сказать, инициировала новую отрасль стиховедения – стефанологию, органическую часть строфики, изучающую цепные сонетные ассоциации. Только на русском языке написано и опубликовано свыше 10 000 сонетных венков.

гравитации. Но в еще большей мере Луна привлекала внимание поэтов и влюбленных. В конце концов она стала расхожей банальностью до такой степени, что Пушкин вложил в уста бестактного Онегина язвительное сравнение лица Ольги Лариной с «этой глупой луной на этом глупом небосводе».

Как гравитация «внушает планетам порядок их орбит», действуя и впечатляя на расстоянии, так и гипнотизер на расстоянии же «внушает испытуемому порядок действий». Все это с поразительной проницательностью воплотил Волошин в своем втором венке «Lunaria». Луна у него резонансно «гравитирует и гипнотизирует», а мир в ее освещении «обнаруживает полную гипнабельность» (то есть восприимчивость к гипнозу). Далее Линник апеллирует к заголовку эссе, выражающему эмоциональное воздействие лунных сонетов Волошина на читателя: «Двойная суггестия (внушение) вносит» в изображаемый мир «нечто *сомнамбулическое* – теряя свою волю, он всецело подчиняется мановениям Гекаты». В строгом смысле, сомнамбулизм предполагает состояние человека, действующего как бы во сне. Геката – древнегреческая богиня мрака, сновидений и чародейства, согласно «Орфическим гимнам», ночная «хтония» и небесная «урания», «неодолимая», – бродит среди могил и выводит призраки умерших (Hymn. Orph. I). Наряду с присущими ей атрибутами мрака, она еще и лунная богиня, освещающая мир отраженным колдовским светом, близкая родственница Селены (Theocr. II 11–14). «Власть Луны безраздельна», «она погружает в транс все и вся» и способна остановить даже Время. Это состояние мира и восприятие его людьми, констатирует Линник, «с магической мощью передает волошинский венок».

2. Во втором тезисе автор эссе предлагает вспомнить финальный катрен из стихотворения замечательного русского поэта Николая Рубцова «Ночь на родине»:

И всей душой, которую не жаль
Всю потопить в таинственном и милом,
Овладевает светлая печаль,
Как лунный свет овладевает миром.

Ровно так же, считает поэт, «лунный свет овладевает миром» и у Волошина, только не «промельком», а в глубоком и всеохватном поэтическом отражении, «всклень» наполняя весь венок. Луна в поэтическом дискурсе волошинского венка властно подчиняет себе все живое, погружает нас в оцепенение, почти в транс. Ее господство поистине тотально. Все страты бытия пронизаны ее лучами, «на ее зазыв откликаются и литосфера (то есть твердая оболочка земли. – *О. Ф.*), и гидросфера, и биосфера». Причем в последнем случае преобладает прежде всего женское начало:

«Лоно земли – лоно вод – лоно женщины: Луна везде и всюду вздымает – поднимает

– вытягивает вверх.
Лонное – лунное!
Бытие тяжелеет, беременеет».

А как же объяснить мертвенность лунного излучения, ведь не только и не столько тем, что Геката все больше и больше по мере развития ее культа погружалась в хтонические глубины царства мертвых, а бог сна Гипнос всегда слыл помощником Смерти? Тут, по мнению Линника, все противоречиво – двуоборотно – амбивалентно – антиномично:

«Полюса замыкаются.
Луну опоясывает Уробóрос.
Волво – Йони – Афея: это ипостаси женской богини в разных культурах.
Поэт создает для них общий алтарь.
В зеркале Луны их отражения сливаются в один лик.
От Луны месячные».

Кто такой Уробóрос? Буквально это греческое слово переводится как «пожирающий хвост», и обозначает оно мифическое существо в виде змеи или дракона, свернутых кольцом и кусающих собственный хвост. Иными словами, формируется совершенная образная параллель к венку сонетов: цепляющиеся друг за друга 14 сонетов завершаются магистралом, как раз там, где соединяются оба конца уробóроса. Поэтому прав Линник: «“Lunaria” предвосхищает идеи русского космизма о живой включенности Земли во вселенский контекст». Среди блистательного созвездия русских космистов выделяется фигура Александра Чижевского, ученого-энциклопедиста и одновременно вдохновенного поэта. В его творческом наследии есть и сонеты, воспевающие «Великолепное, державное Светило»-солнце и признающие в нем «собрата-близнеца, / Чьей огненной груди нет смертного конца, / Что в бесконечности, что будет и что было». Вслед за Волошиным, в унисон ему, он говорил об изоритмии земного и внеземного, о лунных резонансах и тревожно вглядывался в «Стихию тьмы» (1943), ассоциируя ее с Вечностью:

Течет таинственно живущего вода
Из вечной темноты в Земли ночное устье.
Свет – мимолетный миг, а вечность – темнота
И в этой темноте томящее предчувствье.

Там Солнце черное на черных небесах
Свой испускает свет невидимый и черный,
И в черной пустоте на черных же лучах
Летит в пространство весть о мощи необорной.
[Чижевский, URL]

Парадоксальный образ черного солнца, как видим, не был уникальным открытием Ивана Шмелева и Михаила Шолохова, которое явилось обоим в связи с

кромешными ужасами Гражданской войны. Те же апокалиптические чувства пережил во время Второй мировой войны репрессированный Чижевский.

3. На условный вопрос об отношении к образной системе «Lunaria» фрейдизма предлагается столь же условный ответ в виде характерной цитаты из 5-го сонета венка, в которой «открыватель бессознательного нашел бы <…> иллюстрацию своих идей»:

Все женское, текучее, земное,
Все темное, все злое, все страстное,
Чему тела людей обречены… [Волошин, 1995, *187*]

Как представляется Линнику, читая венок, трудно отделаться от ощущения, «что ты попал на психоаналитический сеанс», в процессе которого «твою душу обнажают, выявляя в ней присутствие негатива», что свидетельствует о бесспорной корреляции между лунным пейзажем и нашим подсознанием.

В не меньшей степени восприятию текста, продолжает он, способствует и живопись таких русских художников, как Иван Крамской, Николай Ге и Архип Куинджи, прежде всего потому, что они виртуозно «умели воплощать лунно-нездешнее». Как бы то ни было, «на фоне их картин хорошо читается “Lunaria”».

4. Закон всемирного тяготения, который вывел Исаак Ньютон, наблюдая падение яблока на землю, как мы уже видели, актуален и по отношению к Луне. Ему под стать и не менее закономерное притяжение полов, о котором «человек знает издревле. Знает – плотью». Допуская, что речь может идти о модификациях одного и того же начала, Линник приходит к выводу: «Космос – и Эрос: их связь исконна. “Lunaria” утверждает – закрепляет – развивает эту связь». Действительно, в 8-м сонете Луна отождествляется с «тавром греха», клеймящим всех, живущих в подлунном мире:

Века веков над нами тяготело
Всетемное и всестрастное тело
Планеты, сорванной с алмазного венца[3].
[Волошин, 1995, *189*]

5. Своеобразным текстом, исполненным выпуклыми или, наоборот, вогнутыми буквами, которые читаются по методу Брайля, Линнику видятся лунные пейзажи Волошина, правда, не живописные, а поэтические:

Алмазный бред морщин твоих и впадин,
Томит и жжет. Неумолимо жестк
Рисунок скал, гранитов черный лоск,
Строенье арок, стрелок, перекладин.

[3] Принято считать, что название своего мовистского романа «Алмазный мой венец» Валентин Катаев позаимствовал у Пушкина, воспользовавшись отвергнутой черновой строкой «Бориса Годунова». Очень может быть, что не обошлось и без посредничества Волошина.

Вязь рудных жил, как ленты пестрых гадин.
Наплывы лавы бурые, как воск,
И даль равнин, как обнаженный мозг...
Трехдневный полдень твой кошмарно-страден.
[Волошин, 1995, *189*]

Более всего его внимание привлекают таинственные лунные моря, особенно Море Дождей (Mare Imbrium), переименованное почему-то в Mare Tenebrarum (Море Тьмы или Мрака). Как поэт и как философ, не чуждый диалектике, Линник предполагает, что Волошин поменял название для того, чтобы расположенное рядом Море Ясности получило как антипод Море Мрака. В этом же образном ряду рассматриваются антиномические и оксюморонные конструкции, обильно представленные в тексте волошинского венка: «мятежный князь Зенита и Надира», «двойные знаки пламени и льда», «ты жадный труп отвергнутого мира», «бескрылый взмах одной безмерной воли».

6. Как уже отмечалось, Луна, будучи вдрызг отработанным поэтизмом, превратилась не только в клеймо или тавро на вороном крупе ночного неба, но и в досадный штамп, «заброшенный артефакт». Волошин решительно оживляет его, сопоставив с низвергнутым «в бездну бездн» Денницей-Люцифером и получив в результате «ошеломительный образ»:

И, остов недосозданной вселенной, –
Ты вопль тоски, застывший глыбой льда!
[Волошин, 1995, *190*]

Линник описывает эффект его воздействия со знанием дела: «Будто вместе с поэтом мы заглянули в творческую мастерскую демиурга». В самом деле, недоумевает он, или «ему тоже знакомо недовольство собой?» и «Луна забракована им как неудачный набросок?» Возможно, это отчасти и так, «но в этом своем преломлении она обретает для нас особую экзистенциальную притягательность».

Если на Луну еще и можно, слегка оторопев, взглянуть как на неудачный набросок Вселенной, то «Lunaria» Волошина – в высшей степени адекватный, если не сказать конгениальный ее поэтический образ, в котором благодаря резонансу физического и психического полей воссозданы все возможные сферы бытия – и литосфера, и гидросфера, и биосфера, и, добавим от себя, ноосфера Вернадского; поэту удалось, кроме того, передать ощущение сомнамбулического транса, охватившее его до и в процессе творчества, характерное, впрочем, и для восприятия произведения.

ЛИТЕРАТУРА

Волошин Максимилиан. Стихотворения и поэмы. СПб., 1995. 704 с.

Линник Юрий. ΣΤ‘ΕΦΑΝΟΣ. Венок сонетов. Петрозаводск: Verso, 2014. 340 с.

Чижевский А.Л. Стихия тьмы. URL: https://45ll.net/aleksandr_chizhevskiy/stikhiya_tmy.html?ysclid=lhtyggpi9q310752741 (дата обращения: 19.05.2023).

O.I. Fedotov
Doctor of Philology, Professor,
Chair of Russian Classical Literature,
Moscow State Pedagogical University
Moscow, Russia

Poetological Essay by Yuri Linnik «Somnambulistic» about the Wreath of Sonnets by Maximilian Voloshin «Lunaria» (an Attempt at an Adequate Interpretation)

Yuri Linnik's talent harmoniously combined a deep philosophical understanding of the universe with the virtuosity of its poetic embodiment in the most complex genre-strophic form of sonnet associations. He created a fantastic number of wreaths of sonnets impeccable in their ideological and artistic merits – 651. The poet used to publish his works accompanied by original author's comments written in the stylistic manner of Socrates, Nietzsche and Viktor Shklovsky. A special group of his works are poetological essays, which also include conceptual reflections on two pioneer wreaths of Maximilian Voloshin's sonnets «Corona Astralis» and «Lunaria», consonant with their main pathos of a significant part of his own stephanism. One of them is presented in this publication with adequate comments. Another, dedicated to «Corona Astralis», as we hope, will be published by our Kazakh colleagues.

Key words: *Yuri Linnik; stephanistics; «Somnambulistic»; Maximilian Voloshin; wreath of sonnets «Lunaria».*

REFERENCES

Voloshin Maksimilian. Poems and poems [Stihotvorenija i pojemy]. St. Petersburg, 1995. 704 p. (in Russian).

Linnik Jurij. ΣΤ'ΕΓΑΝΟΣ. A wreath of sonnets [ΣΤ‘ΕΓΑΝΟΣ. Venok sonetov]. Petrozavodsk: Verso, 2014. 340 p. (in Russian).

Chizhevskij A.L. The Element of darkness [Stihija t'my]. Available at: https://45ll.net/aleksandr_chizhevskiy/stikhiya_tmy.html?ysclid=lhtyggpi9q310752741 (accessed on 19 May 2023) (in Russian).

Ш.Р. Кешфидинов

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

Э.Ф. Шафранская

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

Московский городской педагогический университет
Москва, Россия

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2023-64-4-19-38

АРМЯНСКАЯ КОШЕНИЛЬ И КРАСНЫЙ ЦВЕТ АРМЕНИИ В РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ[1]

Ключевые слова: *Армения; красный цвет; кошениль; О. Мандельштам; русская поэзия об Армении; армянский текст русской словесности.*

На материале русских поэтических текстов (Б. Пастернак, Ф. Сологуб, О. Мандельштам, Н. Кончаловская, П. Антокольский, И. Снегова, П. Пьяных, Л. Шахвердян) и прозаических (Б. Кузин, О. Мандельштам, Ю. Карабчиевский, М. Сарьян, В. Гроссман) рассмотрен генезис красного цвета, выступающего в роли паттерна «армянского текста русской литературы». Предмет статьи – связь инсектного кода, представленного в дискурсе, с красным цветом. Проведенная на основе историко-культурного подхода аналитика опирается на биографический, квантитативный методы, а также на лингвистический анализ текста. В существующих с недавних пор работах, выявляющих паттерны «армянского текста», не упоминается связь кошенили и метафорики красного цвета, обнаруженная в настоящей статье. Полученные выводы обогащают культурно-филологический концепт, заключенный в рамки «армянского текста», и расширяют поэтический контекст биологического организма, упоминаемого в стихах русских поэтов. В статье представлен дополнительный (к уже существующим) ракурс в аналитике стихотворения О. Мандельштама «Внутри горы бездействует кумир...»: образ кумира встроен в экфрастический скульптурный ряд с мифологическим Големом.

В архивной прозе Натальи Громовой, посвященной литературной и бытовой повседневности 1930-х годов, не раз отмечается бесцветная одежда соотечественников: летом – «сплошь вещи слепящего белого цвета; белые

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00339 «Электронный ресурс “Армянский текст русской поэзии”: репрезентация локального текста русской литературы».

платья, белые штаны, белые кепки, белые бумазейные туфли, белые шляпки и белые косынки. Белый цвет говорил об отсутствии красок, отсутствии химической промышленности» [Громова, 2013, *144*].

Такую оптику задал человек «со стороны» – французский писатель Андре Жид, посетивший СССР в 1936 году: «Летом почти все ходят в белом. Все друг на друга похожи. <…> Несомненно, то же самое обнаружилось бы в умах, если бы это можно было увидеть» (цит. по: [Громова, 2006, *235*]).

Дефицит цветных красителей, ориентированных на нужды простых людей, отмечен и в литературных текстах XIX века. Так, Николай Каразин, открывавший для себя и для русского читателя только что завоеванный Туркестанский край, подробно описал деятельность местных красителей-кустарей: в доступности была только одна краска – синяя, но не в промышленных масштабах (промышленности просто не было), а в частной деятельности людей конкретной этнической общности – среднеазиатских евреев, или бухарских евреев (см.: [Шафранская, 2019, *576–577*]).

Приехавшая в 1930-е годы в Узбекистан художница Елена Коровай так же, как и Каразин несколько десятилетий раньше, была впечатлена евреями-красильщиками и написала картину «Кустари-красильщики» (1933). В XX веке ничего не изменилось, краски были по-прежнему в дефиците. На картине изображены красильщики, их руки словно в перчатках цвета индиго, в тот же цвет окрашены их тела и лица (см.: [Шафранская, 2020a]). Старожилы Самарканда до сей поры помнят красильщиков, в повседневности их называли *кабудгари*. Выражение «пойти к еврею» означало «пойти окрасить изделие, ткань или пряжу в синий цвет» [Назарьян, 2004]. «Бухарские красильщики подобны скульптурам в нишах – непроницаемым, замершим, загадочным. <…> Терпеливая сила людей, изо дня в день делающих свое дело» [Ройтенберг, 2008, *388*], – так встраивает Ольга Ройтенберг картину Коровай в полиэтнический мир Средней Азии.

Краски, участвующие в рождении цвета для рукотворных изделий и артефактов, были в крайнем дефиците до середины XX века. «…Бабы гонят краску мариону из квасцов с березовыми листьями» [Мандельштам, 1991b, *162–163*], – пишет О. Мандельштам, а почти за два века до него поиском красителей обеспокоен М.В. Ломоносов, он обращается в Коммерц-коллегию с просьбой позволить вести отечественные изыскания по замене привозимой из Германии марионы (см.: [Ломоносов, 1745]). Природное происхождение красителей (растительное или животное) было связано с транспортировкой из-за рубежа и сложным процессом окрашивания. Так, индиго поставляли по Великому Шелковому пути из Индии в города Мавераннахра – Бухару и Самарканд.

Кошениль. Издревле, по утверждению ученого И.Х. Гамеля, единственным источником красного красителя была кошениль, упоминаемая в Ветхом Завете, а также в более древних памятниках (см.: [Гамель, 1835]).

Араратская кошениль со временем «вышла из употребления» из-за «несчастных политических оборотов, коим подвергалась Армения в течение многих столетий» [Гамель, 1835, *22*]. Ее заменил распространенный в разных точках Азии и южной Европы древесный кермес, а затем корневая кошениль, обитавшая в Польше, Германии, Украине, Беларуси, Сибири. Кошениль – это червь, или червец. Именование красного цвета во всех славянских языках (червонный, червленый и проч. огласовки) происходит от *червя*. Июнь, месяц красной «активности» кошенили, у украинцев и белорусов называется червень, у поляков – червец. Н.М. Карамзин ошибочно возводил эти именования июня к урожаю красных плодов и ягод, считает Гамель (см.: [Гамель, 1835, *28*]).

К XX веку в России не было красителей в красный цвет, пригодных для масштабного производства. Специалист по поиску источника красной краски, стоявший у истоков этого процесса в СССР, Б.С. Кузин пишет [Кузин, 1999, *153–179*] о натуральном источнике красной краски, пригодной в том числе и для пищевой промышленности, – это насекомое, червец-кошениль. К XIX–XX векам червеца добывали в Мексике, а оттуда завозили в страны Европы – так было до начала 1930-х годов. Пищевое ведомство СССР решает сократить импортные поставки кошенили и найти отечественные источники: в 1929 году в Армению командируется ученый-энтомолог Московского университета Борис Сергеевич Кузин с целью найти червеца и описать этапы его жизнедеятельности. Речь шла об араратской кошенили. Б.С. Кузин вспоминает: «Из одной небольшой монографии начала прошлого столетия я узнал, что кармин, добывавшийся из этой кошенили, употреблялся в качестве краски для печати католикоса, а также для иллюстрации и украшения заставок рукописных книг. Но главное – в этой книжке было указано кормовое растение араратской кошенили и названы селения в долине Аракса, близ которых ее собирали. Я ответил, что могу попытаться найти эту кошениль, определить ее запасы и выяснить, возможно ли ее добывать в промысловом количестве. Финансировать возрождение древнего промысла из патриотических соображений согласился Совнарком Армении. В начале сентября 1929 г. я с Н.А. Емельяновой (энтомологом) и Н.Т. Кахидзе (ботаником) выехал в Эривань. Кошениль мы нашли, и два последующих года я занимался ею в Армении, а в 1930 г. нашел другого содержащего кармин червеца также и в Средней Азии» [Кузин, 1999, *157*].

Монография, о которой упоминает Кузин, – это исследование И.Х. Гамеля (1788–1862), российского ученого, химика и медика, уроженца немецкой колонии Сарепта в Российской Империи.

Подобная историческая справка, казалось бы, не имеет отношения к литературе – однако имеет, и прямое. Цель и задачи командировки Кузина нашли прямое отражение в биографии и творчестве Осипа Мандельштама.

Осип Мандельштам и Борис Кузин. «Путешествие в Армению» Осипа Мандельштама подробно повествует о знакомстве поэта с «кошенилеведом» Кузиным. В мандельштамовском травелоге также представлен философский этюд о цвете, красках:

– о рецептивной и рефлексивной черте цвета: «Саламандра ничего не подозревает о черном и желтом крапе на ее спине. Ей невдомек, что эти пятна располагаются двумя цепочками или же сливаются в одну сплошную дорожку, в зависимости от влажности песка, от жизнерадостной или траурной оклейки террария. Но мыслящая саламандра – человек – угадывает погоду завтрашнего дня, – лишь бы самому определить свою расцветку» [Мандельштам, 1991b, *146*];

– об ассоциативной компоненте цвета: «…кирпичный колорит москворецких закатов, цвет плиточного чая приводил мне на память красную пыль Араратской долины» [Мандельштам, 1991b, *146*];

– о структурирующих возможностях цвета: «…Цвет не что иное, как чувство старта, окрашенное дистанцией и заключенное в объем» [Мандельштам, 1991b, *159*];

– о красном цвете – не называя его, но подготавливая читателя, рассказчик травелога как бы собирает все россыпи красного по Армении и окрестностям:

«Еще в прошлом году на острове Севане, в Армении, гуляя в высокой поясной траве, я восхищался безбожным *горением маков*. <…> Я позавидовал детям. Они ретиво охотились за *маковыми крыльями* в траве. <…> Однажды в Абхазии я набрел на целые россыпи северной *земляники*. <…> Крестьяне мотыжили *красноватую сладкую землю*, подготовляя луночки для ботанической рассады. То-то я обрадовался *коралловым деньгам* северного лета» [Мандельштам, 1991b, *150*];

«На балкончике вы показали мне персидский пенал, крытый лаковой живописью цвета *запекшейся с золотом крови*. <…> Затем, снова уйдя в ореховый сумрак квартиры Тер-Оганьянов, вы возвратились с пробиркой и показали мне кошениль. *Красно-бурые горошины* лежали на ветке» [Мандельштам, 1991b, *151–152*].

Все лексемы, выделенные нами курсивом, – эстетическая и экзистенциальная метафорика кошенили – красного символа Армении.

«Вы» – адресовано Борису Кузину, который не только открыл для Мандельштама кошениль, но и настроил оптику поэта на красный регистр.

Кузин после этой ереванской встречи стал другом Мандельштама до последних дней – его читателем, слушателем, почитателем. Вспоминает Б.С. Кузин:

«Отношения близкой дружбы у нас установились даже не быстро, а словно мгновенно. <…> И с первого до последнего дня нашего общения каждая наша встреча состояла из смеси разговоров на самые высокие темы

<…> шуток и хохота даже при самых мрачных обстоятельствах» [Кузин, 1999, *165*];

«…Дружба связывала О.Э. и со мной. Думаю, он понимал, что в моем отношении к нему проявлялась не только оценка его как поэта, но в равной мере любовь к нему самому» [Кузин, 1999, *170*].

Юрий Карабчиевский. В повести Юрия Карабчиевского «Тоска по Армении» (1978), впервые опубликованной во Франкфурте-на-Майне в журнале «Грани» (1980. № 116. С. 38–183), а в СССР – только в перестроечном 1988-м в «Литературной Армении» (№ 7–8), рассказчик выстраивает сюжет своего путешествия в виде палимпсеста, накладывая свое восприятие Армении на мандельштамовское. По тем временам, когда создавалась «Тоска по Армении», в режиме советской цензуры, такая сюжетная рецепция Мандельштама и рефлексия по его поводу были недопустимы. Наперекор идеологии Карабчиевский подробно идет по следам путешествующего Мандельштама, в частности, он ищет ту самую мечеть в центре Еревана, куда забрел в начале 1930-х Мандельштам, он завязывает диалог с одним из сотрудников музея, который образовался на месте мечети, напоминает «бритому старику» события, описанные в «Путешествии в Армению», «имена-пароли-явки»:

«А знаете, в этом дворике...

– Кузин? – переспрашивает он. – Нет, не знаю. Ах, которому посвящено... Так, и что же? Зотов? Помню, конечно, помню. Энтомолог, кошениль, теория Гурвича. У Мандельштама о нем довольно много. Так, значит, Борис Сергеевич Кузин. И в этом дворике. Нет, не сомневайтесь, другой мечети в Ереване нет» [Карабчиевский, 1991, *243*].

Так Зотов или Кузин? Карабчиевский называет Кузина «загадочным Зотовым».

Дело в том, что Карабчиевский цитирует в «Тоске по Армении» текст «Путешествия в Армению», напечатанный в журнале «Звезда» за 1933 год, в котором нет *Кузина*, но есть *А.Б. Зотов*, чаще упоминаемый как *А.Б.*, а один раз даже *Андрей Борисович* [Мандельштам, 1933, *112*], тоже энтомолог, тоже охотник за кошенилью.

Можно сказать, что первым вскрыл это историческое и фактическое несоответствие именно Карабчиевский в «Тоске по Армении». При этом во второй публикации мандельштамовского «Путешествия» в «Литературной Армении» в 1967 году (где в предисловии Геворг Эмин пишет: «По несчастному стечению обстоятельств, современному читателю мало известен Осип Мандельштам – один из самобытных и интересных русских поэтов XX века» [Мандельштам, 1967, *82*]) уже нет Зотова, но нет и Кузина, а только его инициалы – *Б.С.*, и без комментариев (см.: [Мандельштам, 1967, *88–91*]). А уже вслед за этой публикацией, почти три десятилетия спустя, в первом неподцензурном собрании сочинений О.Э. Мандельштама (1991) появляются комментарии мандельштамоведов:

«…Примечательно то, что часто имена заменялись в “Звезде”, очевидно, не автором, а редакцией журнала, по чисто политическим соображениям: имена опальных или уже осужденных и репрессированных лиц заменялись другими. <…> Начиная со стр. 148 нашего текста часто встречается Б.С.К., или просто Б.С., то есть Борис Сергеевич Кузин <…> В “Звезде” вместо него назван А.Б. Зотов. Ведь как раз во время публикации в “Звезде” “Путешествия в Армению” Б.С. Кузин был арестован органами ГПУ» [Мандельштам, 1991b, *600*].

В биографической справке Б.С. Кузина сказано: «Галина Сергеевна Кузина рассказывала, что после первого ареста Бориса Сергеевича (в 1932 г.) Мандельштам, придя к его близким на Якиманку, бегал в смятении по комнате, повторяя: “Я пойду к ним туда. Я скажу им, что без него не могу. Я стихов не могу писать!”» [Кузин, 1999, *756*].

Арест Кузина (о котором он сам пишет в своих воспоминаниях: больше месяца пребывал в застенках ГПУ [Кузин, 1999, *172*]) как раз совпал с публикацией в «Звезде». Именно этим своим краткосрочным опытом заключенного Кузин, по возвращении из ГПУ, поделился с Мандельштамом: по рассказам Надежды Яковлевны, когда она приехала на свидание с мужем, увидела его руки забинтованными в запястьях. Он пытался перерезать вены, пронеся в камеру лезвие «Жиллет». Задолго до ареста Мандельштам услышал от освободившегося в 1933 году Кузина, что в камере часто не хватает ножа или лезвия. Впечатленный такой деталью, Мандельштам воспользовался услугами знакомого сапожника, который спрятал в подошве его ботинок лезвие [Мандельштам, 1991b, *598*].

«…Прекрасный знаток и толкователь Баха, и вообще – удивительный человек. Он не только познакомился здесь с Мандельштамом, он отныне стал его другом, и, по-видимому, самым близким. Пресловутая кошениль явилась перекрестьем и общей точкой рассказа Мандельштама о Кузине и более поздних воспоминаний Кузина о Мандельштаме» [Карабчиевский, 1991, *240*], – так сводит воедино аргументы и факты истории Карабчиевский в «Тоске по Армении».

«Перекрестье» с мандельштамовским текстом об Армении уникальным образом обнаруживается и в творчестве современного писателя Хамида Исмайлова – в метакодах его транскультурных текстов, в которых армянский текст Мандельштама выступает связующим звеном межъязыковой идентичности русских и *других* – именно это, по словам Г.Т. Гариповой, отразилось в статье Х. Исмайлова «Календарь Москвы заражен Кораном…», в которой автор повествует о своем сне: будто бы Осип Мандельштам только что вернулся из поездки в Армению и что-то рассказывает ему, а за его спиной в дверном косяке – тревожная Москва 30-х, марширующие военные. Мандельштам читает строки неизвестного поэта, и от красоты этой

поэзии повествующий просыпается. Далее Исмайлов сообщает, как выяснил у друга-тюрколога, что эти стихи принадлежат Надыму, турецкому поэту Эпохи Тюльпанов (XVIII век), задумался, почему еврей с подачи армян открыл ему, тюрку, Надыма и попенял на подсознание, которое скомбинировало из *М-Н-Д* – Мандельштама, уподобив эти буквы *Н-Д-М* – Надыму [Гарипова, 2018, *82–83*].

Метафорика кошенили в русской поэзии. Исследователь Г.Т. Гарипова, упоминая *блоху* Лескова, *таракана* Чуковского, *клопа* Маяковского, *вшей* Ю.М. Лотмана и Л.Я. Гинзбург, *умную блоху* В.Г. Сорокина и проч. насекомых в рассуждениях о семиотике литературы, возводит этот ряд насекомых к *инсектному коду* русской литературы, в ее экзистенциальный вектор [Гарипова, 2021а, *410–411*]. Посмотрим, как вписывается в этот инсектный код *кошениль* русской поэзии.

Борис Пастернак «Послесловье» (1917)

Нет, не я вам печаль причинил.
Я не стоил забвения родины.
Это солнце горело на каплях чернил,
Как в кистях запыленной смородины.

И в крови моих мыслей и писем
Завелась кошениль.
Этот пурпур червца от меня независим.
Нет, не я вам печаль причинил.
<…>
[Пастернак, 2003, *160*]

Не случайно знаток кошенили, энтомолог Б.С. Кузин, сказал, что Пастернак написал эти строки грамотно, со знанием дела [Кузин, 1999, *162*]. «Знание дела», как нам думается, было почерпнуто Кузиным у Гамеля: «Араратская кошениль вылупляется из коконов в июле месяце. Она проводит большую часть времени под землею; но когда утром солнце начинает согревать почву земли, то она выходит на поверхность. В иных местах появляется такое множество сих красных самок кошенили, что земля представляет как бы ковер, испещренный красными узорами, коих вид от движения червей беспрестанно изменяется. (Копыта лошадей в сие время года часто бывают красными от растоптанных в большом числе червей кошенили)» [Гамель, 1835, *6*].

Лирический герой Пастернака не считает себя источником печали своей *адресатки.* По словам М. Гаспарова, «герой и героиня растворялись в природе, сливались с ее космосом, и этим самым оба свободны от нравственных упреков» [Гаспаров, 2008, *141*]. И тут удачно появляется метафора – кошениль, которой свойственно появляться в означенный для ее развития момент: пригрело солнце – вышла на свет кошениль (*завелась*), приобретя свой искомый цвет – только в этот короткий период она, наконец,

обладает бесценным цветом пурпура. Так сложной, иррациональной метаморфозе чувств поэт находит экзистенциальное безысходное обоснование. Завелась кошениль – вспыхнула страсть, нарастание чувства отражено в цветовой гамме природных деталей, в градации-усилении красного цвета: это «солнце горело на каплях чернил, / Как в кистях запыленной смородины», «Целовал вас, задохшися в охре», «Это – запад, карбункулом вам в волоса / Залетев и гудя, угасал в полчаса, / Осыпая багрянец с малины и бархатцев» [Пастернак, 2003, *160*]. От светло-красно-розовой смородины через желтую охру чувство-цвет превращается в карбункул: одновременно уголек и гранатовый камень, густо-темно-красного цвета.

«Из каких литературных текстов Пастернак 17-го года мог узнать о кошенили – неизвестно, может быть, она цитируется где-то во французской декадентской поэзии? Кошениль и пурпур червца – это одно и то же, названо по-разному» [Гаспаров, 2008, *142*], – пишет М. Гаспаров. Возможно, Б. Пастернак, как и Б. Кузин, прочитал книгу Гамеля.

Федор Сологуб «На минуту приходила…» (1923)

На минуту приходила,
На минуту разбудила,
Унесла мое кольцо,
Улыбаясь, подарила
Мне пасхальное яйцо,
Ничего не говорила,
Только вспыхнуло лицо.

Кровь пасхальной кошенили
Также алою была.
<…>
[Неизданный…, 1997, *133*].

В лирическом сюжете Ф. Сологуба воспроизведен какой-то иномирный ритуальный потлач: «Мир иной на миг явился». «Кровь пасхальной кошенили» звучит зловеще, суля разлуку (*унесенное кольцо* – из этого же ряда). По совокупности деталей можно предположить, что лирический герой находится в агонии, в бреду, в своих метаниях он уронил градусник, который, вероятно, был поставлен доктором для замера температуры: «Ртутный шарик покатился / Из осколков на полу, / И, колеблясь, обкрутился / В синеватую золу» [Неизданный…, 1997, *133*]. Эти детали – осколки, ртуть (в алхимии символизирующая изменчивое женское начало) – предвестники беды, завершающейся аккордом: «А на меди пред камином / Тлеет алая тесьма».

И у Пастернака, и у Сологуба кошениль символизирует предельное выражение чувств, оборачивающихся экзистенциальной безысходностью.

Оммажем сологубовскому *красному / алому цвету* выглядит стихотворение современной поэтессы Лианы Шахвердян «Красное»: «Мир маленький, стеклянный… / Солнце за стеклом / глядит. / Множество солнц / одно – / красное, / соскальзывает с уставшего лица дня / и скатывается в

безвестность. // Деревья – / верные стражи, / своей наготой заслоняющие цвет, / кромсают ветками закат, / цепляясь за ночь объятиями поцелуев… // Цвет поглощается. / Все выстраивается в слово длинное… // А за движением – тишина, / за тишиной – мечта, / за мечтою – крик, / за криком – страх, / за страхом – судьба, / за судьбой – желание, / за желанием – предел, / за пределом – смерть, / за смертью – цвет – / красный… / ласкающих отливов твердь / в беззвучном отсвете желания / <…>» [Шахвердян, 2015, *67*].

Осип Мандельштам «Внутри горы бездействует кумир…» (1936)

<…>
Когда он мальчик был и с ним играл павлин,
Его индийской радугой кормили,
Давали молока из розоватых глин
И не жалели кошенили.

Кость усыпленная завязана узлом,
Очеловечены колени, руки, плечи,
Он улыбается своим тишайшим ртом,
Он мыслит костию и чувствует челом
И вспомнить силится свой облик человечий.
[Мандельштам, 1991а, *227*]

Об интер- и метатекстуальных аллюзиях, которые продуцирует мандельштамовский кумир, пишет Л. Панова: «Внутрь фигуры Критского старца, бесспорного подтекста ВГБ (Внутри горы бездействует. – *Ш. К., Э. Ш.*), помещены самодержавные выходцы из других времен и народов. С русской стороны это Сталин, Ленин, Петр I и Кощей. А с древневосточной – колоссальные статуи Навуходоносора (из 2-й и особенно 3-й главы книги Даниила) и колоссы Рамсеса Великого из так называемого Абу-Симбелского храма» [Панова, 2020, *177*].

Псевдоантропоморфный гротесковый образ кумира, бездействующего обитателя горы, представлен в чертах предельных и гипертрофированных: он получил всего сполна – рос в холе и неге, все красоты мира и богатства были доступны ему – для него «не жалели кошенили»! В этом контексте *кошениль* метафоризирует все лучшее, редкое, дорогое. В итоге счастье оказалось миражом: «ожерелий жир», «мыслит костию», «чувствует челом» – вожделенный в пору юности «облик человечий» навсегда утрачен. Таков, возможно, удел кумиров и властителей. Такова притчевая интенция этого стихотворения.

«Созданный мандельштамовским воображением герой вообще насквозь антитетичен: он то ли сверхчеловек, то ли недочеловек; то ли “наш”, то ли “чужой”; то ли жив, то ли мертв. Риторически ВГБ вступает в полемику с культом советского вождя-сверхчеловека, который хотя и мертв, но все равно живее всех живых» [Панова, 2020, *162*].

В статье М.Б. Мейлаха, посвященной мифопоэтическому анализу этого стихотворения, вектор мифореконструкции кумира восходит не

только к образу Сталина – в контексте мандельштамовской лирики и атмосферы 1930-х годов, но и к культурному герою, бытовавшему в мифологии ряда кавказских и других восточных народов. В аналитике Мейлаха этот кумир амбивалентен: с одной стороны, это «очеловеченный камень» [Мейлах, 1990, *420*], с другой – «окостеневший человек» [Мейлах, 1990, *420*]; и еще одна оппозиция: с одной стороны, кумир – восточный деспот, с другой – просветитель [Мейлах, 1990, *423*].

Мейлах, подробно раскрывая каждую метафору этого стихотворения, не замечает кошенили. Именно кошениль подвигла, как нам кажется, других исследователей, Г.Г. Амелина и В.Я. Мордерер, увидеть в упомянутой стати кумира-просветителя неожиданную метонимическую деталь – книгу: «Все богатство оправленных в кожу, серебро, драгоценные камни и иллюминированных фолиантов, раскрашенных миниатюр, виньеток, заставок и концовок, передано яркостью павлиньего хвоста, гастрономической роскошью “индийской радуги” старинного державинского застолья-пира и, наконец, той самой кошенилью, которой кормить можно только книгу» [Амелин, Мордерер, 2001, *285*]. Вот этот факт, упрятанный в метафору («кормить только книгу»), можно оспорить со ссылкой на Гамеля, который пишет, что кошенилью издревле красили шерсть для ковров и ткани [Гамель, 1835, *21*], а также, по его словам, на Московской выставке в самой почетной комнате были представлены окрашенные кошенилью шелк и шерсть [Гамель, 1835, *38*]. Тем не менее неожиданное прочтение «кумира»: «Кумир, покоящийся внутри горы, – книга в переплете, том» [Амелин, Мордерер, 2001, *283*]. Вплетая свое открытие в контекст мандельштамовского стихотворения, авторы этой версии пишут, что «бездушный истукан» превращается в «веселого собеседника», когда приходит читатель. Но «веселья» в этом стихотворении как-то не заметно. «…Книга – это такой дом, где все бездействует и спит, покуда не придет гость – читатель…» [Амелин, Мордерер, 2001, *284*].

Одна из портретных деталей кумира – «ожерелий жир», или просто «жир». Самый известный кошенилевед XIX века И.Х. Гамель не раз упоминает одну помеху в идеальном окрашивании кошенилью – это жир. Он описывает несколько ставших уже историей способов избавиться от него, предложенных за все время исследования кошенили. Так, он пишет о «способе умерщвления червей и удаления из оных вредного для крашения жира» [Гамель, 1835, *22*], о «способе для очищения червеца от жира, состоявшем в том, что червеца должно бросать на четверть часа в горячую воду и потом класть оный в подогретый песок, накрывая глиняною тарелкою» [Гамель, 1835, *34*] и о др. способах. С уверенностью можно говорить, что и Мандельштам прочитал эту «монографию», упомянутую Кузиным, так как кошениль его весьма впечатлила, а Кузин поделился проблемной зоной кошенили. Кумира кормили кошенилью, а значит ее жиром, делая деяния кумира бесплодными и бесполезными.

Необходимо упомянуть еще одну грань «кумира», отмеченную Мейлахом вслед за Н.Я. Мандельштам, – он имеет черты Будды [Мейлах, 1990, *424*], статуи, сотворенной, взращенной неким разумом, неким «тьютором», или Высшим началом, – примерно так, как когда-то пражским раввином был сотворен во спасение евреев Голем (см.: [Шафранская, 2020b, *151*]). Предлагаем расширить и эту метафору, и саму концепцию стихотворения.

Экфрасис. «…Мандельштамовский кумир представляет собой даже не иероглиф, а пиктограмму верховной власти, оконтуривающую разные истории как далекого прошлого, так и настоящего» [Панова, 2020, *174*]. Мы добавим: «бездействующий кумир» выполнен посредством скульптурного экфрасиса. Как известно из культурного метатекста, первым скульптором, работавшим с глиной, был ветхозаветный бог. Человек был слеплен из глины. Более того, ветхозаветному нарративу, судя по разысканиям Д.Д. Фрэзера, предшествуют космогонические предания и легенды, существовавшие практически во всех частях света (см.: [Фрэзер, 1985, *13–28*]). В эту типологическую парадигму встраивается пражско-еврейский сюжет о глиняном существе-человеке Големе, ставшем персонажем множества литературных текстов, а также мандельштамовский кумир из горы. Вот его портрет: «с шеи каплет ожерелий жир», «кость, завязанная узлом», «колени, руки, плечи» как у человека, «широкий рот». И далее – субъективная рецепция создателя портрета: «мыслит костию», а не мозгом [Мейлах, 1990, *423*], «чувствует челом» (а не органами чувств) [Мейлах, 1990, *423*]. Чудовищный монстр, призванный к жизни высшими силами, взращенный заботой для благих целей – ровно как Голем. Не оправдавший возложенной на него миссии, Голем был рассыпан, превращен в гору глины – так же и кумир, вскормленный индийской радугой и кошенилью, не оправдал ожиданий высших сил и, обездвиженный и лишенный чувств, заточен в гору. Именно метаморфозу, случившуюся с кумиром, имеет в виду и Н.Я. Мандельштам: «…проходят как бы возрасты человека, основные его состояния – младенчество, отрочество (“Когда он мальчик был”), постепенное окостенение и конец – кумир и памятник» [Мандельштам, 1990, *272*].

Марина Пьяных «Зимняя вишня» (2021)

Нараспашку пальто осеннее,
На лице – водяная пыль…
Ах, какое смешное везение –
Разводить в стихах кошениль!

Обманул меня город ласковый –
Дал билетик в один конец:
Обделил теплотой и красками,
И остался один червец…
<…>
[Пьяных, 2021]

В стихотворении Марины Пьяных лирическая героиня лишена мистически-экзистенциального взгляда на жизнь, она воспринимает происходящие с ней перипетии легко и небезнадежно. «Обманул меня город ласковый» – город безымянный. Смеем предположить (по ассоциативной аналогии: кошениль – армянская кошениль), что этот город – Ереван, в контексте – чужой, неродной город: «Жить на птичьих правах – не убыточно». Героиня пережила большое чувство, однако оно оказалось обманутым: «И остался один червец…». Характерно, что из лексически-словарной формулы «кошениль – это червец» выпадает кошениль, вероятно, в подтексте за этим словом стоит любовь. Героиня «выболела багрецом» (багрец – красный цвет, густой, темный), превратившись в «зимнюю вишню» (замороженный продукт). Для нее этот переход лишен безысходности: «Впрочем, быть на болоте лишнею – / Не такая уже беда». А в самих поэтических строках кошенилью заменено слово «канитель» в устойчивой языковой единице «разводить канитель», то есть не случилось ничего смертоносного, а просто рутинная история.

Возвращаясь к инсектному коду русской литературы, стоит отметить, что, во-первых, кошениль русской поэзиилишена того корпуса антиэстетичных признаков и функций, о котором мы упоминали выше [Гарипова, 2021a, *410–411*], а также «экзистенциального отчаяния» [Гарипова, 2021b, *604*], во-вторых, образ кошенили стоит особняком среди прочих насекомых и его функциональность прочитывается в высоком регистре – высокое чувство, трагическая кода любви, божественное яство – аналог амброзии. И, в-третьих, кошениль можно считать и амбивалентным образом, тогда он вписывается в концепцию инсектного кода упомянутой исследовательницы. Так, Л. Панова в этой божественной пище усматривает, с одной стороны, «диету кумира», с другой – «царственную мертвечину»: «Где черви, там и мертвечина» [Панова, 2020, *169*].

Красный цвет и армянский текст. Исследователи армянского текста в стихах русских поэтов И.В. Романова и Л.В. Павлова, опираясь на квантитативный метод, пришли к выводу, что главным цветовым маркером поэтического образа Армении в русской поэзии стал синий цвет. «Его функционирование в армянском тексте не совпадает ни со среднестатистическими ассоциациями, сопровождающими этот цвет, ни с его национальной символикой в армянской культуре» [Павлова, Романова, 2022, *3737*].

Мы пошли по следам наших коллег, желая выяснить, с каким же цветом ассоциируется собственно Армения в сознании русскоязычной публики. На наш вопрос, заданный в одной социальной сети, большинство ответов сошлось на красном цвете (или цвете граната) (34%). Близкие по цветовой гамме ответы распределились следующим образом: розовый туф (17%), охра (14%), оранжевый (14%), желтый (7%); остальные ответы были

единичными и не представляют интереса для настоящего исследования, однако могут стать предметом изучения другой статьи, это такие цвета: черный, зеленый, сиреневый, голубой, коричневый, белый, буро-песочный.

О чем говорят наши результаты и чем они отличаются от результатов наших коллег, где превалирует синий цвет? Их выборка – собственно поэтическая: таковой видится Армения русским поэтам. Наша – метатекстуальная: красный цвет преобладает в культуре, а значит среди анонимных выразителей армянского текста, который тиражируется не только поэтами, но и фольклорной действительностью, и, что важно, после трагедии 1915 года красный цвет доминирует.

Далее мы предлагаем небольшую подборку фрагментов из русских стихов с символическим присутствием красного цвета. В них не упоминается собственно кошениль. Однако в этом нет необходимости: символика кошенили метатекстуальна, она повсюду. Процитируем слова О. Мандельштама, которые в нашем контексте выполняют роль метафоры: «Когда дирижер вытягивает палочкой тему из оркестра, он не является физической причиной звука. Звучание уже дано в партитуре симфонии, в спонтанном сговоре исполнителей, в многолюдстве зала и в устройстве музыкальных орудий» [Мандельштам, 1991b, *164–165*].

Знание о кошенили, символе красного цвета, с его экзистенциальной интенцией заложено в контексте и метатексте процитированных ниже стихотворных и прозаических строк (все контекстуально значимые лексемы выделены курсивом авторами статьи).

Фрагменты из поэтических сборников современной поэтессы Лианы Шахвердян, тбилисской армянки, пишущей на русском языке:

«…заложница сироты-судьбы, / <…> вплетала снежно-нежно / белыми руками-лебедями / в распущенные волосы / первые подснежники, / утомляя тягучее чувство вины / омертвевшего тела / атомами *красного* вина – / крови Спасителя…» [Шахвердян, 2018, *10*];

«Я ем – я есмь. / *Кровь* моя – кров мой! / Потому, / смакуя мякоть / майских *вишен*, / поглощаю *красный цвет* – / в свой первый вздох, / поглощаю *красный цвет* – / в свой последний…» [Шахвердян, 2018, *116–117*];

«Из темной ночи – белый снег, / из белого снега – *красные цветы*, / из *красных цветов* – пепел забвения… // Какого цвета забвение?» [Шахвердян, 2022, *15*].

Эти фрагменты свидетельствуют об экзистенциальном значении красного цвета в армянской картине мира, что подтверждается взглядом художника, оптика которого заточена на цветовую палитру. Так, Мартирос Сарьян пишет: «Огромный огненный шар висел над горизонтом, небо покрывалось *багрянцем*. Склоны окрестных холмов окрашивались *золотисто-красным цветом*, который контрастировал с темной сине-фиолетовой окраской затемненных впадин. <…> Я очень любил наблюдать за небом,

особенно за грозовыми тучами, сверху светлыми, а снизу *красно-оранжевыми*, с которых свисали темные вертикальные полосы дождя» [Сарьян, 1985, *18–19*].

Далее приводим фрагменты из стихотворных и прозаических текстов сторонних наблюдателей – тех, которые открывали для себя Армению:

Наталья Кончаловская: «Телку девочка пасла, / Платье *красно, словно мак*» [Кончаловская, 1961, *52*];

Ирина Снегова: «Разбушевались краски, / Просто с ума сошли. / Тянет жаром от *красной, / Точно уголь, земли*» [Снегова, 1963, *26*] – вспомним «карбункул» Пастернака: здесь точно воспроизводится синонимичность угля / уголька и красного цвета;

Павел Антокольский: «Да, да. Во всем огромном мире / Я вспоминаю тебя одну, – / В свирепой каменной *порфире* / Сухую горную страну / <…> ность, 1978, *52–53*];

Василий Гроссман: «Скалы обрывисты, *красные,* черно-коричневые. <…> Мартиросян показывает мне *красные* отвесные камни и рассказывает, что здесь живут дикие пчелы» [Гроссман, 1988, *41*]; «Но вот из-под *красной* арки, ведущей в патриаршью резиденцию, вышел секретарь…» [Гроссман, 1988, *47*]; «Кум – это главнокомандующий свадьбы. У него на рукаве, как и у жениха, широкая *красная перевязь*» [Гроссман, 1988, *59*]; «На рукаве у него (жениха. – *Авт.*) *красная повязка*, как у дружинника, содействующего милиции» [Гроссман, 1988, *58*]; «Мать дала ей (невесте. – *Ш. К., Э. Ф.*), прощаясь, белую курочку, белую тарелку, *красное румяное яблочко*...» [Гроссман, 1988, *59*]; «Над каменными костями гор заходило солнце. <…> Дымный *красный свет* стоял над *красными камнями*. В этот час Арарат и библейский миф о нем казались сегодняшними» [Гроссман, 1988, *60*]. (Примеров можно привести множество, что при необходимости сделает исследователь «армянского красного цвета», обратившись, например, к стихам А.П. Кулебякина, Е.М. Николаевской, М.Л. Матусовского, А.И. Гитовича, И.А. Снеговой, О.Н. Шестинского, В. Константинова и др. поэтов.)

По сути, вывод проведенного исследования аналогичен предварительной гипотезе, сложившейся в фазе опроса носителей культурных стереотипов: один из паттернов армянского текста русской словесности – красный цвет.

* * *

В статье продолжена аналитика армянского текста русской словесности, начатая в таких статьях: [Амирханян, Павлова, Романова, 2020; Павлова, Романова, 2020; Павлова, Романова, 2022; Павлова, Романова, 2023; Шафранская, 2022a; Шафранская, 2022b; Шафранская, Кешфидинов, 2022], она вписывается в общий концепт локальных текстов (см.: [Гарипова, Шафранская, 2022]). От статьи к статье мы выявляем строительные паттерны армянского

текста, которые тиражируются в поэзии, прозе, устных нарративах – в итоге складывается информационный «кейс», свидетельствующий о наличии в русской культуре армянского текста. Наши суждения и аналитика могут стать алгоритмом для работы с другими паттернами как армянского текста, так и прочих локальных текстов. Паттерн *красный цвет* и входящий в него минипаттерн *кошениль* в таком ракурсе представлены впервые.

ЛИТЕРАТУРА

Амелин Г.Г., Мордерер В.Я. Миры и столкновенья Осипа Мандельштама. М.: Языки русской культуры, 2001. 320 с.

Амирханян М.Д., Павлова Л.В., Романова И.В. Реконструкция «армянского» текста в русской поэзии XX века (опыт компьютерного исследования) // Известия Смоленского государственного университета. 2020. № 2(50). С. 5–21.

Вечность. Русские поэты – Армении / сост. Г. Овнан. Ереван: Советакан грох, 1978. 198 с.

Гамель И.Х. Об араратской кошенили: Извлеч. из соч. акад. Гамеля, напеч. в Записках Имп. Акад. наук. М.: Тип. С. Селивановского, 1835. 46 с.

Гарипова Г.Т. Календарь Москвы: «Собрание утонченных» и пространство Лондона в метасознании Хамида Исмайлова // Genius loci в литературе, искусстве, культуре: сб. науч. ст. М.: Свое изд-во, 2018. С. 71–86.

Гарипова Г.Т. Принципы миромоделирования в русской прозе XX века (неклассическая парадигма художественности): дис. … д-ра филол. наук. Владимир, 2021a. 612 с.

Гарипова Г.Т. Художественное проектирование культурфилософских миромоделей «библиоклазма» в современной литературе (на материале романа В. Сорокина «Манарага») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021b. Т. 14, № 3. С. 602–607.

Гарипова Г.Т., Шафранская Э.Ф. Локальные тексты в русской литературе. М.: Юрайт, 2022. 109 с.

Гаспаров М.Л., Подгаецкая И.Ю. «Сестра моя, жизнь» Бориса Пастернака. Сверка понимания. Чтения по истории и теории культуры. Вып. 55. М.: РГГУ, 2008. 192 с.

Громова Н.А. Узел. Поэты: дружбы и разрывы: из литературного быта конца 20-х – 30-х годов. М.: Эллис Лак, 2006. 685 с.

Громова Н.А. Ключ. Последняя Москва: Архивный роман. М.: АСТ, 2013. 412 с.

Гроссман В. Добро вам! (Из путевых заметок) // Знамя. 1988. № 11. С. 5–62.

Карабчиевский Ю. Тоска по Армении // Карабчиевский Ю. Тоска по дому: Роман, повести. М.: Слово, 1991. С. 185–296.

Кончаловская Н.П. Цвет: Стихи. М.: Сов. писатель, 1961. 88 с.

Кузин Б.С. Воспоминания, произведения, переписка. СПб.: ИНАПРЕСС, 1999. 776 с.

Ломоносов М.В. Промемория Академии Наук в Коммерц-коллегию об свидетельствовании марены. 1745. Декабрь. № 8. URL: http://lomonosov.lit-info.ru/lomonosov/document/organizaciya-himicheskih-issledovanij/science-8.htm (дата обращения: 15.05.2023).

Мандельштам О.Э. Путешествие в Армению // Звезда. 1933. № 5. С. 103–125.

Мандельштам О.Э. Путешествие в Армению // Литературная Армения. 1967. № 3. С. 82–101.

Мандельштам О.Э. Собр. соч. В 4 т. / под ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. М.: Терра, 1991a. Т. 1. 684 с.

Мандельштам О.Э. Собр. соч. В 4 т. / под ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. М.: Терра, 1991b. Т. 2. 730 с.

Мандельштам Н.Я. Комментарий к стихам 1930–1937 гг. // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. С. 189–312.

Мейлах М.Б. «Внутри горы бездействует кумир…» (К сталинской теме в поэзии Мандельштама) // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. С. 416–426.

Назарьян Р.Г. Бухарские евреи в Самарканде: история и современность // Евреи Евразии. 2004. № 2(6). URL: https://web.archive.org/web/20131101204754/http://eajc.org/page66/news13486 (дата обращения: 15.05.2023).

Неизданный Федор Сологуб / под ред. М.М. Павловой, А.В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 1997. 576 с.

Павлова Л.В., Романова И.В. «Армянский» текст русской поэзии (интерпретация данных программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах») // Новый филологический вестник. 2020. № 4(55). С. 212–225.

Павлова Л.В., Романова И.В. Синий цвет в армянском тексте русской поэзии (интерпретация данных программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 12. С. 3732–3738.

Павлова Л.В., Романова И.В. Созвучие Сарьяна и Армении в восприятии русских поэтов // Известия Смоленского государственного университета. 2023. № 1(61). С. 5–18.

Панова Л. Внутри горы бездействует… подтекст? К разгадке мандельштамовского кумира // Летняя школа по русской литературе. 2020. Т. 16, № 1–2. С. 148–187.

Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч. В 11 т. М.: Слово/Slovo, 2003. Т. 1. 576 с.

Пьяных М. Зимняя вишня // Крещатик. 2021. № 2. URL: https://magazines.gorky.media/kreschatik/2021/2/zimnyaya-vishnya.html (дата обращения: 15.05.2023).

Ройтенберг О.О. «Неужели кто-то вспомнил, что мы были…»: Из истории художественной жизни. 1925–1935. М.: Галарт, 2008. 560 с.

Сарьян М.С. Из моей жизни. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изобразительное искусство, 1985. 304 с.

Снегова И.А. Дороги сердца: Стихи и переводы. Ереван: Айпетрат, 1963. 142 с.

Фрэзер Д.Д. Фольклор в Ветхом завете. М.: Политиздат, 1985. 511 с.

Шафранская Э.Ф. Каразин! Азия! // Каразин Н.Н. На далеких окраинах. Погоня за наживой: Романы. М.: Наука, 2019. С. 525–596. (Серия «Литературные памятники».)

Шафранская Э.Ф. Дети Иова: бухарские евреи в русском искусстве и русской литературе // Елена Коровай: иной взгляд. Бухарские евреи в русской культуре / сост. Р. Некталов. М.: Фонд Марджани, 2020a. С. 66–87.

Шафранская Э.Ф. Лирическая проза Санджара Янышева. колониальный и постколониальный палимпсест // Вопросы литературы. 2020b. № 2. С. 143–157.

Шафранская Э.Ф. Армянский текст: дети Иова // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2022a. № 3. С. 511–520.

Шафранская Э.Ф. Армянский текст: стихи и проза // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022b. № S6. С. 135–143.

Шафранская Э.Ф., Кешфидинов Ш.Р. Буквы Маштоца – паттерн армянского текста // Вопросы филологии. 2022. № 4. С. 31–35.

Шахвердян Л. Многоточие: Стихи и рассказы. Ереван: Ван Арьян, 2015. 104 с.

Шахвердян Л. Весна отчаяния. Ереван: Ван Арьян, 2018. 136 с.

Шахвердян Л. Сны солнца. Ереван: Ван Арьян, 2022. 64 с.

Sh.R. Keshfidinov
Master of Teacher Education, Trainee Researcher,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

E.F. Shafranskaya
Doctor of Philology, Professor,
Smolensk State University
Smolensk, Russia
Moscow City University
Moscow, Russia

Armenian Cochineal and the Red Color of Armenia in Russian Literature

The article examines the genesis of the red color, which acts as a pattern of the «Armenian text of Russian literature» on the basis of Russian poetic texts (B. Pasternak, F. Sologub, O. Mandelstam, N. Konchalovskaya, P. Antokolsky, I. Snegova, P. Pyanykh, L. Shahverdyan) and prose (B. Kuzin, O. Mandelstam, Yu. Karabchievsky, M. Saryan, V. Grossman). The subject of the article is the connection of the insect code presented in the discourse with the color red. Analytics is based on biographical, quantitative methods, linguistic analysis of the text and is carried out on the basis of a historical and cultural approach. The recent works that reveal the patterns of the «Armenian text» do not mention the connection between cochineal and red color metaphors found in this article. The conclusions obtained enrich the cultural and philological concept contained in the framework of the «Armenian text» and expand the poetic context of the biological organism mentioned in the poems of Russian poets. The article presents an additional (to the already existing) perspective in the analysis of O. Mandelstam's poem «Inside the mountain, an idol is inactive...»: the image of the idol is embedded in an ekphrastic sculptural row with the mythological Golem.

Key words: *Armenia; red color; cochineal; O. Mandelstam; Russian poetry about Armenia, Armenian text of Russian literature.*

REFERENCES

Amelin G.G., Morderer, V.Ja. (2001) Worlds and collisions of Osip Mandelstam [Miry i stolknoven'ja Osipa Mandel'shtama]. Moscow: Languages of Russian culture. 320 p. (in Russian).

Amirhanjan M.D., Pavlova L.V., Romanova I.V. (2020) Reconstruction of the «Armenian» text in Russian poetry of the twentieth century (experience of computer research) [Rekonstrukcija «armjanskogo» teksta v russkoj pojezii HH veka (opyt komp'juternogo issledovanija)]. *Issues of Smolensk State University*, no. 2(50), pp. 5–21. (in Russian).

Eternity. Russian poets – Armenia [Vechnost'. Russkie pojety – Armenii]. Compiled by G. Ovnan. Erevan: Sovetakan groh, 1978. 198 p. (in Russian).

Gamel I.H. About the Ararat cochineal: Extracted from works of academician Hamel, printed in Notes of the Moscow Imperial Academy of Sciences: Type of S. Selivanovsky [Ob araratskoj koshenili: Izvlechenija iz sochinenija akademika Gamelja, napechatannogo v Zapiskah Imperatorskoj Akademii nauk. Moscow: Tip. S. Selivanovskogo]. 1835. 46 p. (in Russian).

Garipova G.T. Moscow calendar: «Meeting of the refined» and the space of London in the metaconsciousness of Khamid Ismailov [Kalendar' Moskvy: «Sobranie utonchennyh» i prostranstvo Londona v metasoznanii Hamida Ismajlova]. Geniusloci in literature, art, culture: collection of scientific works. Moscow: Svoe izdatel'stvo, 2018, pp. 71– 86. (in Russian)

Garipova G.T. Principles of world modeling in Russian prose of the twentieth century (non-classical paradigm of artistry) [Principy miromodelirovanija v russkoj proze HH veka (neklassicheskaja paradigma hudozhestvennosti)]. Dissertation ... doctor of Philological Siences. Vladimir. 2021a. 612 p. (in Russian).

Garipova G.T. Artistic design of cultural and philosophical world models of «biblioclasm» in modern literature (on the material of V. Sorokin's novel "Manaraga") [Hudozhestvennoe proektirovanie kul'turfilosofskih miromodelej «biblioklazma» v sovremennoj literature (na materiale romana V. Sorokina «Manaraga»)]. *Philological sciences. Issues of theory and practice.* Vol. 14, no. 3, 2021b, pp. 602–607 (in Russian).

Garipova G.T., Shafranskaja E.F. Local texts in Russian literature [Lokal'nye teksty v russkoj literature]. Moscow: Yurayt. 2022. 109 p. (in Russian).

Gasparov M.L., Podgaeckaja I.Ju. «My sister, life» by Boris Pasternak. Verification of understanding. [«Sestra moja, zhizn'» Borisa Pasternaka. Sverka ponimanija]. *Readings on the history and theory of culture.* Vol. 55. Moscow: RSUH, 2008. 192 p. (in Russian).

Gromova N.A. Knot. Poets: friendships and breakups: from the literary life of the late 20s–30s [Uzel. Pojety: druzhby i razryvy: iz literaturnogo byta konca 20-h – 30-h godov]. Moscow: AST, 2006. 685 p. (in Russian).

Gromova N.A. Key. The Last Moscow: An Archival Novel [Kljuch. Poslednjaja Moskva: Arhivnyj roman]. Moscow: AST, 412 p. (in Russian).

Grossman V. Welcome to you! (From travel notes) [Dobro vam! (Iz putevyh zametok]. *Znamja,* no. 11, 1988, pp. 5–62 (in Russian).

Karabchievskij Ju. Longing for Armenia // Karabchievsky Yu. Homesick: Novel, stories [Toska po Armenii // Ju. Karabchievskij. Toska po domu: Roman, povesti]. Moscow: Slovo, 1991, pp. 185–296 (in Russian).

Konchalovskaja N.P. Color: Poems [Cvet: Stihi]. Moscow: Sov. pisatel', 1961. 88 p. (in Russian).

Kuzin B.S. Memories, works, correspondence [Vospominanija, proizvedenija, perepiska]. St. Peterburg: INAPRESS, 1999. 776 p. (in Russian).

Lomonosov M.V. Promemory of the Academy of Sciences to the College of Commerce on the testimony of madder. 1745. December. No. 8 [Promemorija Akademii Nauk v Kommerc-kollegiju ob svidetel'stvovanii mareny. Dekabr. № 8]. Available at: http://lomonosov.lit-info.ru/lomonosov/document/organizaciya-himicheskih-issledovanij/science-8.htm (accessed on 15 May 2023) (in Russian).

Mandel'shtam, O.E. Travel to Armenia [Puteshestvie v Armenij]. *Zvezda.* 1933, no. 5, pp. 103–125. (in Russian).

Mandel'shtam O.E. Travel to Armenia [Puteshestvie v Armeniju]. *Literary Armenia.* No. 3, 1967, pp. 82–101 (in Russian).

Mandel'shtam O.E. Collection of works in 4 volumes [Cobr. soch.: v 4 tom.]. Edited by G.P. Struvei, B.A. Filippova. Moscow: Terra. Vol. 1, 1991a. 684 p. (in Russian)

Mandel'shtam O.E. Collection of works in 4 volumes [Cobr. soch.: v 4 tom.]. Edited by G.P. Struvei, B.A. Filippova. Moscow: Terra. Vol. 2, 1991b. 730 p. (in Russian).

Mandel'shtam N.Ja. Commentary on poems 1930–1937 // Life and work of O.E. Mandelstam: Memoirs. Materials for the biography. «New Poems». Comments. Research [Kommentarij k stiham

1930–1937 gg. // Zhizn' i tvorchestvo O.E. Mandel'shtama: Vospominanija. Materialy k biografii. «Novye stihi». Kommentarii. Issledovanija]. Voronezh: Voronezh State University. 1990, pp.189–312 (in Russian).

Mejlah M.B. «Inside the mountain an idol is inactive...» (On the Stalinist theme in Mandelstam's poetry) // Life and work of O.E. Mandelstam: Memoirs. Materials for the biography. «New Poems». Comments. Research [«Vnutri gory bezdejstvuet kumir…» (K stalinskoj teme v pojezii Mandel'shtama) // Zhizn' i tvorchestvo O.E. Mandel'shtama: Vospominanija. Materialy k biografii. «Novye stihi». Kommentarii. Issledovanija]. Voronezh: Voronezh State University, 1990, pp. 416–426. (in Russian).

Nazar'jan R.G. Bukharan Jews in Samarkand: history and modernity [Buharskie evrei v Samarkande: istorija i sovremennost']. *Jews of Eurasia*. No. 2(6), 2004. Available at: https://web.archive.org/web/20131101204754/http://eajc.org/page66/news13486 (accessed on 15 May 2023) (in Russian).

Unpublished Fedor Sologub [Neizdannyj Fedor Sologub]. Edited by MM. Pavlova, A.V. Lavrova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1997. 576 p. (in Russian).

Pavlova L.V., Romanova I.V. «Armenian» text of Russian poetry (interpretation of data from the software complex «Hypertext search for satellite words in author's texts») [«Armjanskij» tekst russkoj pojezii (interpretacija dannyh programmnogo kompleksa «Gipertekstovyj poisk slov-sputnikov v avtorskih tekstah»)]. *New philological issues*, 2020, no. 4(55), pp. 212–225 (in Russian).

Pavlova L.V., Romanova I.V. Blue color in the Armenian text of Russian poetry (interpretation of data from the software package «Hypertext search for satellite words in author's texts») [Sinij cvet v armjanskom tekste russkoj pojezii (interpretacija dannyh programmnogo kompleksa «Gipertekstovyj poisk slov-sputnikov v avtorskih tekstah»)] *Philological sciences. Issues of theory and practice*, 2022, vol. 15, no. 12pp. 3732–3738 (in Russian).

Pavlova L.V., Romanova I.V. Consonance between Saryan and Armenia in the perception of Russian poets [Sozvuchie Sar'jana i Armenii v vosprijatii russkih pojetov]. *Issues of Smolensk State University*, 2023, no. 1(61), pp. 5–18 (in Russian).

Panova L. Inside the mountain there is no activity... subtext? To the solution to Mandelstam's idol [Vnutri gory bezdejstvuet… podtekst? K razgadke mandel'shtamovskogo kumira]. *Summer school on Russian literature*, 2020, vol. 16, no. 1–2, pp. 148–187 (in Russian).

Pasternak B.L. Full collection of works in 11 vol. [Poln. sobr. soch. V 11 t.]. Moscow: Slovo, 2003. Vol. 1. 576 p. (in Russian).

P'janyh M. Winter cherry [Zimnjaja vishnja]. *Kreshhatik*, 2021, no 2. Available at: https://magazines.gorky.media/kreschatik/2021/2/zimnyaya-vishnya.html (accessed on 15 May 2023). (in Russian).

Rojtenberg O.O. «Did someone really remember that we were…»: From the history of artistic life. 1925–1935 [«Neuzheli kto-to vspomnil, chto my byli…»: Iz istorii hudozhestvennoj zhizni. 1925–1935]. Moscow: Galart, 2008, 560 p. (in Russian).

Sar'jan M.S. From my life [Iz moej zhizni]. 3rd edition, reviewed and added. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1985. 304 p. (in Russian).

Snegova I.A. Roads of the Heart: Poems and Translations [Dorogi serdca: Stihi i perevody]. Erevan: Ajpetrat. 1963. 142 p. (in Russian).

Frjezer D.D. Folklore in the Old Testament [Fol'klor v Vethom zavete]. Moscow: Politizdat, 1985. 511 p. (in Russian)

Shafranskaja E.F. Karazin! Asia! // Karazin N.N. On the distant outskirts. Pursuit of profit: Novels. [Karazin! Azija! // N.N. Karazin. Na dalekih okrainah. Pogonja za nazhivoj: Romany]. Series "Literary Monuments".). Moscow: Nauka, 2019, pp. 525–596. (in Russian).

Shafranskaja E.F. Children of Job: Bukharan Jews in Russian art and Russian literature // Elena Korovay: a different view. Bukharian Jews in Russian culture [Deti Iova: buharskie evrei v russkom iskusstve i russkoj literature // Elena Korovaj: inoj vzgljad. Buharskie evrei v russkoj kul'ture]. Compiled by R. Nektalov. Moscow: Fond Mardzhani, 2020a, pp. 66–87 (in Russian).

Shafranskaja E.F. Lyrical prose by Sanjar Yanyshev. Colonial and postcolonial palimpsest [Liricheskaja proza Sandzhara Janysheva. Kolonial'nyj i postkolonial'nyj palimpsest]. *Issues of literatureб* 2020b, no. 2, pp. 143–157 (in Russian).

Shafranskaja E.F. Armenian text: Job's children [Armjanskij tekst: deti Iova]. *Polylinguality and transcultural practicesб* 2022a, no. 3, pp. 511–520 (in Russian).

Shafranskaja E.F. Armenian text: poetry and prose [Armjanskij tekst: stihi i proza]. *Philological Sciences. Scientific reports of higher education,* 2022b, no S6, pp. 135–143 (in Russian).

Shafranskaja E.F., Keshfidinov Sh.R. Mashtots letters – Armenian text pattern [Bukvy Mashtoca – pattern armjanskogo teksta]. *Issues of philology*, 2022, no 4, pp. 31–35 (in Russian).

Shahverdjan L. Ellipsis: poems and stories [Mnogotochie: Stihi i rasskazy]. Erevan: Van Ar'jan, 2015. 104 p. (in Russian).

Shahverdjan L. Spring of despair [Vesna otchajanija]. Erevan: Van Ar'jan, 2018. 136 p. (in Russian).

Shahverdjan L. Dreams of the sun [Sny solnca]. Erevan: Van Ar'jan, 2022. 64 p. (in Russian).

Е.В. Потапова

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 8.82.1

DOI 10.35785/2072-9464-2023-64-4-38-54

«АРМЯНСКИЙ» VS «ГРУЗИНСКИЙ» ЛОКАЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ: К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ И ПУТЯХ РАЗВИТИЯ[1]

Ключевые слова: *грузинский текст; армянский текст; локальный текст; кавказский текст.*

В статье проводится компаративный анализ двух локальных текстов – армянского и грузинского. В аспекте генезиса выявляются причины разного хронологического возникновения локальных текстов и их взаимосвязанного дальнейшего развития с опорой на классификацию выражения лирического субъекта в поэтическом тексте и теорию сверхтекста. Выдвигается гипотеза о причинах возникновения противоположных векторов развития русской поэзии о Грузии и об Армении. С опорой на теоретический базис Х. Блума о «страхе влияния» и «сильных текстах», а также рецептивный подход выдвигается гипотеза двух условий для формирования сверхтекстового образования.

В отечественной науке исследование локальных текстов стало одним из популярных и перспективных направлений, открывающим новые векторы ин-

[1]Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00339 «Электронный ресурс "Армянский текст русской поэзии": репрезентация локального текста русской литературы».

терпретации художественных текстов. Выделенный В.Н. Топоровым «петербургский текст» [Топоров, 2003][2] породил волну исследований, посвященных как сугубо мифологическому пространству [Четвертных, 2014], так и реальному локусу[3] (см., например: [Тюпа, 2002]), в том числе и Кавказу. Термин «кавказский текст» или «кавказский сверхтекст» получил широкое распространение в отечественном литературоведении (см., например: [Багратион-Мухранели, 2014]), однако следует признать, что применительно к объекту нашего исследования – поэзии о Грузии или об Армении – он становится слишком обобщающим.

Ранее Л.А. Ходанен выделяла в «кавказском тексте» особый «грузинский текст», говоря о том, что его «креативная основа <…> создается на основе раскрытия менталитета народа древней горной страны, принявшей христианство и сохраняющей верность обычаям героики» [Ходанен, 2015, *53*]. Нами были также выявлены маркеры разграничения собственно «кавказской» и «грузинской» эстетических модальностей в художественных текстах XIX века [Потапова, 2020]. Думается, что во многом такая дифференциация обусловлена этноконфессиональной направленностью пространства Грузии[4], и тогда перед исследователями встает задача описать еще один локальный текст, отличный от собственно кавказского по этому же признаку, – текст армянский, которому посвящены недавние исследования отечественных литературоведов [Павлова, Романова, 2020; Амирханян, Павлова, Романова, 2020; Павлова, Романова, 2022; Бубнова, 2022].

Грузинский и армянский локальные тексты отвечают всем признакам сверхтекста, выделенным Н.Е. Меднис. В аспекте генезиса нам особо важно обозначить, что им присущи следующие признаки: «наличие и знание читателем некоего динамичного, но вместе с этим относительно стабильного круга текстов, наиболее репрезентативных для данного сверхтекста в целом, определяющих законы формирования художественного языка сверхтекста и тенденции его развития» и «устойчивые и одновременно динамичные границы (ядро и периферия)» [Меднис, 2003: *URL*]. Именно по этим основаниям будет проводиться компаративный анализ двух локальных текстов – в плане как генезиса, так и последующего развития в русской поэзии.

Генезис локальных текстов. В эссе «Кое-что о грузинском искусстве» Осип Мандельштам писал: «Я бы сказал, что в русской поэзии есть

[2] Важно уточнить, что в работах В.Н. Топорова само понятие «сверхтекст» не фигурирует, поэтому мы считаем понятия «локальный текст» и «сверхтекст» родовидовыми. Это актуально в том случае, когда есть смысл говорить о широком пространственном обобщении (например, Кавказ) и выделении в указанном пространстве отдельных территорий с собственным локальным мифом.

[3] Безусловно, теория сверхтекстов предполагает, что любой локус, неважно, реально он существует или нет, так или иначе мифологизируется. В.Н. Топоров именует это переходом «a realibus ad realiora» (от реального к реальнейшему) [Топоров, 2003, *7*].

[4] О важности этого элемента в формировании литературной традиции см., например: [Зырянов, 2019].

свой грузинский миф, впервые провозглашенный Пушкиным <…> и разработанный Лермонтовым в целую мифологию с мифом о Тамаре в центре. Любопытно, что этим мифом, обетованной страной поэзии, для русской поэзии стала не Армения, а Грузия» [Мандельштам, 1987, *177*]. Высказывание Мандельштама в интересующем нас контексте особо примечательно тем, что во многом именно с его стихотворений «армянский текст» начинает свое формирование в поэзии XX века. Кроме того, уже это высказывание задает один из векторов сопоставления локальных текстов: если «грузинский текст» русской поэзии формируется еще Пушкиным и Лермонтовым, то «армянский текст» воплощается значительно позже, хотя сами тексты об Армении появляются и в XIX столетии: «Армянский текст – русско-литературный конструкт XX в.; одним из его пионеров был Осип Мандельштам. Корпус стихотворений, написанных до Мандельштама, в которых упоминается Армения и ее народ, как правило, не входит в оптику армянского текста» [Шафранская, 2022, *135*]. Почему же в одном случае локальный текст формируется сразу, а в другом – по прошествии целого столетия? Для этого обратимся к обзору стихотворений об Армении и Грузии в XIX веке.

«Грузинский текст» знаком читателю прежде всего по двум текстам Пушкина – «Не пой, красавица, при мне…» (1828) и «На холмах Грузии…» (1829). Следует сказать, что и до Пушкина и Лермонтова о Грузии в русской поэзии были тексты, среди которых, например, стихотворение «На прогулку в грузинском саду» Г.Р. Державина, пейзажная зарисовка «Там, где вьется Алазань» и отрывок неоконченной поэмы «Кальянчи» с описанием грузинского локуса у А.С. Грибоедова или примечательные описания Грузии у А.А. Шишкова, или Шишкова-младшего[5] (стихотворение «Я видел Кур…», поэма «Лонской», неоконченный роман «Кетевана, или Грузия в 1812 году»). Также следует упомянуть «Грузинскую песню» М.Ю. Лермонтова, юношеское подражание пушкинской и байронической традициям, в которой восточный локус (гарем) сосуществует с двумя этносами (в том числе армянским). Понятно, что тексты Державина, Грибоедова, стихотворение Шишкова или песня раннего Лермонтова еще не формируют доподлинно «грузинский текст» русской литературы, их объединяющим признаком выступает либо фокусировка на пейзажной составляющей этого края, его плодородии и красоте, либо же образ грузинки (случай Лермонтова), который становится лишь одним из вариантов следования литературной традиции[6].

[5] А.А. Шишков является племянником А.С. Шишкова – одного из основателей «Беседы любителей русского слова».

[6] Думается, что образ грузинки в гареме был заимствован Лермонтовым из поэмы А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан», однако эта тема требует отдельного исследования и осмысления.

Думается, что доподлинно формирование «грузинского текста» началось именно с Пушкина, поскольку он сместил фокус внимания с собственно локуса на переживание светлой печали, и при этом в его стихотворениях были актуализированы геопоэтические принципы, реализованные его предшественниками и воплощенные даже на ритмическом уровне стихотворений. Для Грузии как для пространства, отличного от Кавказа, была характерна горизонтальная протяженность, в то время как для Кавказа – вертикаль и резкость.

Обратимся, например, к Грибоедову. В «отрывке из поэмы» «Кальянчи» присутствует авторское пояснение сюжета: «Путешественник в Персии встречает прекрасного отрока, который подает ему кальян. Странник спрашивает, кто он, откуда. Отрок рассказывает ему свои похождения, объясняет, что он грузин, некогда житель Кахетии» [Грибоедов, 1999, *218*]. Отрывок состоит из диалога путника и отрока, последний из которых рассказывает историю своей жизни, начиная с того момента, как от него отказались родители. Затем отрок повествует о бое своего каравана, в одном из поверженных врагов юноша узнает кровного отца.

Два последних четверостишия неоконченной поэмы показывают переход к пространственной «широте» – Грузии, противопоставленной автором теснинам и ущельям:

Вышли мы на широту
Из теснин, где шли доселе,
Всю творенья красоту
В пышной обрели Картвеле.
Вкруг излучистой Куры
Ясным днем страна согрета,
Все рассыпаны цветы
Щедростию лета…
[Там же]

Следует также обратиться к другому произведению Грибоедова – «Хищники на Чегеме» (1825), которое было написано под впечатлением от столкновения с горцами на реке Малке. Как и в «Кальянчи», узкость становится одной из основных пространственных характеристик Кавказа, причем в стихотворении это пространство противопоставляется иному локусу – «краю сел и нив», под которым могла подразумеваться именно Грузия:

Двиньтесь узкою тропою!
Не в краю вы сел и нив.
Здесь стремнина, там обрыв,
Тут утес: – берите с бою!
[Там же, *232*]

В указанных стихотворениях Пушкина о Грузии изначально были «кавказские строфы». В «Не пой, красавица, при мне…» была строфа, репрезентирующая вертикаль как главную ось пространства Кавказа. Ранее с

опорой на анализ стихотворения А. Белым нами было доказано, что ритмически эта строфа явно «быстрее» других строф о Грузии, почему поэт от нее и отказался [Потапова 2020]:

Напоминают мне оне
Кавказа гордые вершины,
Лихих чеченцев на коне
И закубанские равнины.
[Пушкин, 1950, *468*]

У текста «На холмах Грузии…», как известно, была другая редакция – «Все тихо – на Кавказ идет ночная мгла». Несмотря на то, что в обоих вариантах стихотворения пространственные характеристики занимают лишь первые два стиха, именно они подвергаются значительным изменениям при создании поэтического текста. Первый стих, «Все тихо – на Кавказ ночная тень легла», преобразуется: «в первом (стихе. – *Е. П.*) “ночная тень легла” заменены сначала словами “сошла ночная мгла”, а затем исправлено – “идет ночная мгла”» [Бонди, 1978, *17*]. Для локуса Кавказа принципиально важна динамика движения – легла, сошла, идет, несовершенный вид глагола «идти» вместо перфектных форм только подчеркивает динамизм, который не прекращается, не является каким-либо однократно совершенным действием. Также для Кавказа важна вертикальная направленность движения. В первом варианте второго стиха, «Мерцают звезды надо мною», также происходят изменения: «вместо “мерцают” написано “восходят”» [Там же]. Если в первом стихе Пушкин отказывается от прямого выражения вертикального движения из-за перфектности форм – *легла, сошла*, то во втором стихе поэт в полной мере выражает «вертикальность», свойственную Кавказу, уже на лексическом уровне.

В «На холмах Грузии…» можно увидеть контрастно противоположные тенденции в создании пространственного образа. «Ночная мгла» в этом стихотворении уже не «идет», а «лежит» – непрерывность действия сохраняется, но оно статично, а не динамично. Вместо «восходят звезды» в произведении «шумит Арагва» [Пушкин, 1950, *112*], Пушкин делает акцент не на движении, а на звуковой характеристике образа. Положение лирического героя в этом пространстве также меняется: вместо «надо мною» появляется «предо мною» [Там же], что указывает на горизонтальную протяженность, сменившую вертикальность. Таким образом, с точки зрения геопоэтики Пушкин и в этом стихотворении продолжает традицию разграничения локусов Грузии и Кавказа по признаку горизонтальности / вертикальности оси пространства, но при этом точка зрения лирического субъекта фокусируется не всецело на локусе, а на душевных переживаниях.

Именно два знаменитых пушкинских текста оказали значительное влияние на русскую поэзию, и потому именно о них можно говорить как о ядре локального текста – его наличие, как было подчеркнуто ранее, является

обязательным признаком при формировании сверхтекста, и именно эти тексты породили большую волну «интертекстуального потомства» (термин А.К. Жолковского), что позволило указанному локальному тексту видоизменяться и деформироваться в поэзии XX столетия.

Среди текстов об Армении в поэзии XIX века появляются текст «повести в стихах» С.Н. Глинки, «Мысли об Армении» С. Митропольского[7]. Важно, что во всех текстах педалируется историческое начало, желание описать историю этого пространства с опорой на различные источники. Так, С.Н. Глинка, предваряя поэтические тексты, в которых будет отсылать читателя к Плинию Старшему, Тациту и другим историкам, пишет: «История Армянская одушевлена всеми качествами, изложенными Цицероном; но к сожалению у нас существуют одни бледные отблески летописей Армянских <…> Занимаясь теперь обозрением истории Армянской я предлагаю из оной две повести в стихах» [Глинка, 1831, *5*]. Та же традиция обнаруживается в сочинении 1813 года Сергея Митропольского «Мысли об Армении»:

> Армения, к тебе я мысли обратил,
> И в древность преклонясь, на Норде возвестил
> О дщери Азии отцем времен избранной
> Для Ноя в горести к отраде толь желанной.
> [Митропольский, 1816, *1*]

Несмотря на то, что в этом тексте уже появляется собственно лирическое «я», его усилия направлены только вовне – облечь свои собственные переживания об Армении исторической канвой.

Следует отметить, что армянский и грузинский локальные тексты формировались диаметрально противоположными путями. Э.Ф. Шафранская предполагает, что для зарождения армянского текста первичны именно произведения в прозе: «прежде чем в поэтическом сознании родятся образы, нужна первооснова, поэт должен был откуда-то это услышать или где-то прочитать» [Шафранская, 2022, *139*]. Можно конкретизировать цитируемое высказывание и предположить, что вместо общего разграничения на условные прозу и поэзию следует говорить об интенции лирического субъекта и типе коммуникативной ситуации, используя классификацию И.В. Романовой [Романова, 2007, *38–56*]. Пользуясь ее терминологией, мы можем причислить указанные стихотворения об Армении XIX века к безлично-безадресному типу, где объектом изображения становится мир вокруг лирического субъекта, а не он сам или адресат, и поэтому локальный текст не был сформирован на этом хронологическом этапе. Совершенно иная ситуация с «грузинским текстом», оформление

[7] При этом лексемы *Армения*, *армянин* и *армянский* появляются в русской поэзии уже в начале XIX века, но локальный текст они не образуют – это и отрывок неоконченной поэмы «Тазит» («Галуб») и баллада «Черная шаль» А.С. Пушкина, и баллада «Алина и Альсим» В.А. Жуковского.

которого в XIX веке в поэзии Пушкина, безусловно, возникло раньше появления определенного нарратива и воплотило эготивный либо адресный тип коммуникативной ситуации[8]. Здесь любопытно вспомнить роман А.А. Шишкова «Кетевана, или Грузия в 1812 году» (1834), который репрезентирует Грузию во время кахетинского бунта, но при этом этот текст явно вторичен по отношению к романтическим паттернам литературы XIX века, в том числе в аспекте воплощения пространства Грузии.

Мы приходим к выводу о том, что просто наличие некоего количества текстов об одном локусе еще не создает локального текста как такового – для него, как писала Н.Е. Меднис, нужна ценностная внетекстовая ориентация [Меднис, 2003], другими словами – некий локальный миф, не претендующий на правдоподобие и историческую достоверность, формируемый рефлексией лирического субъекта или автора-повествователя о локусе, при которой акцент с пейзажа смещается на внутреннее переживание или же индивидуально осмысленный мифологический контекст, и именно отсутствие этого признака мешает формированию сверхтекста. Второе условие формирования локального текста нам открывают рецептивные исследования – появление хотя бы одного «сильного текста» («strong poem» в работах Х. Блума [Bloom, 1975, *234*]), способного и далее продуцировать появление локуса в национальной поэзии.

Именно в такой гипотезе можно найти ответ на вопрос о разном времени формирования армянского и грузинского локальных текстов – для «грузинского текста» «сильный» поэтический текст появляется уже в XIX веке, вбирает в себя предшествующие литературные осмысления локуса и мифологизирует его, осмысляет и рефлексирует о нем. Для армянского текста поэтическая рефлексия начинается именно с О.Э. Мандельштама, В.Я. Брюсова и С.М. Городецкого, стихотворения которых нацелены не только на осмысление собственно локуса и описательность, но и, даже в бóльшей степени, на лирическое «я» относительно него. В поэзии этих авторов Армения становится фоном для воплощения эготивных и апеллятивных коммуникативных ситуаций: «Ах, Эривань, Эривань, ничего мне больше не надо, / Я не хочу твоего замороженного винограда» [Мандельштам, 2009, *146*], «Армения, звенящая огнем и кровью, / Армения, тебя готов я полюбить» [Городецкий, 1974, *317*]. Это репрезентирует и финал стихотворения В.Я. Брюсова «К Армении»:

Армения! Твой древний голос –
Как свежий ветер в летний зной:
Как бодро он взвивает волос,
И, как дождем омытый колос,
Я выпрямляюсь под грозой!
[Брюсов 1973, *237*]

[8] Следует уточнить, что в произведениях Лермонтова о Грузии присутствует и безлично-безадресный тип, однако это является частью локального текста, поскольку в них историко-мифологическая канва (легенда о царице Дарье) не просто излагается, а индивидуально художественно переосмысляется и интерпретируется.

Развитие локальных текстов. Развитие локальных текстов о Грузии и Армении во многом зависит от характера генезиса, и в данном аспекте на помощь исследователю приходит методологическое поле рецептивных исследований. Если обратиться к корпусу поэтических текстов, в которых так или иначе упоминается Грузия, то выяснится, что в большинстве текстов либо присутствует ощутимое влияние пушкинского и/или лермонтовского текстов, либо в целом это пространство осмысляется с опорой на литературную традицию. Дело в том, что большинство стихотворений, написанных о Грузии волей-неволей отсылают либо к мифу о Тамаре, либо к пушкинской «ночной мгле», что, в свою очередь, значительно ограничивает возможности поэтического самовыражения и увеличивает трудность преодоления «страха влияния» (блумовское «anxiety of influence»). Особенно важно, что часто это сводится к ироническому модусу художественности. Например, стихотворение Игоря Юркова вовсе не подразумевает грузинского локуса, но намеренное снижение фигуры Пушкина толкает автора на вкрапление его известных строк:

И русский Байрон, веселый чудак, –
Он хочет казаться прохвостом, –
Великий Пушкин носит фрак
Очевидно с чужого роста.
«На холмах Грузии ночная мгла» –
Он говорит, – «легла и прочее…
Но знаете, денежные дела
Мои запутаны очень».
[Юрков, 2010, *636*]

В текстах Бориса Корнилова рефлексия по поводу образа Тамары сопровождается размышлениями о его движении в текстах предшественников наиболее ярко. Само появление этого образа именуется поэтом «заразой», что обличает сугубо ироническое отношение к нему:

Начну по порядку –
за Пушкиным сразу,
гремя и впадая в лирический бред,
поет про Тамару,
разносит заразу
второй по ранжиру российский поэт.
Рыданий хватает по горло –
однако
другая за Лермонтовым с рывка
огнем налетает строка Пастернака,
тяжелая, ломаная строка.
Царица Тамара –
мечтаний причал,
и вот, грохоча и грубя,
Владимир Владимирович зарычал,
за груди беря тебя.
[Корнилов, 1966, *110*]

Такое размышление лирического героя, несмотря на явную иронию и даже неприязнь, не лишено и стиховедческой рефлексии – «тяжелая, ломаная строка» Пастернака в этом случае становится аналогом размышлений Кушнера о смещении ударения в пушкинской строке, о чем будет сказано далее. Тексты Маяковского и Корнилова иллюстрируют один из примечательных «маршрутов влияния» лермонтовского текста – он провоцирует не только собственно включение цитат в стихотворения поэтов-последователей, он заставляет поэтов рассуждать о генезисе и развитии образа Тамары до стихотворения, которое они напишут сами, причем размышления будут затрагивать одни и те же тексты, уже до них входящие в «интертекстуальное потомство» лермонтовских оригиналов. Такая ситуация воплощается в текстах обоих поэтов, ведь не только Корнилов, но и Маяковский упоминает Пастернака:

И пусть,
озверев от помарок,
про это
пишет себе Пастернак…
[Маяковский, 1987, *241*]

В более поздних поэтических произведениях ирония над текстом-ориентиром о Грузии все же снижается и переходит скорее в просто открытую ориентацию на литературный образец. Показательны в этом отношении два текста Александра Кушнера. В стихотворении «Павловск»:

На холмах Павловска лежит вечерний свет,
Блестит Славянка перед нами.
Искусству, видите ли, тоже сотни лет,
Не только берегу, поросшему кустами.
И тень мне видится, бродившая впотьмах
По этим зарослям и склонам,
В забытых призрачных сказавшая стихах
Про «пышный дом царей на скате позлащенном».
Мне нужен стол, и стул, и полка книг в углу.
Еще, наверное, прожить без телефона
Мне трудно было бы... А этот блеск и мглу
Держу в уме я вроде фона.
[Кушнер, 1986, *7*]

Искушенный читатель с первого взгляда заметит в тексте ритмико-синтаксическое соответствие пушкинскому «На холмах Грузии…», за исключением того, что у Кушнера не чередование шести- и четырехстопных ямбических строк, а лишь вкрапление четырехстопной строки в строфу. Разумеется, первоисточником этого текста является не только пушкинский текст, но и «Павловск» В.А. Жуковского, цитируемый поэтом во второй из приведенных строф, однако именно составляющие «На холмах Грузии…» обыгрываются

как составляющие «фона» для создания поэтического текста в современной автору обстановке. Другой текст Кушнера содержит рефлексию относительно смещенного ударения в первом стихе пушкинского текста:

В лазурные глядятся озера
Швейцарские вершины, – ударенье
Смещенное нам дорого, игра
Споткнувшегося слуха, упоенье
Внушает нам и то, что мгла лежит
На холмах дикой Грузии, холмится
Строка так чудно, Грузия простит,
С ума спрыгнуть, так словно шевелится.
[Кушнер, 1986, *177*]

Рефлексия на тему смещенного ударения в стихотворении Кушнера не наполнена какой-либо злой иронией, направленной на принижение оригинала. Напротив, «игра споткнувшегося слуха», по Кушнеру, становится отличительной чертой стихотворения и, что примечательно, сразу «внушает» читателю мысль о «грузинском» произведении Пушкина на ассоциативном уровне, хотя изначально поэт отталкивается от стихотворения Тютчева «На возвратном пути» («Что есть края, где радужные горы / В лазурные глядятся озера́...» [Тютчев, 2003, *93*]). Подобная рефлексия на тему поэтического ударения присутствует и в тексте Давида Самойлова, в котором, на первый взгляд, отсутствует след пушкинского или лермонтовского влияния, а также воплощаются культурные паттерны, воплощенные и в XIX веке:

В Алазанской долине пои меня местным вином,
Я потом буду долго жевать золотую чурчхелу.
Увези меня в Грузию, друг, приведи меня в дом.
Только здесь я сумею отдаться последнему делу.
[Самойлов, 2010, *601*]

Однако и в этом тексте нельзя не увидеть явного влияния смещенного ударения и собирательного образа грузинской княжны Лермонтова:

Пусть я буду дыханием хо́лмов ее освежен.
Пусть я буду объят, опоен ее долей и волей,
Византийскою нежностью тонких грузинских княжон
И медлительным вежеством добрых крестьянских застолий.
[Там же]

С другой стороны, «сильные тексты» о Грузии в поэзии XX века могли использоваться и как обращение сугубо к локусу и вписыванию его в политический контекст. Таковы, например, тексты Александра Еременко («На холмах Грузии лежит такая тьма…»), Евгения Рейна («Братьям Чиладзе»), Александра Галича («Песня о Тбилиси») и др.

В итоге поэты, пишущие о Грузии, в большинстве своем просто не могут обойти этот паттерн «грузинского текста» стороной – фигуры Пушкина

и Лермонтова имеют слишком сильное влияние. Думается, именно отсутствие в XIX веке текстов об Армении на манер «Не пой, красавица, при мне…» Пушкина дало возможность развиваться «армянскому тексту» более многогранно, чем грузинскому, и поэтому в нем, например, упоминается гораздо больше имен собственных, чему посвящено отдельное исследование Н.В. Бубновой [Бубнова, 2022]. Другими словами, в корпусе нет единого знакового текста, который бы задавал единый вектор развития мифологического локального пространства в русской поэзии, поэтому сами поэты не ограничены в своем творчестве и зачастую не нуждаются в обязательной отсылке к поэтическим фигурам других авторов, что позволяет им не испытывать «страх влияния».

Примечательно, что если О.Э. Мандельштам в эссе начала XX века рефлексировал по поводу того, что вместо Армении поэтическим пространством для отечественных стихотворцев стала Грузия, то в поэзии середины прошлого века происходит противоположное: словно в ответ О.Э. Мандельштаму, Вера Звягинцева и Борис Чичибабин сравнивают Грузию и Армению в противоположном ключе. В стихотворении «На смерть Исаакяна» Звягинцева рисует экспозицию грузинского пейзажа:

Красавица, волшебница, принцесса –
Нарядная грузинская земля!
Сквозь гор твоих зеленые навесы
Гляжу я вдаль, на тихие поля…
[Звягинцева, 1964, *41*]

Однако по прочтении становится понятно, что это пространство становится только фоном для рассмотрения «Печальной Армении», а река Кура лишь дает возможность представить реку, текущую в Армении, – Зангу:

На Золушку мою, на дорогую
Печальную Армению мою.
И над Курой, как будто над Зангу я,
Закрыв глаза, растерянно стою.
На что мне эти радостные звуки
И замки на отвесах этих скал?
Беспомощно протягиваю руки
Туда, туда, за дальний перевал,
За синеву холодного Севана,
Где обожжешься, из него глотнув,
Туда, где проступает из тумана
Такой знакомый розоватый туф.
[Там же, *41–42*]

Любопытно, что Армения именуется в этом тексте «печальной», словно приходя на смену «Грузии печальной» Пушкина. Параллельность двух текстов можно отметить, если вспомнить, что первоначально в тексте

Пушкина было написано не «Не пой, красавица, при мне…», а «Не пой, волшебница, при мне…»[9], что мы и видим в тексте Звягинцевой.

В тексте Бориса Чичибабина «Ну что тебе Грузия? Хмель да кураж…» репрезентируются известные маркеры «грузинского текста», обозначенные еще Лермонтовым в балладе «Спор» и очерке «Кавказец», – вино и леность. В противовес этим характеристикам герой Чичибабина выбирает Армению – «божью любовь»:

Ну что тебе Грузия? Хмель да кураж,
приманка для бардов опальных
да весь в кожуре апельсиновый пляж
с луной в обезьяновых пальмах.
Я мог бы, пожалуй, довериться здесь
плетучим абхазским повозкам,
но жирность природы, но жителей спесь...
А ну их к монахам афонским!..
А сбоку Армения – божья любовь,
в горах сораспятая с Богом,
где боль Его плещет в травинке любой,
где малое помнит о многом.
[Чичибабин, 2013, *220*]

Важно, что само восприятие локусов Армении и Грузии было не просто изменчиво, а взаимоизменчиво и синхронно. Так, например, если вспомнить начало XIX века, то Грузия там будет во многом ассоциироваться с женским началом и христианским самосознанием. В «Браке Грузии с русским царством» В.Ф. Одоевского это эксплицировано уже в названии, а в романе А.А. Шишкова «Кетевана, или Грузия в 1812 году» – во вступлении: «отделенная от единоверных ей Християн гранитной стеною Кавказа», она «не могла простерть к ним молящих рук, когда дикие племена ее терзали» [Шишков, 1835, *2*]. Начиная с Лермонтова, в красках описавшего в балладе «Спор» «сонного грузина» [Лермонтов, 1954, *193*] в тени чинары, а в очерке «Кавказец» – «кавказца грузинского», который «любит кахетинское и широкие шаровары» [Лермонтов, 1957, *351*], роль Грузии как христианской обители стала постепенно утрачиваться, и на ее место встала Армения, как показывают тексты Звягинцевой и Чичибабина. Подтверждение этому тезису можно найти и в других текстах об Армении – в стихотворении И.Л. Лиснянской «Арарат» присутствует показательный подзаголовок «Из апокрифа» [Лиснянская, 2006, *141*], этим же автором написан «Триптих молитвы», посвященной Армении:

Вот озирает Он снега,
Ища Ковчег у Арарата,
И возлюбить велит врага,
И помолиться, как за брата.
[Лиснянская, 1995, *151*]

[9] Подробнее об изменениях в автографе стихотворения см.: [Цявловский, 1962].

* * *

Генезис армянского и грузинского локальных текстов диаметрально противоположен как в хронологическом, так и в художественном аспекте. Армянский текст конструируется в XX веке, в то время как грузинский – в XIX. При этом для поэтов, пишущих о Грузии, первичным становится собственно переживание лирического субъекта на фоне воспеваемого пространства, в то время как для «армянского текста» первично обращение к нарративу об истории этой страны.

В результате компаративного анализа двух соположенных локальных текстов мы приходим к выводу, что ядром такого текста может стать только «сильный текст», способный породить после себя другие тексты об этом пространстве, и наличие такого текста – обязательное условие для появления сверхтекстового образования. С другой стороны, для формирования локального текста важна установка лирического субъекта – собственно фокусировка только на локусе еще локального текста не формирует, в то время как переживание и эмоции лирического «я» относительно локуса – напротив. Поэтому справедливым становится утверждение о том, что «армянский текст» появляется в русской поэзии с начала XX века под пером Мандельштама, Городецкого и Брюсова, а «грузинский текст» – в начале XIX столетия в стихах Пушкина и Лермонтова, вобравших традиции Державина и Грибоедова.

В результате исследования нами выдвигается гипотеза о причинах противоположных векторов развития локальных текстов: тексты о Грузии во многом ограничиваются силой пушкинских и лермонтовских влияний и потому образуют скорее циклы рецептивные, а стихотворения об Армении этого лишены, и потому «армянский текст» содержит куда больше этнографических реалий и вариантов.

Доказано, что исследуемые локальные тексты взаимозависимо развиваются. «Армянский текст» не просто перенимает некоторые элементы грузинского, а воплощается в стихотворениях отечественных поэтов XX столетия как альтернатива одного пространства другому.

ЛИТЕРАТУРА

Амирханян М.Д., Павлова Л.В., Романова И.В. Реконструкция «армянского» текста в русской поэзии XX века (опыт компьютерного исследования) // Известия Смоленского государственного университета. 2020. № 2(50). С. 5–21.

Багратион-Мухранели И.Л. «Другая жизнь и берег дальный». Репрезентация Грузии и Кавказа в русской классической литературе. Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2014. 460 с.

Бонди С.М. Черновики Пушкина. Статьи 1930–1970. М.: Просвещение, 1978. 232 с.

Брюсов В.Я. Собрание сочинений. В 7 т. М.: Худож. лит., 1973. Т. 2. 494 с.

Бубнова Н.В. Проект словаря имен собственных электронного ресурса «Армянский текст русской поэзии» // Громовские чтения. Вып. IV: Проблемы современной региональной лексикографии: сборник материалов международной научной конференции (Кострома, 15–16 сентября 2022 г.) (в печати).

Глинка С.Н. Две повести в стихах, подчерпнутые из древних армянских летописей. Сочинение Сергея Глинки. М.: Типография Лазаревых ин-та Восточных языков, 1831. 41 с.

Городецкий С.М. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1974. 638 с.

Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений. В 3 т. СПб.: Нотабене, 1999. Т. 2. 618 с.

Звягинцева В.К. Моя Армения. Стихи, избранные переводы. Ереван: Армянское гос. изд-во, 1964. 166 с.

Зырянов О.В. Проблемно-методологическое поле современной этнопоэтики // Филологический класс. 2019. № 1(55). С. 8–15.

Корнилов Б.П. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1966. 544 с.

Кушнер А.С. Дневные сны: Книга стихов. Л.: Лениздат, 1986. 87 с.

Кушнер А.С. Стихотворения. Л.: Худож. лит., 1986. 304 с.

Лиснянская И.Л. Шкатулка: в которой стихи и проза. М.: Русскій міръ, 2006. 480 с.

Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем. В 3 т. М.: Прогресс Плеяда, 2009. Т. 1. 808 с.

Мандельштам О.Э. Слово и культура: статьи. М.: Советский писатель, 1987. 320 с.

Маяковский В.В. Сочинения в двух томах. М.: Правда, 1987. Т. 1. 768 с.

Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. URL: http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35 (дата обращения: 04.05.2023).

Митропольский С. Мысли об Армении. Сочинение Сергея Митропольского. СПб., 1813. 16 с.

Павлова Л.В., Романова И.В. «Армянский» текст русской поэзии: (интерпретация данных программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах») // Новый филологический вестник. 2020. № 4(55). С. 212–225.

Павлова Л.В., Романова И.В. «Цветная» составляющая частотного словаря «армянского текста» // Litera. 2022. № 12. С. 20–32.

Полонский Я.П. Полное собрание стихотворений. В 5 т. СПб.: Издание А.Ф. Маркса, 1896. Т. 2. 460 с.

Потапова Е.В. Грузия и Кавказ в поэтическом сознании Пушкина («На холмах Грузии…» и «Не пой, красавица, при мне…») // Актуальные проблемы филологии: материалы междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (Екатеринбург, 25 апреля 2019 г.). Вып. 18. Екатеринбург: [Б. и.], 2019. С. 90–98.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. М.; Л.: АН СССР, 1950. Т. 3: Стихотворения 1827–1836. 552 с.

Романова И.В. Поэтика Иосифа Бродского: лирика с коммуникативной точки зрения: монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2007. 328 с.

Самойлов Д.С. Счастье ремесла: Избранные стихотворения. М.: Время, 2010. 784 с.

Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб.: Искусство – СПб, 2003. 616 с.

Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.

Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем. В 6 т. Т. 2: Стихотворения 1850–1873. М.: Изд. центр «Классика», 2003. 640 с.

Ходанен Л.А. Культурный концепт «Кавказ» и его текстообразующая роль в творчестве А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 45–56.

Четвертных Е.А. Элизийский текст в русской поэзии XIX–XX вв.: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург: [Б. и.], 2010. 24 с.

Цявловский М.А. Автограф стихотворения «Не пой, волшебница, при мне...» // Цявловский М.А. Статьи о Пушкине. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 378–389.

Чичибабин Б.А. В стихах и прозе. М.: Наука, 2013. 567 с.

Шафранская Э.Ф. Армянский текст: дети Иова // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2022. № 3. С. 511–520.

Шафранская Э.Ф. Армянский текст: стихи и проза // Филологические науки. Медиа. Текст. Редактирование. 2022. № 6. С. 135–143.

Шишков А.А. Сочинения и переводы капитана А.А. Шишкова. В 4 томах. Т. 3. СПб.: Тип. Императорской Российской академии, 1835. 144 с.

Bloom H. Poetry, Revisionism, Repression // Critical Inquiry. 1975. Vol. 2, No 2. P. 233–251.

Bloom H. The Anxiety of Influence // Diacritics. 1972. Vol. 2, No. 1. P. 36–41.

E.V. Potapova
Research intern, Master of Philology,
REC «Smolensk Center for Quantitative Philology»,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

«Armenian» VS «Georgian» Local Texts: on theProblem of Gnesis and Ways of Evolution

The article provides a comparative analysis of two local texts – Armenian and Georgian. In the aspect of genesis, the reasons for the different chronological origin of local texts and their interrelated further development are revealed, based on the classification of the expression of the lyrical subject in the poetic text and the theory of the supertext. The hypothesis about the reasons for the emergence of opposite vectors of the development of Russian poetry about Georgia and Armenia is put forward. The ground of the research is the theoretical basis of X. Bloom's «fear of influence» and «strong texts», as well as a receptive approach, they help to hypothesize two conditions for the formation of a supertext education.

Key words: *Georgian text; Armenian text; local text; Caucasian text.*

REFERENCES

Amirkhanian M.D., Pavlova L.V., Romanova I.V. Reconstruction of the «Armenian» Text in the Russian Poetry of the XX Century (Computer Research Experience) [Rekonstruktsiia «armianskogo» teksta v russkoi poezii XX veka (opyt komp'iuternogo issledovaniia)]. *Issues of Smolensk Stte University*. 2020, no. 2 (50), pp. 5–21 (in Russian).

Bagration-Mukhraneli I.L. «Another life and a distant shore». Representation of Georgia and the Caucasus in Russian classical literature [«Drugaya zhizn' i bereg dal'nyj». Reprezentaciya Gruzii i Kavkaza v russkoj klassicheskoj literature]. Tver': Marina Batasova publ. house, 2014. 460 p. (in Russian).

Bondi S.M. Pushkin's drafts. Articles 1930–1970. [Chernoviki Pushkina. Stat'i 1930–1970]. Moscow: Enlightenment, 1978. 232 p. (in Russian).

Bryusov V.Ya. Composition of writings: in 7 volumes [Sobranie sochinenij v 7 tom.]. Moscow: Imaginative literature, Vol. 2, 1973. 494 p. (in Russian).

Bubnova N. V. The project of the dictionary of proper names of the electronic resource «Armenian text of Russian poetry» [Proekt slovarya imyon sobstvennyh elektronnogo resursa «Armyanskij tekst russkoj poezii»]. Gromov Readings. Vol. IV. Problems of modern regional lexicography: collection of materials of the international scientific conference. Kostroma, September 15–16, 2022 (in print) (in Russian).

Glinka S.N. Two stories in verse, drawn from ancient Armenian chronicles. Composition by Sergei Glinka [Dve povesti v stihah, podcherpnutye iz drevnih armyanskih letopisej. Sochinenie Sergeya Glinki]. Moscow: Lazarev's printing house of the Institute of Oriental Languages, 1831. 41 p. (in Russian).

Gorodetsky S.M. Poems [Stihotvoreniya i poemy]. Leningrad: Soviet writer, 1974. 638 p. (in Russian).

Griboyedov A.S. Full composition of writings: in 3 volumes [Polnoe sobranie sochinenij: v 3 tom.]. St. Peterburg: Notabene, Vol. 2, 618 p. (in Russian).

Zvyagintseva V.K. My Armenia. Poems, selected translations [Moya Armeniya. Stihi, izbrannye perevody]. Yerevan: Armenian state publ. house, 1964. 166 p. (in Russian).

Kornilov B. P. Poems. [Stikhotvoreniia i poemy]. Leningrad: Soviet writer, 1966. 544 p. (in Russian).

Zyryanov O.V. Problem-methodological field of modern ethnopoetics [Problemno-metodologicheskoe pole sovremennoj etnopoetiki]. *Philological class*. 2019. No. 1 (55), pp. 8–15 (in Russian).

Kushner A.S. Daytime Dreams. Book of Poems [Dnevnye sny: Kniga stihov]. Leningrad: Lenizdat, 1986. 87 p. (in Russian).

Kushner A.S. Poems. [Stikhotvoreniia]. Leningrad: Artistic Literature, 1986. 304 p. (in Russian).

Lisnyanskaya I.L. A box: in which there are poems and prose [Shkatulka: v kotoroj stihi i proza]. Moscow: Russian world, 2006. 480 p. (in Russian).

Mandel'shtam O.E. Full composition of writings and letters. In 3 volumes [Polnoe sobranie sochinenij i pisem. V 3 tom.]. Moscow: Progress Pleiad, 2009. Vol. 1, 808 p. (in Russian).

Mandel'shtam O.E. Word and culture: articles [Slovo i kul'tura: stat'i]. Moscow: Soviet writer, 1987. 320 p. (in Russian).

Mayakovsky V. V. Writings in two volumes [Sochineniya v dvuh tomah.] Moscow: Truth, 1987. Vol. 1. 768 p. (in Russian).

Mednis N.E. Supertexts in Russian literature [Sverhteksty v russkoj literature]. Available at: http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35 (accessed on 4 May 2023) (in Russian).

Mitropol'skij S. Thoughts on Armenia. Composition by Sergei Mitropolsky [Mysli ob Armenii. Sochinenie Sergeya Mitropol'skogo]. St. Petersburg, 1813. 16 p. (in Russian).

Pavlova L.V., Romanova I.V. «Armenian» Text of Russian Poetry (Interpretation of Software Data «Hypertext Search for Companion-words in Author's Texts») [«Armianskii» tekst russkoi poezii (interpretatsiia dannykh programmnogo kompleksa «Gipertekstovyi poisk slov-sputnikov v avtorskikh tekstakh»)]. *New philological issues*. 2020, no. 4(66), pp. 212–225 (in Russian).

Pavlova L.V., Romanova I.V. «Color» component of the frequency dictionary of the «Armenian text» [«Cvetnaya» sostavlyayushchaya chastotnogo slovarya «armyanskogo teksta»]. *Litera*. No. 12. 2022, pp. 20–32 (in Russian).

Polonskii Ia.P. Full composition of writings [Polnoe sobranie stikhotvorenii]. St. Petersburg : Publ. of A.F. Marks, 1896. Vol. 2. 460 p. (in Russian).

Potapova E.V. Georgia and the Caucasus in Pushkin's poetic consciousness («On the hills of Georgia...» and «Don't sing, beauty, with me...») [Gruziia i Kavkaz v poeticheskom soznanii Pushkina («Na kholmakh Gruzii…» i «Ne poi, krasavitsa, pri mne…»)]. *Topical problems of philology*. Vol. 18. Ekaterinburg, 2019, pp. 90–98. (in Russian).

Pushkin A.S. Full composition of writings. Poems of 1827–1836. [Polnoe sobranie sochinenii. Stikhotvoreniia 1827–1836]. Moscow; Leningrad: Science, 1950. Vol. 3. 552 p. (in Russian).

Romanova I.V. Poetics of Joseph Brodsky: lyrics from a communicative point of view: monograph [Poetika Iosifa Brodskogo: lirika s kommunikativnoj tochki zreniya: monografiya]. Smolensk: Smolensk State University, 2007. 328 p. (in Russian).

Samoilov D.S. Craft happiness: Selected poems [Schast'e remesla: Izbrannye stihotvoreniya]. Moscow: Time, 2010. 784 p. (in Russian).

Toporov V.N. Petersburg text of Russian literature. Selected works [Peterburgskij tekst russkoj literatury. Izbrannye trudy] St. Petersburg: Art-SPb, 2003. 616 p. (in Russian).

Tyupa V.I. Mythology of Siberia: on the issue of the «Siberian text» of Russian literature [Mifologema Sibiri: k voprosu o «sibirskom tekste» russkoj literatury]. *Sibirsk philological journal*. 2002. No. 1. pp. 27–35. (in Russian).

Tyutchev F.I. Full composition of works and letters: in 6 volumes. Poems 1850–1873 [Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 6 tom. Stihotvoreniya 1850–1873]. Moscow: Publishing Center «Classics», 2003. Vol. 2. 640 p. (in Russian).

Khodanen L.A. The cultural concept «Caucasus» and its text-forming role in the work of A.S. Pushkin and M.Yu. Lermontov [Kul'turnyj koncept «Kavkaz» i ego tekstoobrazuyushchaya rol' v tvorchestve A.S. Pushkina i M.YU. Lermontova]. *Sibirsk philological journal*. 2015. No. 4. pp. 45–56 (in Russian).

Chetvertnykh E.A. The Elysian text in Russian poetry of the XIX–XX centuries: abstract of dissertation ...candidate of Philological Sciences. Ekaterinburg, 2010. 24 p. (in Russian).

Tsyavlovsky M.A. Autograph of the poem «Do not sing, sorceress, with me ...». Articles about Pushkin [Avtograf stihotvoreniya «Ne poj, volshebnica, pri mne...». Stat'i o Pushkine]. Moscow: Science, 1962, pp. 378–389 (in Russian).

Chichibabin B.A. In poetry and prose [V stihah i proze]. Moscow: Science, 2013. 567 p. (in Russian).

Shafranskaya E.F. Armenian text: Job's children [Armyanskij tekst: deti Iova]. *Polylinguality and transcultural practices*. 2022. No 3, pp. 511–520 (in Russian).

Shafranskaya E. F. Armenian Text: Poetry and Prose [Armyanskij tekst: stihi i proza]. *Philological sciences. Media. Text. Editing*. 2022. No. 6, pp. 135–143 (in Russian).

Shishkov A. A. The writings and translations of Captain A. A. Shishkov: in 4 volumes [Sochineniya i perevody kapitana A.A. SHishkova: v 4-h tom.]. St. Peterburg: Printing house of the Imperial Russian Academy, 1835. Vol. 3, 144 p. (in Russian).

Bloom H. Poetry, Revisionism, Repression. *Critical Inquiry*. Vol. 2, no. 2. pp. 233–251 (in English).

Bloom H. The Anxiety of Influence. *Diacritics*. 1972. Vol. 2, no. 1. pp. 36–41 (in English).

Н.В. Бубнова

Смоленский государственный университет,
Военная академия войсковой противовоздушной обороны ВС РФ
им. Маршала Советского Союза А.М. Василевского
Смоленск, Россия

УДК 81'373.2

DOI 10.35785/2072-9464-2023-64-4-54-63

МОДЕЛЬ МАКРО- И МИКРОСТРУКТУРЫ СЛОВАРЯ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА «АРМЯНСКИЙ ТЕКСТ РУССКОЙ ПОЭЗИИ»[1]

Ключевые слова: *армянский текст; ассоциативно-культурный фон; имя собственное (оним, ономастическая единица); антропоним; топоним.*

В статье представлена характеристика структуры разрабатываемого в рамках проекта «Электронный ресурс "Армянский текст русской поэзии": репрезентация локального текста русской литературы» словаря имен собственных, функционирующих в исследуемом локальном тексте. В макро-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00339 «Электронный ресурс "Армянский текст русской поэзии": репрезентация локального текста русской литературы».

структуре словаря предполагается выделить «ядро», включающее в себя ономастические единицы (преимущественно антропонимы и топонимы) с высокими индексами частотности употреблений в рамках всего анализируемого материала, и периферийную область низкочастотных имен, формирующих так называемый ономастический фон. Микроструктуру словаря составят три словарные зоны: предметных сведений, языковых сведений и дополнительных сведений. Предметная зона словарной статьи включает основные сведения о носителе имени и строится в соответствии с типом и статусом заголовочной единицы. Элементами языковой зоны являются акцентологическая, грамматическая и словообразовательная характеристики имени и сведения о его этимологии. В зоне дополнительных сведений приводятся ссылки на все тексты собранного корпуса, в которых встречается анализируемая ономастическая единица (наиболее значимые тексты, например, где оним вынесен в заглавие, возможно привести полностью в словарной статье), а также сведения, входящие в ассоциативно-культурный фон имени (в случае его наличия и экспликации). Объем и содержание словарных статей будут определяться индивидуальными свойствами конкретного описываемого онима.

Исследование ономастических единиц в художественном тексте – особое направление ономастики, с одной стороны, имеющее длительную историю развития, а с другой – всегда актуальное и перспективное, поскольку постоянно обновляется исследовательский материал и появляются новые подходы к его изучению и описанию. Еще в начале прошлого века Ю.Н. Тынянов в статье «Литературный факт» 1924 года впервые высказал мысль о важности имени в литературном тексте, отметив, что «в художественном произведении нет неговорящих имен» [Тынянов, 1977, *269*]. Очевидно, что каждое имя собственное вводится автором в текст не случайно, оно зачастую является «смысловым сгустком», носителем многопланового ассоциативно-культурного фона [Максимчук, 2002, *166–167*], знание которого во многом способствует более глубокому пониманию содержания произведения.

В современной ономастической науке различные аспекты функционирования имени собственного в художественном тексте изучаются ономатологами из Арзамаса, Волгограда, Воронежа, Донецка, Костромы, Твери, Ярославля и многих других регионов России. В Смоленской ономастической школе под руководством профессора И.А. Королевой вопросы литературной ономастики рассматривают Н.В. Ланге, С.Н. Волкова, К.Ю. Курс, О.В. Иванова, Л.П. Родионова и другие исследователи.

Материалом нашей работы служат ономастические единицы электронного ресурса «“Армянский текст русской поэзии”: репрезентация локального текста русской литературы». Формирование и многоаспектное описание материалов данного ресурса осуществляется коллективом авторов (Л.В. Павлова, И.В. Романова, Э.Ф. Шафранская, С.Н. Андреев, Н.В. Бубнова, Г.А. Закроева, Ш.Р. Кешфи-

динов, Е.В. Потапова, А.Н. Цубанова) в рамках поддержанного грантом Российского научного фонда одноименного проекта (руководитель – В.И. Карасик). Актуальность описания ономастического наполнения армянского текста обусловлена тем, что «одним из критериев локального текста является наличие в нем знаковых имен собственных – своего рода культурных маркеров» [Павлова, Романова, 2023, *6*]. В армянском тексте имена собственные встречаются уже на первых этапах его формирования. В частности, исследователи отмечают: «Одно из наиболее ранних поэтических упоминаний об Армении встречается в русском фольклоре. Так, в былине "Илья Муромец и Святогор" дважды упоминается гора Арарат. Первый раз – когда рассерженный Святогор проснулся от крика и неоднократных ударов Ильи. <…> Илья просидел в кармане Святогора три дня. Затем богатыри побратались, и здесь снова упоминается самая знаменитая гора Армении» [Амирханян, Павлова, Романова, 2020, *5–6*]. На сегодняшний день корпус «армянских текстов» в русской литературе достаточно масштабен, а его ономастическое наполнение многогранно и интересно. Упомянутый выше оним Арарат, по замечанию Э.Ф. Шафранской, является «главным паттерном ("строительная единица, слагаемое локального текста")» [Шафранская, 2022, *513*]) армянского текста в русской поэзии» [Шафранская, Кешфидинов, 2022, *31*]. Описанию отдельных ономастических единиц «армянского текста» русской поэзии посвящены наши работы (см. подробнее: [Бубнова, 2022а; 2022б]), в которых имя собственное рассматривается как знак культуры, носитель многоплановой историко-культурной информации о жизни народа.

С целью структурирования всего ономастического наполнения электронного ресурса «Армянский текст русской поэзии» нами разрабатывается словарь имен собственных, функционирующих в данном локальном тексте. Особенностью словаря является его антропоцентрическая направленность (концептуальное оформление антропоцентрического подхода к лексикографированию принадлежит В.В. Морковкину), при которой лексикограф «выступает как посредник между обществом – коллективным носителем речи – и индивидуумом, который, обращаясь за справкой к словарю, как бы задает вопрос лексикографу. Ответы лексикографа (носителя коллективного знания) воспринимаются как более или менее обязательные предписания для читателя словаря, поскольку словарь предназначен для того, чтобы устранить расхождение между индивидуальным знанием и знанием всего коллектива» [Гак, 1977, *12*].

В макроструктуре словаря предполагается размещение онимов по убыванию их индексов частотности (количеству употреблений в рамках всего «армянского текста»). Наиболее частотные имена сформируют «ядро» ономастического пространства «армянского текста», а низкочастотные онимы – периферийную область, называемую ономастическим фоном. На сегодняшний день собранный корпус «армянских текстов» выверяется, вследствие чего говорить о точных индексах частотности ономастических единиц в макроструктуре

словаря преждевременно, но уже на данном этапе очевидно, что «ядро» сформируют онимы, относящиеся к разряду антропонимов и топонимов. Существует множество классификаций онимов по разрядной принадлежности [Суперанская, 1973; Бондалетов, 1983; Супрун, 2000]; мы придерживаемся классификации И.А. Королевой, которая заключает, что «для выявления коннотативного содержания и роли различных онимов в художественном тексте мы считаем вполне возможным, с учетом антропоцентрического подхода в языкознании, деление всех ИС (имен собственных. – *Н. Б.*) на три разряда: антропонимы – именования человека, топонимы – обозначение места, где существует человек, и ономастический фон – все другие онимы, дающие дополнительную, так называемую фоновую информацию о человеке и месте» [Королева, 2014, *313*]. Данная классификация, применимая к художественному тексту, впервые была успешно апробирована в диссертационных исследованиях С.Н. Волковой (на примере прозаического текста О. Ермакова «Знак зверя») [Волкова, 2012] и К.Ю. Курс (на примере поэтических текстов М.В. Исаковского) [Курс, 2013].

Микроструктура словаря будет включать в себя нескольких словарных зон: зону предметных сведений (ПС), зону языковых сведений (ЯС) и зону дополнительных сведений (ДС). Антропонимам и топонимам соответствуют два типа базовых словарных статей.

В структуру ПС словарной статьи с заголовочной единицей антропонимом входят следующие позиции: годы жизни, род деятельности носителя имени и основные события биографии. К числу ЯС об антропонимах относится указание формы родительного падежа и родовой принадлежности имени, образуемого от антропонима имени прилагательного и этимологии онима. В зоне ДС будет представлена информация об ассоциативно-культурном фоне имени, а также ссылки на все тексты, в которых содержится данный оним (обозначены значком раскрытой книги).

Приведем разрабатываемый текст словарной статьи, где заголовочной единицей является антропоним (см. подробнее: [Жуков, 2009; Шахбазян, 2011]), предлагаемая в словаре иллюстрация опущена.

АМБАРЦУМЯ́Н Ви́ктор Амаза́спович (1908–1996)

ПС: Армянский и советский астрофизик, астроном, один из основоположников теоретической астрофизики, основатель школы теоретической астрофизики СССР. Академик АН Армянской ССР (1943), президент АН Армянской ССР (1947–1993). Академик АН СССР (1953). Президент Международного астрономического союза (1961–1964). Президент Международного Совета научных союзов (1966–1972). Дважды Герой Социалистического Труда (1968, 1978). Национальный Герой Армении (1994). Дважды лауреат Сталинской премии (1946, 1950). Лауреат Государственной премии Армянской ССР (1988). Лауреат Государственной премии Российской Федерации (1995).

В.А. Амбарцумян окончил физико-математический факультет Ленинградского педагогического института, где еще в студенческие годы опубликовал первую научную работу, посвященную солнечным факелам. По окончании университета в 1928 году поступил в аспирантуру при Пулковской обсерватории. Читал лекции в Ленинградском университете, где в 1934 году основал и возглавил первую в СССР кафедру астрофизики, которой заведовал до 1948 года. В 1935 году без защиты диссертации В.А. Амбарцумяну была присуждена ученая степень доктора физико-математических наук. В 1946 году основал Бюраканскую астрофизическую обсерваторию, стал ее первым директором и продолжал руководство обсерваторией до 1988 года.

Основные направления научной деятельности В.А. Амбарцумяна: физика звездных оболочек и газовых туманностей, динамика и статистическая механика звездных систем, природа межзвездной материи и теория флуктуаций, теория рассеяния света в мутных средах, физика молодых звезд и источники звездной энергии, внегалактическая астрономия. В.А. Амбарцумян – автор первого в СССР учебника «Теоретическая астрофизика» (1939) и соавтор курса «Теоретическая астрофизика» (1952), переведенного на многие языки; автор целого ряда книг и статей по различным проблемам астрофизики.

ЯС: *род*. Амбарцумя́н|а Ви́ктор|а Амаза́спович|а, *м*. || *прил.* **амбарцумя́нск|ий**. *Этим*. Фамилия Амбарцумян образована от армянского мужского имени Амбарцум, которое в переводе на русский язык означает «сияющий в небе». Характерной чертой армянских фамилий являются суффиксы -ян, -янц, -енц, -унц, -онц, -уни, выражающие принадлежность к определенному клану или родственную связь. Все эти форманты первоначально означали «из семьи таких-то» или «из рода таких-то». Соответственно, фамилия Амбарцумян поначалу имела значение «из рода Амбарцума». Со временем специфические суффиксы утратили свое изначальное значение и стали восприниматься лишь как фамильные окончания.

ДС: Памятник В.А. Амбарцумяну находится в Ереване. В 2023 году по случаю 115-летия со дня рождения ученого планируется открытие памятника в Ванадзоре. Именем Амбарцумяна названа малая планета (1905 Ambartsumyan), открытая Т.М. Смирновой 14 мая 1972 года. Имя Амбарцумяна носит Бюраканская астрофизическая обсерватория. С 2010 года существует Международная премия имени В.А. Амбарцумяна, присуждаемая один раз в два года за выдающуюся научную работу в астрофизике, а также в примыкающих к ней сферах.

«Виктору Амазасповичу Амбарцумяну» (М. Дудин)
«О, тайна фамилий на «ян»» (М. Матусовский)

ПС о топонимах включают сведения о местонахождении, количественные данные о населении (для населенных пунктов), историческую справку с указанием связанных с этим местом событий и названия достопримечательностей. К числу ЯС относится указание формы родительного падежа и родовой

принадлежности онима, образуемого оттопонимного имени прилагательного, наименования жителей и этимология названия. В зоне ДС будет представлена информация об ассоциативно-культурном фоне имени (для топонимов это преимущественно отсылки к другим факультативным словарным статьям, заголовочными единицами которых являются оттопонимные образования), а также ссылки на все тексты, в которых содержится данный оним.

Приведем разрабатываемый текст словарной статьи, где заголовочной единицей является топоним (см. подробнее: [Арутюнян, 1958; БРЭ, 2006; Поспелов, 1998]), предлагаемая в словаре иллюстрация опущена.

ВАГАРШАПА́Т (II век н. э. – 1945 год) / **ЭЧМИАДЗИ́Н** (1945–1992)

ПС: Город в Армавирской области Армении, на Араратской равнине, один из наиболее значительных культурных, образовательных и духовных центров страны. Население – 57,5 тыс. жителей (2010 год). Основан царем Великой Армении Вагаршем I в начале II века н. э. Во II–IV веках город был столицей Великой Армении. В начале V века Месроп Маштоц основал здесь первое учебное заведение, где обучение велось с помощью созданного им алфавита. В период с V по IX век, когда официальной столицей был город Двин, Вагаршапат приобрел неофициальный статус религиозной столицы: город был главным духовным центром Армянской апостольской церкви. Основные достопримечательности: Эчмиадзинский монастырь и Эчмиадзинский кафедральный собор; Краеведческий музей, филиал Армянской государственной картинной галереи, Дом-музей поэта И.М. Иоаннисяна, музей композитора Комитаса (С.Г. Согомоняна).

ЯС: *род.* Вагаршапа́т|а, Эчмиадзи́н|а, *м.* || *прил.* **вагаршапа́тск|ий**, **эчмиадзи́нский**; *жит.* **вагаршапа́тц|ы**, вагаршапа́тцев; **эчмиадзи́нц|ы**, эчмиадзи́нцев. *Этим.* Мовсес Хоренаци в книге «История Армении» отмечает, что первоначально город Вагаршапат носил название Артимед, затем – Вардгесаван. Название Артимед связывают с храмом, посвященным богине Анаит, что подтверждают фрагменты языческих храмов, обнаруженные при раскопках собора Святой Рипсиме в 50-х годах XX века. Позже Артимед был переименован в Аван Вардгеси (арм. аван – «селение»), или Вардгесаван («Город Вардгеса») князем Вардгесом Мануком, который восстановил поселение у берегов реки Касах во время правления короля Ерванда I Сакавакяца (570–560 годы до н.э.). В 140-х годах царь Вагарш I окружил селение стенами и назвал Вагаршапат, т.е. «город Вагарша» (перс. апат, абад – «селение, город»(. В 163 году, во время кратковременной оккупации Армении, город был объявлен римской столицей Армении под названием Кайнеполис, что означает «Новый город». С 1410 года с образованием туркоманского государства Кара-Коюнлу город был известен также под тюркским названием Учкилиса́, что означает «три церкви». В 1945 году по ходатайству армянской церкви городу было присвоено имя Эчмиадзин по названию находящегося в нем Эчмиадзинского монастыря. В 1992 году город снова переименован в Вагаршапат; сегодня в обиходе используются оба названия [Поспелов, 1998, *160*].

ДС: *См. ткж.* **Вагаршапатский (Эчмиадзи́нский) танец, Эчмиадзинский монастырь, Эчмиадзинский кафедральный собор**.

«Вагаршапат, субботний листопад…» (А. Григоров)
«Эчмиадзин (двадцатые годы)» (С. Шервинский)
«Август» (М. Матусовский)

Вагаршапа́тский (Эчмиадзи́нский) танец (**Еранги́ / Ранги́**) – армянский женский сольный танец, мелодия которого была записана и обработана для фортепиано Н. Тиграняном и Комитасом. Танец известен также благодаря фортепианной обработке А. Бабаджаняна.

Эчмиадзинский монастырь – монастырский комплекс, духовный и административный центр Армянской апостольской церкви. На территории комплекса расположены Эчмиадзинский кафедральный собор и богословские учебные заведения. Входит в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Эчмиадзинский кафедральный собор – собор, построенный в первые годы IV века на том месте, где, согласно преданию, первому патриарху Григору Лусаворичу (Просветителю) приснилось, как Христос сошел с неба с огненным молотом в руках и указал место для постройки собора. В 303 году на этом месте, где находился древний языческий храм, и была заложена церковь (христианство стало государственной религией Армении в 301 году), названная Эчмиадзином, что по-армянски означает «место сошествия Единорожденного». Отделка собора была закончена в 1786 году художником Овнатаняном. Особенностью собора является то, что в нем, кроме главного алтаря в его восточной части, есть еще три алтаря. Два из них соответственно находятся в южной и северной части, а третий является не столько алтарем, сколько святым местом. По преданию, именно на это место сошел Христос в своем явлении.

В заключение отметим, что составление словаря, где имена собственные «армянских текстов» описаны с точки зрения их лингвокультурологической ценности, будет способствовать реализации одной из основных целей проекта – описанию многомерного семиотического пространства «армянского текста», в котором отражаются культура и традиции региона, менталитет и ценностные координаты.

ЛИТЕРАТУРА

Амирханян М.Д., Павлова Л.В., Романова И.В. Реконструкция «армянского текста» в русской поэзии XX века (опыт компьютерного исследования) // Известия Смоленского государственного университета. 2020. № 2(50). С. 5–21.

Арутюнян В.М. Эчмиадзин. М.: Искусство, 1958. 76 с.

Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.

Бубнова Н.В. Топоним *Арарат* в «армянском тексте» русской поэзии // XVI Поливановские чтения: сборник статей по материалам докладов и сообщений международной научной конференции (Смоленск, 25–26 октября 2022 года) / отв. ред. И.А. Королева. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2022а. С. 25–32.

Бубнова Н.В. Преображение Господне, или Вардавар: общность культур России и Армении // Многонациональная Россия: вчера, сегодня, завтра: сборник научных статей. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2022б. С. 74–81.

Вагаршапат // Большая российская энциклопедия / гл. ред. Ю.С. Осипов. В 35 т. Т. 4: Большой Кавказ – Великий канал. М.: Большая российская энциклопедия, 2006. С. 491.

Волкова С.Н. Имена собственные в романе О.Н. Ермакова «Знак зверя»: автореф. дис. … канд. филол. наук. Смоленск, 2012. 22 с.

Гак В.Г. О некоторых закономерностях развития лексикографии (учебная и общая лексикография в историческом аспекте) // Актуальные проблемы учебной лексикографии. М., 1977. С 11–27.

Жуков В.Ю. «Быть полезным мыслью и делом»: К 100-летию со дня рождения В.А. Амбарцумяна // Историко-астрономические исследования. Вып. 34. М.: Изд-во физико-математической литературы, 2009. С. 60–68.

Королева И.А. Ономастический фон лирики А.Т. Твардовского // Ономастика Поволжья: материалы XIV Международной научной конференции / под ред. И.М. Ганжиной, В.И. Супруна. Тверь: Изд-во Марины Батасовой; Альфа-Пресс, 2014. С. 313–316.

Курс К.Ю. Имена собственные в поэзии М.В. Исаковского: структурно-семантический и функциональный анализ: автореф. дис. … канд. филол. наук. Смоленск, 2013. 26 с.

Максимчук Н.А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. В 2 ч. Смоленск: СГПУ, 2002. Ч. 1. 184 с.

Павлова Л.В., Романова И.В. Созвучие Сарьяна и Армении в восприятии русских поэтов // Известия Смоленского государственного университета. 2023. № 1(61). С. 5–18.

Поспелов Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь: Свыше 5000 единиц / отв. ред. Р.А. Агеева. М.: Русские словари, 1998. 372 с.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 336 с.

Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 43 с.

Тынянов Ю.Н. Литературный факт // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 255–270.

Шафранская Э.Ф., Кешфидинов Ш.Р. Буквы МАШТОЦА – паттерн армянского ТЕКСТА // Вопросы филологии. 2022. № 4(80). С. 31–35.

Шафранская Э.Ф. Армянский текст: дети Иова // Полилингвальность и транскультурные практики. 2022. Т. 19, № 3. С. 511–520.

Шахбазян Ю.Л. Амбарцумян: Этапы жизни и научные концепции. М.: Молодая гвардия, 2011. 300 с.

N.V. Bubnova
PhD in Philology, Associate Professor; Senior Research Fellow,
REC «Smolensk Center for Quantitative Philology»,
Smolensk State University;
Associatet Professor,
Chair of the Russian Language,
Russian Federation Army Air Defense Military Academy
named after the Marshal of the Soviet Union A.M. Vasilevsky
Smolensk, Russia

Macro- and Microstructure Model of the Dictionary of Names of Own Electronic Resource «Armenian Text of Russian Poetry»

The article presents the characteristics of the structure of the dictionary of proper names, functioning in the studied local text, developed within the framework of the project «Electronic resource "Armenian text of Russian poetry": representation of the local text of Russian literature». In the macrostructure of the

dictionary, it is supposed to single out the «core», which includes onomastic units (mainly anthroponyms and toponyms) with high indices of frequency of use within the entire analyzed material, and a peripheral area of low-frequency names that form the so-called onomastic background. The microstructure of the dictionary will be made up of three vocabulary zones: subject information, language information and additional information. The subject area of a dictionary entry includes basic information about the bearer of the name and is built in accordance with the type and status of the heading unit. The elements of the language zone are the accentological, grammatical and derivational characteristics of the name and information about its etymology. The additional information zone contains links to all texts of the collected corpus in which the analyzed onomastic unit is found (the most significant texts, for example, where they are included in the title, can be given in the text of the dictionary entry), as well as information included in the associative and cultural background of the name (in case of its presence and explication). The volume and content of dictionary entries will be determined by the individual properties of the specific onym being described.

Key words: *Armenian text; associative cultural background; proper name (onym, onomastic unit); anthroponym; toponym.*

REFERENCES

Amirhanyan M.D., Pavlova L.V., Romanova I.V. Reconstruction of the “Armenian Text” in Russian Poetry of the 20th Century (Experience of Computer Research) [Rekonstrukciya «armyanskogo teksta» v russkoj poezii HKH veka (opyt komp'yuternogo issledovaniya)]. *Issues of Smolensk State University*. 2020. No. 2 (50), pp. 5–21 (in Russian).

Arutyunyan V.M. Echmiadzin [Echmiadzin]. Moskow: Iskusstvo, 1958. 76 p. (in Russian).

Bondaletov V.D. Russian onomastics [Russkaya onomastika]. Moscow: Prosveshchenie, 1983. 224 p. (in Russian).

Bubnova N.V. Toponym Ararat in the «Armenian text» of Russian poetry [Toponim Ararat v «armyanskom tekste» russkoj poezii]. XVI Polivanov Readings: collection of articles based on reports and reports of the International Scientific Conference (Smolensk, October 25–26, 2022). Edited by I.A. Koroleva. Smolensk: Smolensk State Unuversiy, 2022a, pp. 25–32 (in Russian).

Bubnova N.V. Transfiguration of the Lord, or Vardavar: common cultures of Russia and Armenia [Preobrazhenie Gospodne, ili Vardavar: obshchnost' kul'tur Rossii i Armenii]. Multinational Russia: yesterday, today, tomorrow: collection of scientific articles. Smolensk: Smolensk State University, 2022b, pp. 74–81 (in Russian).

Vagarshapat [Vagarshapat]. Great Russian encyclopedia. Edited by Yu.S. Osipov. In 35 volumes. Vol. 4 (Greater Caucasus – Great Canal). Moscow: Big Russian encyclopedia, 2006. 491 p. (in Russian).

Volkova S.N. Proper names in the novel by O.N. Ermakov "The Sign of the Beast": [Imena sobstvennye v romane O.N. Ermakova «Znak zverya»] Abstract of dissertation ... candidate of Philological Sciences. Smolensk, 2012. 22 p. (in Russian).

Gak V.G. On some regularities in the development of lexicography (educational and general lexicography in the historical aspect) [O nekotoryh zakonomernostyah razvitiya leksikografii (uchebnaya i obshchaya leksikografiya v istoricheskom aspekte)]. Actual problems of educational lexicography. Moscow, 1977, pp. 11–27 (in Russian).

Zhukov V.Yu. «To be useful in thought and deed»: On the occasion of the 100th anniversary of the birth of V. A. Ambartsumyan [«Byt' poleznym mysl'yu i delom»: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya V. A. Ambarcumyana]. Historical and astronomical research. S.I. Vavilov Institute of the History of Natural Science and Technology of the Russian Academy of Sciences. Issue 34. Moscow: Physical and mathematical literature, 2009, pp. 60–68 (in Russian).

Korolyova I.A. Onomastic background of A.T. Tvardovsky [Onomasticheskij fon liriki A.T. Tvardovskogo]. Onomastics of the Volga region: materials of the XIV International Scientific Conference. Edited by I.M. Ganzhinoj, V.I. Supruna. Tver: Izd-vo Mariny Batasovoj; Al'fa-Press, 2014, pp. 313–316 (in Russian).

Kurs K.Yu. Proper names in the poetry of M.V. Isakovsky: structural-semantic and functional analysis [Imena sobstvennye v poezii M.V. Isakovskogo: strukturno-semanticheskij i funkcional'nyj analiz]. Abstract of dissertation … candidte of Philological Sciences. Smolensk, 2013. 26 p. (in Russian).

Maksimchuk N.A. Normative-scientific picture of the world of the Russian linguistic personality in a complex linguistic consideration. In 2 parts. Part 1 [Normativno-nauchnaya kartina mira russkoj yazykovoj lichnosti v kompleksnom lingvisticheskom rassmotrenii. V 2 chastyah. Chast' 1]. Smolensk: SGPU, 2002. 184 p. (in Russian).

Pavlova L.V., Romanova I.V. Consonance of Saryan and Armenia in the perception of Russian poets [Sozvuchie Sar'yana i Armenii v vospriyatii russkih poetov]. *Issues of Smolensk State University*. 2023. No.1 (61), pp. 5–18 (in Russian).

Pospelov E.M. Geographical names of the world: Toponymic dictionary: Above 5,000 units [Geograficheskie nazvaniya mira: Toponimicheskij slovar': Svyshe 5 000 edinic]. Edited by R.A. Ageeva. Moskow: Russian dictionaries, 1998. 372 p. (in Russian).

Superanskaya A.V. General theory of proper name [Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo]. Moscow: Nauka, 1973. 336 p. (in Russian).

Suprun V.I. Onomastic field of the Russian language and its artistic and aesthetic potentia [Onomasticheskoe pole russkogo yazyka i ego hudozhestvenno-esteticheskij potencial. Abstarct of dissertaton ... doctor of Philological Sciences. Volgograd, 2000. 43 p. (in Russian).

Tynyanov Yu.N. Literary fact [Literaturnyj fakt]. Tynyanov Yu.N. Poetics. History of literature. Movie [Poetika. Istoriya literatury. Kinoteraturnyj fakt]. Moscow: Nauka, 1977, pp. 255–270 (in Russian).

Shafranskaya E.F., Keshfidinov Sh.R. Letters MASHTOTS - Armenian TEXT pattern [Bukvy MASHTOCA – pattern armyanskogo TEKSTA]. *Issues of Philology*. 2022. No.4 (80), pp. 31–35 (in Russian).

Shafranskaya E.F. Armenian text: Children of Iov [Armyanskij tekst: deti Iova]. *Multilinguality and transcultural practices*. 2022. Vol. 19, no. 3, pp. 511–520 (in Russian).

Shahbazyan Yu.L. Ambartsumyan: Stages of life and scientific concepts [Ambarcumyan: Etapy zhizni i nauchnye koncepcii]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2011. 300 p. (in Russian).

В.В. Федоренко

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2023-64-4-64-76

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПОЭЗИИ ЕКАТЕРИНЫ КЛЕТНОВОЙ

Ключевые слова: *Екатерина Клетнова; Серебряный век; поэзия; фольклорные элементы; эпические образы; Михаил Глинка; Петр Столыпин.*

Статья посвящена одной из характерных особенностей поэтических произведений Е.Н. Клетновой (1869–1938), чье литературное творчество до сих пор не известно широкой публике и ранее не становилось предметом всестороннего филологического изучения. Стихотворения Е.Н. Клетновой наполнены различными фольклорными элементами: синтаксическими конструкциями и языковыми формулами, лексическими средствами выразительности, композиционными элементами (запевка и песня), эпическими образами. Особенно активно автор прибегает к фольклорной стилизации при создании стихотворений на общекультурные и политические темы, стремясь придать им народно-эпическое звучание. В ходе исследования применялись сопоставительно-стилистический метод для установления сходства и различия языкового оформления стихотворений Е.Н. Клетновой и фольклорных жанров; структурный метод для анализа специфики строения текста; концептуальный анализ для выявления картины мира языковой личности автора; описательный метод. Был сделан вывод, что фольклорные элементы в поэзии Е.Н. Клетновой, во-первых, являются отражением ее научных, прежде всего этнографических, занятий; во-вторых, используются с целью создания особого исконно русского колорита при поэтическом раскрытии актуальных общественных тем; в-третьих, выражают характерный для Серебряного века интерес к мифологическим древностям, фольклорной традиции.

Екатерина Николаевна Клетнова – яркая фигура научной и культурной жизни России конца XIX – первой половины XX века. Результаты ее научной деятельности в области истории, археологии, этнографии, фольклора, педагогики, краеведения и искусствоведения отражены в ряде работ, многие из которых до сих пор пользуются заслуженным уважением в профессиональной среде, например, «Полезные ископаемые Смоленской губернии» (1908), «Отзвуки Отечественной войны в преданиях и сказаниях Вяземского уезда» (1911) и «Село Семлево в 1812 году» (1912), «Археологические разведки Вяземского уезда» (1915), «Символика народных украс

Смоленского края» (1924), «Великий Гнездовский могильник» (1925), «Истоки русского народа (скифо-сарматские элементы восточного славянства)» (1933) и др. В театральных кругах России Клетнову хорошо знали как автора многочисленных драматических переводов и либретто, столь высокого уровня, что уже в 21 год ее приняли в члены Общества драматических писателей и оперных композиторов.

Эмиграция Клетновой в 1924 году в Чехословакию привела к долгому забвению ее достижений на родине, выход из которого наметился в 1999 году, когда состоялась первая научная конференция, ей посвященная, и по результатам конференции вышел сборник «Родной Смоленщине – ум, талант, любовь» [Родной Смоленщине, 1999].

В последующие годы в Вязьме регулярно стали проводиться Клетновские чтения, позволившие собрать большое количество сведений о жизни и деятельности Клетновой. Тексты докладов и сообщений Клетновских чтений вошли в ряд сборников [Е.Н. Клетнова. Неизвестные страницы жизни и деятельности, 2008; Вязьма сквозь войны, 2015; Наш двадцатый век, 2017; Научная и культурная жизнь Смоленщины, 2019].

Знакомство с содержанием сборников «Клетновских чтений» позволяет утверждать: если достижения Клетновой-ученого получили широкое признание в научном сообществе, то еще одна грань ее незаурядной личности – талант литератора – поныне остается в тени.

На сегодняшний день библиография статей о литературном творчестве Е.Н. Клетновой невелика: статьи Т.К. Пастернак [Пастернак, 2015; 2016; 2016а; 2017; 2017а; 2017б, Л.В. Павловой [Павлова, 2017; 2018], две статьи, созданные совместно этими двумя исследовательницами [Павлова, Пастернак, 2016; 2016а], статья Е.Н. Агинской [Агинская, 2020]. В последние годы библиография пополнилась статьей В.В. Федоренко [Федоренко, 2021].

В 2020 году вышел в свет том художественных произведений Клетновой [Е.Н. Клетнова. Литературное наследие, 2020], куда вошли найденные в периодической печати первой половины XX века и в архивах стихотворения, очерки, рассказы, фельетоны, легенды, пьесы автора.

Материалом нашего исследования стали стихотворения Клетновой, которые ранее целенаправленно не изучались, главная причина – до выхода «Литературного наследия» они, опубликованные в различных периодических изданиях, были труднодоступны.

Для поэтического творчества Клетновой характерны художественные поиски, связанные с наследием национальной культуры. Она осваивает фольклорную традицию, вводит в свои стихотворения структурные компоненты фольклорных жанров, обращается к фольклорным образам, активно использует соответствующие эпитеты, олицетворение, просторечия. Особенно очевидны эти приметы фольклорной традиции в таких стихотворениях Клетновой, как «Бессмертной памяти М.И. Глинки», «Эх, кабы степи,

да степи широкие», «Песня Русского сокола», «Легенда о святителе Николае» [Е.Н. Клетнова. Литературное наследие, 2020, *8–9; 10; 17–24; 25–26*].

Интерес к фольклору характерен для русской литературы: вспомним сказки А.С. Пушкина, «Конек-горбунок» П.П. Ершова, «Песня про купца Калашникова» М.Ю. Лермонтова, баллады А.К. Толстого и др. Н.А. Некрасов многократно обращается в лирике к фольклорным мотивам и образам, поэму «Кому на Руси жить хорошо» он целиком строит на фольклорной основе [Лебедев, 2016, *62*]. В поэтике С.А. Есенина фольклорная традиция прослеживается на протяжении всего творчества [Галиева, 2014]. М.И. Цветаева использует характерные для фольклорных жанров языковые формулы, фольклорные образы (например, в поэме «Царь-Девица») [Коркина, 1987, *161–168*]. Поэзия А.А. Ахматовой представляет собой специфичное преломление народно-поэтической культуры, которая воспринималась поэтом в том числе через поэзию Пушкина и Некрасова [Грякалова, 1982, *47–63*].

Таким образом, художественные поиски Клетновой, ее намеренная установка на фольклоризм, обращение к культурному наследию актуальны в контексте устойчивого общелитературного интереса к национальным корням.

Фольклорные элементы образного уровня в стихотворениях Клетновой. Многие стихотворения Екатерины Клетновой, опубликованные при ее жизни, были написаны в честь знаменательных событий. Так, стихотворение «Бессмертной памяти М.И. Глинки» опубликовано в газете «Русская земля» в 1907 году и приурочено к 50-летию со дня кончины композитора [Е.Н. Клетнова. Литературное наследие, 2020, *374*].

В стихотворении автор использует образы сразу двух героев народных преданий – Микулы и Баяна. Микула Селянинович – легендарный пахарь-богатырь в русских былинах новгородского цикла. Этот образ встречается в былинах «Вольга и Микула Селянинович», «Святогор и Микула Селянинович». Согласно одной из былин, он просит великана Святогора поднять упавшую на землю сумку. Тот не справляется с заданием. Тогда Микула Селянинович поднимает сумку одной рукой, сообщая, что в ней находится «вся тягость земная» [Мифологический словарь, 1990, *358*]. Богатырь олицетворяет крестьянскую силу; биться с ним нельзя, так как «весь род Микулов любит Матушка Сыра Земля».

В стихотворении Клетновой действия богатыря обозначаются коротко:

Спала Мать-Земля, но приспела пора,
Стал витязь налаживать рало.
Микула с сохой выезжал со двора –
Пшено по степи закивало.
[Е.Н. Клетнова. Литературное наследие, 2020, *8*]

Автор поэтически реализует сопоставление русского народа с богатырем-землепашцем (парадигма «народ → богатырь Микула»). Однако не Микула является героем стихотворения, а другой известный персонаж Древней Руси – Баян, которому был дан божественный дар «знать песни народной извивы» [Е.Н. Клетнова. Литературное наследие, 2020, *8*]. В русской литературе его имя стало нарицательным именем древнерусского певца.

Именно певец Баян услышал и думу витязя, и другие переживания, предания родимого края. В своих песнях он рассказал о «шири привольных степей, пучинах тихоструйных рек, раздолье пиров, звоне булатных мечей, о радостях и слезах кручины». Благодаря песне Баяна слава земли Свято-Русской разнеслась на просторе, как «посвист степного бурана» [Е.Н. Клетнова. Литературное наследие, 2020, *8*].

Клетнова сравнивает с древним певцом Баяном родоначальника русской классической музыки – М.И. Глинку, что отражается в названии «Бессмертной памяти М.И. Глинки». Среди произведений, написанных Глинкой, – оперы на сюжеты русской истории и литературы («Жизнь за царя» («Иван Сусанин»), «Руслан и Людмила»), определившие дальнейший путь русской национальной оперы. Современники не в полной мере оценили музыку Глинки, которая показалась им «мужицкой», «простонародной», тогда как композитор осознанно обращался к жанру русской народной песни, стараясь максимально точно воссоздать национальный колорит.

В стихотворении «Бессмертной памяти М.И. Глинки» Клетнова реализует парадигму «Глинка → Баян», создавая образ композитора-сказителя, чья музыка выразила русскую душу, «рассказала» о ней. Как и многие другие произведения Клетновой, это стихотворение является откликом на значимое событие – 50-летие со дня смерти композитора, певца русской национальной самобытности. Оригинальность Клетновой заключается в смещении фокуса с характерного героя-богатыря, воплощающего силу русского народа, на певца Баяна, с которым она сравнивает Глинку, воспевшего предания родных краев и подарившего им славу.

Стихотворение «Песня Русского сокола» [Е.Н. Клетнова. Литературное наследие, 2020, *17–24*] тоже строится вокруг яркого фольклорного образа: повествование-воспоминание ведется от лица Русского сокола. По его словам, пока не «закатилося Солнце Красное» (князь Владимир), не раз Сокол с победой бывал у моря Черного, Белого, Фряжского, Хвалынского и «над Царь-Градом бил свой червленый щит». Но и когда наступили тяжелые времена, летал он за море Хвалынское, ступал на «индийскую землю», шел «сибирскими тропами». Лихолетье продолжилось, «злые вороги» напали на Русь, и крылья соколиные скованы «злой кручиной». Несмотря на это, финал стихотворения пронизан пафосом уверенности, что пробудится сила прежняя, приосанится богатырская рать, чтобы отстоять Землю Русскую.

В фольклорной традиции образ сокола прочно связан с воинской доблестью, олицетворяет отвагу, чистоту намерений и честность. В сказках этот образ также встречается («Финист – Ясный сокол», «Волх Всеславьевич»). Орнитоморфной символикой отмечены страницы донских былин и рассказов, где казаки называются братьями-соколами, а сокол и конь предстают в образах состязающихся богатырей (в фольклоре именно конь становится достойным противником сокола) [Рыблова, 2007, *87*].

Древнерусская литература многократно обращалась к орнитоморфной символике: в «Слове о полку Игореве» соколами и соколовичами называются князья Рюриковичи – Игорь, Всеволод, Владимир. В тексте «Слова» даже пословицы называют Рюриковичей соколами: «Аже сокол к гнезду летит, соколича ростреляеве своими злачеными стрелами». О.М. Рапов специально исследовал знаки Рюриковичей в виде сокола на монетах и княжеских печатях. Он пришел к выводу, что «сокол был эмблемой, гербом рода, возглавлявшего феодальную верхушку Киевской Руси. Возможно, что сокол в глубокой древности был тотемом рода, из которого происходила княжеская семья» [Слово о полку Игореве, 1954]. Рыблова выявляет связь образа сокола с «символом мужской громады» [Рыблова, 2007, *93*].

Согласно исследованию Т.А. Бернштам, обобщающая характеристика фольклорного сокола дает основания связывать его с мужской боевой организацией, а также со свадебной функцией, особенно отчетливо представленной в восточнославянском свадебном фольклоре [Бернштам, 1982, *23–24*].

Стихотворение Клетновой «Песня Русского сокола» посвящено Петру Аркадьевичу Столыпину. После гибели великого реформатора оно было опубликовано в журнале «Светлый луч» в 1911 году с предисловием редактора Е.И. Уманец: «“Песня Русского сокола”, посвященная Петру Аркадьевичу Столыпину, была доставлена в редакцию несколько месяцев тому назад. Редакции не удалось напечатать ее своевременно, но теперь, когда не стало незабвенного человека, самоотверженного успокоителя земли русской, каждый фибром своим преданного Монарху и России, теперь, когда его неустанной деятельностью и любовью

Не блеснет заря,
Зорька ясная,
Не взойдет по ней
Солнце красное.

Пусть эта, посвященная ему при жизни, песня будет хоть единым листком того великого венка, который возлагает в эти дни на преждевременную, дорогую и милую русскому сердцу могилу вся Великая опечаленная Россия» [Е.Н. Клетнова. Литературное наследие, 2020, *375*].

Реформы Столыпина, по свидетельству историков, не встретили единодушного одобрения в обществе. Подтверждением этому факту служит, например, закрепившееся «непарламентское выражение», которое произнес

кадет Родичев, имея в виду виселицу, – «столыпинский галстук». В дальнейшем большевики разовьют миф о реформаторе-вешателе, который решениями военно-полевых судов уничтожил множество невинных людей: Столыпину не простили введение военно-полевых судов, пытавшихся сбить пламя бунта, остановить грабежи и насилие первой революции 1905–1907 годов, а также реформы, благодаря которым была отсрочена революция 1917 года. Не были довольны и дворяне: реформа, позволяющая крестьянам переселиться в Сибирь и получить там землю, была воспринята крайне негативно [Бородин, 2004, *19*].

Клетнова глубоко сочувствовала деятельности Столыпина и в знак поддержки отправила ему свое стихотворение «Песня Русского сокола». Известно, что премьер-министр не оставил ее порыв без внимания: «Милостивая государыня, выражаю Вам искреннюю благодарность за присланные стихи» [Е.Н. Клетнова. Литературное наследие, 2020, *375*].

В этом стихотворении реализуется парадигма «Столыпин → Русский сокол», то есть великий воин, лучший среди славян. Так Клетнова поставила реформатора Столыпина в один ряд с великими мужами Руси. Фольклорные параллели позволили придать образу героя эпичное звучание.

В стихотворении «Легенда о Святителе Николае» автор также использует известные фольклорные образы, закрепившиеся в народном бытовании благодаря христианской традиции. Произведение построено на основе русской народной легенды о двух христианских монахах, Иоанне Кассиане и Николае Святителе, шедших после своей земной кончины к Царству небесному [Максимов, 1995, *524*]. В центре внимания Клетновой – святой Николай Мирликийский. Этот святой становится одним из самых почитаемых на Руси, потому что не боится замараться, помогая простому мужику:

Видят – лежит лошаденка,
Бьется над ней мужичонка,
Воз – на боку.
Тотчас Никола Святитель,
Божией правды хранитель,
Помощь подал мужику.
[Е.Н. Клетнова. Литературное наследие, 2020, *26*]

В основе композиции лежит противопоставление Святителя Николая и Святого Кассиана, который «сторонится, грязи боится» [Е.Н. Клетнова. Литературное наследие, 2020, *26*]. В народной среде бытовал длинный ряд оценочных характеристик этого святого: «немилостивый», «Касьян на что взглянет – все вянет» и т.д. Максимов в своей книге «Неведомая, нечистая и крестная сила» в главе «Касьян немилостивый» фиксирует и эту легенду, а также уточняет, что она «пользуется на Руси самым широким распространением» [Максимов, 1995, *523–525*].

Клетнова использует в стихотворении диалектное именование Святителя Николая, чтимого в Смоленской губернии, – «по-летелый» [Е.Н. Клетнова. Литературное наследие, 2020, *26*]:

И с той поры так и вошло в обиход:
Ублажает Святителя русский народ
И «Зимнего», так, и по-летелого.
[Е.Н. Клетнова. Литературное наследие, 2020, *26*]

Диалектизм «по-летелый» исследовался многими учеными. Никитин в «Истории г. Смоленска» утверждает, что обозначить точное значение этого слова трудно, но в грамоте оно пишется через «ять» [Никитин, 1848, *16–17*]. С.П. Писарев предполагал, что его следует читать как «полутелый», и считал, что престольным церковным образом был Никола типа Зарайского, где, однако, Никола изображен в рост [Писарев, 1898, *152*]. Л. Лавровский, возражая против переделки Писаревым орфографии, полагал, что слово «летелый» означает посвящение храма Николе-летнему [Лавровский, 1914, *15*]. Последняя точка зрения наиболее близка семантике одного из антонимов, использованных Клетновой, – Николая «зимнего» и «летнего».

Фольклорные элементы композиционного уровня. Стихотворение «Бессмертной памяти М.И. Глинки» имеет структуру, характерную для фольклорных жанров: начинается с прибаутки (*запевки*), с помощью которой певец, прежде чем начать свою песню, подготавливал внимание слушателей, рисуя широкую картину природы [Скафтымов, 1924, *48*].

То не ветер бушевал,
Не дубрава шелестела,
Не катился в море вал,
Спелый колос не шептал,
Не река шумела…
То былина понеслась
Со степи привольной,
В сердце вещем отдалась
И свободно понеслась
Песнею раздольной.
[Е.Н. Клетнова. Литературное наследие, 2020, *7*]

Основная часть стихотворения обозначена автором как песня, включающая так называемые «стереотипные картины природы», также характерные для фольклора*:*

Равнина великая Русской земли
Простерлась от моря до моря,
По ней где ковыль, где камыш проросли,
С лесами дремучими споря.
[Е.Н. Клетнова. Литературное наследие, 2020, *7*]

К стереотипным описаниям относятся прежде всего описания действий богатыря: седлание коня, скачка, стрельба из лука, приезд, вопросы неизвестному богатырю и похвальба на пиру.

Фольклорные элементы лексического и синтаксического уровней в стихотворениях Клетновой. Стихотворение «Бессмертной памяти М.И. Глинки» начинается с характерной для фольклора языковой формулы: «В старину то было, во старинушку…». Оно также изобилует фольклорными образами и постоянными эпитетами («земля святорусская», «сила крепкая», «песнею раздольной» и т.д.), старославянизмами («вороги»). Автор активно применяет характерный для фольклора прием олицетворения («Соколы-корабли перелетывали», «Храмы Божии подымалися», «спала Мать-Земля», «пшено по степи закивало»), а также использует его в форме психологического и синтаксического параллелизма, что характерно для фольклора («Налетели-нашли вихри буйные, зародились-пошли свары лютые»). Народное звучание поддерживает и введение в текст просторечий («лихолетье») и историзмов («витязь», «пахарь», «соха», «рало»). Встречаются в тексте и отрицательные сравнения – еще один фольклорный элемент лексического уровня:

То не ветер бушевал,
Не дубрава шелестела,
Не катился в море вал,
Спелый колос не шептал,
Не река шумела…
[Е.Н. Клетнова. Литературное наследие, 2020, *7*]

В стихотворении «Эх, кабы степи, да степи широкие», помимо типичной для народных песен синтаксической конструкции «Эх, кабы…», Клетнова использует прием олицетворения: «травы высокие стали бы степи родить». К фольклору отсылает и обилие традиционно-поэтической лексики, включающей эпитеты: «рожь золотистая», «души одинокие», «скорби глубокие» [Е.Н. Клетнова. Литературное наследие, 2020, *10*]. Для народного творчества характерна поэтизация труда как основополагающего нравственного начала народной жизни. Стихотворение отражает поиски жизненного идеала, близкого народному.

Таким образом, фольклорная традиция в значительной степени повлияла на поэтический язык и образность лирики Клетновой. В ряде ее стихотворений выявлены характерные синтаксические конструкции и языковые формулы, эпитеты, просторечие и старославянизмы. Произведения наполнены эпическими образами: Баян, богатырь Микула, Русский сокол, при создании которых используются образные парадигмы «народ → богатырь Микула», «Михаил Глинка → Баян», «Петр Столыпин → Русский Сокол». Стихотворения «Бессмертной памяти М.И. Глинки» и «Песня Русского сокола» повторяют структуру фольклорных жанров: состоят из двух

частей – запевки и песни. Автор активно использует прием олицетворения, который лежит в основе многих фольклорных произведений.

Не являясь поэтом первого ряда, Клетнова создает произведения, созвучные веяниям времени, как и многие поэты, художники, деятели искусства, обращается к национальным корням, культурному наследию и при этом реализует свои знания истории, фольклора, этнографии. Использование фольклорных элементов в творчестве Клетновой – осознанная художественная установка автора. Обращение к народно-поэтическому слову, освоение фольклорной традиции оказались крайне важными для писательницы как этап накопления языковых возможностей для позднейшего перехода к драматической форме и написания главного литературного труда ее жизни – пьесы «Славный город Смолевец» [Е.Н. Клетнова. Литературное наследие, 2020, *113–179*].

ЛИТЕРАТУРА

Агинская Е.Н. Об очерках Е.Н. Клетновой // Русская филология: ученые записки Смоленского государственного университета. Смоленск, 2020. Вып. 20. С. 256–264.

Бернштам Т.А. Орнитоморфная символика у восточных славян // Советская этнография. 1982. № 1. С. 23–24.

Бородин А.П. Столыпин: реформы во имя России. М.: Вече, 2004. 380 с.

Вязьма сквозь войны: материалы IV Клетновских чтений (26–27 марта 2015 г.). Вязьма: Polimir, 2015. 234 с.

Галиева М.А. Фольклорная традиция в раннем творчестве С.А. Есенина: постановка вопроса // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 10. URL: https://human.snauka.ru/2014/10/8035 (дата обращения: 08.06.2023).

Грякалова Н.Ю. Фольклорные традиции в поэзии Анны Ахматовой // Русская литература. 1982. № 1. С. 47–63.

Е.Н. Клетнова. Неизвестные страницы жизни и деятельности: материалы Международной научно-практической конференции (28–29 мая 2008 г.). Вязьма, 2008. 219 с.

Ефременков М.С. Поэтика народных говоров в фольклорно-этнографическом наследии В.Н. Добровольского и Е.Н. Клетновой // Родной Смоленщине – ум, талант, любовь: науч.-краевед. конф. посвящ. археологу и этнографу Е.Н. Клетновой. Вязьма, 1999. С. 28–31.

Клетнова Е.Н. Литературное наследие. Смоленск: Свиток, 2020. 384 с.

Коркина Е. Б. Лирический сюжет в фольклорных поэмах М. Цветаевой // Русская литература. 1987. № 4. С. 161–168.

Кошелев Я.Р. Из фольклорного наследия Е.Н. Клетновой // Родной Смоленщине – ум, талант, любовь: науч.-краевед. конф. посвящ. археологу и этнографу Е.Н. Клетновой. Вязьма, 1999. С. 19–22.

Лавровский Л. Новые данные для топографии г. Смоленска в начале XVII века // СЕВ. 1914. № 8–9. С. 273–290.

Лебедев Ю.В. Христианские и фольклорные мотивы в поэзии Н.А. Некрасова // Вестник КГУ. 2016. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/hristianskie-i-folklornye-motivy-v-poezii-n-a-nekrasova (дата обращения: 17.06.2023).

Максимов С.В. Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила. Смоленск: Русич, 1995. 670 с.

Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1990. 672 с.

Научная и культурная жизнь Смоленщины и соседних территорий во второй половине XIX – первой четверти XX вв.: материалы VI Клетновских чтений (30 марта 2019 г.). Вязьма: Polimir, 2020. 227 с.

Наш двадцатый век: материалы V Клетновских чтений. Вязьма, 2017. 269 с.

Никитин П.Е. История города Смоленска. М., 1848. 403 с.

Павлова Л.В. Литературное наследие Екатерины Николаевны Клетновой: религиозные сюжеты, темы и образы // Известия Смоленского государственного университета. 2017. № 4(40). С. 24–30.

Павлова Л.В. Христианство и христиане в публицистическом и литературно-художественном творчестве Е.Н. Клетновой // Вестник славянских культур. 2018. № 48 (июнь). С. 151–161.

Павлова Л.В., Пастернак Т.К. Литературное творчество Екатерины Клетновой на страницах журнала «Светлый луч» // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 4(36). С. 8–17.

Павлова Л.В., Пастернак Т.К. Религиозные воззрения древних славян в пьесе Е.Н. Клетновой «Славный город Смолевец» // Вестник славянских культур. 2016а. № 1(39). С. 105–116.

Пастернак Т.К. Е.Н. Клетнова-литератор: известные и неизвестные факты творческой биографии // Вязьма сквозь войны: материалы IV Клетновских чтений (26–27 марта 2015 г.). Вязьма: Polimir, 2015. С. 34–49.

Пастернак Т.К. Е.Н. Клетнова: завещания из эмиграции (по материалам ГА РФ и периодических изданий г. Ужгорода) // Смоляне на службе Отечеству. Смоленск, 2017. С. 198–201.

Пастернак Т.К. Е.Н. Клетнова. Легенды местных крестьян // Живая старина. 2016. № 4. С. 40–44.

Пастернак Т.К. Исторические очерки Е.Н. Клетновой до и после 1917 года // Материалы V Клетновских чтений. Вязьма, 2017б. С. 15–19.

Пастернак Т.К. О «неудобных» моментах ранней пьесы Е.Н. Клетновой, исключенных цензором в Петербурге // Смоляне на Службе Отечеству. Смоленск: Свиток, 2017. С. 196–199.

Пастернак Т.К. Публикации Екатерины Клетновой в «Дневнике писателя» // Русская филология: ученые записки Смоленского государственного университета. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2017а. Т. 17. С. 153–160.

Писарев С.П. Памятная книга г. Смоленска. Историко-современный очерк, указатель и путеводитель. Смоленск, 1898. 202 с.

Родной Смоленщине – ум, талант, любовь: науч.-краевед. конф., посвящ. археологу и этнографу Е.Н. Клетновой. Вязьма, 1999. 43 с.

Рыблова М.А. «Взвейтесь, соколы, орлами»: орнитоморфная символика в восточнославянской воинской традиции // Этнографическое обозрение. 2007. № 2. С. 86–106.

Скафтымов А.П. Поэтика и генезис былин: Очерки. М.; Саратов: В.З. Яксанов, 1924. IV, 226 с.

Слово о полку Игореве. М., 1954. 106 с.

Федоренко В.В. Поиски идеала в пьесе Е.Н. Клетновой «Славный город Смолевец»: Царь-девица или Любава? // Русская филология: ученые записки Смоленского государственного университета: межвузовский сборник научных статей. Вып. 21 / отв. ред. Л.В. Павлова, И.В. Романова. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2021. С. 89–95.

V.V. Fedorenko
Postgaduate,
Chair of Literature and Journalism,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Folklore Elements in the Poetry of Ekaterina Kletnovaya

The article is devoted to one of the characteristic features of the poetic works of E.N. Kletnova (1869–1938), whose literary work is still not known to the general public and has not previously become the subject of a comprehensive philological study. Poems by E.N. Kletnova are filled with various folklore elements − syntactic constructions and language formulas, lexical means of expression, compositional elements (introduction to a song and song), epic images. The author especially actively resorts to folklore stylization when creating poems on general cultural and political topics, trying to give them a folk-epic sound. In the course of the study, the following methods were used: a comparative-stylistic method to establish the similarities and differences in the language design of E.N. Kletnova and folklore genres; a structural method for analyzing the specific structure of the text; a conceptual analysis to reveal the picture of the world of the author's linguistic personality; a descriptive method. It was concluded that folklore elements in the poetry of E.N. Kletnova, firstly, are a reflection of her scientific, primarily ethnographic studies; secondly, they are used to create a special native Russian flavor in the poetic disclosure of vital social topics; thirdly, they express the interest in mythological antiquities and folklore tradition characteristic of the Silver Age.

Key words: *Ekaterina Kletnova; Silver Age; poetry; folklore elements; epic images; Mikhail Glinka; Pyotr Stolypin.*

REFERENCES

Aginskaya E.N. About essays by E.N. Kletnova [Ob ocherkah E.N. Kletnovoj]. *Issues of Smolensk State University*. 2020. No. 20, pp. 256−264 (in Russian).

Bernshtam T.A. Ornithomorphic symbolism among the Eastern Slavs [Ornitomorfnaya simvolika u vostochnyh slavyan]. *Sovetskaya ehtnografiya*, 1982. No. 1, pp. 23−24 *(in Russian).*

Borodin A.P. Stolypin: reforms in the name of Russia [Stolypin: reformy vo imya Rossii]. Moscow: Veche, 2004, *380 p.* (in Russian).

E.N. Kletnova. Unknown pages of life and work [Neizvestnye stranicy zhizni i deyatelnosti]. Materials of International scientific-practical conference (May 28−29), 2008. Vyazma, 2008, pp. 114−122 (in Russian).

Efremenkov M.S. Poetics of folk dialects in the folklore and ethnographic heritage of V.N. Dobrovolsky and E.N. Kletnova [Poehtika narodnyh govorov v folklorno ehtnograficheskom nasledii V.N. Dobrovolskogo i E.N. Kletnovoj]. Native Smolensk region – mind, talent, love: Scientific and local historical conference dedicated to archaeologist and ethnographer E.N. Kletnova. Vyazma, 1999, pp. 28−31 (in Russian).

Fedorenko V.V. The search for the ideal in the play by E.N. Kletnova "The Glorious City of Smolevets": Tsar Maiden or Lyubava? [Poiski ideala v p`ese E. N. Kletnovoj "Slavnyj gorod Smolevec": Car`-devica ili Lyubava*?*]. *Russian Philology: Scientific Notes of Smolensk State University*. Smolensk: Smolensk State University, 2021. Issue 21, pp. 89−95 (in Russian).

Galieva M.A. Folklore tradition in the early works of S.A. Yesenin: posing the question [Folklornaya tradiciya v rannem tvorchestve S.A. Esenina: postanovka voprosa]. *Humanitarian scientific research*, 2014, no. 10. Available at: https://human.snauka.ru/2014/10/8035 (accessed 6 August 2023) (in Russian).

Gryakalova N.Yu. Folklore traditions in the poetry of Anna Akhmatova [Folklornye tradicii v poehzii Anny Ahmatovoj]. *Russian Literature*, 1982, no. 1, pp. 47–63 (in Russian).

Kletnova E.N. literary heritage [Kletnova E.N. Literaturnoe nasledie]. T.K. Pasternak. Smolensk: Svitok, 2020, 384 p. (in Russian).

Korkina E. B. Lyrical plot in the folklore poems of M. Tsvetaeva [Liricheskij syuzhet v folklornyh poehmah M Cvetaevoj]. *Russian literature.* 1987, no. 4, pp. 161–168 (in Russian).

Koshelev Ya.R. From the folklore heritage of E.N. Kletnova [Iz folklornogo naslediya E.N. Kletnovoj]. Native Smolensk region – mind, talent, love: Scientific and local historical conference dedicated to archaeologist and ethnographer E.N. Kletnova. Vyazma, 1999, pp. 19–22 (in Russian).

Lavrovsky L. New data for the topography of Smolensk at the beginning of the 17th century [Novye dannye dlya topografii g. Smolenska v nachale XVII veka]. *SEV*. 1914, no. 8–9, pp. 273–290 (in Russian).

Lebedev Yu.V. Christian and folklore motifs in the poetry of N.A. Nekrasov [Hristianskie i folklornye motivy v poehzii N.A. Nekrasova]. *Issues of KGU*, 2016, no. 4. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/hristianskie-i-folklornye-motivy-v-poezii-n-a-nekrasova (accessed on 17 June 2023) (in Russian).

Maksimov S.V. A bag of bread. Unknown, unclean force [Kul` hleba. Nevedomaya nechistaya sila]. Smolensk: Rusich, 1995. 524 p. (in Russian).

Mikula Selyaninovich. Mythological Dictionary [Mifologicheskij slovar`]. Moscow: Soviet encyclopedia, 1990, 358 p. (in Russian).

Nikitin P.E. History of Smolensk [Istoriya g. Smolenska]. Moscow, 1848. 403 p. (in Russian).

Our twentieth century. Materials of the V Kletnovsky readings [Nash dvadcatyj vek]. Materials of Kletnovskii readings. Vyazma, 2017, pp. 26–47 (in Russian).

Pasternak T.K. About the «uncomfortable» moments of the early play by E.N. Kletnova, expelled by the censor in St. Petersburg [O «neudobnyh» momentah rannej p'esy E.N. Kletnovoj, isklyuchennyh cenzorom v Peterburge]. Smolensk citizens in the service of the Fatherland. Smolensk: Svitok, 2017, pp. 196–199 (in Russian).

Pasternak T.K. E.N. Kletnova – the writer: known and unknown facts of his creative biography [E.N. Kletnova-literator: izvestnye i neizvestnye fakty tvorcheskoj biografii]. Vyazma through wars: Materials of the IV Kletnov readings on March 26-27, 2015. Vyazma: Polimir, 2015, pp. 34–49 (in Russian).

Pasternak T.K. E.N. Kletnova: testaments from emigration (based on the materials of the State Archive of the Russian Federation and periodicals of Uzhgorod) [E.N. Kletnova zaveshchaniya iz ehmigracii (po materialam GA RF i periodicheskih izdanij g Uzhgoroda)]. Smolensk citizens in the service of the Fatherland. Smolensk, 2017, pp.198–201 (in Russian).

Pasternak T.K. E.N. Kletnova. Legends of local peasants [E.N. Kletnova, Legendy mestnyh krestyan]. *Living antiquity*. Moscow, 2016, no. 4, pp. 40–44 (in Russian).

Pasternak T.K. Historical essays by E.N. Kletnova before and after 1917 [Istoricheskie ocherki E.N. Kletnovoj do i posle 1917 goda]. Materials of the V Kletnov readings. Vyazma, 2017, pp. 15–18 (in Russian).

Pasternak T.K. Publications of Ekaterina Kletnova in the «Diary of a Writer» [Publikacii Ekateriny Kletnovoj v «Dnevnike pisatelya»]. *Russian Philology: Scientific Notes of Smolensk State University*. Smolensk, Smolensk State University, 2017, Vol.17, pp.153–160 (in Russian).

Pavlova L.V. Christianity and Christians in E.N. Kletnova [Hristianstvo i hristiane v publicisticheskom i literaturno hudozhestvennom tvorchestve E. N. Kletnovoj]. *Issues of slavic cultures*, 2018, no. 48, pp. 151–161 (in Russian).

Pavlova L.V. Literary heritage of Ekaterina Nikolaevna Kletnova: religious plots, themes and images [Literaturnoe nasledie Ekateriny Nikolaevny Kletnovoj: religioznye syuzhety, temy i obrazy]. *Issues of Smolensk State University*, 2017, no. 4(40), pp. 24–30 (in Russian).

Pavlova L.V., Pasternak T.K. Literary creativity of Ekaterina Kletnova on the pages of the magazine «Svetly Luch» [Literaturnoe tvorchestvo Ekateriny Kletnovoj na stranicah zhurnala «Svetlyj luch»]. *Issues of Smoensk State Univerisity*, 2016, no. 4(36), pp. 8–17 (in Russian).

Pavlova L.V., Pasternak T.K. Religious beliefs of the ancient Slavs in the play by E.N. Kletnova «The Glorious City of Smolevets» [Religioznye vozzreniya drevnih slavyan v pese E.N. Kletnovoj «Slavnyj gorod Smolevec»]. *Issies of Slavic cultures*, 2016, no. 1 (39), pp. 105–116 (in Russian).

Pisarev S.P. Memorable Book of Smolensk. Historical and modern essay, index and guide [Pamyatnaya kniga g. Smolenska. Istoriko-sovremennyj ocherk ukazatel i putevoditel]. Smolensk, 1898, 202 p. (in Russian).

Native Smolensk region – mind, talent, love [Rodnoj Smolenshchine – um, talant, lyubov`]. Scientific and local historical conference dedicated to archaeologist and ethnographer E.N. Kletnova. Vyazma, 1999, 44 p. (in Russian).

Ryblova M.A. «Fly, falcons, like eagles»: ornithomorphic symbolism in the Eastern Slavic military tradition [«Vzvejtes sokoly orlami»: ornitomorfnaya simvolika v vostochnoslavyanskoj voinskoj tradicii]. *Ehtnograficheskoe obozrenie*, 2007, no. 2, pp. 86–106 (in Russian).

Skaftymov A.P. Poetics and Genesis of Epics: Essays [Poehtika i genezis bylin: Ocherki]. Moscow, Saratov: V.Z. Yaksanov, 1924. IV, 226 p. (in Russian).

Vyazma through wars: Proceedings of the IV Kletnov readings. March 26–27, 2015 [Vyazma skvoz vojny: Materialy IV Kletnovskih chtenij. 26–27 marta 2015 g.]. Vyazma: Polimir, 2015, pp. 25–33 (in Russian).

A word about the regiment of Igor, son of Svyatoslav, grandson of Olgov [Slovo o polku Igoreve]. Moscow, 1954. 106 p. (in Russian).

К.В. Першина

Донецкий государственный университет
Донецк, Россия

УДК 82.0:82-3

DOI 10.35785/2072-9464-2023-64-4-76-88

«УЕДИНЕННОЕ» И «ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ» В. РОЗАНОВА КАК «ДРУГАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Ключевые слова: *автодокументальное повествование; дневниковая проза; архитектоника; жанр; вненаходимость автора.*

Статья посвящена особенностям художественной организации автодокументального письма в дневниковой прозе В.В. Розанова «Уединенное» и «Опавшие листья». В статье проводится обзор жанровых определений прозы Розанова, коррелирующих с понятием «другая литература». Цель анализа – выявление специфики субъектной организации дневникового письма, которая наряду с жанровыми маркерами определяет художественную ценность документального нарратива в рассматриваемых текстах. Целостный анализ ав-

тодокументальной прозы Розанова позволил сформулировать некоторые важные черты архитектоники «Уединенного» и «Опавших листьев»: 1) автор автодокументального нарратива внеположен собственному бытию так, как это свойственно авторской вненаходимости фикционального текста; 2) «внежизненное повествование» в «Опавших листьях» закономерно связано с тематическими контекстами смерти и умирания; 3) этой особой вненаходимостью документального письма в данных текстах объясняются многие специфические черты прозы Розанова, такие как смысловая амбивалентость его высказывания, особый хронотоп, специфика адресации.

Культурная рецепция прозы В.В. Розанова включает в себя достаточно большой корпус текстов, начиная с многообразно представленных воспоминаний, рецензий и комментариев современников, симпатизировавших Розанову и враждебных к нему, входивших в ближнее окружение и далеких, фундаментальных биографий, работ, устанавливающих самые общие подходы к миру Розанова [Николюкин, 2001; Фатеев, 1991; Синявский, 1982], и заканчивая современными исследованиями поэтики и формального своеобразия прозы Розанова [Полюшина, 2005; Кузнецова, 2006; Городилова, 2007; Кашина, 2012 и др.]. Определенную проблему в изучении художественного мира В.В. Розанова составляет то, что чрезвычайная сложность, богатство и своеобразие его мировоззрения ангажировали все внимание комментаторов почти на век вперед. Проницательные комментарии выдающихся современников (Н.А. Бердяева, В.С. Соловьева, П.А. Флоренского, Н.К. Михайловского, Л.И. Шестова, Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус) касались в основном глубокого парадоксализма мысли Розанова, сложных взаимоотношений, в которые он вступил с темами христианства, истории, семьи и пола, текущей политической и социальной жизни. В этом смысле В.В. Розанов повторяет судьбу своего предшественника и во многом учителя, духовного отца Ф.М. Достоевского, первое прочтение которого было связано с аффектом тематической и философской глубины его мира в ущерб исследованию и разностороннему рассмотрению особенной формы его романов, внимание которой было уделено гораздо позднее.

Однако при этом все ведущие рецензенты В.В. Розанова делают акцент на уникальности и неповторимом своеобразии литературной формы, которую он создает, тем более что для рубежа XIX–XX веков обновление и даже категоричная и тотальная революция литературных форм ощущались как абсолютная необходимость. Наряду с революционными изменениями литературной формы такой же фундаментальной перестройки требует Серебряный век от взаимоотношений жизни и искусства: искусство теперь не просто зеркало актуальных историко-социальных процессов, типов, ситуаций – оно само по себе становится глубокой бытийной практикой, выражающей сущность онтологии как таковой, восходящей и возводящей к Богу. Таково искусство в интерпретации наиболее последовательных его теоретиков начала XX века, а именно символистов, в своих экспликациях выстраивающих парадигму «бытие – искусство – человек – Бог». Эти установки и

теоретические построения, в частности Вяч.И. Иванова, В.С. Соловьева, постепенно приходят к определенному смысловому кризису, так как стремление вернуть искусство в бытие, онтологически обосновать его, например, как духовную практику восхождения и нисхождения (Вяч. Иванов), вместо перехода от реального к реальнейшему (духовному миру) оборачивается переходом к спекулятивным философским абстракциям. На этом фоне розановская форма словесного творчества, предполагавшая выстраивание творчества из частной бытовой жизни, из непосредственной, личной житейской материи, становится ожидаемым обновлением литературного нарратива и настоящим прорывом искусства к бытию (или обратно – бытия к искусству).

Произведения В.В. Розанова «Опавшие листья» («короб первый» (1913), «короб второй и последний» (1915)) и «Уединенное» (1912) представляют собой дневниковую по своей нарративной структуре прозу, архитектоника которой организована, прежде всего, своеобразным отношением автора к своему собственному документальному письму. Это своеобразие заключается в понимании словесной творческой деятельности как «преодоления литературы» [Розанов, 2004, *296*], то есть преодоления, в первую очередь, мимесиса и фикциональности («сочинительства»). Фактически это выражается во включении факта частной жизни, документального, дневникового среза собственной личности, ее обстоятельств, событий, с нею происходящих, ее внутренней и внешней жизни не только в основное содержание розановского письма, но и в основной пафос его мировоззрения – пафос буднего, непосредственно проживаемого дня, обыденности и быта. Формалисты, первыми предпринявшие попытку анализа поэтики и типологизации прозы В.В. Розанова, в частности В.Б. Шкловский, предположили, что создание такой дневниковой прозаической формы представляет собой своеобразный реванш периферийных жанров частного письма, дневника, записной книжки, которые по законам литературного факта, по законам волнообразного развития литературных форм (когда на гребне оказываются формы, вчера еще бывшие внизу жанровой парадигмы, составлявшие «литературный быт») выходят в авангард литературы, создают новую литературу, переозначивая само понятие ее [Шкловский, 1995, *321–324*]. Осмысляя это новаторство В.В. Розанова, Н.К. Кашина подчеркивает, что автор «Опавших листьев» не имеет намерения обновить литературные формы, скорее, он стремится выйти из понятия литературы как таковой: «В. Розанов пишет не о “новой” литературе, что было бы вполне логично в парадигме модернизма, а именно о “другой”» [Кашина, 2012, *4*]. То же подтверждается и следующей цитатой из статьи В.Б. Шкловского: «Книга Розанова была героической попыткой уйти из литературы, “сказаться без слов, без формы” – и книга вышла прекрасной, потому что создала новую литературу, новую форму» [Шкловский, 1995, *326*].

В связи с этим определение жанра рассматриваемых текстов представляет собой проблему, сложно поддающуюся решению. Поскольку литературная парадигма осмысливается автором как исчерпанная и даже антагонистичная, постольку все больше исследователей склоняются к маркированию родо-

жанрового синтеза и архитектоники розановской прозы понятием «другая литература» [Кашина, 2012, *102*]. В качестве природы этой «другости» предлагаются различные стороны организации дневникового повествования. Среди них – жанровая гибридность, выносящая рассматриваемые тексты не только на стык различных жанров (эссе, дневник, записная книжка, исповедь), но и на стык родовой дифференциации (лирика или эпос). Так, В.А. Емельянов определяет жанр «Опавших листьев» как «лирический фрагментарный роман» [Емельянов, 2004], М.Н. Громов и В.Г. Полюшина среди важнейших жанрообразующих черт прозы В.В. Розанова выделяют ее импрессионистичность (то есть опять же лирическое начало) [Громов, 2009; Полюшина, 2005], Ю.Б. Орлицкий определяет ее как орнаментальную и графическую [Орлицкий, 1999]. Ряд исследователей предпринимает попытку дать жанровое определение прозы В.В. Розанова с учетом сознательного размежевания автора с наличным и готовым набором жанровых форм, в связи с этим предлагаются жанровые наименования, не входящие в имеющиеся жанровые парадигмы и носящие сингулярный характер. Так, С.Р. Федякин предлагает считать название первой прозаической книги В.В. Розанова «Уединенное» одновременно жанровым наименованием такого рода дневниковой прозы – «уединенное» [Федякин, 2014, *60–61*]; Н.К. Кашина, строящая свою интерпретацию «другой литературы» Розанова на основе онтологии мифа, определяет жанр прозы Розанова как «эпифании», то есть явления бытия в словесном фрагменте, а среди конкретных черт такой литературы выделяет отказ от художественной иллюзорности (то есть фикциональности), отказ от риторики, внимание к внутренней форме слова, индивидуальные черты языка, синтаксиса, пунктуации, графического, визуального оформления речи, отказ от линейной логики, выражающийся в множественности точек изображения предмета, непреднамеренность, стихийность формы [Кашина, 2012, *11–12*]. Один из значимых и знаковых комментаторов прозы В.В. Розанова А.Д. Синявский в принципе отделяет ее от литературной парадигмы и ставит в основание новой онтологической парадигмы письма, утверждая, что «Опавшие листья» – это «не книга, а часть человека» [Синявский, 1982].

Текст «Уединенного» и «Опавших листьев» включает множество фрагментов, трактуемых как автопоэтические, то есть фрагментов, темой которых становится собственно архитектоника представленной прозы, рассуждения о внутренних закономерностях такого рода творчества. Розановым словесная форма, которую он создает, понимается как единственно возможная, подлинная литература, следовательно, речь не идет о беллетризации стандартного частного дневника с помощью образных ресурсов, тропов, риторики. Речь у Розанова чаще всего идет об особом положении его как автора подобного нарратива, такого рода письма: «Я пролетал около тем, но не летел на темы. Самый полет – вот моя жизнь. Темы – как “во сне”. Одна, другая… много… и все забыл. Забуду к могиле. На том свете буду без тем. Бог меня спросит: “Что же ты сделал?” “Ничего”» [Розанов, 2004, *6*]; «Я только смеюсь или плачу. Размышляю ли я *в собственном смысле?* Никогда!» [Розанов, 2004, *48*]; «Всегда в мире

был наблюдателем, а не участником» [Розанов, 2004, *98*]; «Я пришел в мир, чтобы видеть, а не совершить» [Розанов, 2004, *6*]. Все приведенные цитаты характеризуют авторскую деятельность в документальном повествовании как определенного рода бездействие и статику, статику мышления, статику риторического или образного освоения темы, содержательную амбивалентность и немоту. Автор и его непосредственный фактуальный мир находятся в отношениях «по касательной», между ними пролегает определенного рода граница, которая тем не менее сохраняет материальную фактичность окружающих вещей, событий, близких людей.

Все это подводит нас к основному тезису нашего исследования: главную роль, определяющую своеобразие, эстетическую ценность дневниковой прозы Розанова, играет особая внеположенность «авторского субъекта» по отношению к собственному бытию и автодокументальному повествованию, несмотря на его подчеркнутую рефлексивность. Данная онтологическая исключенность субъекта высказывания идентична вненаходимости автора по отношению к фабульной действительности фикционального текста.

Это своеобразное отношение Розанова, автора «Опавших листьев», к фактуальной действительности отмечено и у А.Д. Синявского и подкреплено цитатами из розановского текста: «Но меня вдруг поражало что-нибудь. Мысль или предмет. Или *вот так бы (оттуда бы)* бросить свет. “Пораженный” я выпучивал глаза: и смотрел на эту мысль, предмет или *оттуда-то* – иногда годы, да и большею частью годы» (цит. по: [Синявский, 1995, *444–445*]). Условное место *оттуда-то*, выделяемое авторским курсивом в тексте, откуда бросается свет на предмет и другого человека, на суть вещей и явлений, внеонтологично, внежизненно, а потому освещает все жизненное, обычное, житейски-обыденное со всеми подробностями и малостями (знаменитое у Розанова «папироска после купания, малина с молоком, малосольный огурец в конце июня, да чтоб сбоку прилипла ниточка укропа (не надо снимать)…» [Розанов, 2004, *106*]) как невозможную, неистребимую ценность.

Выйти на эту внежизненную точку, освящающую обыденный, домашний мир, можно, только пожертвовав своим жизненным, кровным, личным, в том числе своим образом, пластическим обликом, который Розанов описывает как искаженный этой ролью *сверхъестественного наблюдателя*. Таким искажением, а точнее полной потерей пластики своего «я», характеризуется образный фрагмент «Опавших листьев», смысл которого неочевиден, если не учитывать жертвенное горение, растворение автора, проговаривающего свой мир с внежизненной точки: «“Вихрь вокруг”, *дымит* из меня и около меня, и ничего не видно, никто не видит меня, “мы с миром незнакомы”. В самом деле, дымящаяся головешка (часто в детстве вытаскивал из печи) – похожа на меня: ее совсем не видно, не видно щипцов, которыми ее держишь. И Господь держит меня щипцами. “Господь надымил мною в мире”» [Розанов, 2004, *79–80*].

Эта метафора – метафора эстетического жертвоприношения, характеризующая не только розановский мир и авторского субъекта в нем, но и всякую ситуацию жертвенного внеполагания себя, результатом которого становится эстетически завершенный, оправданный мир, сохраняющий бессмертными все свои детали и обыденные подробности, свои сюжеты, своего эстетически освященного человека. Так объясняется в приведенном фрагменте, на первый взгляд, кажущаяся странность, что В.В. Розанов утверждающий частную, семейную жизнь, материю, пол как непреложную ценность, говорит здесь «мы с миром незнакомы», все вышеперечисленное становится непреложной ценностью благодаря тому, что автор находится не внутри этого мира, а вовне.

Внежизненное повествование в «Опавших листьях» закономерно насыщено тематическими контекстами, связанными со смертью как онтологическим фактом. «Да. Смерть – это тоже *религия. Другая религия*» [Розанов, 2004, *4*], – пишет В.В. Розанов (мы можем почувствовать здесь аналогию с «другой литературой»). Смерть – другая религия в том смысле, что она становится точкой нового взгляда на мир, но это взгляд неестественный, внешний, это точка отсчета мировосприятия Розанова, называвшего себя «заплакавшим от страха могилы» [Розанов, 2004, *204*]. Само по себе название книги – «Опавшие листья» – несет в себе коннотации умирания, дыхания завершаемого мира.

Тенденцию мысли Розанова к тому, чтобы соединять высокие контексты (Бог, бессмертие, искусство, закон) с низовыми контекстами быта, вызывавшие недоумение и эпатировавшие читателя сравнения литературы со штанами («Литературу я чувствую как штаны. Так же близко и вообще “как свое”» [Розанов, 2004, *114*]) или бани с английской конституцией («Обычай бани есть гораздо более замечательное историческое явление, нежели английская конституция» [Розанов, 2004, *246*]) следует понимать не как намеренное снижение темы и пафоса и не как эффектный прием, но как «посмертное» право примерять искусство как ходовую одежду, право перейти границу вненаходимости, образно выражаясь, с ручной кладью, вместе с тем, что составляет обыденный день жизни, дерзновенное право взять с собой «на тот свет» носовой платок [Розанов, 2004, *10*]. Онтологическое укоренение абстракций, таким образом, становится одновременно у Розанова *обживанием смерти.*

С этой же точки зрения можно трактовать амбивалентность мышления В.В. Розанова, парадоксализм, совмещение противоположных убеждений, не раз вызывавшие возмущение и недоумение его современников и привлекавшие особое внимание последующих комментаторов. Сюда относятся и обвинения В.В. Розанова, публиковавшего статьи одновременно в революционных и реакционных изданиях, в политическом двурушничестве (см., например: [Чуковский, 1995; Троцкий, 1995]), и разрыв с религиозно-философским обществом в связи с антисемитизмом Розанова, проявленным в деле Бейлиса, что сочетается с убежденностью Розанова в богоизбранности еврейства, с пониманием ветхозаветного мира как образца взаимоотношений Бога и человека, и

сложные отношения Розанова с православием, и даже совмещение противоположностей гендерных векторов в мироощущении Розанова (см.: [Бердяев, 1995]). Авторская вненаходимость предполагает, так сказать, воздержание от суждений, в автодокументальном дневниковом повествовании, не дающем возможности скрыться за сюжетной мотивировкой и персонажным рядом, *одновременность* всех смыслов, присущая вненаходимой эстетической позиции, становится открытой, эксплицитной. Именно это диктует Розанову возможность сказать «…я писал однодневно “черные” статьи с эсерными. И в обеих был убежден. Разве нет 1/100 истины в революции и 1/100 истины в черносотенстве?» [Розанов, 2004, *238*]. Таким образом, формой проявления вненаходимого автора в розановском автодокументальном повествовании становится смысловая амбивалентность, которая выражается в ряде антиномий, характеризующих содержательный дискурс В.В. Розанова: революционер / монархист; прогрессист / консерватор; христианин / язычник; аскет / философ эроса; юдофил / антисемит, мыслитель / обыватель, мужское / женское начало. Если бы речь шла о фикциональной прозе, о литературе в обычном смысле, то все эти содержания нашли бы свое воплощение в разных героях, нашли бы своего носителя, но поскольку речь идет о дневниковой прозе, эстетически организованном документализме, «другой литературе», то все эти смыслы в их одновременности и равноправии проецируются на авторского субъекта, становятся его «прямой речью», то, что обычно скрыто от читательских глаз, в повествовании «Опавших листьев» оказывается открытым. Таким образом, амбивалентность и парадоксализм мышления В.В. Розанова, становившиеся не раз предметом и филологического, и гносеологического анализа, являются непосредственным феноменологическим выражением его эстетической вненаходимости по отношению к невымышленному миру.

Голос повествования «Опавших листьев» как бы вмещает в себя смысловое многоголосие (поэтому С.Р. Федякин трактует поэтику «Опавших листьев» как полифоническую [Федякин, 2014, *78*]), один из фрагментов содержит прямую рефлексию на эту тему: «Какими-то затуманенными глазами гляжу я на мир. И ничего не вижу. И параллельно внутри вечная игра. Огни. Блестки. Говоры. Шум народов. Шум бала» [Розанов, 2004, *376*]. Такое полифоническое эхо розановского высказывания стало основанием для исследовательского подхода к субъекту повествования «Опавших листьев» как выражающему себя в ряде авторских масок, субъект дневниковой прозы отчетливо воспринимается не только как автор и повествователь, но и как герой (в целом фигура В.В. Розанова в культурной рецепции часто располагала к аналогии литературных героев, в основном героев Ф.М. Достоевского (см.: [Данилевский, 1994])). Тем не менее структура субъектных отношений автора и (условно) героя дневниковой прозы В.В. Розанова организована в большей мере по лирическому принципу: «Подобно автору лирического произведения, автор трилогии (“Уединенное”, первый и второй короб “Опавших листьев”. – *К. П.*),

являясь субъектом речи, включен в предмет речи» [Полюшина, 2005, *7*], – отмечает В.Г. Полюшина. Донецкий литературовед В.В. Медведева-Гнатко в статье «Стилеобразующая роль авторской рефлексии в исповедальной прозе В.В. Розанова (“Опавшие листья”)» трактует литературное творчество Розанова как акт непрерывной рефлексии, самосознания, в котором само по себе записывание равноценно жизни. Автор работы усматривает в этом постоянном стремлении самосознания черты разрушения классической парадигмы искусства, утраты его целостности и эстетических возможностей, однако трактует субъектную сферу разграничения автора и героя «Опавших листьев» как очевидно организованную в закономерностях лирики, в которой граница, разделяющая автора и героя, имплицитна: «…каждый существенный момент стилеобразующего авторского сознания оказывается зафиксированным в слове *архитектонически осведомленного и эстетически ответственного героя*. Это внутренний человек, плоть от плоти автора-творца…» (курсив наш. – *К. П.*) [Медведева-Гнатко, 2000, *234*].

Дневниковый мир В.В. Розанова организован как автокоммуникативный текст, его родовая доминанта – лирика. Форма лирики при всей ее метрической и ритмической упорядоченности, при всех технических моментах верификации в большей мере спонтанна, чем эпическая форма, предполагающая поэтапное воплощение замысла, ремесленную работу над формой. Автор лирики, как и автор дневникового высказывания, в пределе, импровизаторы, их высказывание не предполагает правки и огранки. Большинство исследователей выделяют спонтанность формы в качестве наиболее существенной характеристики дневниковой прозы, и прозы В.В. Розанова в особенности. Высказывание дневниковой прозы В.В. Розанова, как и лирическое высказывание, предполагает броскую, экспрессивную, орнаментальную речь и одновременно речь интровертную, уясняющую что-то для себя, а поэтому стенографичную, сворачивающую пространное объяснение мысли в метафору, условное сокращение, графический знак, опорное слово.

Дневниковая форма в ее воплощении в «Опавших листьях» реализует уникальную с эстетической точки зрения ситуацию осуществления художественной архитектоники практически вне композиционной обработки. Композицию, формальную сюжетную мотивировку, содержательно-тематическую выстроенность если и можно найти в дневниковом нарративе Розанова, то все же как самую общую канву, организация повествования производит впечатление стихийности, непреднамеренности. При этом мы совершенно точно ощущаем неслучайность выбранной формы высказывания, именно эта форма высказывания, вненаходимого проговаривания ориентирует дневниковую форму рассматриваемого текста как архитектоническую, то, что Н.К. Кашина называет «самоорганизацией хаоса» [Кашина, 2012]. При этом В.В. Розанов постоянно подчеркивает обязательность для его словесного творчества письменной формы

и категорически дистанцируется от печатной: «Как будто этот проклятый Гутенберг облизал своим медным языком всех писателей, они все обездушились “в печати”, потеряли лицо, характер. Мое “я” только в рукописях, да и “я” всякого писателя» [Розанов, 1990, *28*]; «Новое – *тон*, опять – манускриптов, “до Гутенберга”, для себя. Ведь в средних веках не писали для публики, потому что прежде всего не издавали. И средневековая литература, во многих отношениях, была прекрасна, сильна, трогательна и глубоко плодоносна в своей невидности» [Розанов, 2004, *78*]; «Поразительно впечатление *уже напечатанного*: – “Не мое”» [Розанов, 2004, *78*]. Для автора «Опавших листьев» процесс письма и написанное становятся продолжением человека, неотчуждаемой частью его онтологической данности, за почерком видна пишущая рука. Но важно, что это не просто письмо, а особое письмо, в котором мир и Другой обретают эстетическую ценность, бессмертие, потому сам процесс письма важен в почти ритуальном смысле, как практика, в которой, подобно жертве, участвует тело, о чем глубоко и убедительно говорит М.Н. Эпштейн в работе «Скрипторика: введение в антропологию и персонологию письма» [Эпштейн, 2015].

Серьезнейшую роль в самоорганизации архитектонической формы дневникового нарратива играют его пространственно-временные ориентиры и маркеры. Особенность дневниковой прозы В.В. Розанова в соотношении с общими жанровыми характеристиками дневника заключается в том, что метатекстовая дата (хронологическое датирование записей) в тексте Розанова строго не выдерживается, гораздо более системным в «Опавших листьях» становится указание пространства и обстоятельств записи. Это отличает дневниковую составляющую прозы Розанова от организации дневника в принципе, прежде всего тем, что маркирование записи несет в себе не просто композиционно-жанровую необходимость, жанровую традицию, но воспринимается как прием, в случае «Опавших листьев» почти всегда построенный на оксюмороне несовпадения содержания мысли и обстоятельств, пространства, в котором она фиксируется. Эта особенность не раз отмечалась исследователями и самим автором в тексте: «Место и обстановка “пришедшей мысли” везде указаны (абсолютно точно) ради опровержения фундаментальной идеи сенсуализма “nihil est in intellectu quod non furat in sensu” (“нет ничего в уме, чего бы не было раньше в ощущениях”. – *К. П.*). Всю жизнь я, наоборот, наблюдал, что in intellectu происходящее находится в полном разрыве с quod fuerat in sensu. Что вообще *жизнь души* и *течение ощущений*, конечно, соприкасаются, отталкиваются, противодействуют друг другу, совпадают, текут параллельно, но лишь в *некоторой* части. На самом же деле *жизнь души* имеет и другое русло, *свое самостоятельное*, а самое главное – имеет другой *исток*, другой себе *толчок*» [Розанов, 2004, *78*]. Это свое самостоятельное русло и исток для жизни души совпадают с некой вневременной точкой, поэтому течение времени в дневниковом нарративе Розанова ощущается как необязательное и даже преодолеваемое («У, как я хочу *вечного* <…> как я не хочу этого “раба времени”» [Розанов, 2004, *96*]). Таким образом, все профанные в своем существе

обстоятельства и пространственные точки мысли – «за утренним чаем», «за набивкой табаку», «на извозчике», «собираясь на именины» «в ватерклозете», «на поданной визитной карточке» – объединяются с вневременной точкой высказывания в единый хронотоп, эта вневременная прививка дает им новую природу. Отметим, что наиболее часто встречающийся маркер записей – «за нумизматикой» – не только отражает фактическое увлечение Розанова, страстного нумизмата, но и фиксирует своеобразную точку «освобождения от мира», Розанов связывает рассматривание монет с особым состоянием, когда «душа свободна… высвобождается» [Исупов, 1982, *123*], когда останавливается время, расширяется его контекст от древней истории до современности.

Адресация текста «Опавших листьев» также представляет собой интересную исследовательскую проблему. Общеизвестны фрагменты прозаического текста Розанова, в которых он достаточно категорично «отлучает» читателя от своего повествования: «Все писатели – рабы. Рабы своего читателя» [Розанов, 2004, *247*]; «…а по-моему только и нужно писать “Уед.”, для чего же писать “в рот” читателю» [Розанов, 2004, *108*]; «Кажется, что *существо* литературы есть ложное; не то чтобы “теперь” или “эти литераторы” дурны: но *вся эта область* дурна <…> “–Дай-ка *я напишу*, а *все прочтут*?..” Почему “я” и почему “им читать”? В состав входит – “*я умнее* других” “*другие меньше меня*,” – и это уже есть грех» [Розанов, 2004, *78*]. Из последней цитаты становится ясно, что Розанов предает остракизму не столько собственно читателя, сколько определенную авторскую установку. Именно установка на литературное творчество, его целевое предназначение сама по себе отличает «литературу», «литературность» от «другой литературы», подлинной творческой словесности. Творческое событие не может произойти в «литературном поле», среди печатных книг и читающей публики, это событие сакрально, а потому оно предполагает скорее не внешнего наблюдателя, «интересующегося» (священное всегда скрыто), но того, ради которого совершается это событие, читатель для Розанова не просто субъект, который воспринимает коммуникативный посыл, а Другой, ради которого фактуальный мир переозначивается как эстетически бессмертный, читатель вовлечен в этот мир как его спасаемая часть. Таким образом, взаимодействие «я – другой» осуществляется в «Опавших листьях» в диалогическом и очевидно «антикоммуникативном» смысле.

ЛИТЕРАТУРА

Бердяев Н.А. О «вечно-бабьем» в русской душе // В.В. Розанов: Pro et contra: Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей: антология / сост., вступ. ст. и примеч. В.А. Фатеев. СПб.: РХГИ, 1995. Кн. II. С. 41–52.

Городилова Т.С. Онтология повседневности и неклассическая гносеология В.В. Розанова: автореф. дис. … канд. филос. наук. Киров, 2006. 26 с.

Громов М.Н. Философский импрессионизм Розанова // Наследие В.В. Розанова и современность: материалы международной научной конференции / сост. А.Н. Николюкин. М.: РОССПЭН, 2009. С. 273–284.

Данилевский А.В. В. Розанов как литературный тип // Классицизм и модернизм: сб. статей / редкол. И. Аврамец [и др.]. Тарту: Tartu Ülikooli kirjastus, 1994. С. 112–128.

Емельянов В.А. «Другая литература» В. Розанова (В поисках иных духовных созерцаний). Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2004. 161 с.

Исупов К.Г. Две модели творческого поведения (Достоевский – Пришвин) // Проблемы творчества Ф. М. Достоевского: поэтика и традиции / отв. ред. Т.В. Захарова. Тюмень: Изд. ТГУ, 1982. С. 77–87.

Кашина Н.К. Онтология мифа в текстах В. Розанова как генезис «другой литературы»: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Иваново, 2012. 44 с.

Кузнецова О.В. Творчество В.В. Розанова 1910-х годов: книги «Уединенное» и «Апокалипсис нашего времени»: автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2007. 19 с.

Медведева-Гнатко В.В. Стилеобразующая роль авторской рефлексии в исповедальной прозе В.В. Розанова («Опавшие листья») // Литературоведческий сборник. Вып. 3. Донецк: ДонНУ, 2000. С. 233–243.

Николюкин А.Н. Розанов. М.: Мол. гвардия, 2001. 511 с.

Орлицкий Ю.Б. Большие претензии малого жанра (по итогам первого Тургеневского фестиваля малой прозы) // Новое литературное обозрение. 1999. № 38. С. 75–288.

Полюшина В.Г. Художественно-философская трилогия В.В. Розанова («Уединенное», «Опавшие листья»): образ автора и жанр: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 28 с.

Розанов В.В. О писателях и писательстве // Розанов В.В. Сочинения / сост., подг. текста и коммент. А.Л. Налепина и Т.В. Померанской. М.: Сов. Россия, 1990. С. 231–248.

Розанов В.В. Опавшие листья М.: АСТ, 2004. 383 с.

Синявский А.Д. «Опавшие листья» В.В. Розанова. Париж: Синтаксис, 1982. 340 с.

Синявский А.Д. С носовым платком в Царствие Небесное // В.В. Розанов: Pro et contra: Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей: антология / сост., вступ. ст. и примеч. В.А. Фатеев. СПб.: РХГИ, 1995. Кн. II. С. 444–478.

Троцкий Л.Д. Мистицизм и канонизация Розанова // В.В. Розанов: Pro et contra: Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей: антология / сост., вступ. ст. и примеч. В.А. Фатеев. СПб.: РХГИ, 1995. Кн. II. С. 318–321.

Фатеев В.А. В.В. Розанов: Жизнь. Творчество. Личность. Л., 1991. 368 с.

Федякин С.Р. Художественная проза Василия Розанова: Жанровые особенности. М.: Лит. ин-т. им. А.М. Горького, 2014. 103 с.

Чуковский К.И. Открытое письмо Розанову // В.В. Розанов: Pro et contra : Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / сост., вступ. ст. и примеч. В.А. Фатеев. СПб.: РХГИ, 1995. Кн. II. С. 126–134.

Шкловский В.Б В. Розанов // В.В. Розанов: Pro et contra: Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей: антология / сост., вступ. ст. и примеч. В.А. Фатеев. СПб.: РХГИ, 1995. Кн. II. С. 321–342.

Эпштейн М. Скрипторика: Введение в антропологию и персонологию письма // Новое литературное обозрение. 2015. № 131. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2015/1/skriptorika.html. (дата обращения: 20.04.2022).

K.V. Pershina
PhD in Philology, Associate Professor,
Chair of History of Russian Literature and Theory of Literature,
Faculty of Philology,
Donetsk State University
Donetsk, Russia

«Solitary» and «Fallen Leaves» by V. Rozanov as «other Literature»

The article deals with the peculiarities of the artistic organization of autodocumentary writing in thediary prose of V.V. Rozanov «Solitaria» and «Fallen

Leaves». The article reviews the genre definitions of Rozanov's prose which correlate with the concept of «other literature». The purpose of the analysis is to identify the specifics of the subject organization of diary writing, which, along with genre markers, determines the artistic value of the documentary narrative in the texts under consideration. A holistic analysis of Rozanov's autodocumentary prose made it possible to formulate some important features of the architectonics of «Solitaria» and «Fallen Leaves»: 1) the author of the self-documentary narrative is extralocated to his own being in the way that is characteristic of the author's extralocation of a fictional text; 2) the «out-of-life narrative» in «Fallen Leaves» is naturally connected with the thematic contexts of death and dying; 3) this peculiar author's extralocation of the documentary writing in these texts explains many specific features of Rozanov's diary prose, such as the semantic ambivalence of his statement, a special chronotope, and the specifics of addressing.

Key words: *autodocumentary narration; diary prose; architectonics; genre; author's extralocation.*

REFERENCES

Berdyaev N.A. About the «eternally-simply-woman» in the Russian Soul. *V.V. Rozanov: Pro et contra: The Personality and Creativity of Vasily Rozanov in The Assessment of Russian Thinkers and Researchers* [O «vechno-bab'yem» v russkoy dushe. *V.V. Rozanov: Pro et contra: lichnost' i tvorchestvo Vasiliya Rozanova v otsenke mysliteley i issledovateley*]. Anthology. Compiled and introduced by V.A. Fateev. Book II. St. Petersburg: RChSU, 1995. pp. 41−52 (in Russian).

Gorodilova T.S. Ontology of everyday life and non-classical epistemology V.V. Rozanova [Ontologia povsednevnosti i neclassicheskaya gnoseologia V.V. Rozanova]. Abstract of dissertation ... candidate of Philosophical Sciences. Kirov, 2006. 26 p. (in Russian).

Gromov M.N. Philosophical Impressionism of Rozanov [Filosofskiy impressionizm Rozanova]. *Legacy of V.V. Rozanov and Modernity: Proceedings of the International scientific conference*. Moscow: Russian political encyclopedia, 2009. pp. 273−284 (in Russian).

Danilevsky A.V. V. Rozanov as a Literary Type [V. Rozanov kak literaturnyy tip]. *Classicism and Modernism: colltion of articles*. Tartu: Tartu Ülikooli kirjastus, 1994, pp. 112−128 (in Russian).

Emelyanov V.A. «Other Literature» by V. Rozanov (In Search of Other Spiritual Contemplations) [«Drugaya literatura» V. Rozanova (V poiskakh inykh dukhovnykh sozertsaniy)]. Astrakhan: Astrakhan State University, 2004. 161 p. (in Russian).

Isupov K.G. Two Models of Creative Behavior (Dostoevsky – Prishvin) [Dve modeli tvorcheskogo povedeniya (Dostoyevskiy – Prishvin)]. *Problems of Creativity of F.M. Dostoevsky: Poetics and Traditions*. Edited by T.V. Zakharova.Tyumen: Tyumen State University, 1982, pp. 77−87 (in Russian).

Kashina N.K. Ontology of Myth in The Texts of V. Rozanov as The Genesis of «Other Literature» [Ontologiya mifa v tekstakh V. Rozanova kak genezis «drugoy literatury»]. Abstract of dissertation ... doctor of Philolological Sciences. Ivanovo, 2012. 44 p. (in Russian).

Kuznetsova O.V. V.V. Rozanov's Works in The 1910s: The Books «Solitaria» and «The Apocalypse of Our Time» [Tvorchestvo V.V. Rozanova 1910-kh godov: knigi «Uyedinennoye» i «Apokalipsis nashego vremeni»]. Abstract of dissertation … candidate of Philological Sciences. Saratov, 2007. 19 p. (in Russian).

Medvedeva-Gnatko V.V. The Style-forming Role of The Author's Reflection in The Confessional Prose of V.V. Rozanov («Fallen Leaves») [Stileobrazuyushchaya rol' avtorskoy refleksii v

ispovedal'noy proze V. V. Rozanova («Opavshiye list'ya»)]. *Philological collection.* No. 3. Donetsk: Donetsk Humanitraian University, 2000, pp. 233–243 (in Russian).

Nikolyukin A.N. Rozanov [Rozanov]. Moscow: Mol. gvardiya, 2001. 511 p. (in Russian).

Orlitsky Yu.B. Big Claims of The Small Genre (According to The Results of The First Turgenev's Festival of Small Prose) [Bol'shiye pretenzii malogo zhanra (po itogam pervogo Turgenevskogo festivalya maloy prozy)]. *New Literary Review.* 1999, no. 38, pp. 75–288 (in Russian).

Polyushina V.G. Artistic and Philosophical Trilogy by V.V. Rozanov («Solitaria», «Fallen Leaves»): The Image of The Author and The Genre [Khudozhestvenno-filosofskaya trilogiya V.V. Rozanova («Uyedinennoye», «Opavshiye list'ya»): obraz avtora i zhanr]. Abstract of dissertation ... candidate of Philolological Sciences. Volgograd, 2005. 28 p. (in Russian).

Rozanov V.V. About Writers and Writing [O pisatelyakh i pisatel'stve]. *Works by V.V. Rozanov*. Moscow: Soviet Russia, 1990, pp. 231–248 (in Russian).

Rozanov V.V. Fallen Leaves [Opavshiye list'ya]. Moscow: AST, 2004. 383 p. (in Russian).

Sinyavsky A.D. «Fallen Leaves» by V.V. Rozanov [«Opavshiye list'ya» V.V. Rozanova]. Paris: Syntax, 1982. 340 p. (in Russian).

Sinyavsky A.D. With a Handkerchief to The Kingdom of Heaven [S nosovym platkom v Tsarstviye Nebesnoye]. *V.V. Rozanov: Pro et contra: lichnost' i tvorchestvo Vasiliya Rozanova v otsenke mysliteley i issledovateley* [V.V. Rozanov: Pro et contra: The Personality and Creativity of Vasily Rozanov in The Assessment of Russian Thinkers and Researchers]. Anthology. Compiled and introduced by V.A. Fateev. Book II. St. Petersburg: RChSU, 1995, pp. 444–478 (in Russian).

Trotsky L.D. Mysticism and Canonization of Rozanov [Mistitsizm i kanonizatsiya Rozanova]. *V.V. Rozanov: Pro et contra: lichnost' i tvorchestvo Vasiliya Rozanova v otsenke mysliteley i issledovateley* [V.V. Rozanov : Pro et contra: The Personality and Creativity of Vasily Rozanov in The Assessment of Russian Thinkers and Researchers]. Anthology. Compiled and introduced by V.A. Fateev. Book II. St. Petersburg: RChSU, 1995, pp. 318–321 (in Russian).

Fateev V.A. VV Rozanov: Life. Creation. Personality [V.V. Rozanov: Zhizn'. Tvorchestvo. Lichnost']. Leningrad, 1991. 368 p. (in Russian).

Fedyakin S.R. Artistic Prose of Vasily Rozanov: Genre Features [Khudozhestvennaya proza Vasiliya Rozanova: Zhanrovyye osobennosti]. Moscow: Literary Institute named after A.M. Gorky, 2014. 103 p. (in Russian).

Chukovsky K.I. Open Letter to Rozanov [Otkrytoye pis'mo Rozanovu]. *V.V. Rozanov: Pro et contra: lichnost' i tvorchestvo Vasiliya Rozanova v otsenke mysliteley i issledovateley* [V.V. Rozanov: Pro et contra: The Personality and Creativity of Vasily Rozanov in The Assessment of Russian Thinkers and Researchers]. Anthology. Compiled and introduced by V.A. Fateev Book II.St. Petersburg: RChSU, 1995. pp. 126–134 (in Russian).

Shklovsky V.B. V. Rozanov [V. Rozanov]. *V.V. Rozanov: Pro et contra: lichnost' i tvorchestvo Vasiliya Rozanova v otsenke mysliteley i issledovateley* [V.V. Rozanov: Pro et contra: The Personality and Creativity of Vasily Rozanov in The Assessment of Russian Thinkers and Researchers]. Anthology. Compiled and introduced by V.A. Fateev. Book II. St. Petersburg: RChSU, 1995, pp. 321–342 (in Russian).

Epstein M. Scriptorics: An Introduction to Anthropology and Personology of Writing [Skriptorika: Vvedeniye v antropologiyu i personologiyu pis'ma]. *New Literary Review*, 2015. No. 131. Available at: https://magazines.gorky.media/nlo/2015/1/skriptorika.html (accessed on 20 April 2022) (in Russian).

А.А. Папейко

Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова
Могилев, Республика Беларусь

УДК 811.161.1'37

DOI 10.35785/2072-9464-2023-64-4-89-101

КВАЛИТАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖИЗНИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

Ключевые слова: *концепт; лексический репрезентант; русская поэзия; поэтический дискурс; семантика; квалитативная характеристика; жизнь; М.И. Цветаева.*

Работа направлена на изучение семантики концепта ЖИЗНЬ в русском поэтическом дискурсе. Цель статьи – выявление особенностей смыслового наполнения лексического репрезентанта «жизнь» в рамках группы квалитативной характеристики на материале творчества М.И. Цветаевой.

В исследовании выделяются, подтверждаются примерами и анализируются с точки зрения семантики следующие основные подгруппы квалитативной характеристики жизни: 1) «принадлежность»; 2) «продолжительность»; 3) «соотнесенность с настоящим моментом»; 4) «прямая оценка»; 5) «совместность»; 6) «близость к эталону»; 7) «вкусовые ощущения»; 8) «персонифицированное качество»; 9) «степень достатка, возможности»; 10) «стихия»; 11) «простая – сложная»; 12) «цвет».

Выводы отражают следующие особенности поэтического дискурса М.И. Цветаевой: 1) распространенность квалитативной характеристики и разнообразие секторов образного осмысления жизни; 2) расширение семантики эпитетов за счет взаимодействия с ближайшим контекстом; 3) возможность находиться рядом с объектом любви как показатель качества жизни; 4) смещение смысловых полюсов в рамках оценочной категории «хорошее – плохое»; 5) изменчивость оценки качества жизни в хронологическом плане.

Результаты исследования могут быть использованы в научно-исследовательской и педагогической деятельности, связанной с изучением русского поэтического дискурса.

Концепт ЖИЗНЬ в силу своей неоспоримой важности для каждого отдельного индивида и общества в целом неоднократно попадал в поле зрения исследователей (в том числе автора данной статьи), выступая при этом как одна из составных частей русской языковой картины мира [Степанов, 2004; Апресян, 1995; Попова, Стернин, 2003; Караулов, 2010; Шмелев, 2002], как член бинарной оппозиции ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ [Пономарева, 2008; Дзюба, 2001; Александрович, 2008; Прохорова, 2018; Папейко, 2023а], как самостоя-

тельный объект изучения [Иванова, 2005; Горшкова, 2015; Руднев, 2010; Смирнова, 2014; Папейко, 2023б]. Многообразие подходов к рассмотрению данной единицы и богатство ее лексико-семантического наполнения, с одной стороны, ведут к накоплению большого количества сведений, а с другой – серьезно затрудняют систематизацию содержательной стороны и установление взаимосвязей с другими наиболее существенными элементами картины мира – *смерть*, *время*, *любовь*, *душа*, *человек* и др. По этой причине мы решили выработать подход к описанию, учитывающий как формально-грамматическую (частеречную и сочетаемостную), так и смысловую сторону языкового знака – лексического репрезентанта *жизнь* с учетом всех возможных словоформ.

В итоге нами были выделены пять основных групп, в рамках которых мы вели наблюдения за семантикой *жизни*: 1) метафорический перенос наименования (имена существительные); 2) сравнение (имена существительные); 3) квалитативная характеристика (имена прилагательные); 4) субъект (глаголы); 5) объект (глаголы).

Работа проводилась в рамках диссертационного исследования «Ключевые концепты русского поэтического дискурса XX – начала XXI веков в синхронии и диахронии: семантико-статистическое моделирование», направленного на изучение семантико-статистической организации ключевых концептов русского поэтического дискурса XX – начала XXI веков.

Цель данной статьи – выявление особенностей смыслового наполнения лексического репрезентанта *жизнь* в рамках группы квалитативной характеристики на материале творчества М.И. Цветаевой.

Квалитативная характеристика жизни в поэтическом дискурсе М.И. Цветаевой занимает заметное место; в общей сложности нами было отмечено около 40 различных примеров определения жизни, организованных чаще всего по принципу эпитета и затрагивающих как выразительную, так и смысловую сторону текста. Данные примеры с семантической точки зрения группируются следующим образом.

1. «Принадлежность». Сектор указания на принадлежность представлен единицами *не моя*, *не твоя*, *наша*, *собственная*, при этом соотнесенность жизни с тем или иным человеком по признаку принадлежности является формальной, отходит на второй план; в то же время актуализируется значение характеристики, выражения отношения, оценки по тому или иному параметру. Так, невозможность находиться рядом с любимым человеком, отдавая ему свою жизнь и ощущая с его стороны взаимное чувство, влечет за собой утрату интереса к собственной жизни, которая в результате воспринимается как нечто чужое, ненужное, не представляющее никакой ценности: *Что до собственной мне жизни? / Не моя, раз не твоя*. В другом примере формальное указание на принадлежность *наша* характеризует окружающую реальность, земную жизнь как условия, совершенно непригодные для жизни человека с чистым, незамут-

ненным внутренним миром, свойственным ребенку. Интересно, что общие законы земного бытия при этом отождествляются с пространством, предлагающим неприемлемые условия, а жизни отдельных людей – с путем в этом пространстве. Важно также, что попытка проложить и пройти «правильный» путь в пространстве земного бытия воспринимается как тщетная, обреченная на провал, так как истинное счастье, предназначение человека находится за его пределами: *Нету путей / Им в нашей жизни. Их счастье, их радость – у Бога.*

2. «Продолжительность». Сегмент продолжительности воплощается посредством квалитативных маркеров *большая*, *долгая*, *мимолетная*, при этом к обозначению собственно продолжительности подключаются иные, дополнительные смысловые оттенки. Так, определение *большая* может быть расшифровано в переносном значении с дополнительной коннотацией оценки, обусловленной контекстуальным подключением подразумеваемых синонимов (например, *возвышенная*, *содержательная*, *интересная*, *важная*, *красивая* и т. п.): *Звезда над люлькой – и звезда над гробом! / А посредине – голубым сугробом – / Большая жизнь*. Прилагательное *долгая* в контексте обращения со словами пожелания свидетельствует о глубине и силе чувства по отношению к любимому человеку, при этом само чувство может быть воспринято весьма неоднозначно в контексте триады «любовь – верность – измена»: *Долгой жизни, Любовь моя! / Изменяю для новой суженой...* Такая черта жизни, как *мимолетность*, придает ей остроту, ценность, наполняет ее некоторым смыслом, заставляет мириться с ее недостатками и в какой-то степени принимать жизнь независимо от формальной продолжительности: *Странно чувствовать так сильно и так просто / Мимолетность жизни – и свою.*

3. «Соотнесенность с настоящим моментом». Подобно случаю с продолжительностью, квалитативные маркеры соотнесенности с настоящим моментом времени *будущая*, *иная*, *нынешняя* выходят за пределы собственно временно́й семантики. Например, оппозиция в рамках квалитативной характеристики «нынешняя – будущая» не столько соотносит понятие жизни с определенным отрезком времени, сколько утверждает возможность двух диаметрально противоположных способов обустройства жизни. При этом наблюдается интересное переплетение и наслоение значений по принципу синекдохи внутри рядов «отдельный мальчик – все мальчики – все лица мужского пола – ты» и «отдельная девочка – все девочки – все лица женского пола – я»: *В нынешней жизни – выпало так: / Мальчик поет, а девчонка плачет. / В будущей жизни – любо глядеть! – / Ты будешь плакать, я буду – петь!* Определение *иная*, помимо указания на отличия от текущего положения вещей, текущего образа жизни, свидетельствует о важности чувства в поэтическом ви́дении мира М.И. Цветаевой; так, само наличие человека, к которому формируется исключительное отношение, сильное чувство (любви, привязанности, почитания), способно преобразовать окружающую

реальность, кардинально изменить восприятие жизни, расширить ее границы, сделать жизнь если и не идеальной, то, по крайней мере, приемлемой: *С тобою раздвигались стены / В иную жизнь*.

4. «Прямая оценка». В качестве средства прямой положительной либо отрицательной оценки используются эпитеты *великолепная*, *дикая*, *милая*, *прелестная*, *хорошая*. Объектом оценки может служить жизнь собеседника, к которому обращается в произведении автор либо лирический герой; жизнь самого автора либо лирического героя; жизнь окружающих людей; жизнь как объективная реальность. Интересно, что в некоторых случаях общеязыковая и контекстуальная семантика языкового знака могут не просто различаться, но даже вступать в отношения полной противоположности (подобная трансформация «положительного» и «отрицательного» отмечается и в других подгруппах квалитативной характеристики), при этом полюса антонимической пары по смыслу меняются местами и «хорошее» воспринимается как негативное, а «плохое», напротив, как желательное: *Ухитримся-ка, Егор, жить поплоше! / Удавиться нам от жизни хорошей!* Обращает на себя внимание и хронологически обусловленный аспект оценки, что означает изменение восприятия с возрастом, переосмысление с течением времени; при этом знак «плюс» сопровождает начальные этапы жизни с ее свежестью, свободой, понятностью, незамутненностью заботами и тяготами, постепенно переходя в «минус»: *Как жизнь прелестна и проста! – / Нам ровно тридцать лет обеим...*

5. «Совместность». Сема совместности вводится определениями *врозь*, *разны*, *рядом*. Выше мы уже отмечали, что одной из главных (если не главной) ценностей жизни в поэтическом дискурсе М.И. Цветаевой является возможность быть рядом с человеком, с которым формируются отношения исключительной и при этом взаимной привязанности, приязни, любви. В связи с этим оппозиция «врозь / вместе» становится средством положительной либо отрицательной оценки жизни, причем полюс «врозь» соответствует оценке отрицательной, а полюс «вместе» – положительной. Легко заметить, что два определения из трех (*врозь*, *разны*) имеют отрицательную коннотацию в качестве постоянного и неизменного признака жизни, например: *Все врозь у нас: рты и жизни*. Третье определение (*рядом*) в контексте реализует смысл недолговечности близости, означает неизбежность расставания, в результате чего радость от контакта оказывается отравленной, а отношение к жизни предстает как постепенно удаляющееся от положительного: *грустный и большой, / День, когда от жизни рядом / Вся ты оторвешься взглядом / И душой*.

6. «Близость к эталону». Данный сегмент представлен эпитетами *высокая*, *совершенная*. Помимо значения элитарности, доступности только для избранных, что в рамках поэтического дискурса М.И. Цветаевой трактуется как нечто желательное, положительное, подобная организация жизни заключает в себе дополнительные коннотации. Так, *высокая* жизнь требует значительных

внутренних затрат, вызванных противостоянием окружению, и даже нуждается в поддержке: *Птица – Феникс я, только в огне пою! / Поддержите высокую жизнь мою!* Именно *высокая* жизнь означает право на свободу, на осуществление любых интенций, вплоть до отказа от жизни, добровольного ухода из нее: *В гробу – несравненные руки, / Скрестившиеся самовольно, / И сердце – высокою жизнью / Купившее право – не жить*. Жизнь *совершенная* неизбежно вступает в антагонистические отношения с жизнью общепринятой, обывательской, которая, в свою очередь, воспринимается как нечто низкое, искаженное, неправильное, далекое от истинного высокого предначертания: *Есть / Здесь, над сбродом кривизн – / Совершенная жизнь*...

7. «Вкусовые ощущения». Сема вкусовых ощущений включает в себя эпитеты *горькая*, *медовая*. Интересно, что в обоих случаях выражается коннотация отрицательная, однако происходит это двумя различными путями. Так, в случае с эпитетом *горькая* мы видим определение, которое с точки зрения позитивного либо негативного восприятия выражает отношение негативное, и жизнь в данном случае воспринимается как наполненная горем, заботами, тяготами; отметим, что данное значение является ожидаемым и обычно фиксируется толковыми словарями [Ожегов, Шведова, 1997; Кузнецов, 1998; Лопатин, 2011]. Подобным образом характеризуется жизнь как окружающая реальность, слишком тяжелая для чистой детской души (возникает аналогия с рассмотренной выше подгруппой квалитативной характеристики «принадлежность»), враждебная по отношению к ребенку, который нуждается в защите: *Ты вела своих малюток мимо / Горькой жизни помыслов и дел*. Эпитет же *медовая* реализует свою семантику в три этапа: во-первых, сначала вызывает ассоциацию *сладкая* в соответствии со вкусом называемого продукта; во-вторых, формирует первоначальное ожидаемое представление о положительной коннотации (если горькое на подсознательном уровне чаще ассоциируется с плохим, то сладкое ассоциируется с хорошим); в-третьих, за счет контекстуальной связи с сочетанием *пудовые сны* (то есть тяжелые, мучительные, не приносящие ощущения отдыха) диаметрально меняет свою коннотацию на отрицательную: *Как от жизни той медовой / Сны пудовы*. Заметим, что данный случай перемены смысловых полюсов антонимической пары «хороший – плохой» в поэтическом дискурсе М.И. Цветаевой не является единичным; выше мы уже описывали взаимное замещение хорошего и плохого в подгруппе прямой оценки.

8. «Персонифицированное качество». К этой подгруппе мы отнесли прилагательные, характеризующие в первую очередь живое существо, человека: *жадная*, *крутобровая*, *молодая*. Приведенные эпитеты характеризуют жизнь с разных сторон и содержат несколько семантических составляющих. *Жадная* описывает жизнь как субъект с определенным внутренним миром, чертами характера, проявляющимися во взаимодействии с другими людьми, по отношению к окружающему миру, причем на первый план выходит отнюдь не значение скупости либо жажды наживы, а неудержимость,

настойчивость в стремлении к удовлетворению каких-либо потребностей. Важно, что названное качество в рамках поэтического дискурса М.И. Цветаевой расценивается как положительное, что напрямую прочитывается благодаря эпитету прямой оценки *милая*; кроме того, жадность в значении неудержимости стремлений, подобно многим другим свойствам и чертам человека, динамически изменяется на протяжении жизни, становится менее выраженной, постепенно угасает, о чем свидетельствует временной маркер *еще*, стоящий в непосредственной постпозиции: *Милая ты жизнь! / Жадная еще!* Эпитет *крутобровая*, апеллируя в первую очередь к внешности, также подключает ассоциативный ряд временного плана, побуждая читателя «достраивать» художественный образ жизни как молодости, которая со временем безвозвратно уходит – подобно человеку, который уходит навсегда, не оглядываясь на тех, кто остается: *И не оглянется / Жизнь крутобровая!* Прилагательное *молодая*, очевидно служащее для указания на возраст говорящего, тем не менее также расширяет свое семантическое наполнение за счет контекста – показательно, что появление человека, безусловно важного для внутреннего мира повествователя и занимающего в этом мире положение исключительное, человека в какой-то мере идеализированного, происходит именно в молодом возрасте: *Нежный призрак, / Рыцарь без укоризны, / Кем ты призван / В мою молодую жизнь?*

9. «Степень достатка, возможности». Данное направление представлено эпитетами *нищая*, *нищенская*, *тесная*, которые, будучи введенными в поэтический текст, расширяют свою образную семантику (о расширении образной семантики слова, усилении экспрессивной окрашенности, развитии символического значения см., например: [Патракеева, 2018]). *Нищая*, по-видимому, означает не столько отсутствие достаточного количества денежных средств, сколько скудость духовного, интеллектуального, чувственного, событийного плана окружающей реальности и, как следствие, вынужденную ограниченность жизни каждого отдельного индивида. Определение *тесная* имеет подобную семантику, только подводит читателя к образу ограниченности жизни посредством апелляции не к финансовой, а к пространственной характеристике. Важно также, что нищая и тесная жизнь выступает в качестве своеобразной лакмусовой бумаги, способной дать объективную картину жизни «без прикрас» – раскрыть истинную суть человека, поставленного в такие условия, когда речь идет уже не столько о жизни, сколько о выживании: *в нищей и тесной / Жизни – «жизнь, как она есть»*...

10. «Стихия». Сектор стихии образован повторяющимися эпитетами *пламенная*, *пылкая*. Показательно, что в обоих случаях задействованной оказывается стихия огня, что побуждает читателя увидеть в художественном образе такие черты, как крайняя сила проявления, возможность выхода из-под контроля, способность причинить вред наряду с благотворным воздействием, излучение света и тепла, заметность на большом расстоянии

и т.п.: *Я трепетала каждой жилкой / Среди безмолвия ночного, / Над жизнью пламенной и пылкой / Держа задумчивый фонарь*... Вообще, обращение к стихии в целом и к огню в частности – явление для русской литературы достаточно характерное; примеры реализации художественных образов жизни и огня в русской поэзии XVIII–XX веков см. также: [Павлович, 2007]. Для нас же сейчас – при рассмотрении семантики *жизни* в сочетании с определениями *пламенная*, *пылкая* – интересной и важной оказывается и сама структура, строфика произведения. Так, названные эпитеты употреблены в стихотворении «Два исхода», представляющем собой 24-строчный текст из двух частей, при сопоставлении которых становится заметным строфический параллелизм с практически полным повторением лексического наполнения, но несколькими заменами, во-первых, устанавливающими сложные отношения разграничения и общности в рамках оппозиции «Я / Ты» (*Со мной* // *С тобой*; *Ко мне* // *К тебе*; *Я* // *Ты*), во-вторых, утверждающими возможность двух диаметрально противоположных вариантов событийной стороны жизни (*то будет снова* // *не будет снова*).

11. «Простая – сложная». Значение простоты или сложности жизни вводится в поэтический дискурс М.И. Цветаевой определениями *простая*, *трудная*. Данный сектор оказывается в отношениях корреляции с подгруппой прямой оценки, рассмотренной нами выше, причем полюс положительного восприятия (*простая*) является хронологически зависимым от возраста; об этом свидетельствует контекстуальная синонимия определений при описании жизни в молодом возрасте: *Как жизнь прелестна и проста! – / Нам ровно тридцать лет обеим*... Отрицательный же в общепринятом понимании полюс (*трудная*) обусловлен необходимостью скрывать истинные ценности, желания, устремления узкого круга людей от всех остальных, от окружения; эта необходимость сокрытия может быть вызвана рядом причин морального, этического или – на поверхности – социально-политического (о чем свидетельствует контекстуальная синонимия с определением *подпольная*) плана: *Жить нашей жизнью подпольною, трудною / Ты не смогла.*

12. «Цвет». Данный сектор семантики жизни представляют эпитеты *темная*, *черная*. Заметим, что выражение отношения, оценки, характеристики чего-либо, в том числе жизни, путем указания на цвет в русской литературной и фольклорной традиции сложилось уже давно, о чем свидетельствует активное употребление цветообозначения в устойчивых сочетаниях [Федоров, 1995; Жуков, Жукова, 2015], а также научное изучение его использования в художественном тексте [Кожемякова, 2001; Кулинская, 2002; Онол, 1996; Мерзук, 1997; Папейко, 2010]. Что касается приведенных выше образных определений жизни, то каждое из них, наряду с выражением негативной оценки, подключает важный смысловой пласт. Так, прилагательное *темная*, употребленное для характеристики жизни Степана Разина, наполненной злыми, разбойными, кровавыми событиями, хотя и вызванными стремлением к благу, в контексте

рассматривается как основание для помилования, пощады, освобождения: *Зубья страшные поломаны, / Но за жизнь его за темную / Да за удаль несуразную – / Развяжите Стеньку Разина!* Прилагательное *черная*, характеризующее жизнь в значении окружающей реальности и жизнь самого говорящего как полную тягот, трудностей, испытаний, трагизма, одновременно подчеркивает возможность и даже необходимость противостояния, противодействия негативным жизненным обстоятельствам: *Как жизнь ни черна – не страшусь ее туч, / Тоска тяжела – отрясу ее бремя*.

Заметим, что ряд зафиксированных нами примеров квалитативной характеристики оказался за пределами описанных подгрупп: *подпольная*, *последняя*, *посмертная*, *преувеличенная*. Вместе с тем данные прилагательные в контексте поэзии Серебряного века в целом и в сопоставлении с другими изучаемыми группами образного осмысления жизни в поэтическом дискурсе М.И. Цветаевой находят соотносительные случаи употребления и реализуют значимые смысловые пласты. Так, определение *подпольная*, кроме описанного выше значения контекстуальной синонимии по отношению к эпитету *трудная*, реализует сему степени открытости для окружающих, при этом отсутствие в жизни возможности открыто выражать свои мысли и чувства, воплощать свои желания и намерения воспринимается как фактор деструктивного воздействия на личность (см. пример с цитатой: *Жить нашей жизнью подпольною, трудною / Ты не смогла*). Определение *последняя* имеет выраженный полисемантический, даже омонимический характер; по этой причине оно в зависимости от читательской установки может быть расшифровано либо в философско-мировоззренческом плане, выступая по отношению к жизни в качестве маркера порядка при счете (то есть одна ли жизнь у человека или он живет не единожды), либо в морально-этическом, реализуя семы качества и отношения (то есть даже самая «никчемная» жизнь представляет собой явление уникальное, достойное уважения, воспевания): *А покамест еще в тенетах / Не увязла – людских кривизн, / Буду брать – труднейшую ноту, / Буду петь – последнюю жизнь!* Прилагательное *посмертная* реализует свою семантику в рамках оппозиции «жизнь – смерть», при этом безусловно более важным представляется не само наличие жизни, а ее качество – вплоть до ухода из жизни как более предпочтительной альтернативы формальному тусклому существованию, которое и означает настоящую смерть, смерть духовную: *Есть взамен пожизненной / Смерти – жизнь посмертная!* Характеристика жизни как *преувеличенной* (реализована существительным *преувеличенность*) затрагивает сему значимости жизни, приобретая тем самым оценочный характер и выражая потенциальную изменчивость в оценке «степени важности» на протяжении жизни: *Преувеличенность жизни / В смертный час*.

Сказанное позволяет сделать следующие основные выводы.

1. Квалитативная характеристика жизни занимает в поэтическом дискурсе М.И. Цветаевой заметное место и демонстрирует разнообразие секторов, в рамках которых осуществляется образное осмысление понятия.

2. Включенные в контекст, эпитеты в поэтическом дискурсе М.И. Цветаевой существенно расширяют свою семантику, что приводит к объемности, многоплановости художественного образа и неоднозначности, поливариантности его восприятия.

3. В качестве одной из главных радостей жизни в поэтическом дискурсе М.И. Цветаевой выступает возможность находиться рядом с любимым человеком, установление визуального и тактильного контакта с которым становится насущной необходимостью; утрата такой возможности отождествляется с несчастьем.

4. Поэтический дискурс М.И. Цветаевой отмечен примерами смещения смысловых полюсов в рамках оценочной категории «хорошее – плохое», при этом фиксируются случаи диаметральной перемены значений, в результате чего посредством положительного маркера дается контекстуальная негативная оценка.

5. Для поэтического дискурса М.И. Цветаевой характерна динамика отношения к жизни: субъективная оценка ее качества характеризуется изменчивостью в хронологическом плане, что вызывается естественными и закономерными изменениями в самой жизни, обусловленными возрастом (степень постижения законов окружающего бытия, накопление усталости от противостояния неблагоприятным факторам и др.).

ЛИТЕРАТУРА

Александрович Н.В. Экзистенциально-значимые концепты LIFE / ЖИЗНЬ и DEATH / СМЕРТЬ в оригинале и переводах художественного текста // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 4(11). С. 45–49.

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.

Большой толковый словарь русского языка: около 130 тыс. слов / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.

Горшкова Т.М. Концепт *жизнь* в концептосфере русского фольклора // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Языкознание. 2015. № 2(2). С. 366–370.

Дзюба Е.В. Концепты жизнь и смерть в поэзии М.И. Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001. 255 с.

Жуков А.В., Жукова М.Е. Словарь современной русской фразеологии. М.: АСТ-Пресс Книга, 2015. 416 с. (Серия: Словари XXI века.)

Иванова О.А. Концепт жизнь в русской языковой картине мира: лингвокультурологический и лексикографический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 225 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.

Кожемякова Е.А. История формирования прилагательных-цветообозначений в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2001. 28 с.

Кулинская С.В. Цветообозначения: национально-культурные особенности функционирования (на материале фразеологии и художественных текстов русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2002. 251 с.

Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2011. 928 с. (Библиотека словарей ЭКСМО.)

Мерзук Я. Устойчивые сочетания, включающие цветообозначения, в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1997. 273 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.

Онол Э. Цветообозначения в русском языке (с позиции носителя монгольского языка): дис. … канд. филол. наук. М., 1996. 132 с.

Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII–XX веков: в 2 т. 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2007.

Папейко А.А. Лексическая реализация концептов *жизнь* и *смерть* в творчестве поэтов Серебряного века: частотная характеристика // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. Серыя А: Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). 2023а. № 1(61). С. 95–99.

Папейко А.А. Некоторые особенности языковой организации поэтических текстов Александра Макаренкова // А.Т. Твардовский и Смоленская поэтическая школа: сборник статей по материалам докладов и сообщений международной научной конференции (Смоленск, 5–7 октября 2010 года). Смоленск: Смядынь, 2010. С. 177–182.

Папейко А.А. Опыт семантико-статистического моделирования концепта *жизнь* (на материале творчества О.Э. Мандельштама) // Текст. Язык. Человек: сб. науч. тр. / редкол.: С.Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. Мозырь: МГПУ им. И.П. Шамякина, 2023б. С. 88–94.

Патракеева Е.Б. Особенности развития семантики ключевых слов в авторской песне // Международное творческое объединение любителей поэзии, авторской песни и путешествий Пилигримы. URL: http://pegasus.maxbb.ru/topic396.html (дата обращения: 23.03.2018).

Пономарева Е.Ю. Концептуальная оппозиция «Жизнь – Смерть» в поэтическом дискурсе (на материале поэзии Д. Томаса и В. Брюсова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008. 27 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. 3-е изд. Воронеж, 2003. 192 с.

Прохорова А.В. Биполярность концепта «Жизнь / Смерть» в дискурсивном пространстве ранних рассказов Л. Андреева // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16, № 2. С. 224–241.

Руднев Е.Н. Концепт «жизнь»: анализ и интерпретация // Гуманитарный вектор. Серия: Филологические науки. 2010. № 3(23). С. 101–104.

Смирнова Н.Г. Концепт «жизнь» и концептуальная метафоризация в историческом дискурсе В.О. Ключевского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 10(40). Ч. II. С. 160–164.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 992 с.

Фразеологический словарь современного русского литературного языка конца XVIII–XX вв. / под ред. А.И. Федорова. М.: Топикал, 1995. 608 с.

Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

A.A. Papeiko
PhD in Philology, Associate Professor,
Chair of Theory and Methodology of Primary Education,
Mogilev State University named after A.A. Kuleshov
Mogilev, Republic of Belarus

Qualitative Characteristics of Life in the Poetic Discourse of M.I. Tsvetaeva

The work is aimed at studying the semantics of the concept of life in Russian poetic discourse. The purpose of this article is to identify the features of the

semantic content of the lexical representative life within the group of qualitative characteristics based on the work of M.I. Tsvetaeva.

The study identifies, confirms with examples and analyzes from a semantic point of view the following main subgroups of the qualitative characteristics of life: 1) «belonging»; 2) «duration»; 3) «correlation with the present moment»; 4) «direct assessment»; 5) «togetherness»; 6) «closeness to the standard»; 7) «taste sensations»; 8) «personalized quality»; 9) «degree of wealth, opportunities»; 10) «the elements»; 11) «simple – complex»; 12) «color».

The conclusions reflect the following features of M.I. Tsvetaeva's poetic discourse: 1) the prevalence of qualitative characteristics and the diversity of sectors of figurative comprehension of life; 2) expansion of the semantics of epithets due to interaction with the immediate context; 3) the opportunity to be close to the object of love as an indicator of quality of life; 4) a shift in semantic poles within the evaluative category «good – bad»; 5) variability in assessing quality of life in chronological terms.

The results of the study can be used in research and teaching activities related to the study of Russian poetic discourse.

Key words: *concept; lexical representative; Russian poetry; poetic discourse; semantics; qualitative characteristics; life; M.I. Tsvetaeva*.

REFERENCES

Aleksandrovich N.V. Existentially significant concepts LIFE/LIFE and DEATH/DEATH in the original and translations of literary text [Ekzistencial'no-znachimye koncepty LIFE/ZHIZN' i DEATH/SMERT' v originale i perevodah hudozhestvennogo teksta]. *World of science, culture, education*. 2008, no. 4 (11), pp. 45–49 (in Russian).

Apresyan Yu.D. The image of a person according to language data: an attempt at a systemic description [Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya]. *Questions of linguistics*. 1995, no. 1. pp. 37–67 (in Russian).

Large explanatory dictionary of the Russian language: about 130 thousand words [Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka: okolo 130 tys. slov]. Compiled and edited by S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint, 1998. 1536 p. (in Russian).

Gorshkova T.M. Concept life in the concept sphere of Russian folklore [Koncept zhizn' v konceptosfere russkogo fol'klora]. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University of N.I. Lobachevsky. Series: Linguistics*. 2015, no. 2 (2), pp. 366–370 (in Russian).

Dzyuba E.V. Concepts of life and death in the poetry of M.I. Tsvetaeva [Koncepty zhizn' i smert' v poezii M.I. Cvetaevoj]. Dissertation ... candidae of Philological Sciences. Ekaterinburg, 2001. 255 p. (in Russian).

Zhukov A.V., Zhukova M.E. Dictionary of modern Russian phraseology [Slovar' sovremennoj russkoj frazeologii]. Moscow: AST-Press Book. Series: Dictionaries of the XXI century, 2015. 416 p. (in Russian).

Ivanova O.A. The concept of life in the Russian language picture of the world: linguocultural and lexicographic aspects [The concept of life in the Russian language picture of the world: linguocultural and lexicographic aspects]. Dissertation ... candidate of Philological Sciences. St. Petersburg, 2005. 225 p. (in Russian).

Karaulov Yu.N. Russian language and linguistic personality [Russian language and linguistic personality] The 7th edition. Moscow: Publishing house LKI, 2010. 264 p. (in Russian).

Kozhemyakova E.A. History of the formation of adjectives-color terms in the Russian language [Istoriya formirovaniya prilagatel'nyh-cvetooboznachenij v russkom yazyke]. Abstract of dissertation ... candidate of Philological Sciences. Nizhny Novgorod, 2001. 28 p. (in Russian).

Kulinskaya S.V. Color designations: national and cultural features of functioning (based on phraseology and literary texts of Russian and English languages) [Cvetooboznacheniya: nacional'no-kul'turnye osobennosti funkcionirovaniya (na materiale frazeologii i hudozhestvennyh tekstov russkogo i anglijskogo yazykov)]. Dissertation ... candidate of Philological Sciences. Krasnodar, 2002. 251 p. (in Russian).

Lopatin V.V., Lopatina L.E. Explanatory dictionary of modern Russian language [Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka]. Moscow: Eksmo, 2011. 928 p. (EXMO Dictionary Library). (in Russian).

Merzuk Ya. Stable combinations, including color terms, in modern Russian [Ustojchivye sochetaniya, vklyuchayushchie cvetooboznacheniya, v sovremennom russkom yazyke]. Dissertation ... candidate of Philological Sciences. Voronezh, 1997. 273 p. (in Russian).

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions [Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskih vyrazhenij]. The 4th edition, expanded. Moscow: Azbukovnik, 1997. 944 p. (in Russian).

Onol E. Color designations in Russian (from the perspective of a native Mongolian speaker) [Cvetooboznacheniya v russkom yazyke (s pozicii nositelya mongol'skogo yazyka)]. Dissertation ... candidate of Philological Sciences. Moscow, 1996. 132 p. (in Russian).

Pavlovich N.V. Dictionary of poetic images: Based on the material of Russian fiction of the 18th–20th centuries: in 2 volumes [Slovar' poeticheskih obrazov: Na materiale russkoj hudozhestvennoj literatury XVIII–XX vekov:v 2 tom.]. The 2nd edition. Moscow: Editorial URSS, 2007. (in Russian).

Papeiko A.A. Lexical implementation of the concepts life and death in the works of poets of the Silver Age: frequency characteristics [Leksicheskaya realizaciya konceptov zhizn' i smert' v tvorchestve poetov Serebryanogo veka: chastotnaya harakteristika]. *Bulletin of the MDU named after A.A. Kulyashova. Series: Humanities (history, philosophy, philology*). 2023a, no. 1 (61), pp. 95–99 (in Russian).

Papeiko A.A. Some features of the linguistic organization of Alexander Makarenkov's poetic texts [Nekotorye osobennosti yazykovoj organizacii poeticheskih tekstov Aleksandra Makarenkova]. A.T. Tvardovsky and the Smolensk poetic school. Collection of articles based on the materials of reports and communications of the International scientific conference. Smolensk, October 5–7, 2010. Smolensk: Smyadyn, 2010, pp. 177–182 (in Russian).

Papeiko A.A. Experience of semantic-statistical modeling of the concept of life (based on the work of O.E. Mandelstam) [Opyt semantiko-statisticheskogo modelirovaniya koncepta zhizn' (na materiale tvorchestva O.E. Mandel'shtama)]. Text. Language. Person: collection of scientific works. Edited by S.B. Kurash [and others]. Mozyr: Moscow State Pedagogical University named after. I. P. Shamyakina, 2023b, pp. 88–94 (in Russian).

Patrakeeva E.B. Features of the development of the semantics of key words in an author's song [Osobennosti razvitiya semantiki klyuchevyh slov v avtorskoj pesne]. International creative association of lovers of poetry, art song and travel Pilgrims. Available at: http://pegasus.maxbb.ru/topic396.html (accessed on 23 March 2018) (in Russian).

Ponomareva E.Yu. Conceptual opposition "Life - Death" in poetic discourse (based on the poetry of D. Thomas and V. Bryusov) [Konceptual'naya oppoziciya «ZHizn' – Smert'» v poeticheskom diskurse (na materiale poezii D. Tomasa i V. Bryusova)]. Abstract of dissertation ... candidate of Philological Sciences. Tyumen, 2008. 27 p. (in Russian).

Popova Z.D., Sternin I.A. Essays on cognitive linguistics [Ocherki po kognitivnoj lingvistike]. The 3rd edition. Voronezh, 2003. 192 p. (in Russian).

Prokhorova A.V. Bipolarity of the concept “Life / Death” in the discursive space of L. Andreev’s early stories [Bipolyarnost' koncepta «ZHizn' / Smert'» v diskursivnom prostranstve rannih rasskazov L. Andreeva]. *Bulletin of RUDN University. Series: Russian and foreign languages and methods of teaching them*. 2018, Vol. 16, no. 2, pp. 224–241 (in Russian).

Rudnev E.N. The concept of “life”: analysis and interpretation [Koncept «zhizn'»: analiz i interpretaciya]. *Humanitarian vector. Series: Philological sciences.* 2010, no. 3 (23), pp. 101–104 (in Russian).

Smirnova N.G. The concept of “life” and conceptual metaphorization in the historical discourse of V.O. Klyuchevsky [Koncept «zhizn'» i konceptual'naya metaforizaciya v istoricheskom diskurse V.O. Klyuchevskogo]. *Philological Sciences. Issues of theory and practice*. 2014, no. 10 (40). Part II, pp. 160–164 (in Russian).

Stepanov Yu.S. Constants: Dictionary of Russian culture [Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury]. The 3rd eddition, reviewed and expanded. Moscow: Academic project, 2004. 992 p. (in Russian).

Phraseological dictionary of modern Russian literary language of the late 18th–20th centuries [Frazeologicheskij slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka konca XVIII–XX vv]. Edited by A.I. Fedorov. Moscow: Topikal, 1995. 608 p. (in Russian).

Shmelev A.D. Russian language model of the world: Materials for the dictionary [Russkaya yazykovaya model' mira: materialy k slovaryu]. Moscow: Languages of Slavic culture, 2002. 224 p. (in Russian).

М.Н. Парамонова

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2023-64-4-101-117

СМОЛЕНСКАЯ ПИСАТЕЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ: ЛИТЕРАТУРНАЯ СИТУАЦИЯ ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА

Ключевые слова: *Смоленская писательская организация; Союз советских писателей; региональная литература; советская литература; литературная ситуация; литературный процесс; послевоенный период; Смоленская поэтическая школа; «Смоленский альманах»; Н. Рыленков.*

В статье обобщается информация о деятельности Смоленского областного отделения Союза советских писателей (ССП) в послевоенные годы. Публикации смоленских авторов, литературная критика анализируются на основе материалов «Смоленского альманаха», а также авторских книг писателей и архивных документов. Динамика литературной ситуации прослеживается во взаимосвязи с политической и экономической обстановкой в стране и регионе. Характеризуется роль руководителя отделения Н. Рыленкова в развитии традиций Смоленской поэтической школы. Выявляется специфика отношений «центр – регион» и их влияние на литературную ситуацию.

Значительно возросший в последние годы интерес ученых и общественности к отечественной, в частности региональной, литературе обусловил актуальность исследования литературной ситуации, сложившейся в Смоленске в послевоенный период. «Литература каждого периода – это система отдельных произведений с сильным взаимодействием и с сильным воздействием традиции. Это делает ее изучение как целого особенно сложной» [Лихачев, 1998, *7*]. Важная сторона литературного процесса – взаимодействие художественной литературы с общекультурными, языковыми, идеологическими, научными явлениями. Выделение в развитии литературы СССР нескольких периодов связанно с историческими событиями и влиянием государства, придающего особое значение литературе при формировании советской идеологии.

Рассматривая литературный процесс как систему, следует учитывать влияние на литературную эволюцию различных факторов. «Ввиду того что система не есть равноправное взаимодействие всех элементов, а предполагает выдвинутость группы элементов (“доминанта”) и деформацию остальных, произведение входит в литературу, приобретает свою литературную функцию именно этой доминантой» [Тынянов, 2002, *199*]. Изучение эволюции литературы должно выявлять взаимодействие функций и форм, при этом доминирование главных социальных факторов, модифицирующих и деформирующих произведения, следует оценивать объективно.

Если литературный процесс – совокупность общезначимых изменений в литературной жизни, динамика развития литературы в большом историческом периоде времени, то небольшие его отрезки характеризуются состоянием литературной ситуации. Литературную ситуацию мы понимаем как взятые в системе степень следования традиции, политическую и социальную обусловленность, преимущественное развитие тех или иных жанров, тематические предпочтения, выбор героев и места действия, возникновение и развитие тех или иных художественных методов, речевых явлений и другие факторы.

Развитие литературы в определенном регионе в целом следует общим закономерностям, но может иметь свои особенности, являть феномены самобытных авторов и литературных школ. Чрезвычайно актуальным остается вопрос о месте смоленских авторов в общероссийском поэтическом пространстве. Значительный вклад в исследования по этой проблеме внес основатель Смоленской филологической школы В. Баевский. Ядром исследований В. Баевского в указанной области стала гипотеза А. Македонова о том, что «на рубеже 1920–1930 годов сложилась смоленская поэтическая школа (СПШ). Центром ее был Исаковский, самым большим поэтом стал Твардовский, еще одна крупная в масштабах школы фигура – Рыленков» [Павлова, Романова, 2013, *138*]. А. Македоновым термин «смоленская поэтическая школа» введен в книге «Очерки советской поэзии». Среди специфических качеств школы он выделял «конкретизацию героя, раскрытие многосторонности его внутренней жизни,

непосредственный синтез в поэзии повествовательного, драматического, лирического начала и особой поэтической сюжетности, развитый синтез песенного и разговорного начала поэтической речи, синтез “обыкновенного” и огромного, всемирно-исторического, героического начала в изображении реального, сегодняшнего <…> человека. И то своеобразное общее, что есть в этих трех наиболее крупных фигурах литературной Смоленщины, переходило и к другим поэтам, их окружавшим, среди которых были и есть несомненно даровитые» [Македонов, 1960, *4*]. В. Баевский провел анализ историко-литературной ситуации в советской поэзии 1950–1960-х годов [Баевский, 2001, *5*] и научно доказал с использованием методов математической статистики существование Смоленской поэтической школы как общности на основании не только содержательных, но и формальных показателей стиха [Баевский, 1974]. Отрыв от смоленской писательской организации М. Исаковского в 1931 году и А. Твардовского в 1936 году в связи с их отъездом в Москву не означает, что Смоленская поэтическая школа прекратила свое существование.

Результаты исследования В. Баевского предопределили направление дальнейших исследований и научную дискуссию о критериях отнесения к СПШ, персоналиях и периоде ее функционирования. Высокую значимость в рассмотрении этих аспектов имеют работы В. Ильина, развившего теоретические положения Македонова [Ильин, 2000], Э. Котовой, исследовавшей творческое наследие Македонова и процесс формирования его гипотезы [Котова, 2022], И. Королевой, подтвердившей значимость критерия «пафос Смоленщины» для отнесения к СПШ [Королева, 2022], О. Новиковой, представившей сравнительный анализ положений, выдвинутых теоретиками СПШ [Новикова, 2015], О. Ивановой, исследовавшей имена собственные в лирике поэтов СПШ, подтвердив их общность по этому критерию [Иванова, 2009]. В то же время концепция СПШ стала предметом литературных споров: П. Привалов и ряд других исследователей творчества А. Твардовского усомнились в существовании СПШ на основании того, что предполагаемые последователи не обладали тем же масштабом творчества и известностью [Смоленская земля в памятниках русской словесности, 2013]. Существенен вклад журналистского расследования Н. Чепурных [Полилог в контексте времени, 2019], основанного на изучении и публикации архивных документов Смоленского областного отделения ССП. Однако, несмотря на значительный научный интерес к проблеме, многие вопросы, связанные с возникновением СПШ и деятельностью Смоленской писательской организации, остаются не до конца раскрытыми, а ряд положений носит дискуссионный характер. В частности, к СПШ авторы относят тех или иных учеников и последователей основателей школы, при этом рассматривается далеко не полный перечень поэтов.

В. Баевский отмечал, что возможности примененной им методологии не до конца использованы в его работе. Статистическое отображение историко-литературного процесса в области поэзии возможно осуществлять, делая

срезы по определенным временным отрезкам. Исследование В. Баевского необходимо продолжить, проанализировав произведения современников и последователей поэтической школы. На первом этапе исследования требуется восстановить круг смоленских поэтов, активно печатавшихся в следующий за периодом формирования СПШ послевоенный период. В рамках данной статьи решается задача выявления наиболее полного перечня поэтов, осуществлявших творческую деятельность в Смоленской области в указанный период, статуса этих авторов и тех художественных задач, которые они решали. Из всех критериев, описывающих литературную ситуацию, в данной публикации мы подробнее остановимся на следующих: связи творчества с политической и социальной ситуацией, пристрастии к тем или иным формам художественной речи и жанрам, выборе тем (включая тему Смоленщины).

Рассмотрим деятельность Смоленского областного отделения ССП в послевоенные годы (1945–1953). Материалом исследования становятся произведения смоленских авторов и литературно-критические статьи, опубликованные в «Смоленском альманахе», выпускаемом в годы, когда отделением руководил Н. Рыленков. Литературная ситуация прослеживается в первую очередь во взаимосвязи с обстановкой в стране и спецификой отношений «центр – регион».

Война остановила активную работу писательской организации, привела к сокращению численности и утрате материальной базы, однако литературное творчество не прекращалось. После освобождения Смоленска Н. Рыленков был избран Уполномоченным ССП по Смоленской области [ГАСО, 1944, *1*].

В марте 1944 года Правление ССП запросило у Смоленского отделения по 3–4 экземпляра книг, вышедших во время войны, и рукописи в двух экземплярах [ГАСО, 1944, *7*]. Запрос был связан с подготовкой совещания руководителей писательских организаций краев и областей РСФСР (состоялось 26 мая 1944 года в Москве). Книги смоленских писателей в годы войны издавались, но вследствие разрушений и пожаров много экземпляров погибло, в дальнейшем смоленские библиотеки и музеи находили подлинники смоленских альманахов и книг в других регионах [Парамонова, 2020, *257*]. Создание новых произведений было еще более сложной задачей. Малочисленность отделения, разрушение в ходе боев здания и библиотеки писательской организации, отсутствие жилья не могли служить оправданием бездействия. Н. Рыленков и директор Смоленского областного издательства ОГИЗ Н. Антонов ходатайствуют о решении вопроса с жильем писателей, которые временно разместились в гостинице и могут уехать в другой регион, где имеется жилье [ГАСО, 1944, *15*]. Вопрос оперативно решить не удалось, некоторые писатели вынуждены были покинуть Смоленскую область.

В мае того же года общее собрание отделения рассматривает вопрос о подготовке к сдаче в производство альманаха «Литературный Смоленск» (докладчик – Н. Рыленков). Планируется также издание сборника «Что они

сделали с нашим городом». Именно подготовкой этого сборника объясняется, очевидно, создание схожих по сюжету стихотворений смоленских поэтов, например, «Здравствуй, Смоленск», «Я видел груды битого стекла…» М. Исаковского, «Моему городу», Н. Рыленкова и других. Постановили созывать творческие собрания писателей города с привлечением на них литературного актива один раз в две недели, принимать участие в устройстве еженедельных литературных «сред», организуемых редакцией газеты «Рабочий путь», объявить конкурс на лучший рассказ и стихотворение [ГАСО, 1944, *39*]. Весь комплекс мер был направлен на поиск новых авторов.

Отделение в это время не имело постоянного помещения, на документах 1944 года зафиксирована отметка «Гортеатр». Здание Дома искусств с библиотекой, бильярдной и буфетом, объединявшее писателей, художников, актеров и музыкантов до войны, было разрушено. Дом искусств располагался на улице Почтамтской (в настоящее время – ул. Коненкова, сейчас на месте этого дома находится памятник С. Коненкову). В этой связи на собрании была утверждена смета, часть средств которой планировалось направить на восстановление справочной библиотеки Союза писателей, ввиду того что «ценнейшая справочная библиотека Смоленского отделения ССП, находящаяся при Смоленском Доме искусств и имеющая уникальные экземпляры, – разграблена немцами и частично уничтожена огнем во время пожара при вражеской бомбардировке. Значение библиотеки до войны было очень велико – она обслуживала, помимо писателей, и других работников искусств (художников и артистов), объединяя их вокруг себя, обслуживала также периферию, проводила большую работу справочного характера и частично исследовательскую». [ГАСО, 1944, *41*].

«Ввиду полного отсутствия жилищной площади для нужд писателей, учитывая те разрушения, что враг причинил Смоленску, принимая во внимание также, что отсутствие жилья мешает возвращению писателей, находящихся в эвакуации» собрание решило ходатайствовать о строительстве для писателей четырехквартирного жилого дома. На том же собрании уполномоченным Литфонда по Смоленской области был избран В. Кудимов. Протокол подписали председатель Н. Рыленков и секретарь В. Кудимов, список участников собрания в протоколе не приведен. Говоря о материальном обеспечении, следует отметить, что члены ССП, а также кандидаты в члены входили в перечень № 1 по снабжению обедами по норме литер «Б» и сухими пайками [ГАСО, 1944, *10–11*].

Усилиями Н. Рыленкова и Н. Антонова к 1945 году удалось собрать материал, и была выпущена первая книга «Смоленского альманаха». В ней опубликованы стихи Н. Рыленкова, М. Исаковского, Н. Грибачева, С. Фиксина, В. Лютовой, молодых поэтов Ю. Александрова и Н. Полякова; проза Н. Антонова, Н. Новикова, В. Шурыгина, В. Ардаматского; литературная критика и публицистика М. Никитина, Ис. Каца-Понорского, Л. Озерова.

Значительный объем публицистического раздела занимают воспоминания жителей Смоленщины о войне, письма жителей, антифашистские частушки, народные версии песен [Смоленский альманах, 1945].

Вторая и третья книги «Смоленского альманаха» вышли в 1947 году. Причиной нарушения регулярности выпуска альманаха, с большой вероятностью, стало обострение политической борьбы с инакомыслием в литературе. 9 сентября 1946 года состоялось собрание писателей г. Смоленска совместно с литературным активом и журналистами. С основным докладом «Постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа “О журналах «Звезда» и «Ленинград»” и задачи писателей Смоленска» выступил секретарь обкома ВКП(б) по пропаганде тов. Дедушкин. При обсуждении доклада критике подверглись произведения смоленских писателей Е. Марьенкова, В. Кудимова, В. Шурыгина, А. Печерского, они не могли быть опубликованы без доработки. Собрание постановило, что «в свете исторических указаний партии творческая деятельность смоленских писателей еще находится на низком уровне» [ГАСО, 1946, *14*]. Н. Антонов в своем выступлении упоминает о том, что «во втором номере альманаха идет повесть Н. Рыленкова из жизни восстанавливающегося города», следовательно, номер готовился к печати, но работа была приостановлена для доработки произведений. В связи с малочисленностью писательской организации Н. Антонов также призывает, чтобы «смелее выступали с художественными произведениями журналисты. Почему перестали писать Н. Новиков, Н. Павлов, П. Моисеенко?» [ГАСО, 1946, *13*].

Поэтический раздел второй книги «Смоленского альманаха» представлен стихами Д. Осина, Н. Грибачева, Д. Дворецкого, В. Лютовой, В. Соколова; прозаический – произведениями И. Дебрина, Н. Рыленкова (повесть «У разоренного гнезда»), Н. Антонова, И. Трусова, А. Твардовского (очерки из книги «Родина и чужбина»), В. Шурыгина; публицистический – материалом В. Щербиной о К. Симонове и его избрании депутатом Верховного Совета СССР по Ярцевскому округу Смоленской области, а также двумя статьями об архитектуре [Смоленский альманах, 1947].

Уже в этом выпуске отчетливо проявилась особенность литературной ситуации, связанная с преимущественной востребованностью прозы, в том числе военной и отражающей тематику восстановления страны. Если в первой книге альманаха было опубликовано семь поэтов и четыре прозаика, то во второй книге – пять поэтов и шесть прозаиков. В. Ахачинский отмечает «Проза всегда была на втором плане в литературной практике смоленских писателей… За годы Великой Отечественной войны мы не имеем ни одного сколько-нибудь значительного прозаического произведения смоленских авторов… Симптоматично еще и то, что поэты начинают обращаться к прозе…Выдвигаются новые авторы из работников местной печати» [Смоленский альманах, 1947]. Н. Антонов на собрании 9 сентября 1946 года обосновал обращение лирика Н. Рыленкова к жанру повести: «Повесть была

написана потому, что нельзя выпускать вторую книгу альманаха без произведения на восстановительную тематику. А таких произведений пока нет, и мало кто из нас работает над восстановительной тематикой. А эта тема должна стать для нас ведущей» [ГАСО, 1946, *13*].

Особенностью третьей книги «Смоленского альманаха», приуроченной к 30-летию Великой Октябрьской революции, стало появление рубрики «Молодые голоса» (А. Печерский, И. Рыжиков, Н. Поляков, П. Куликов). Работа с молодежью была одной из установок ССП, поскольку многие писатели погибли в годы Великой Отечественной войны. Собрание 9 сентября 1946 года постановило «для улучшения руководства работой начинающих писателей считать необходимым создание литературного объединения при редакции “Смоленской газеты”» [ГАСО, 1946, *15*]. С 3 по 10 марта 1947 года в Москве проводилось 1-е Всесоюзное совещание молодых писателей. Поэтому появление молодежной рубрики было своевременным.

Наряду с молодыми авторами в поэтическом разделе были представлены Д. Осин с балладами, Н. Рыленков с переводами из белорусских поэтов и Д. Дворецкий с отрывком из поэмы. Прозаические произведения немногочисленны (Н. Антонов, П. Прохоров), при этом большой объем занимает публицистика: посвященные юбилейной дате очерки и статьи Я. Макаренко, В. Кудимова и М. Богомолова (псевдоним и настоящая фамилия одного писателя), В. Шурыгина, С. Чепелева (о поэзии М. Исаковского) и других авторов [Смоленский альманах, 1947].

Четвертая книга «Смоленского альманаха» вышла в 1948 году. В поэтическом разделе опубликованы стихи и переводы Д. Дворецкого, переводы Н. Рыленкова; в рубрике «Молодые голоса» – произведения десяти авторов; проза представлена работами Е. Марьенкова и Н. Антонова. В публицистическом разделе (рубрика «Литературные портреты) о Н. Грибачеве пишет В. Ахачинский [Смоленский альманах, 1948]. Обращает на себя внимание тот факт, что Н. Рыленков перестает печатать в альманахе свои стихи (первоначально он планировал опубликовать в альманахе цикл стихотворений «Наступление весны» [ГАСО, 1946, *14*]). При этом в 1947 году выпущена его книга «Наступление весны. Стихи», в которую вошли 54 стихотворения и поэма «Русская дорога». Стихотворение «У Смоленских башен», вошедшее в книгу, одно из любимых читателями на протяжении многих десятилетий. Это и другие стихотворения Н. Рыленкова были способны обогатить содержание выпусков альманаха. Можно предположить, что Н. Рыленков и Н. Антонов следовали рекомендациям головной организации, ограничивая публикацию стихов преимущественно молодыми авторами и обращаясь к переводам. Под редакцией Д. Дворецкого в 1948 году вышел небольшой (64 страницы, 14 см) сборник «Молодые голоса», в который вошли стихи 21 начинающего смоленского поэта [Молодые голоса, 1948].

Нельзя не упомянуть тот факт, что один из молодых поэтов Н. Поляков (не являлся членом ССП или кандидатом), стихи которого были опубликованы в альманахе и сборнике, жаловался в газету «Правда» и другие инстанции на то, что его «скупо» публикуют, отказываются выпускать его книгу, обвиняя при этом члена ССП В. Шурыгина в издании неактуальных произведений, а также нереализации постановления ЦК ВКП(б) по поводу журналов «Звезда» и «Ленинград». Общее собрание писательского актива Смоленского отделения ССП 23 октября 1947 года, на которое были приглашены Н. Поляков, а также молодые поэты И. Рыжиков и А. Печерский, рассмотрело претензии Н. Полякова. Н. Рыленков отметил: «Стихи Полякова, напечатанные в первом номере альманаха, подвергались резкой критике в областной печати и в литгазете. В новый номер альманаха Поляков прислал одиннадцать стихотворений и хочет, чтобы они все были напечатаны, хотя большинство из них совершенно неудовлетворительны. Тов. Полякову больше, чем кому бы то ни было уделялось внимание, но тов. Поляков почему-то решил, что его тут травят и совершенно не хотят печатать». И. Рыжиков и А. Печерский в свою очередь отозвались позитивно о работе писательской организации с молодежью [ГАСО, 1947, *15*].

К 1949 году смоленские поэты вышли на вершину признания: Государственной премии СССР удостоены А. Твардовский (поэма «Страна Муравия», 1941; поэма «Василий Теркин», 1946; поэма «Дом у дороги», 1947), М. Исаковский (тексты песен, 1943; сборник «Стихи и песни», 1949), Н. Грибачев (поэма «Колхоз “Большевик”», 1948; поэма «Весна в “Победе”», 1949) [ЛЭС. Краткая хроника]. Ни один регион не имел столь значимых результатов в поэзии.

Перефразируя известное латинское изречение, можно сказать, что критика – постоянный спутник славы. В центральных газетах публикуются негативные статьи о стихах вышеупомянутых поэтов, а также деятельности Смоленского отделения ССП. Смоленские литературоведы, отмечая как достоинства, так и недостатки стихов, полемизируют со столичными коллегами. Так, Л. Озеров в статье «Рядовой Василий Теркин» пишет: «Одни критики (например, Д. Данин, В. Ермилов, автор этих строк) утверждали, что Теркин – новый, советский боец, в котором вместе с тем сильно чувство русской преемственности… Другие (например, Н. Асеев) говорили, что Василий Теркин – русский на старинный манер лубок, что советского в герое поэмы очень мало, что оно только в номинальном, во внешних атрибутах и в специальных отступлениях якобы чувствующего свою старомодность автора». [Смоленский альманах, 1945, *180*]. Тот же Н. Асеев в статье «Простота и простячество», опубликованной «Литературной газетой», критикует недостаточную композиционную цельность поэмы Н. Грибачева «Колхоз “Большевик”». Ему оппонирует В. Ахачинский: «Никак нельзя согласиться с выводом Н. Асеева, что ритмичное и жанровое разнообразие стиха поэмы

Грибачева является пороком, что это “нанесло ущерб всей вещи”» [Смоленский альманах, 1948, *281*]. Н. Асеев, начинавший как футурист, был профессиональным поэтом, обладателем Сталинской премии первой степени (за поэму «Маяковский начинается», 1941), сельская тема была ему знакома лишь теоретически.

Подвергся критике и сборник «Молодые голоса», в который вошли первые публикации начинающих авторов. С. Кац в статье «Стихи смоленских поэтов» пишет: «Мы не склонны разделять мнение тов. Александрова (автора заметки в “Литературной газете”), считающего преждевременным напечатание этих стихов. Несомненно, что произведения эти не стоят на уровне “большой” поэзии, несомненно, что авторам их следует еще много и упорно работать. Но сборник этот – их первая заявка, заявка на право войти в поэзию» [Смоленский альманах, 1949, *346*]. Таким образом, Союз советских писателей ставил задачу написания и публикации произведений на злободневные темы, Смоленское отделение, преодолевая трудности, задачу выполняло, но критика в центральной газете за расходование средств на издание плохих стихов могла иметь тяжелые последствия, принимая во внимание уже возникшие разногласия и претензии.

В 1949 году рубрика «Молодые голоса» в «Смоленском альманахе» (пятая книга) публикует еще четырех авторов: А. Бодренкова, А. Печерского, П. Сумника и Н. Полякова. В поэтическую рубрику вошли стихи Д. Осина и Д. Дворецкого. Проза представлена произведениями Н. Рыленкова, Е. Марьенкова (повесть «В стороне от больших городов» подверглась жесткой критике, дорабатывалась) и других авторов. В пятой книге усиливается тенденция вытеснения художественных произведений публицистическими – не только литературной критикой и биографическими очерками, но и статьями на другие темы. Так, с актуальными статьями литературных критиков (В. Ахачинского «Проза смоленских писателей» и С. Каца «Стихи смоленских поэтов») соседствует статья П. Алфименкова «Опыт мурыгинских льноводов» [Смоленский альманах, 1949]. Н. Антонов считал, что необходимо не составлять план альманаха из тех произведений, которые поступают в редакцию, а подбирать материалы, нужные для альманаха. Статья о мурыгинских льноводах была подготовлена для актуализации тематики по предложению В. Кудимова. В том же году выходит сборник стихотворений «Смоленские поэты» (редактор-составитель В. Ахачинский), продолжают издаваться авторские книги поэтов.

В 1950 году выходит две книги «Смоленского альманаха» – шестая и седьмая, однако суммарный объем двух книг сопоставим с предыдущими ежегодными выпусками. Причиной разделения могли быть соответствующая установка головной организации, особенности финансирования или стремление редакционного совета к более планомерной работе в связи с критикой многих опубликованных произведений. В шестой книге «Смоленского

альманаха» вновь на первый план выходит поэзия: опубликованы стихи девяти поэтов, в том числе – поэма Н. Рыленкова «О чем трубит пастух», посвященная послевоенному восстановлению. Также опубликованы прозаические произведения В. Кудимова, В. Шурыгина и П. Прохорова. В рубрику «Критика» вошли работы Е. Марьенкова, Н. Антонова, В. Ахачинского, Е. Миропольской. Объективный характер носит критическая статья П. Муравьева «Смоленские поэты» [Смоленский альманах, 1950, кн. 6]. В седьмой книге представлены стихи Н. Рыленкова, Д. Дворецкого и ряда поэтов, прежде публиковавшихся в упраздненной рубрике «Молодые голоса». Прозаические произведения публикуют Е. Марьенков, молодой прозаик В. Цыбизов и другие авторы. Публицистика носит краеведческий характер, например статья В. Орлова о декабристах-смолянах [Смоленский альманах, 1950, кн. 7]. В том же 1950 году Смоленское издательство выпускает сборник «Народный поэт» о творчестве М. Исаковского, приуроченный к 60-летию поэта (составитель сборника – Н. Рыленков). Сталинская премия третьей степени в 1950 году присуждена уроженцу Смоленщины прозаику В. Ильенкову за роман «Большая дорога» (с 1930 года жил в Москве).

В 1951 году вновь издается две книги «Смоленского альманаха» (восьмая и девятая). Особенностью восьмой книги является редакционная статья «За высокую идейность и художественное мастерство», приуроченная к пятилетию Постановления ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». Отмечается, что в Смоленске, где до войны почти не было прозы на военную тематику, появился целый ряд интересных произведений о героическом труде смолян, восстанавливающих разрушенное фашистами народное хозяйство в городе и деревне (повести «Первая очередь» Н. Антонова, «В селе Бессонове» В. Шурыгина, «Мать» В. Кудимова, рассказы А. Амосова, В. Цыбизова, книги стихов «Верность» и «Приднепровье» Д. Дворецкого, лучшие стихи А. Печерского, Н. Полякова, И. Рыжикова). Большое внимание писатели уделяют показу партийного работника, организатора и руководителя масс [Смоленский альманах, 1951, кн. 8].

Стихотворения, опубликованные в восьмой и девятой книгах альманаха, вновь подробно разобрали и подвергли критике «Литературная газета» и «Комсомольская правда», обвинив редколлегию альманаха в ослаблении требовательности к поэтам. Выездное заседание областной комиссии Правления ССП также подвергло критике работу отделения, особенно его издательскую деятельность.

В 1952 году выходят десятая и одиннадцатая книги «Смоленского альманаха». Объем выпусков существенно возрастает: выпуски за 1952 год имели по 284 страницы, тогда как за 1951 год – по 184. В десятом и одиннадцатом выпусках альманаха нет очерков-портретов и краеведческих очерков. В редакцию поступает большой объем художественных произведений,

ведется отбор лучших из них, а имеющие недостатки отправляются на доработку. Так, в десятый номер «Смоленского альманаха» включена повесть «Конструктор» В. Цыбизова. Из стихотворений, опубликованных в одиннадцатой книге альманаха, газета «Смена» отметила как лучшее «Я партию мою благодарю» Н. Рыленкова. [Смоленский альманах, 1952, кн. 10, 11].

Очевидно, что смоленской писательской организации отчасти удалось преодолеть сложности первых послевоенных лет, сформировать кадровый резерв, провести работу с молодыми авторами. В 1952 году ОГИЗ выпущены книги молодых писателей А. Амосова «Рассказы», И. Рыжикова «Я люблю», В. Цыбизова «Беспокойные сердца», В. Звездаевой «Грачи прилетели», О. Левченко «Стихи для малышей» (второе издание), А. Макарова «Закаленная сталь», А. Лызловой «Путешествие по памятным местам».

На XIX съезде КПСС в октябре 1952 года в докладе Г. Маленкова был подтвержден сформированный курс на развитие социалистического реализма в литературе: «Сила и значение реалистического искусства состоит в том, что оно может и должно выявлять и раскрывать высокие душевные качества и типичные положительные черты характера рядового человека, создавать его яркий художественный образ, достойный быть примером и предметом подражания для людей» [Материалы XIX съезда КПСС, 1952]. Смоленской писательской организации во главе с Н. Рыленковым удалось достичь комфортного баланса между служебным долгом и творчеством, критикой и самокритикой, амбициозностью и скромностью. На совещаниях постоянно отмечается следование курсу партии, критикуются произведения, не полностью ему следующие, например пейзажная лирика или исторический роман Н. Рыленкова, любовная лирика И. Рыжикова, что не препятствует дальнейшей работе в этих жанрах. Дискуссии на собраниях организации аккуратно запротоколированы, они характеризуют как взаимоотношения писателей, так и литературную ситуацию. Следует отметить, что писательской организации не удалось решить вопрос с помещением: «литературные четверги», на которых читались и обсуждались новые произведения, проводились в кабинете Н. Рыленкова.

В 1953 году, после смерти И. Сталина, вышла из печати двенадцатая и последняя книга «Смоленского альманаха». На год был запланирован один выпуск, приуроченный к 10-летию освобождения Смоленска. Статья Н. Шараева «Возрожденный из руин» рассказывала о восстановлении города [Смоленский альманах, 1953, *3–14*]. Опубликованы рассказы Б. Бельтюкова, В. Звездаевой, А. Печерского и других. В этом номере обширен раздел публицистики: статья П. Муравьева к 60-летию В. Маяковского, некролог памяти В. Кудимова (М. Богомолова) – писатель скончался на пятидесятом году жизни. Статья Д. Авдусина «Гнездовские городища» рассказывает об археологических находках, статья И. Белогорцева «Старейший русский ваятель» посвящена С. Коненкову [Смоленский альманах, 1953].

Осмотрительная позиция Н. Рыленкова и Н. Антонова в отношении писателей и их произведений позволила в исследуемый период избежать серьезных потрясений и репрессий. Однако осторожность не способствовала творческому и карьерному росту писателей. Достаточно сказать, что к 1954 году численность членов ССП в отделении составляла всего четыре человека: Н. Антонов (прозаик, директор ОГИЗ), П. Прохоров (прозаик, был слепым с детства), Н. Рыленков (поэт), В. Шурыгин (прозаик). Последний был переведен из кандидатов в члены ССП после публикации в 1950 году повести «В селе Бессонове» (ее подвергли критике в Смоленске, а в Москве одобрили). Остальные писатели, публикующиеся в альманахе и подвергаемые критике, были кандидатами в члены ССП либо входили в так называемый литературный актив (в последующие годы отделение быстро увеличит численность членов).

Получившие признание поэты М. Исаковский, А. Твардовский, Н. Грибачев, поэт и прозаик Д. Осин, прозаик В. Ильенков жили в Москве. Поэтесса В. Лютова, не дождавшись решения проблемы с жильем, уехала из Смоленска и в 1946 году в Минске была принята в ССП, возглавляла секцию русской литературы Союза писателей БССР. Поэт С. Фиксин также уехал из Смоленска в Киргизскую ССР, где был принят в ССП в 1949 году.

Союз советских писателей не был удовлетворен работой смоленского отделения и качеством «Смоленского альманаха», о чем неоднократно упоминается в протоколах собраний отделения. В дальнейшем редакция провела ребрендинг – изданию присвоили название «Литературный Смоленск», под которым еще в 1940 году был выпущен один номер.

Таким образом, деятельность Смоленского областного отделения Союза советских писателей в послевоенные годы, проанализированная на основе публикаций смоленских авторов, литературной критики, авторских книг писателей, протоколов собраний и других документов, может быть охарактеризована как умеренно продуктивная. Динамика литературной ситуации в значительной степени зависела от политической и экономической обстановки в стране и регионе. Политизированность литературного процесса вынуждала руководителя отделения (уполномоченного) Н. Рыленкова действовать осмотрительно, выжидающе. Жанр и тематика публикуемых произведений планировались головной организацией и контролировались как в центре, так и по линии партийного руководства в регионе. Если в 1945 году приветствовались произведения военной тематики, то в дальнейшем была дана установка на «восстановительную» тематику. В определенной степени это было обоснованно: в тяжелых экономических условиях государство финансировало издание таких книг, которые считало необходимыми для поддержания морального духа граждан, восстанавливающих разрушенное войной хозяйство. Однако критика не всегда носила объективный характер. Отсутствие жилищно-бытовых условий и творческих перспектив привело к отъезду из Смоленска ряда писателей.

Традиции Смоленской поэтической школы, заложенные М. Исаковским и А. Твардовским, определившие лицо именно смоленской поэтической школы, продолжал развивать Н. Рыленков. Также среди поэтов послевоенного периода, произведения которых могут быть соотнесены с признаками, характерными для Смоленской поэтической школы, следует назвать Н. Грибачева, С. Фиксина, Д. Осина, В. Лютову, Д. Дворецкого, И. Рыжикова, А. Печерского, Н. Полякова, П. Сумника, А. Бодренкова, но это уже тема отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Баевский В.С. Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы. М.: Языки славянской культуры, 2001. 151 с.

Баевский В.С. Типология русского лирического стиха: дис. … д-ра филол. наук. Тарту, 1974. 490 с.

Иванова О.И. Имена собственные в лирике поэтов Смоленской поэтической школы: автореф. дис. … канд. филол. наук. Смоленск, 2009. 19 с.

Ильин В.В. Смоленская поэтическая школа в действии. Кануны. Свершения. Перспективы // Творчество М.В. Исаковского, А.Т. Твардовского, Н.И. Рыленкова в контексте русской и мировой культуры. Смоленск: СГПУ, 2000. С. 3–16.

Королева И.А. Образ малой родины в творчестве представителей Смоленской поэтической школы // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 2(45). С. 67–73.

Котова Э.Л. Единство многообразия: А.В. Македонов о «смоленской» поэтической школе // Русская словесность. 2022. № 5. С. 11–18.

Литературный энциклопедический словарь. Краткая хроника литературной жизни Советского Союза 1940–1949. URL: https://literary_encyclopedia.academic.ru/6924/Краткая_хроника_литературной_жизни_Советского_Союза_1940–1949 (дата обращения: 25.05.2023).

Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков. 3-е изд. СПб.: Наука, 1998. 206 с.

Македонов А.В. Очерки советской поэзии. Смоленск: Смоленское книжное изд-во, 1960. 242 с.

Материалы XIX съезда КПСС. URL: https://istmat.org/files/uploads/52189/19_sezd_.pdf (дата обращения: 25.05.2023).

Молодые голоса: сборник стихов молодых поэтов. Смоленск: Смолгиз, тип. им. Смирнова, 1948. 64 с.

Новикова О.А. Смоленская поэтическая школа: история и современность // Славянский мир: письменность, культура, история: материалы Международной научной конференции. Смоленск, 2015. С. 12–19.

Павлова Л.В., Романова И.В. Девятое последнее десятилетие. Памяти Вадима Соломоновича Баевского (1929–2013) // Новый филологический вестник. 2013. № 4(27). С. 134–143.

Парамонова М.Н. Проблема исторического ревизионизма на примере клуба в д. Сельцо Починковского района Смоленской области // А.Т. Твардовский: исследования и материалы / сост., ред. О.А. Новикова, А.В. Королькова. Смоленск: Маджента, 2020. Вып. 3. С. 254–264.

Полилог в контексте времени. К 95-летию Смоленской писательской организации. Избранные документы / сост. Н.Н. Чепурных, ред. Л.В. Павлова, И.В. Романова. Смоленск: Свиток, 2019. 544 с.

Смоленская земля в памятниках русской словесности. Т. 39: Смоленская поэтическая школа. Мифы и реальность / сост., авт. вступ. ст.: П.И. Привалов, Н.Н. Илькевич; послесл.: В.А. Твардовская. Смоленск: Маджента, 2013. 299 с.

Смоленский альманах. Книга первая. Смоленск, 1945. 232 с.

Смоленский альманах. Книга вторая. Смоленск, 1947. 276 с.
Смоленский альманах. Книга третья. Смоленск, 1947. 336 с.
Смоленский альманах. Книга четвертая. Смоленск, 1948. 376 с.
Смоленский альманах. Книга пятая. Смоленск, 1949. 376 с.
Смоленский альманах. Книга шестая. Смоленск, 1950. 276 с.
Смоленский альманах. Книга седьмая. Смоленск, 1950. 276 с.
Смоленский альманах. Книга восьмая. Смоленск, 1951. 184 с.
Смоленский альманах. Книга девятая. Смоленск, 1951. 184 с.
Смоленский альманах. Книга десятая. Смоленск, 1952. 284 с.
Смоленский альманах. Книга одиннадцатая. Смоленск, 1952. 284 с.
Смоленский альманах. Книга двенадцатая. Смоленск, 1953. 268 с.
Союз Советских писателей Смоленское областное отделение. Протоколы общих собраний: Переписка Смоленского областного отделения Союза Советских писателей // ГАСО. Ф. Р-3473. Оп. 1. Д. 1. Л. 14–38.
Союз Советских писателей Смоленское областное отделение. Протоколы общих собраний: Письмо Правления Союза Советских писателей СССР от 04.03.1944 г. // ГАСО. Ф. Р-3473. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
Союз Советских писателей Смоленское областное отделение. Протоколы общих собраний: Приказ Народного комиссариата торговли Союза ССР №480 от 07.10.1944 г. // ГАСО. Ф. Р-3473. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–11.
Союз Советских писателей Смоленское областное отделение. Протоколы общих собраний: Протокол № 1 Общего собрания Союза Советских Писателей Смоленской области при отделе Агитации и пропаганды Смоленского обкома ВКП(б) от 18.01.1944 г. // ГАСО. Ф. Р-3473. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.
Союз Советских писателей Смоленское областное отделение. Протоколы общих собраний: Протокол № 2 Общего собрания Союза Советских Писателей Смоленской области при отделе Агитации и пропаганды Смоленского обкома ВКП(б) от 10.05.1944 г. // ГАСО. Ф. Р-3473. Оп. 1. Д. 1. Л. 39–42.
Союз Советских писателей Смоленское областное отделение. Протоколы общих собраний. Протокол Собрания писателей г. Смоленска, совместно с литературным активом и журналистами от 09.09.1946 г. //ГАСО. Ф.Р. 3473. Оп. 1. Д. 10. Л. 7–15.
Тынянов Ю.Н. Литературная эволюция: Избранные труды. М.: Аграф, 2002. 496 с.

M.N. Paramonova
Applicant,
Chair of Literature and Journalism,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Smolensk Writers' Organization: the Literary Situation of the Post-War Period

The article summarizes information about the activities of the Smolensk regional branch of the Union of Soviet Writers (SSP) in the post-war years. Publications of Smolensk authors, literary criticism are analyzed on the basis of the materials of the Smolensk Almanac, as well as authors' books of writers and archival documents. The dynamics of the literary situation can be traced in relation to the political and economic situation in the country and the region. The role of the head of the department N. Rylenkov in the development of the traditions of the

Smolensk poetic school is characterized. The specifics of the «center-region» relations and their influence on the literary situation are revealed.

Key words: *Smolensk Writers' Organization; Union of Soviet Writers; regional literature; Soviet literature; literary situation; literary process; post-war period; Smolensk poetry school; Smolensk Almanac; N. Rylenkov.*

REFERENCES

Bayevsky V.S. Linguistic, mathematical, semiotic and computer models in the history and theory of literature [Lingvisticheskie, matematicheskie, semioticheskieikomp'iuternye modeli v istorii i teorii literatury]. Moscow: Languages of Slavic culture, 2001. 151 p. (in Russian).

Bayevsky V. S. Typology of Russian lyrical verse [Tipologiia russkogo liricheskogo stikha]. *Dissertation ... doctor of Philology*. Tartu, 1974. 490 p. (in Russian).

Ivanova O.I. Proper names in the lyrics of poets of the Smolensk poetic school [Imena sobstvennye v lirike poetov Smolenskoi poeticheskoi shkoly]. *Abstract of dissertation ... candidate of Philological Sciences*. Smolensk, 2009. 19 p. (in Russian).

Ilyin V.V. Smolensk Poetic School in action. The eve. Achievements. The prospects [Smolenskaia poeticheskaia shkola v deistvii. Kanuny. Sversheniia. Perspektivy]. *The works of M.V. Isakovsky, A.T. Tvardovsky, N.I. Rylenkov in the context of Russian and world culture.* Smolensk: SSPU, 2000. pp. 3−16 (in Russian).

Koroleva I.A. The image of a small motherland in the works of representatives of the Smolensk poetic school [ObrazmaloirodinyvtvorchestvepredstaviteleiSmolenskoipoeticheskoishkoly]. *Topical issues of modern philology and journalism,* 2022. No. 2 (45). pp. 67−73 (in Russian).

Kotova E.L. Unity of diversity: A.V. Makedonov on the «Smolensk» poetic school [Edinstvomnogoobraziia: A.V. Makedonov o «smolenskoi» poeticheskoishkole]. *Russian Literature*, 2022. No. 5. pp.11−18 (in Russian).

Literary encyclopedic dictionary. A brief chronicle of the literary life of the Soviet Union 1940–1949. [Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'. Kratkaia khronika literaturnoi zhizni Sovetskogo Soiuza 1940–1949]. Available at: https://literary_encyclopedia.academic.ru/6924/Краткая_хроника_литературной_жизни_Soviet_Soyuza_1940—1949 (accessed on 25 May 2023) (in Russian).

Likhachev D.S. Development of the Russian literature of the X–XVII centuries [Razvitie russkoi literatury X–XVII vekov]. The 3rd edition. St. Petersburg: Nauka, 1998. 206 p. (in Russian).

Makedonov A.V. Essays of Soviet poetry [Ocherkisovetskoipoezii]. Smolensk: Smolensk book publishing house, 1960. 242 p. (in Russian).

Materials of the XIX Congress of the CPSU [Materialy XIKhs"ezda KPSS]. Available at: https://istmat.org/files/uploads/52189/19_sezd_.pdf (accessed on 25 may 2023) (in Russian).

Young voices: A collection of poems by young poets [Molodye golosa: Sbornik stikhov molodykh poetov]. Smolensk: Smolgiz, publishing house named after Smirnov, 1948. 64 p. (in Russian).

Novikova O.A. Smolensk poetic school: history and modernity [Smolenskaia poeticheskaia shkola: istoriia i sovremennost']. *Slavic world: writing, culture, history: materials of the International scientific conference. Smolensk*, 2015. pp. 12−19 (in Russian).

Pavlova L.V., Romanova I.V. The ninth last decade. In memory of Vadim Solomonovich Bayevsky (1929−2013) [Deviatoe poslednee desiatiletie. Pamiati Vadima Solomonovicha Baevskogo (1929−2013)]. *New Philological Bulletin*, 2013. No. 4(27). pp. 134−143 (in Russian).

Paramonova M.N. The problem of historical revisionism on the example of a club in the village Sel'tsoof Pochinkovsky district of the Smolensk region [Problema istoricheskogo revizionizma na primere kluba v d. Sel'tso Pochinkovskogo raiona Smolenskoi oblasti]. *A.T. Tvardovsky: research and materials*. Compiled, edited by O.A. Novikov, A.V. Korolkova. Smolensk: Magenta publishing house, 2020. Issue 3. pp. 254–264 (in Russian).

Polylogue in the context of time. To the 95th anniversary of the Smolensk Writers' Organization. Selected documents [Polilog v kontekstevremeni. K 95-letiiu Smolenskoipisatel'skoiorganizatsii. Izbrannyedokumenty]. Compiled by N.N. Chepurnykh, edited by L.V. Pavlova, I.V. Romanova. Smolensk: Scroll, 2019. 544 p. (in Russian).

Smolensk land in the monuments of Russian literature [Smolenskaia zemlia v pamiatnikakh russkoi slovesnosti]. *Vol. 39: Smolensk Poetic School. Myths and reality*. Compiled, introduced by P.I. Privalov, N.N. Ilkevich; afterword by V.A. Tvardovskaya. Smolensk: Magenta, 2013. 299 p. (in Russian).

Smolensk Almanac. The first book [Smolenskii al'manakh. Kniga pervaia]. Smolensk: Smolensk regional state publishing house, 1945. 232 p. (in Russian).

Smolensk Almanac. The second book [Smolenskii al'manakh. Kniga vtoraia]. Smolensk: Smolensk regional state publishing house, 1947. 276 p. (in Russian).

Smolensk Almanac. The third book [Smolenskii al'manakh. Kniga tret'ia]. Smolensk: Smolensk regional state publishing house, 1947. 336 p. (in Russian).

Smolensk Almanac. The fourth book [Smolenskii al'manakh. Kniga chetvertaia]. Smolensk: Smolensk regional state publishing house, 1948. 376 p. (in Russian).

Smolensk Almanac. The fifth book [Smolenskii al'manakh. Kniga piataia]. Smolensk: Smolensk regional state publishing house, 1949. 376 p. (in Russian).

Smolensk Almanac. The sixth book [Smolenskii al'manakh. Kniga shestaia]. Smolensk: Smolensk regional state publishing house, 1950. 276 p. (in Russian).

Smolensk Almanac. The seventh book [Smolenskii al'manakh. Kniga sed'maia]. Smolensk: Smolensk regional state publishing house, 1950. 276 p. (in Russian).

Smolensk Almanac. The eighth book [Smolenskii al'manakh. Kniga vos'maia]. Smolensk: Smolensk regional state publishing house, 1951. 184 p. (in Russian).

Smolensk Almanac. The ninth book [Smolenskii al'manakh. Kniga deviataia]. Smolensk: Smolensk regional state publishing house, 1951. 184 p. (in Russian).

Smolensk Almanac. The tenth book [Smolenskii al'manakh. Kniga desiataia]. Smolensk: Smolensk regional state publishing house, 1952. 284 p. (in Russian).

Smolensk Almanac. The eleventh book [Smolenskii al'manakh. Kniga odinnadtsataia]. Smolensk: Smolensk regional state publishing house, 1952. 284 p. (in Russian).

Smolensk Almanac. The twelfth book [Smolenskii al'manakh. Kniga dvenadtsataia]. Smolensk: Smolensk. regional state publishing house, 1953. 268 p. (in Russian).

Union of Soviet Writers, Smolensk regional branch. Minutes of general meetings: Correspondence of the Smolensk regional branch of the Union of Soviet Writers [Soiuz Sovetskikh pisatelei Smolenskoe oblastnoe otdelenie. Protokoly obshchikh sobranii: Perepiska Smolenskogo oblastnogo otdeleniia Soiuza Sovetskikh pisatelei]. GASO. F. R-3473. Inventory 1. Case 1. pp. 14–38 (in Russian).

Union of Soviet Writers Smolensk regional branch. Minutes of general meetings: Letter of the Board of the Union of Soviet Writers of the USSR dated 04.03.1944 [Soiuz Sovetskikh pisatelei Smolenskoe oblastnoe otdelenie. Protokoly obshchikh sobranii: Pis'mo Pravleniia Soiuza Sovetskikh pisatelei SSSR ot 04.03.1944 g.]. GASO. F. R-3473. Inventory 1. Case 1. p. 7 (in Russian).

Union of Soviet Writers Smolensk regional branch. Minutes of general meetings: Order of the People's Commissariat of Trade of the USSR No. 480 dated 07.10.1944 [Soiuz Sovetskikh pisatelei Smolenskoe oblastnoe otdelenie. Protokoly obshchikh sobranii: Prikaz Narodnogo komissariata torgovli Soiuza SSR №480 ot 07.10.1944 g.]. GASO. F. R-3473. Inventory 1. Case 1. pp. 10–11 (in Russian).

Union of Soviet Writers Smolensk regional branch. Minutes of general meetings: Minutes No. 1 of the General Meeting of the Union of Soviet Writers of the Smolensk region at the Department of Agitation and Propaganda of the Smolensk Regional Committee of the CPSU(b) dated 18.01.1944 [Soiuz Sovetskikh pisatelei Smolenskoe oblastnoe otdelenie. Protokoly obshchikh sobranii: Protokol №1 Obshchego sobraniia Soiuza Sovetskikh Pisatelei Smolenskoi oblasti pri otdele Agitatsii i propagandy Smolenskogo obkoma VKP(b) ot 18.01.1944 g.]. GASO. F. R-3473. Inventory 1. Case 1. pp. 1–2 (in Russian).

Union of Soviet Writers Smolensk regional branch. Minutes of general meetings: Minutes No. 2 of the General Meeting of the Union of Soviet Writers of the Smolensk region at the Department of Agitation and Propaganda of the Smolensk Regional Committee of the CPSU(b) dated 10.05.1944 [Soiuz Sovetskikh pisatelei Smolenskoe oblastnoe otdelenie. Protokoly obshchikh sobranii: Protokol №2 Obshchego sobraniia Soiuza Sovetskikh Pisatelei Smolenskoi oblasti pri otdele Agitatsii i propagandy Smolenskogo obkoma VKP(b) ot 10.05.1944 g.]. GASO. F. R-3473. Inventory 1. Case 1. pp. 39−42 (in Russian).

Union of Soviet Writers Smolensk regional branch. Minutes of general meetings. Minutes of the Meeting of writers of Smolensk, together with literary assets and journalists from 09.09.1946[Soiuz Sovetskikh pisatelei Smolenskoe oblastnoe otdelenie. Protokoly obshchikh sobranii. Protokol Sobraniia pisatelei g. Smolenska, sovmestno s literaturnym aktivom i zhurnalistami ot 09.09.1946 g.]. GASO. F.R. 3473. Inventory 1. Case 10. l. pp. 7−15 (in Russian).

Tynyanov Yu.N. Literary evolution: Selected works [Literaturnaia evoliutsiia: Izbrannye trudy]. Moscow: Agraf, 2002. 496 p. (in Russian).

А.В. Федоскин

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2023-64-4-117-131

СТИХОТВОРЕНИЯ С ИСТОРИЧЕСКИМ ВРЕМЕННЫМ КОМПОНЕНТОМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЭЗИИ (на примере премии «Поэзия»)

Ключевые слова: *русская поэзия; премия «Поэзия»; стихотворения; тема исторического времени.*

В данной статье рассматривается историческое время в стихотворениях, которые номинировались на премию «Поэзия» в 2019–2021 годах. Выделяются наиболее популярные у авторов эпохи, и приводится анализ наиболее характерных примеров. «Исторические» стихотворения занимают небольшую долю (14%) среди прочих. Излюбленная тема авторов премии «Поэзия» в стихотворениях с историческим компонентом – это XX век. Самый большой интерес в ее рамках вызывают эпохи Второй мировой войны и первых лет советской власти. Все тексты подборки объединяет подчеркнутая политичность. Часто в стихотворениях присутствует государство, оно вступает в конфликт с человеком. Подобная точка зрения на историю в большей степени отражает тенденциозность взгляда учредителей и членов жюри премии, чем объективный срез современной поэзии, на который премия изначально претендовала.

Журнальная поэзия – один из главных столпов современного поэтического творчества в России. Получая распространение главным образом на

страницах литературных журналов, эта поэзия тяготеет к элитарности и отражает мироощущение интеллигенции [Зайцев, 2009]. В противовес современной сетевой поэзии журнальная поэзия предполагает более строгий отбор и публикует по преимуществу профессиональных авторов, имеющих литературные заслуги и получивших признание [Гудкова, 2018]

Современная журнальная поэзия – это литература эпохи перемен. Многие из ее авторов стали свидетелями смены тысячелетий – переходной эпохи [Зинурова, 2018].

Поэтический материал последних десятилетий крайне обширен, критики говорят о небывалом поэтическом буме [Скворцов, 2008; Степанов, 2008], а авторы активно интересуются событиями прошлого, осмысливая их с точки зрения современности. Следовательно, в стихотворениях эпохи перемен становится более выраженным тематический компонент исторического времени. Именно он является предметом нашего исследования.

Материалом послужили стихотворения, номинированные на премию «Поэзия». Это российская литературная премия, ежегодно вручаемая с 2019 по 2021 год. Она была учреждена благотворительным фондом «Достоинство» и стала преемником российской национальной премии «Поэт». Однако, в отличие от премии «Поэт», присуждавшейся ежегодно только одному ныне живущему автору за выдающиеся достижения в современной поэзии, ее преемница позволяет выявить самые знаковые стихотворения российских авторов за год, предшествующий конкурсу, и тем самым сделать срез общего современного поэтического литературного процесса в России. Каждый год с 2019-го по 2021-й жюри выбирало по 100 стихотворений-номинантов. Эти стихотворения могли быть выбраны из авторских книг, публикаций в российских литературных журналах, коллективных сборниках или в популярных блогах [Поэзия (премия), 2022].

Историческое время – достаточно обширная тематическая категория в литературных произведениях. Она выражает смену эпох, поколений и крупных событий в жизни общества. Историческое время также называют эмпирическим, физическим, хроникальным и так далее. Данное время связано с определенными циклами, природными и общественными [Гак, 1997]. Мы в качестве исторического времени учитывали упоминания конкретных событий, деятелей истории, узнаваемые приметы эпохи.

Отметим, что в рамках данной статьи термины «историческое время», «исторический компонент», «компонент исторического времени» используются как синонимы.

На 300 стихотворений-номинантов на премию «Поэзия» за три года приходится всего 42 текста, содержащих в себе приметы исторического времени и посвященных истории (14%). Отмечается рост интереса авторов премии к историческим темам: 9 стихотворений в 2019 году, 13 – в 2020-м, 20 – в 2021-м. Авторы активно уделяют внимание XX веку. Больше всего текстов на

тему Великой Отечественной войны. Также авторы пишут стихотворения об относительно недавних событиях (споры России и Украины за Крым, кризис 1990-х годов). Другие тексты повествуют о 1970–1980-х годах.

Отсылки к другим историческим эпохам содержат всего два стихотворения о Пушкине и одно связанное с эпохой римского императора Юлиана Отступника. Это текст Владимира Волкова «Смерть Юлиана», рассказывающий о сосланном римском чиновнике, который создает свою «империю» с «императором».

Таблица 1

Исторические эпохи,
отраженные в стихотворениях авторов премии «Поэзия»

Всего текстов	42	
	текстов	%
Древность	1	2
Средневековье	–	–
Новое время	–	–
XIX век	2	5
XX век	29	69
Современность	7	17
Будущее	–	–
Смешение эпох	–	–

Среди стихов премии «Поэзия» нет текстов, которые посвящены Средним векам, Новому времени и будущему. Нет и стихотворений, объединяющих исторические маркеры нескольких эпох. Из 42 стихотворений 1 (2%) посвящено древности, 2 (5%) – XIX веку, 29 (69%) – XX веку, 7 (17%) – современности.

Самая большая доля стихотворений участников премии приходится на XX век (69% и 29 стихотворений).

Одна из существенных тематических подгрупп в данной категории – биографическая. Это стихотворения «Улица Красной Конницы» Сергея Стратановского, «Горя не будет» Александра Самойлова, «Урок чистописания» Ирины Шостаковой, «В тридцать четвертом он еще не знал, что он парижанин…» Елены Михайлик, «Дом» Григория Медведева, «В 1920 году моя бабка…» Анны Голубковой, «Десять лет» Михаила Бордуновского. Все эти тексты объединяет то, что в них описывается предвоенное время, связанное с революцией и репрессиями 1930-х годов, а также эмиграцией.

Другая группа – стихотворения на тему творчества. Это «Набоков» Григория Аросеева, «Введенский и коза» Александра Дельфинова.

Стихотворение Дмитрия Быкова[1] «Памяти Бунюэля» посвящено Испании во время правления режима генерала Франко.

[1] Включен в реестр СМИ-иноагентов.

В разделе XX века в отдельную подгруппу выделились стихотворения, упоминающие Великую Отечественную войну. Татьяна Вольтская[2] в тексте «Бессмертный полк» соотносит Красную армию с современными протестующими на митингах. Андрей Гришаев («Под ленинградскими березами») пишет о предчувствии скорой войны. Ольга Брагина, описывая современные протестные движения в Белоруссии, напротив, упоминает о конце Великой Отечественной войны, противопоставляя ей войну гражданскую: «это первая ночь после Великой отечественной…».

Завершению войны и настроениям после нее посвящено несколько текстов. Виктор Лисин в тексте «После Освенцима» рассуждает о том, можно ли жить после преступлений против человечности. Юлия Кокошко («Тащиться с войны в насмешках собак…») – о настроениях бойцов, возвращающихся с войны. О конце войны пишут Алексей Порвин («Как листовки о конце войны…»), Катя Карпович («Как солдатом ушел…»).

Вячеслав Попов («Декабрь 1941-го») рисует картины блокады Ленинграда. Арсений Ровинский в своем тексте также упоминает Ленинград. Другое его стихотворение «Триумф Воли» посвящено жизни нацистской Германии. Елена Михайлик использует похожую тему: она пишет о жизни некой фрау N в осажденном Берлине.

Иван Полторацкий («Памятник») рассказывает о том, как немцы стоят в городе Пушкине. Согласно этому тексту, поэт Пушкин вечен, в отличие от немецкой армии. Город Пушкин возникает и в тексте Вадима Жука «Мы, кажется, едем в теплушке…».

Ни один из приведенных текстов не посвящен военным событиям. Основные герои – либо солдаты, возвращающиеся с войны, либо мирные люди, оказавшиеся в ее горниле. Стихотворения больше сосредоточены на личных переживаниях, на выживании отдельного человека в условиях войны, нежели на исторических событиях.

Приведем стихотворение Виктора Лисина «После Освенцима», исторический компонент которого можно соотнести со всей Второй мировой войной, а не только с Великой Отечественной.

После Освенцима
можно испытывать
оргазм можно даже
испытывать
множественный
оргазм можно
кричать и стонать
от удовольствия
можно дети мои
можно и нужно.

Главное чтобы ты
не представлял

[2] Включена в реестр СМИ-иноагентов.

Освенцим во
время секса
главное чтобы
ты не писал
Освенциму
в мессенджеры
не скидывал
ему свои
обнаженные
фотографии
однажды он
позвонит
ночью в
домофон
он скажет
это я и ты
не должен
открывать
[Лисин, 2021]

Данное стихотворение восходит к фразе философа Теодора Адорно «Писать стихи после Освенцима есть варварство». Это цитата из статьи Адорно «После Освенцима», в которой он рассуждает на тему морали, культуры и цивилизации в контексте зверств тоталитарных режимов фашистского толка.

«После Освенцима любая культура вместе с любой ее уничижительной критикой» является ничтожной. «В своих попытках возродиться после всего того, что произошло в ее вотчинах и не встретило сопротивления, культура окончательно превращается в идеологию, которой она потенциально и была, начиная с того самого момента, когда в противовес материальному существованию присвоила себе право нести свет знания о том, что разделение духа и физического труда незаконно ущемляет саму культуру. Тот, кто ратует за сохранение культуры, пусть даже виновной во всех грехах, пусть даже убогой, тот превращается в ее сообщника и клеврета; тот, кто отказывается от культуры, непосредственно приближает наступление эпохи варварства; и именно в этом качестве культура и разоблачила самое себя» [Адорно, 2013]. Освенцим – это апофеоз культуры и общества, с одной стороны, предельно структурированный, с другой – доказывающий, что человек так и не избавился от бессознательного. Убийство миллионов с помощью аппарата управления превращает смерть во что-то особенно ужасное, так как смерть прекращает быть сообразным итогом жизни. Личности при этом неважны, люди рассматриваются даже не как индивиды, а как экземпляры. Любая культура так или иначе унифицирует людей и их опыт. Убийство народов в Освенциме Теодор Адорно считает высшей точкой унификации: человека приводят к стандарту, чистой тождественности, которая есть смерть. В ней все становятся равноценными.

По мнению философа, культура не терпит бессознательного и памяти, хранящейся в нем. Созерцание в детстве шокирующих сцен, вроде мертвых животных, камуфлируется культурным опытом. Однако Освенцим доказал крах культуры, ибо грош цена тому обществу, в котором со всеми его знаниями, философскими концепциями и гуманизмом может произойти что-то подобное ему. Поэтому высокие слова, сказанные после Освенцима, обесцениваются.

Примером раскрытия тезиса Адорно можно привести подборку стихотворений Александра Танкова «Рождество», «Избиение младенцев» и «Поклонение волхвов», объединенных под названием «После Освенцима», где евангельские сюжеты увязаны с приметами тоталитарной эпохи. Европейская и российская культура построены на христианстве. Можно сказать, что христианство было началом культуры, тогда как Освенцим – ее концом. Мария и Иосиф в этих текстах предстают в образе евреев, бегущих от тоталитарного режима и его «добра»: «рева стадионов, горящих книг, праведного гнева миллионов, Хрустальной ночи, Кишиневского погрома», который хочет, чтобы ему отдали ребенка – Иисуса Христа [Танков, 2011]. Волхвы оказываются в толпе людей, подгоняемых штыками. Они говорят: «Мы шли в Вифлеем, а попали в Освенцим». Данная фраза может иллюстрировать путь европейской культуры со времен ее зарождения до лагеря, на котором, согласно Адорно, она закончилась.

Стихотворение Виктора Лисина говорит, что можно делать после Освенцима. Несмотря на обесценивание культуры, бессознательное продолжает жить. В стихотворении много плотских мотивов: это мотивы секса, оргазма, обнаженных на фотографиях. Освенцим персонифицируется, совершает человеческие действия, например звонит по телефону. Он предстает в образе мучителя, которому герой «не должен открывать дверь».

У Виктора Лисина проступает общий мотив со стихотворениями Александра Танкова: нет мотива рождения, но есть, условно говоря, мотив зачатия. Общие мотивы – стремление затаиться: загасить свечу – не писать Освенциму в мессенджеры, не скидывать обнаженные фотографии, не открывать дверь. У Танкова видно противостояние одной и той же культуры: новорожденная, связанная с Христом и Библией, она противостоит самой себе на излете, во время Освенцима. У Виктора Лисина бессознательное индивидуальное скрывается от бессознательного коллективного.

Заканчивается текст выражением «Освенцим написал стихотворение после Освенцима». В условиях смерти культуры могильщики монополизируют ее и постоянно высказываются на высокие темы, оправдывая свои действия.

В целом в данной тематической подгруппе можно проследить тенденцию к перенесению акцентов с Великой Отечественной войны на Вторую Мировую и к обесцениванию завоеваний и побед Красной армии. Тоталитаризм 1930–1940-х соотносится с современностью.

Следующая тематическая подгруппа – XIX век. Доля стихотворений с этим маркером – 5%. Один из показательных текстов – стихотворение Владимира Салимона «Как старая графиня в полумгле…», описывающее атмосферу Болдинской осени Александра Пушкина. В этой же категории находится текст Марии Богородицкой «Одного лишь выпуска Лицея…». Автор заигрывает с пушкинской эпохой, но объединяет сразу несколько времен.

Одного лишь выпуска лицея –
девятнадцатого октября,
одного пернатого еврея,
каркнувшего правду про царя,

шелеста одной Тарусской рощи,
с ветром залетевшего в местком,
горстки дурней, вышедших на площадь
с детскою коляской и листком,

пары книжек толстого журнала –
сизых, цвета лунного луча, –
хватит, чтоб до срока не сгорала
вольности заветная свеча.

Чтоб она, дрожа, в ночи алела,
дерзким жалом уязвляя тьму –
пусть опять не выгорело дело,
пусть опять, опять конец всему,

пусть придут и книжной гильотиной
тонкие страницы искрошат,
и пропишут курс аминазина,
и в Лицее – порку разрешат.
[Бородицкая, 2023]

В самом начале расставлены маркеры исторического времени, отсылающие к Царскосельскому Лицею, обучавшему элиту общества: «Девятнадцатое октября... Каждый год в этот поздний осенний день, когда “роняет лес багряный свой убор”, лицеисты первого выпуска собирались, чтобы вместе, за круговой чашей, “день Лицея торжествовать”» [Гессен, 1983]. Стихотворение с таким названием Пушкин отправил друзьям из своей ссылки в Михайловском. Здесь есть уничижительные прозвища – «пернатый еврей», «горстка дурней». Но они относятся не к Пушкину или декабристам, вышедшим на Сенатскую площадь. «Пернатым евреем» прозвали Осипа Мандельштама. Детская коляска – деталь, отсылающая к «демонстрации семерых». 25 августа 1968 года восемь представителей научных и литературных кругов столицы вышли на Красную площадь с призывом вывести войска из Чехословакии. Руководство последней начало либеральные преобразования, вследствие чего советское руководство сначала призвало чехословацкие власти остановиться, а затем ввело в страну войска. Среди демонстрантов были поэты, историки, лингвист, искусствовед, филолог.

Одна из участниц взяла на выступление грудного ребенка в коляске, а лозунгом, который они написали на листке, было «За нашу и вашу свободу». Ввод войск в Прагу подавил надежды диссидентов на постепенную эволюцию СССР в сторону либерализма, что привело к протестным настроениям.

Физик Павел Литвинов получил пять лет лагерей. Искусствоведа Виктора Файнберга приговорили к психиатрической лечебнице, о чем косвенно упомянуто в стихотворении: «пропишут курс аминазина». Аминазин – нейролептик первого поколения, оказывающий седативный эффект. Данный препарат был одним из основных в психиатрической практике XX века и часто назначался диссидентам в советских больницах.

Пушкин, его друзья из одного выпуска Лицея, среди которых было много декабристов, «демонстрация семерых», толстый журнал, вероятно, издаваемый диссидентами, – все это нужно, чтобы «до срока не сгорала вольности заветная свеча». Демонстранты приравниваются к светлым силам, «разгоняющим тьму», которые, как феникс, восстают, когда «не выгорело дело». Автор ставит диссидентов и государство на разные полюса и обозначает конфликт между ними, где с одной стороны безусловное добро, с другой – безусловное зло. Основной пафос стихотворения – это не исторические события, а политический конфликт человека и государства.

На фоне отсутствия интереса к отдаленным историческим событиям и эпохам (древность, Средневековье, Новое время) у премии «Поэзия» наблюдается более оживленный интерес к современности: 7 стихотворений (17%) в подборке.

Текст Ильи Кукулина «Сегодня день моего рождения» – это биографическое стихотворение, которое переходит в политический текст об идее «одинокого бунта» и борьбы с системой. На него похож текст Игоря Караулова «В синем доме уже не “Магнит”, а какой-то “Верный”». Рассказ об истории магазина переходит в рассуждения о бедности и бедных.

Стихотворение Юлия Гуголева посвящено трагическим событиям в Кемерове – пожару, который случился 25 марта 2018 года в ТЦ «Зимняя вишня».

Текст Аллы Босарт «Три девушки в хаки» посвящен израильским иммигранткам на службе в армии и размышлению о прошлой родине.

Дмитрий Гаричев в тексте «что Гайдар не спал, а мать кормила…» обращается к теме кризиса 1990-х. Этому же посвящен текст Андрея Василевского «Кто прошел 90-е годы». Стихотворение Елены Авербах «Восьмидесятые» повествует о предшествующем десятилетии.

Текст «шелковый путь» Ирины Котовой – это стихотворение, посвященное судьбе России и ее отношениям с другими странами. Герой путешествует по маршруту древнего Шелкового пути. Тематика путешествия характерна и для произведения Елены Фанайловой «#Зимняядорога Стекло». В нем в фокусе лирического повествования – героиня и ее детство.

Стихотворение Елены Исаевой «Смерть идет» посвящено пандемии коронавируса. О болезни – и текст Полины Барсковой «Венецию закрыли на чуму…».

Отдельная тема – боевые действия на Донбассе. Этому посвящены тексты Сергея Лейбгарда «Приснилось» и Ярослава Голованя «огромный мужчина с кровавой рожей…».

Подробнее рассмотрим стихотворение «Транссиб» Всеволода Емелина:

На одиноком полустанке
Стоит буфет
К нему весь томный, после пьянки
Идет поэт.
За то, что жил он неположиво
И стер случайные черты
Его, по просьбе пассажиров,
Ссадили с поезда менты.
Мимо него убийц в бушлатах
Ведет конвой
Его глаза красней заката
Над головой.
И удивительно, ведь вроде
Все сперли, нах
Немного денег он находит
В своих штанах.
И он у доброй толстой тетки
Себе берет
В стакан граненый 200 водки
И бутерброд.
Она проговорит с любовью:
«Ну, ты жених.
Смотри за столиком там двое
Держись от них».
А он к стакану, пламенея,
Душой приник
И движется на тонкой шее
Его кадык.
Какая в этой водке сладость
Какая власть
И вот она уже всосалась
И разлилась.
Впадины щек порозовели
Как лепесток
А мимо поезда летели
В Владивосток.
Про этот жуткий свист осенний
Про сталь дорог
Писал Некрасов и Есенин
Писал и Блок.
И Лев Толстой продолжил линию
Когда без слез

Бросал не дрогнув, героиню
Под паровоз.
Про эти станции, березки
Буфет, ангар
Писал и Александр Твардовский
И Блез Сандрар.
И я с моей опухшей рожей
Среди равнин
Державы железнодорожной
Седой акын.
Тоски дорожной и железной
Мне не избыть
Ответь мне стрелочник нетрезвый
Куда ж нам плыть?
Вокруг бескрайние просторы
Рессорный скрип
Через равнины, реки, горы
Пролег Транссиб.
Ответив на пространства вызов
Вот эта ось
Страну как на шампур нанизав
Прошла насквозь.
Байкал, месторождение руд
Тайга, барак
Земли суровой изумруд
Брат-сибиряк.
Те, чья вся жизнь прошла средь гула
У магистрали
Той, что Евразию стянула
По горизонтали.
Старообрядец, бывший зек
Казак, бурят
Простой российский человек
Электорат.
Где неизменный пищеблок
И с ним санчасть
Терпели боль, мотали срок
Держали масть.
Но каждый верил- этот жребий
Не навсегда
Пока еще есть птицы в небе
И поезда.
Можно на них умчаться пулей
Куда-нибудь
Где рельсы как штыки проткнули
Горизонту грудь.
То взвоя, то в туннеле скроясь
Через года
Летел «Россия» – скорый поезд
Чёрти-куда.
В вагонах плакали и пели
И ждали свет,

Который есть в конце тоннеля,
А может нет.
[Емелин, 2019]

Герой описывает, как его ссадили на полустанке в Сибири за то, «что жил неположиво». «Жить не по лжи» – известное выражение и жизненное кредо Александра Солженицына, советского диссидента, политзаключенного и писателя, автора книги «Архипелаг Гулаг». Солженицына держали в лагерях и выслали из СССР, героя ссаживает с поезда полиция по просьбе пассажиров, вероятно за антисоциальное поведение.

Пространство станции включает в себя «лагерные» мотивы: убийцы под конвоем, водка в граненом стакане. Они переплетаются с мотивами Родины, России: железная дорога «пронзает страну шампуром». С ней соседствует образ поезда, летящего к свету в конце тоннеля.

Герой идет покупать водку в буфет и рефлексирует по этому поводу. Стопка и бутерброд являются квитэссенцией наслаждения для него. Водка становится катализатором для дальнейших размышлений автора.

Образ железной дороги хорошо разработан в русской поэзии и даже прозе, на что указывает сам автор. Он упоминает Александра Блока, Сергея Есенина, Николая Некрасова, Александра Твардовского, Льва Толстого и французского автора Блэза Сандрара. У трех поэтов есть стихотворения, посвященные железной дороге. Александр Твардовский и Блэз Сандрар написали на эту тему поэмы соответственно «За далью – даль» и «Транссибирский экспресс». У Льва Толстого мотив железной дороги – один из главных в романе «Анна Каренина».

Во всех этих произведениях железная дорога – символ перемен, индустриализации, за которой не может угнаться исконное крестьянство (образ жеребенка в стихотворении «Жеребенок и поезд» Сергея Есенина: маленький конь пытается соревноваться с паровозом и терпит неудачу).

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?
[Есенин, 2017, *352*]

Перемены должны приносить счастье: в конце тоннеля должен быть свет. Осуществляется все руками простого народа, который зачастую страдает, но твердо выносит все испытания, надеясь на лучшее, – пишет Николай Некрасов в «Железной дороге»:

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную –
Вынесет все, что господь ни пошлет!
[Некрасов, 2021, *640*]

Это и личная трагедия: мотив самоубийства девушки под поездом в стихотворении Александра Блока, который так похож на мотив самоубийства героини Толстого Анны Карениной.

Не подходите к ней с вопросами,
Вам все равно, а ей – довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена – все больно.
[Блок, 1998, *688*]

У Блока девушка ждет своего суженого, но общество из проезжающих поездов не обращает на нее внимания и уносится вперед. В романе Толстого ситуация противоположная: Анна не выдерживает давления общества, что заставляет ее ступить на рельсы. В тексте Блока образ молодой девушки резонирует с образом старой России, оставшейся у обочины в эпоху модернизации.

Рука об руку с модернизацией идут революция и война: Блэз Сандрар, «путешествуя» в своем произведении по Транссибирской магистрали, упоминает боевые действия на Амуре (он стал свидетелем Русско-Японской войны). Сандрар пишет об Архимеде как об изобретателе, который продвинул мир вперед, но его изобретения стали причиной огромных жертв. Индустриализация дает новые возможности, но ломает старый мир, а новый только намечается. Россия словно вечно летит поездом на свет в конце тоннеля.

Всеволод Емелин использует эти же мотивы, но больше его стихотворение тяготеет к поэме Твардовского «За далью – даль». Поэма – философское размышление, герой наблюдает из окна поезда красоту мест, по которым проезжает. Поэт работал над текстом с 1950 по 1960 год, он вспоминает Великую Отечественную войну и говорит о том, как Россия движется вперед, к коммунизму и расцвету. Это поэма пути, поэма надежды. У Емелина – «поэма остановки». Он не едет к «свету в конце» и стоит на месте, ввиду того что его «жизнь по правде» докучала пассажирам. Твардовский знал, куда летит поезд, Емелин спрашивает: «Куда нам плыть?» Он не знает конечной станции и есть ли в конце тоннеля свет: по мнению автора, Россия двигалась и движется «чёрти-куда». Данное настроение соответствует эпохе, свидетелем которой стал Всеволод Емелин: 1990-е годы были переломным моментом для России, временем крушения советского строя и серьезных перемен во всех сферах жизни, как и во времена индустриализации и строительства железных дорог. Но если те перемены вели в будущее и авторы чаще всего смотрели вперед с оптимизмом, то 1990-е остановили Россию и отбросили ее назад. Поэтому у Емелина будущее неопределенное: в условиях подобных перемен неизвестно, что будет дальше.

Стихотворение, несмотря на явную современную направленность, объединяет несколько эпох, упоминая деятелей и события разных лет. На фоне этого разворачивается размышление о судьбе России. Интертекстуальный характер стихотворения и алкогольно-железнодорожная тема роднит произведение Емелина с поэмой Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки».

* * *

«Исторические» стихотворения занимают небольшую долю в 14% среди прочих. Излюбленная тема авторов премии «Поэзия» в стихотворениях с историческим компонентом – это XX век. Самый большой интерес в ее рамках вызывают эпохи Второй Мировой войны и первых лет советской власти. Первая связана с мироощущением героев – солдат и простых людей, но не с непосредственно боевыми действиями. Здесь есть несколько стихотворений, действие которых происходит в нацистской Германии.

Стихотворения с компонентом современности отражают различные события до 2021 года: пожар в ТЦ «Зимняя вишня», войну на Донбассе, передачу Крыма и так далее. Но чаще авторы не говорят о конкретных событиях, описывая эпоху.

Все тексты подборки объединяет подчеркнутая политичность. Часто в стихотворениях присутствует государство, оно вступает в конфликт с человеком. С государством борются, из него эмигрируют, ему находят альтернативу или не пытаются сопротивляться. Особенно это видно в стихотворении «Одного лишь выпуска Лицея…», приведенном нами ранее.

Образ государства в ряде текстов заменяется образом России как страны. Это не только определенное время, атмосферу которого воссоздают биографические тексты, но и размышления о судьбе страны, наиболее ярко проявленные в тексте «Транссиб».

Опираясь на рассматриваемую подборку, мы видим, что история в представленных текстах зачастую политизирована. Из одного стихотворения в другое кочуют темы России, тоталитаризма, власти и поэта, диссидентства, борьбы. Впрочем, подобная точка зрения на историю в большей степени отражает тенденциозность взгляда учредителей и членов жюри премии, чем объективный срез современной поэзии, на который премия изначально претендовала.

ЛИТЕРАТУРА

Адорно Т.В. После Освенцима // Omiliya.org. 04.07.2013. URL: https://omiliya.org/article/posle-osventsima-teodor-adorno (дата обращения: 10.07.2023).

Блок А.А. Избранные сочинения. М.: Худож. лит., 1988. 688 с.

Бородицкая М. Одного лишь выпуска лицея... // Журнал «22». URL: https://sunround.com/club/22/22_171_borod.htm (дата обращения: 10.04.2023).

Гак В.Г. Пространство времени // Логический анализ языка: Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 122–130.

Гессен А.И. «Все волновало нежный ум...»: Пушкин среди книг и друзей. М.: Худож. лит., 1983. 343 с.

Гудкова С.П. Художественные особенности стихотворной журнальной подборки // Art Logos. 2018. № 1(3). С. 105–114.

Емелин В. И будет у тебя отрада: стихи // Дружба народов. 2019. № 1. URL: https://magazines.gorky.media/druzhba/2019/1/i-budet-u-tebya-otrada.html (дата обращения: 10.07.2023).

Есенин С.А. Стихотворения. М.: ЭКСМО, 2017. 352 с.

Зайцев В.А. О художественно-стилевых течениях в русской поэзии XXI века // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2009. № 4. С. 16–38.

Зинурова Е.С. Многоликость современной российской поэзии // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2018. № 3. С. 293–301.

Лисин В.А. После Освенцима // Орден кромешных поэтов. 28.04.2021. URL: https://vk.com/wall-137935812_16890 (дата обращения: 10.04.2023).

Некрасов Н.А. Стихотворения. М.: Омега-Л, 2021. 640 с.

Поэзия (премия) // Википедия, 26.12.2022. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Поэзия_(премия) (дата обращения: 10.05.2023).

Скворцов А.Э. Художественные стратегии Л. Лосева, С. Гандлевского, А. Цветкова и О. Чухонцева в контексте современной поэзии и их восприятие в критике // Учен. зап. Казан. ун-та. 2008. № 6. С. 87–98.

Степанов Е.В. Современная поэзия: тенденции начала XXI века // Дети Ра. 2008. № 9(47). С. 113–122.

Танков А.С. Стихотворения // Звезда. 2011. № 12. URL: https://magazines.gorky.media/zvezda/2011/12/posle-osvenczima-2.html (дата обращения: 10.07.2023)/

A.V. Fedoskin
Postgraduate Student,
Chair of Literature and Journalism,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Poems with a Historical Time Component in Russian Magazine Poetry (on the Example of the Poetry Prize)

This article examines the historical time in the poems that were nominated for the Poetry Prize in 2019–2021. The most popular epochs among authors are highlighted and the analysis of the most characteristic examples is given. «Historical» poems occupy a small share (14%) among others. The most favorite themes of the authors of the Poetry Prize in poems with a historical component are the XX century. The greatest interest in its framework is caused by the epochs of the Second World War and the first years of Soviet power. All the texts of the collection are united by an accentuated political focus. Often there is a state in the poems, it comes into conflict with a person. Such a point of view on history reflects to a greater extent the biased view of the founders and members of the jury of the prize, rather than an objective cross-section of modern poetry, for which the prize was originally claimed.

Key words: *Russian poetry; Poetry Prize; poems; historical time.*

REFERENSES

Adorno T.V. After Auschwitz [Posle Osvencima]. Omiliya.org. 04.07.2013. Available at: https://omiliya.org/article/posle-osventsima-teodor-adorno (accessed on 10 July 2023) (in Russian).

Blok A.A. Selected works [Izbrannye sochineniya]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1988. 688 p. (in Russian).

Boroditskaya M. «Only one graduation of the lyceum...» [Odnogo lish' vypuska liceya...]. *Magazine «22».* Available at: https://sunround.com/club/22/22_171_borod.htm (accessed on 4 November 2023) (in Russian).

Gak V.G. Space of time [Prostranstvo vremeni]. *Logical analysis of language: Language and time.* Moscow: Indrik, 1997, pp. 122–130 (in Russian).

Gessen A.I. «Everything worried the tender mind...»: Pushkin among books and friends [«Vse volnovalo nezhnyi um...»: Pushkin sredi knig i druzei]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1983. 343 p. (in Russian).

Gudkova S.P. Artistic features of the poetic magazine collection [Hudozhestvennye osobennosti stihotvornoj zhurnal'noj podborki]. *Art Logos*. 2018, no.1 (3), pp. 105–114 (in Russian).

Emelin V. And you will have joy: poetry [I budet u tebja otrada: stihi]. *Friendship of Peoples,* 2019, no. 1. Available at: https://magazines.gorky.media/druzhba/2019/1/i-budet-u-tebya-otrada.html (accessed on 4 November 2023) (in Russian).

Yesenin S. A. Poems [Stihotvoreniya]. Moscow: EKSMO, 2017. 352 p. (in Russian).

Zaitsev V.A. On artistic and stylistic trends in Russian poetry of the XXI century [O hudozhestvenno-stilevyh techeniyah v russkoj poezii XXI veka]. *Bulletin of Moscow State University. Series 9. Philology*, 2009, no. 4, pp. 16–38 (in Russian).

Zinurova E.S. The diversity of modern Russian poetry [Mnogolikost' sovremennoj rossijskoj poezii]. *Bulletin of the RUDN. Series: Literary studies, journalism.* 2018, no. 3, pp. 293–301 (in Russian).

Lisin V.A. After Auschwitz [Posle Osvencima]. *Order of Pitch poets.* 28.04.2021. Availabe at: https://vk.com/wall-137935812_16890 (accessed on 04 October 2023) (in Russian).

Nekrasov N.A. Poems [Stihotvoreniya]. Moscow: Omega-L, 2021. 640 p. (in Russian).

Poetry (prize) [Poeziya (premiya)] Wikipedia, 12.26.2022. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Poeziya_(prize) (accessed on 5 October 2023) (in Russian).

Skvortsov A. E. Artistic strategies of L. Losev, S. Gandlevsky, A. Tsvetkov and O. Chukhontsev in the context of modern poetry and their perception in criticism [Hudozhestvennye strategii L. Loseva, S. Gandlevskogo, A. Cvetkova i O. CHuhonceva v kontekste sovremennoj poezii i ih vospriyatie v kritike]. *Scientific Journal of Kazan University,* 2008, no. 6, pp. 87–98 (in Russian).

Stepanov E.V. Modern poetry: trends of the beginning of the XXI century [Sovremennaya poeziya: tendencii nachala XXI veka]. *Children of Ra*, 2008, no. 9 (47), pp. 113–122 (in Russian).

Tankov A. S. Poems [Stihotvoreniya]. *Zvezda,* 2011, No. 12. Available at: https://magazines.gorky.media/zvezda/2011/12/posle-osvenczima-2.html (accessed on 10 July 2023) (in Russian).

Д.Н. Смирнова

Военная академия войсковой противовоздушной обороны ВС РФ им. Маршала Советского Союза А.М. Василевского
Смоленск, Россия

УДК 811.161.1'373.2

DOI 10.35785/2072-9464-2023-64-4-131-142

КЛАССИФИКАЦИИ НАЗВАНИЙ СМОЛЕНСКИХ УЛИЦ

Ключевые слова: *имя собственное; топоним; официальный топоним; урбаноним; урбанонимия; классификация названий.*

В статье рассматриваются две классификации урбанонимов города Смоленска с точки зрения исторических периодов становления Российского государства, а также с точки зрения внутренних единиц, включаемых в урбанонимическое поле.

В классификации дореволюционых названий именования внутригородских объектов делятся по принципу отнесения их к другому значимому объекту (как правило, это церковь) или по принципу называния объекта по имени известного человека, обычно по имени святого.

В классификации названий современных улиц принципы уже другие. Большинство переименованных улиц стали называться по именам революционных деятелей, вождей российского и мирового пролетариата, по значимым революционным событиям.

Классификация региональных урбанонимов важна, ведь любой оним является культурной константой с точки зрения лингвистики и отражает особенности языковой картины мира как отдельного человека, так и общества в целом. Для улиц города в период с XVII по начало XX века переименования нехарактерны, после революции названия менялись регулярно.

Отношение к другому значимому объекту (храму, монастырю) являлось самым продуктивным принципом номинации для улиц древнего Смоленска. Основным мотивом номинации современных улиц становится их связь с человеком.

Городское название, являясь элементом пространства города, от «рождения» и до современного состояния проходит многократную перекодировку и становится семантически сверхнасыщенным. Оно не только идентифицирует городские объекты, но и несет лингвистическую и экстралингвистическую информацию. Такое название рассматривается как инструмент отражения человеческих знаний о мире, транслирующий своеобразные культурные, географические и языковые признаки.

Площади, проспекты, улицы, переулки, набережные, храмы и монастыри, кафе, магазины, торговые центры и иные адресные внутригородские объекты составляют сложную систему, создававшуюся под влиянием культурно-исторических факторов. Названия данных объектов обозначаются термином *урбаноним*, который определяется как «вид топонима, собственное имя любого внутригородского топографического объекта» [Подольская, 1978, *154*].

Входя в топонимическую систему, урбанонимическое пространство служит источником изучения ономастикона города. За именем, которое дается улице, переулку, проспекту, какому-то объекту, расположенному в городе, всегда скрывается определенная история, оно является прецедентным. При назывании объектов, окружающих человека в городе, он выделяет важные детали объективной реальности, оценивает их. В основном урбанонимы обладают тенденцией к устойчивой актуализации представления об употреблении, ударении, написании, произношении (лингвистические знания) и о форме, протяженности, месте расположения (фоновые знания), то есть в основе любого урбанонима лежат как лингвистические, так и экстралингвистические знания.

Деятельность человека всегда направлена на изучение мира вокруг него. Этим и обусловливается то, что языковая личность, постоянно пополняя свои знания об окружающем пространстве города, расширяет в своем сознании городские границы. Важно показать, что за наименованиями городских объектов лежит глубокий пласт исторических знаний и внутреннее

богатство пространства человеческого сознания. Урбанонимическая система города отражает реальный мир, но при этом, как и любая языковая система, существует в сознании конкретного человека.

Изначально при изучении городских объектов использовались самые разные термины. Как мы указывали ранее, в первом издании «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской, вышедшем в 1978 году, был зафиксирован термин *урбаноним*. В этом же словаре появились термины, называющие внутригородские объекты: *агоронимы* (городские площади и рынки), *годонимы* (линейные объекты – улицы, проспекты, переулки), *городские хоронимы* (части города), *экклезионимы* (названия религиозных объектов), *ойкодонимы* (названия отдельных зданий), *эргонимы* (названия организаций, кружков, объединений). Например, термин *эргоним* квалифицируется следующим образом: «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [Подольская, 1978, *166*].

Ядром урбанонимического поля являются агоронимы и годонимы. В.И. Супрун пишет, что «жителям нужно было ориентироваться в пределах городского пространства, и какие-то наиболее выдающиеся строения и выделяющиеся чем-либо части города могли получать имена, но настоящая ономастическая организация городского пространства начинается со времени появления линейных объектов» [Супрун, 2015, *95*]. На периферии же находятся названия станций метро, башен крепостных стен, мостов, вокзалов, парков, фонтанов, кладбищ, памятников, остановок общественного транспорта и т.д. В ономастической системе русского языка за этими объектами все еще не закрепились специальные термины.

Городские названия начали активно исследоваться во второй половине XX века. В работах А.В. Суперанской [Суперанская, 1985], В.Д. Бондалетова [Бондалетов, 1983], Е.М. Поспелова [Поспелов, 1993], Р.В. Разумова [Разумов, 2003], В.И. Супруна [Супрун, 1989], А.Ю. Асанова [Асанов, 2014], В.С. Картавенко [Картавенко, 2010], М.Л. Дорофеенко [Дорофеенко, 2020] и др. описываются особенности внутригородской ономастики.

При изучении названий городских объектов выделяют следующие группы: названия плоскостных объектов – районов, микрорайонов, жилых комплексов города; названия линейных объектов внутри города – бульваров, проспектов, улиц, переулков, тупиков; названия государственных учреждений и коммерческих предприятий; названия объектов, связанных с городским транспортным сообщением; названия сооружений, памятников и домов.

Рассмотрим различные семантические классификации урбанонимов. А.М. Мезенко описывает семантические особенности белорусских урбанонимов и создает лексико-семантическую классификацию названий внутригородских объектов. На основе тематического анализа основ урбанонимов ею были выделены такие принципы номинации: «по отношению к другому

значимому объекту» (улица *Глебо-Борисовская, Заречная, Несвижская, переулок Школьный Пожарный*, *1-й Брестский*) [Мезенко, 1991, *23*]; «по связи внутригородского топографического объекта с человеком» (улица *Литовская*, *Кузнецкая*, *Химиков*, *Ленина*, *Буйницкого*) [Мезенко, 1991, *24*]; «по присущим объекту свойствам и качествам» (улица *Кривая*, *Новая*, *Голубая*, *Вербовая*, *Журавлиная*, парк *Роскошь*) [Мезенко, 1991, *26*]; «по связи объекта с абстрактным понятием» (улица *Майская*, *Коммунистическая, Осенний* переулок) [Мезенко, 1991, *26*].

Г.П. Смолицкая выделяет пять принципов, по которым происходит номинация городских объектов: по направлениям дорог, ведущих в другие города (улица *Большая Тульская, Большая Ордынка, Дмитровское, Владимирское, Волоколамское* шоссе); по антропонимам (улица *Ануровская, Башиловская,* переулок *Шуйский*, *Мануков, Кучково поле*); по профессиональной и ремесленной ориентированности населения (улица *Бронная, Пушечная, Таганская, Лучников* переулок); по названиям церквей и монастырей (улица *Никольская, Ильинская, Преображенская* площадь), по внешним и географическим особенностям (*Великий* посад, переулок *Сивцев Вражек*, улица *Левобережная*, *Лиственничная* аллея) [Смолицкая, 1991, *19–22*].

М.В. Горбаневский первым проанализировал систему русских урбанонимов. Он всесторонне изучил городские объекты около 30 городов, находящихся в России, в ее Европейской части, описал основные модели образования названий, развил понятие урбанонима как многопланового свернутого текста, сформулировал принципы, по которым затем составил компьютерный словарь названий улиц [Горбаневский, 1996].

Е.В. Барановой была разработана классификация урбанонимов, в которой в зависимости от их роли в культурном пространстве города выделяют семь функциональных групп: физико-географическая *(Подъяченская, Гаврюшенская, Дубовая* улицы), агионимическая (*Знаменская, Петропавловская, Крестовоздвиженская* улицы), дороги в другие города (*Большая Астраханская, Уральская, Саратовская* улицы*)*, слободы, антропонимический признак (*Носовская, Булгаковская, Ерофеевская* улицы), условная локализация (улицы *Долгая, Рубежная*), функциональная нагрузка урбанонима (*Дворянская*, *Семинарская, Базарная, Скотобойная, Мещанская*) [Баранова, 2011, *170*].

Б.Н. Перлин указывал, что первые смоленские улицы появились на рубеже X–XI веков вокруг Соборного холма на территории западного (современная улица *Парижской Коммуны*) и восточного (современная улица *Красный Ручей*) логов. Подняться на Соборный холм с востока можно было по современной *Школьной* улице. Также древнейшими являются улицы *Зеленый ручей*, *Пятницкий ручей* и *Армянская, Духовская*, *Окопная* улицы, составляющие современную улицу *Соболева*. Вдоль оборонительного вала шли улицы *Большая Воскресенская* (*Войкова*) и *Георгиевская* (*Фурманова*). Не стоит забывать и о

том, что Смоленск находился на пересечении торговых путей: улицы *Молоховская*, *Большая Проезжая* (часть современной *Студенческой* улицы), *Соборная гора* тоже можно отнести к древним. В начале XVIII века в Смоленске было 46 переулков и 15 улиц в соответствии с картой генерального межевания, к 1881 году их количество возросло до 135, а в 1917-м, по подсчетам А. Трофимова, их количество достигало 160 [Перлин, 2002, *38–41*].

Для описания мы выбрали улицы, которые находились внутри построенной в конце XVI – начале XVII века крепостной стены (то есть в границах древнего города). Это 45 наименований улиц и переулков, для которых было найдено соответствие между дореволюционными и современными названиями. Материал для исследования мы нашли на планах города Смоленска 1903 и 1915 годов и на Яндекс-картах (современные названия улиц). Если сравнивать современное и древнее деление улиц на части, можно увидеть, что некоторые современные улицы включают в себя не одну, а несколько улиц старого города: улица *Соболева* включает в себя *Армянскую, Духовскую и Окопную* улицы, а *Большая Советская* (*Большая Благовещенская*) улица состоит из *Молоховской* улицы и *Троицкого* шоссе.

Опираясь на классификацию А.М. Мезенко и используя в качестве источников современные карты и карты начала XIX века, можно выделить принципы номинации линейных городских объектов в древнем и старом Смоленске.

По названиям храмов, монастырей, религиозных символов: улица *Соборная Гора, Ильинская, Новая Воскресенская, Большая Казанская, Большая Благовещенская, Большая Воскресенская, Спасская, Большая Вознесенская, Малая Вознесенская, Георгиевская*, *Большая Одигитриевская, Богословская, Авраамиевская, Никольская, Покровская, Духовская, Кирочная, Митропольская, Нижнемитропольская, Верхнемитропольская, Казанский* переулок*, Верхне-Казанский* переулок*, Георгиевский* переулок, *Средне-Георгиевский* переулок, *Верхне-Георгиевский* переулок, *Покровский* переулок, *Митропольский* переулок, *Троицкое* шоссе.

По деятелям той или иной эпохи: улица *Годуновская, Николаевская* (правители государства); улица *Большая Энгельгардтовская, Малая Энгельгардтовская (военные)*; улица *Пушкинская* (писатели и поэты).

По социально значимому объекту, находящемуся на улице: улица *Кадетская, Королевская, Почтамтская, Большая Дворянская, Малая Дворянская, Сенная* площадь, *Провиантский* переулок.

По названию географических объектов: улица *Зеленый Ручей, Георгиевский (Егорьевский) Ручей*, *Верхне-Пятницкая, Родницкая, Вознесенская гора, Козловский* переулок (по *Козловской* горе).

Национальный признак отразился в следующих названиях улиц дореволюционного Смоленска: *Армянская, Немецкая (Славянская)*. В современном городском центре улиц с такой мотивировкой наименования не обнаружено.

По дороге, ведущей в другой город, в дореволюционном Смоленске называлась только *Старо-Петербургская (Старо-Петроградская, Старо-Ленинградская)* улица. В историческом центре современного Смоленска таких наименований обнаружено не было.

В дореволюционной России улицы редко меняли свои названия, а после революции переименования приобрели регулярный характер. О топонимии революционной эпохи А.М. Селищев писал: «Чем глубже происходящие процессы в общественно-экономической и политической жизни страны, тем сильнее сдвиги в топонимии, как и в других областях языковой деятельности. Многочисленные новые наименования населенных пунктов, появившиеся после Октября, ярко отражают содержание своей эпохи» [Селищев, 1968, *88–89*]. Первое переименование смоленских улиц произошло в июле 1920 года. По постановлению Президиума уездно-городского исполкома улица *Большая Энгельгардтовская* стала улицей *Краснознаменной, Николаевская* – улицей *Малой-Университетской, Верхне-Пятницкая* превратилась в улицу *Смирнова.* А 16 июня 1932 года в газете «Рабочий путь» был напечатан список из 146 улиц, переименованных в «революционные», согласно постановлению городского совета от 23 мая 1932 года. Следует выделить такие причины переименования улиц в послереволюционный период, как стремление увековечить имя вождя и лидеров революции в названиях улиц города (улица *Ленина, Сталина*); наличие в названии улицы «царского» элемента (*Николаевская* и *Королевская* улицы); связь названия с религиозным объектом (улица *Большая Одигитриевская*, улица *Георгиевский Ручей*, улица *Богословская*); появление элемента *Красный* с революционным значением (улица *Большая Краснофлотская*, улица *Красный Ручей*). В мае 1991 года часть дореволюционной *Верхне-Пятницкой* улицы была переименована в улицу *Кирилла и Мефодия*, а часть улицы *Красногвардейской*, до революции называвшейся *Авраамиевской*, была переименована в 1997 году в честь Барклая-де-Толли, героя Отечественной войны 1812 года.

Рассмотрим самые интересные, с нашей точки зрения, переименования улиц центральной части Смоленска.

Блонная – Кирочная – Пушкинская – Ленина улица.

Блонная улица считается одной из самых старых смоленских улиц, потому что в древности (во времена Смоленского княжества) здесь проходил оборонительный вал древнего города. В XV веке эта территория оказалась внутри города, на картах XVIII века было зафиксировано ее название – *Блонная* [Перлин, 2002, *114*]. Улица не была важным транспортным объектом и оканчивалась тупиком. В толковом словаре В.И. Даля приводится определение слова, от которого образовалось название улицы: «Блонье – ср. стар. ближайшая окружность города, предместье, слобода. Блонье – зап. низменная луговая равнина у реки или озера; выгон, толока, поскотина» [Даль, 1880, т. I, *100*]. Оба варианта толкования названия улицы кажутся нам подходящими, поскольку

в древности это место являлось городской границей, а позже в конце улицы было пастбище для скота.

В 1859 году на левой стороне улицы построили лютеранскую кирху в честь Иисуса Христа, а в 1860 (по другим источникам – в 1869) году улица была переименована по кирхе, находящейся на ней, то есть религиозный объект, находящийся на улице, дал ей название. «Кирка, кирха – ж. немецк. протестантская, лютеранская церковь» [Даль, 1881, т. II, *110*]. С немецкого языка на русский это слово переводится как номенклатурный термин «церковь». Интерес вызывает то, что, когда улица получает имя в честь православного храма, находящегося на ней (*Большая Одигитриевская* улица по церкви *Иконы Божией Матери Одигитрия*), она получает имя праздника, иконы или святого, а если мотивацией для номинации является иностранный номенклатурный термин (кирха), то названием улицы становится именно он.

В 1899 году отмечалось столетие со дня рождения А.С. Пушкина и в честь этого события самая популярная пешеходная улица города была переименована в *Пушкинскую.*

В 1924 году после смерти В.И. Ленина, вождя революции, эту улицу, как центральную, переименовали в его честь. «*Ленин (Ульянов) Владимир Ильич* (1870–1924) – российский политический деятель. Возглавил фракцию большевиков в 1903 году. Руководил вооруженным восстанием в Петрограде в 1917 году. В своих политических статьях обосновал создание партии профессиональных революционеров, перерастание буржуазно-демократической революции в России в социалистическую» [Улицы Смоленска…, 2008, *104*].

Можно сделать вывод, что улица так часто подвергалась переименованиям по причине ее географического расположения в центральной части города. Первоначальная мотивация названия связана с близостью улицы к городскому оборонительному сооружению, затем появляется связь с объектом на ней, впоследствии в названии одной из центральных улиц города увековечивают память людей, сделавших что-то масштабное для истории и культуры страны.

Годуновская – Кадетская – Большая Дворянская – Большая Пролетарская – Социалистическая – Сталина – Коммунистическая улица.

Годуновская улица получила свое имя в XVI веке по фамилии Бориса Годунова, который был царем Московского государства в Смутное время. По легенде, когда в городе возводили каменную крепостную стену, Годунов, как инициатор строительства защитного сооружения, приезжал в Смоленск. На этой улице находился его дворец.

В 1807 году на улице было построено здание Смоленского кадетского корпуса, военного учебного заведения, по которому часть улицы получила свое новое название – *Кадетская.*

Другая часть этой улицы была расположена вдоль сада М.И. Глинки и получила наименование *Большая Дворянская* по названию одного из сословий дореволюционной России. «*Дворянин* – это придворный, знатный гражданин на службе при государе, чиновник при дворе» [Даль, 1880, т. I, *435*]. Компонент названия *Большая* говорит о значении этой улицы в городском пространстве, а не о ее размерах. На ней находились различные учебные заведения и органы государственного управления. После революции улица была переименована в *Большую Пролетарскую*, что подчеркнуло особую роль в развитии нового государства простых рабочих людей – пролетариата. Возможно, причиной переименования послужило и то, что слово «кадетская» отсылало к названию партии кадетов, а у власти в тот момент находилась партия большевиков.

В 1918 году вся улица целиком была переименована в *Социалистическую,* но в 20-х годах XX века ее называют уже улицей *Сталина.* Решением горисполкома № 750 от 11 октября 1961 года после кампании по развенчанию культа личности Сталина улица была переименована в *Коммунистическую.*

Можно назвать две причины, легшие в основу переименования этой улицы. Во-первых, при строительстве на улице какого-либо социально значимого объекта ее название изменялось. Во-вторых, причиной переименования стало изменение государственного строя страны.

Авраамиевская – Красногвардейская – Маршала Жукова улица.

Авраамиевская улица активно использовалась для поездок. Начиналась она от *Спасо-Преображенского Авраамиевского* монастыря, доходила до *Авраамиевской* башни крепостной стены, в которой были ворота, и шла дальше. Улица появилась в середине XVI века и могла называться *Годуновской* или *Московской* (по направлению на Москву) [Перлин, 2002, *119*]. В XVII веке на этой территории был построен новый монастырь в честь *Авраамия Смоленского*, святого XIII века, бывшего первым просветителем города и игуменом древнего монастыря. Улица получила свое название по находящемуся на ней монастырю.

После революции улица была переименована в *Красногвардейскую* в связи с тем, что все соотносимые с религиозными объектами названия упразднялись. Название происходит от словосочетания *Красная гвардия* в значении «боевые отряды рабочих, организованные большевистской партией в 1917–1918 гг.» [Ожегов, 1985, *110*].

15 октября 1982 года решением горисполкома № 610 улица *Красногвардейская* была переименована в улицу *Маршала Жукова*, военного и политического деятеля Советского Союза. Переименование улицы мотивировано тем, что свою военную карьеру Г.К. Жуков начинал в Белорусском военном округе, жил в Смоленске и первую крупную победу во время Великой Отечественной войны одержал на смоленской земле под Ельней.

Опираясь на принципы описанной нами классификации названий дореволюционных улиц Смоленска, составим классификацию наименований современных улиц.

1. По названиям храмов, монастырей, религиозных символов: улица *Соборная Гора* – по *Успенскому собору*, находящемуся на ней. Название осталось таким же, каким было в древности.

2. По деятелям и символам эпохи:

а) лидеры и значимые фигуры Октябрьской Революции: улица *Ленина (Пушкина), Карла Маркса (Королевская), Воровского (Пятницкий Ручей), Ногина (Николаевская), Бакунина (Большая Казанская), Дзержинского (Большая Энгельгардтовская), Красина (Малая Энгельгардтовская), Соболева (Армянская), Войкова (Большая Воскресенская),* переулок *Воровского (Провиантский) 1-й Перовский (Верхне-Казанский)*;

б) символы советской эпохи: улица *Большая Советская (Большая Благовещенская), Октябрьской Революции (Ильинская), Коммунистическая (Годуновская), Парижской Коммуны (Резницкая / Родницкая), Реввоенсовета (Спасская), Большая Краснофлотская (Богоявленская),* переулок *Реввоенсовета (Георгиевский), 1-й Перовский (Верхне-Казанский)*;

в) военные деятели: улица *Барклая-де-Толли (Авраамиевская), Маршала Жукова (Авраамиевская), Тухачевского (Никольская)*;

г) писатели, музыканты, художники: улица *Беляева (Старо-Петербургская)*, *Глинки (Большая Дворянская), Коненкова (Почтамтская), Маяковского (Малая Дворянская), Фурманова (Георгиевская),* переулок *Фурманова (Георгиевский), Средне-Фурмановский (Средне-Георгиевский), Верхне-Фурмановский (Верхне-Георгиевский)*;

д) ученые и естествоиспытатели: улица *Козлова (Малая Вознесенская), Кирилла и Мефодия (Верхне-Пятницкая), Пржевальского (Большая Вознесенская), Докучаева (Большая Одигитриевская), Тимирязева (Покровская);* 1-й переулок *Тимирязева (Покровский)*.

3. По социально значимому объекту, находящемуся на улице: улица *Металлистов (Нижнемитропольская), Студенческая (Немецкая), Школьная (Верхнемитропольская), Мало-Школьная (Митропольская), Верхне-Сенная (Сенная* площадь*);* переулок *Мало-Школьный (Митропольский), Рабочий (Козловский)*.

4. По названию географических объектов: улица *Зеленый Ручей, Красный Ручей (Георгиевский / Егорьевский Ручей)*.

Можно сделать вывод, что для древних смоленских улиц самым продуктивным принципом номинации было отношение к другому значимому объекту, поэтому мотивацией называния улиц очень часто становились названия храмов и монастырей, которые располагались на этих улицах. Для современных улиц города основным мотивом номинации является связь внутригородского топографического объекта с человеком.

Нельзя считать универсальной ни одну из классификаций для всех типов топонимического материала сразу, так что «создание единой универсальной схемы, отвечающей разнообразным требованиям, представляется маловероятным» [Мурзаев, 1979, *87*]. Материал, который ложится в основу любой топонимической классификации, требует особого подхода. Наша классификация урбанонимов помогает найти соответствие между историческими названиями улиц и их современными наименованиями.

ЛИТЕРАТУРА

Асанов А.Ю. Урбанонимия города Тамбова в лингвокогнитивном аспекте: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2015. 26 с.

Баранова Е.В. Формирование городской социально-культурной среды и динамика топонимикона русского провинциального города в XVIII – начале XX в. (на материале городов Тамбовской губернии) // Социально-экономические явления и процессы. Международный журнал. 2011. № 9. С. 169–173.

Бондалетов В.Д. Русская ономастика: уче6. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и литература». М.: Просвещение, 1983. 224 с.

Горбаневский М.В. Русская городская топонимия: методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей. М.: РУДН, 1996. 304 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб., 1880–1882.

Дорофеенко М.Л. Городское ономастическое пространство: основные компоненты (на материале внутригородских названий белорусского и французского городов) // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова. 2020. Т. 31. С. 148–151.

Картавенко В.С. Становление русской топонимической системы: проблемы историко-лингвистического исследования. Ч. 2: Топонимия периода русского национального языка: монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2010. 194 с.

Мезенко А.М. Урбанонимия Белоруссии: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Минск, 1991. 34 с.

Мурзаев Э.М. География в названиях. М.: Наука, 1979. 168 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 17-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985. 797 с.

Перлин Б.Н. Смоленск и его улицы. Историко-географические очерки. Смоленск: Смядынь, 2002. 182 с.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 187 с.

Поспелов Е.М. Крушение мифа: Создание и крах топонимической Ленинианы // Топонимия России. М., 1993. С. 3–9.

Разумов Р.В. Система урбанонимов русского провинциального города конца XVIII–XX веков: на примере Костромы, Рыбинска и Ярославля: дис. … канд. филол. наук. Ярославль, 2003. 193 с.

Смолицкая Г.П. История формирования топонимики Москвы // Географические названия в Москве. (Вопросы географии. Сб. 126). М.: Мысль, 1991. С. 12–23.

Суперанская А.В. Типология именования внутригородских объектов Москвы // Географические названия в Москве. (Вопросы географии. Сб. 126). М.: Мысль, 1985. С. 160–170.

Супрун В.И. Исчезнувшие названия улиц Волгограда // Исторические названия – памятники культуры: тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. М., 1989. С. 118–119.

Супрун В.И. Возникновение урбанонимического пространства и его формирование в античном мире // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Пед. науки. Филол. науки. Ист. науки. 2015. № 6(101). С. 95–100.

Селищев А.М. Из старой и новой топонимии // Избранные труды. М.: Просвещение. 1968. С. 45–96.

Улицы Смоленска: библиогр. справочник / сост. О.В. Назарова. Смоленск: [б.и.], 2008. 227 с.

D.N. Smirnova
Assistant Lecturer,
Chair of the Russian language,
Russian Federation Army Air Defense Military Academy
named after the Marshal of the Soviet Union A.M. Vasilevsky
Smolensk, Russia

Classifications of the Names of Smolensk Streets

The article deals with two classifications of urbanonyms of the city of Smolensk in view of historical periods of the Russian state formation, and taking into account internal units included in the urbanonymic field.

In the ancient classification, the names of intracity objects are divided according to the principle of referring them to another significant object (as a rule, it was a church) or according to the principle of naming an object by the name of a famous person, usually by the name of a saint.

In the modern classification, the principle has changed. Most of the renamed streets started to be called by the names of revolutionary figures, leaders of the Russian and world proletariat, by significant revolutionary events.

The classification of regional urbanonyms is important due to the fact that every onym is a cultural constant from the point of view of linguistics and reflects the peculiarities of the linguistic picture of the world of both an individual and society as a whole. For the streets of the city in the period from the 17th to the beginning of the 20th century, renaming is not typical; after the revolution, the names were changed regularly.

The relation to another significant object (temple, monastery) was the most productive principle of nomination for the streets of ancient Smolensk. The main motive for the nomination of modern streets is their connection with people.

Key words: *proper name; toponym; official toponym; urbanonym; urbanonymy; classification of title.*

REFERENCES

Asanov A.Iu. Urbanymy of the city of Tambov in the linguo-cognitive aspect. [Urbanimiia goroda Tambova v lingvokognitivnom aspekte]. Abstrac of dissertation … candidate of Philological Sciences. Tambov, 2015. 26 p. (in Russian).

Baranova E.V. Formation of the urban socio-cultural environment and the dynamics of the toponymicon of a Russian provincial town in the 18th – early 20th centuries (on the material of the cities of the Tambov province) [Formirovanie gorodskoi sotsial'no-kul'turnoi sredy i dinamika toponimikona russkogo provintsial'nogo goroda v XVIII – nachale XX v. (na materiale gorodov Tambovskoi gubernii)]. *Socio-economic phenomena and processes. International Journal*, 2011. No. 9, pp. 169–173 (in Russian).

Bondaletov V.D. Russian onomastics: study guide for students of pedagogical institutes, speciality. No. 2101 «Russian and literature». [Russkaia onomastika: ucheb. posobie dlia studentov ped. in-tov po spets. № 2101 «Rus.iaz. i literatura»]. Moscow: Education, 1983. 224 p. (in Russian).

Gorbanevskii M.V. Russian urban toponymy: methods of historical and cultural study and creation of computer dictionaries [Russkaia gorodskaia toponimiia: metody istoriko-kul'turnogo izucheniia i sozdaniia komp'iuternykh slovarei]. Moscow: RUDN, 1996. 304 p. (in Russian).

Dal' V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes [Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka: v 4 tom.]. St. Petersburg, 1880−1882. (in Russian).

Dorofeenko M.L. Urban onomastic space: main components (based on intracity names of Belarusian and French cities) [Gorodskoe onomasticheskoe prostranstvo: osnovnye komponenty (na materiale vnutrigorodskikh nazvanii belorusskogo i frantsuzskogo gorodov)]. *Scientific notes of the Educational Institution VSU named after. P.M. Masherova*. 2020. Vol. 31. pp. 148–151 (in Russian).

Kartavenko V.S. Formation of the Russian toponymic system: problems of historical and linguistic research. Part 2. Toponymy of the period of the Russian national language [Stanovlenie russkoi toponimicheskoi sistemy: problemy istoriko-lingvisticheskogo issledovaniia. Chast' 2. Toponimiia perioda russkogo natsional'nogo iazyka]. Monograph. Smolensk: Smolensk State Universiy, 2010. 194 p. (in Russian).

Mezenko A.M. Urbanonymy of Belarus [Urbanonimiia Belorussii]. Abstract of dissertation ... doctor of Philological Sciences. Minsk, 1991. 34 p. (in Russian).

Murzaev E.M. Geography in titles [Geografiia v nazvaniiakh]. Moscow: Nauka, 1979. 168 p. (in Russian).

Perlin B.N. Smolensk and its streets. Historical and geographical essays [Smolensk i ego ulitsy. Istoriko-geograficheskie ocherki]. Smolensk: Smyadyn, 2002. 182 p. (in Russian).

Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language: approx. 57,000 words [Slovar' russkogo iazyka: ok. 57 000 slov]. Edited by the corresponding member of the USSR Academy of Sciences N.Yu. Shvedova. The 17th edition, stereotyped. Moscow: Russian language, 1985. 797 p. (in Russian).

Podol'skaia N.V. Dictionary of Russian onomastic terminology [Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii]. Moscow: Nauka, 1978. 187 p. (in Russian).

Pospelov E.M. The collapse of the myth: The creation and collapse of the toponymic Leniniana [Krushenie mifa: Sozdanie i krakh toponimicheskoi Leniniany]. Toponymy of Russia. Moscow, 1993. pp. 3–9 (in Russian).

Razumov R.V. The system of urbanonyms of a Russian provincial town of the late 18th-20th centuries: on the example of Kostroma, Rybinsk and Yaroslavl [Sistema urbanonimov russkogo provintsial'nogo goroda kontsa XVIII–XX vekov: na primere Kostromy, Rybinska i Iaroslavlia]. Dissertation … candidate of Philological Sciences. Yaroslavl, 2003. 193 p. (in Russian).

Smolitskaia G.P. The history of the formation of the toponymy of Moscow [Istoriia formirovaniia toponimiki Moskvy]. Geographical names in Moscow (Questions of geography. Collection 126). Moscow: Thought, 1991. pp. 12–23 (in Russian).

Superanskaia A.V. Typology of naming intracity objects in Moscow [Tipologiia imenovaniia vnutrigorodskikh ob"ektov Moskvy]. Geographical names in Moscow (Questions of geography. Collection 126). Moscow: Thought, 1985. pp. 160–170 (in Russian).

Suprun V.I. Disappeared street names of Volgograd [Ischeznuvshie nazvaniia ulits Volgograda]. Historical names − monuments of culture: abstracts of reports of the All-Union scientific conference. Moscow, 1989. pp. 118–119 (in Russian).

Suprun, V.I. The emergence of urbanonymic space and its formation in the ancient world [Vozniknovenie urbanonimicheskogo prostranstva i ego formirovanie v antichnom mire]. *Issues of Volgograd State Pedagogical University. Ped. Sciences. Philol. Sciences. East Sciences*. 2015. No. 6 (101). pp. 95–100 (in Russian).

Selishchev A.M. From the old and new toponymy [Iz staroi i novoi toponimii]. Selected Works. Moscow: Enlightenment. 1968, pp. 45–96 (in Russian).

Streets of Smolensk [Ulitsy Smolenska: bibliogr. spravochnik]. Bibliogr. directory. Compiled by V. Nazarova. Smolensk: [b.i.], 2008. 227 p. (in Russian).

В.В. Кучер

Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия

УДК 811.111-26

DOI 10.35785/2072-9464-2023-64-4-143-156

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КИНЕМАТОГРАФИЧНОСТИ В РЕПРОДУКТИВНОМ РЕГИСТРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Ключевые слова: *коммуникативные регистры речи; репродуктивный регистр; художественный текст; кинематографичность; кинематографический эффект.*

Статья посвящена изучению кинематографического эффекта в репродуктивном регистре англоязычного художественного текста. Раскрывается сущность кинематографичности художественной прозы как построение текста на основе монтажной техники композиции, то есть использование определенных композиционно-синтаксических средств, с помощью которых достигается фрагментарность, прерывность изображения и создается динамическая ситуация наблюдения. Кинематографичность текста, обеспечивающую достоверность изображаемого, максимальное приближение к действительности, следует считать скорее языковым отражением естественного процесса восприятия и интерпретации информации, нежели заимствованием приемов кино с целью создания большей наглядности. Раскрывается содержание понятия и характерные признаки репродуктивного регистра художественного текста как модели представления событий, где говорящий описывает наблюдаемое в момент речи в длительности и последовательности действий, через воспринимаемые органами чувств впечатления. Приводится анализ языковых средств создания кинематографического эффекта в репродуктивном регистре художественного текста. Особое внимание автор уделяет языковым средствам, с помощью которых в тексте репрезентируются процессы восприятия, протекающие в разных модальностях (тактильной, температурной, аудиальной, визуальной, вкусовой), а также роли данных языковых средств в создании кинематографического эффекта в репродуктивном регистре художественного текста. Автор приходит к выводу, что использование репродуктивного регистра продиктовано жанровыми особенностями исследуемого материала, так как способ репрезентации событий в репродуктивном регистре в наибольшей мере способствует передаче динамичного характера точки зрения перцептора, созданию эффекта непосредственного присутствия читателя при описываемых событиях, то есть кинематографического эффекта.

В настоящее время распространенным считается взгляд на текст как на диалог автора и читателя, где читатель является равноправным создателем, соавтором текста. По словам В.С. Библера, «текст существует как граница встречающихся реплик... направленных друг к другу речей (спрашивающих, отвечающих, соглашающихся, сомневающихся). Как смена ответного говорения и внимающего слушания» [Библер, 1991, *URL*]. Идея диалогичности как неотъемлемой черты текста была высказана М.М. Бахтиным в концепции диалогизма. Диалогичность, согласно М.М. Бахтину, это особая форма взаимодействия между равноправными и равнозначными сознаниями [Бахтин, 1979]. Текст может быть истинно понят лишь в контексте диалогических отношений, так как в высказывании всегда присутствует начало «ответа» другого человека, другой личности. Текст – это всегда диалог. «Второй собеседник присутствует незримо, его слов нет, но глубокий след этих слов определяет все наличные слова первого собеседника. Мы чувствуем, что это беседа, хотя говорит один, и беседа напряженнейшая, ибо каждое наличное слово всеми своими фибрами отзывается и реагирует на невидимого собеседника, указывает вне себя, за свои пределы, на несказанное чужое слово» [Бахтин, 1975, *60*].

О диалогичности текста как черте хорошей литературы свидетельствуют вовлеченность и активная позиция читателя. По мнению С. Пинкера [Pinker, 2014], хороший автор *показывает*, заставляет читателя замедлить чтение, задуматься и попытаться вообразить описываемое в тексте, оставляет за читателем возможность представлять и интерпретировать: «Good writing is understood with the mind's eye. The unusual description… forces the reader to pause and conjure a mental image of the act rather than skating over a verbal summary. ... (the authors) write as if they have something important to say. But no, that doesn't capture it. They write as if they have something important to show» / Произведение, написанное хорошим слогом, предстает внутреннему взору читателя. Оригинальное описание не даст читателю скользить по тексту: он будет вынужден остановиться и мысленно воссоздать этот образ. ... (авторы) пишут так, словно хотят сказать что-то важное. Нет, не совсем верно. Они пишут так, словно есть что-то важное, что они хотели бы показать (*перевод наш. – В. К.*) [Pinker, 2014, *2*].

В этой связи актуальным становится рассмотрение средств и приемов, составляющих текст, открытый интерпретации, и задействующих в первую очередь образное, а не словесно-логическое мышление. Одним из подобных приемов является кинематографичность, которую можно рассматривать как ключевую характеристику репродуктивного регистра речи. Репродуктивный регистр речи, представляющий собой модель языковой репрезентации непосредственно воспринимаемых различными модальностями событий и ситуаций, способствует созданию эффекта присутствия,

иллюзии сиюминутности, являющихся основой кинематографичности художественного текста [Золотова, 2004; Кошикова, 2016; Маркова, 2017; Можаева, 2006; Фомина, 2010]. Изучение коммуникативных регистров речи в отечественном языкознании проходит преимущественно на материале русского языка: коммуникативные регистры в англоязычных текстах анализировались в меньшей мере, чем, на наш взгляд, обусловлена актуальность и новизна исследуемого материала.

Цель настоящего исследования – выявление языковых средств и структурно-темпоральных особенностей репродуктивного регистра англоязычного художественного текста, способствующих созданию эффекта кинематографичности. В соответствии с целью исследования в статье решаются такие задачи, как выявление языковых средств создания кинематографического эффекта в репродуктивном регистре англоязычного художественного текста; структурно-темпоральных особенностей художественного текста, принадлежащего репродуктивному регистру речи; возможностей использования репродуктивного регистра как модели репрезентации событий при создании кинематографичности художественного текста. Методами исследования являются контекстуальный анализ, метод семантического анализа и интерпретации языковых фактов.

Выбор материала продиктован особенностями авторского стиля англоязычных писателей-кинематографистов, что позволяет выявить различные техники создания и возможности использования кинематографического эффекта при создании репродуктивного регистра художественного текста.

Результаты исследования могут быть использованы при стилистическом анализе и интерпретации англоязычного художественного текста, в чем заключается практическая значимость исследования.

Понятие коммуникативного регистра или коммуникативного типа речи предложено Г.А. Золотовой [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004] в связи с концепцией коммуникативно-функциональной грамматики и позволяет определить принципы и закономерности отбора говорящим языковых средств в конкретной коммуникативной ситуации. Регистр речи – это «модель речевой деятельности, обусловленная точкой зрения говорящего и его коммуникативного намерения, представляющая собой результат семантического согласования значимых единиц различных уровней» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004, *25*].

Различаются две основные модели представления действительности и соответствующие им регистры речи – информативный и репродуктивный. Коммуникативной целью информативного регистра является сообщение фактов без привязки к конкретному месту, времени или событию – это результат логических заключений на основе опыта, наблюдений, узуса [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004, *30*]. Информативному регистру речи противопоставляется репродуктивный или изобразительный, коммуникативная

цель которого – воспроизведение в речи непосредственно наблюдаемого. Говорящий описывает реально наблюдаемое в момент речи в длительности и последовательности действий, через воспринимаемые органами чувств впечатления, находясь при этом в реальности или в воображении – «в хронотопе происходящего» [Роговнева, 2019, *553*]. В репродуктивном регистре может быть представлена как динамическая смена, так и статическая одновременность событий [Сидорова, 1997], что находит отражение в репродуктивно-повествовательном и репродуктивно-описательном подвидах регистров, где репродуктивно-повествовательный регистр образует сюжет повествования, а репродуктивно-описательный служит его фоном.

Регистр речи – это не сугубо текстовая категория, его можно рассматривать и как категорию мышления, «модель видения действительности, существующую в сознании говорящего» [Роговнева, 2019, *553*], которая определяет языковой облик текста в соответствии с коммуникативной ситуацией и, напротив, позволяет определять особенности восприятия действительности на основании выбора языковых средств при построении текста. Принадлежность высказывания к тому или иному регистру речи обусловлена позицией автора. Выбирая языковые средства выражения ситуации, автор определяет пространственно-временную привязку содержания, отраженного в тексте. Так, в репродуктивном регистре автор действует как «наблюдатель, который переносит читателя в свой “наблюдательный пункт” и вовлекает его в совместное видение рисуемой картины» [Полупан, 2010, *111*]. Говоря о роли автора в выборе речевых средств, Г.А. Золотова сравнивает его с кинооператором, который стремится запечатлеть изображаемое с разных точек зрения, и в то же режиссером, «отбирающим и монтирующим кадры» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004, *23*], создающим иллюзию погружения в повествование, что является основой кинематографичности художественного текста.

Литературная кинематографичность понимается как построение текста на основе монтажной техники композиции, то есть использование определенных композиционно-синтаксических средств, с помощью которых достигается фрагментарность, прерывность изображения и создается динамическая ситуация наблюдения [Фомина, 2010]. Исследователи кинематографичности текста [Кошикова, 2016; Маркова, 2017; Можаева, 2006; Фомина, 2010] подчеркивают, что текст, построенный с использованием кинематографических приемов, отличается зримостью и динамичностью. Кинематографичность текста обеспечивает наибольшую достоверность изображаемого, максимальное приближение к действительности, точность и конкретику, а также устранение возможности двоякого толкования и минимизацию когнитивных усилий реципиента, что связывается в числе прочего с особенностями современного так называемого клипового мышления. Данный взгляд имеет под собой определенные основания. С самого момента появления кинематографа между кино и

литературой установился своего рода диалог: писатели стали активно экспериментировать и применять в своих произведениях такие кинематографические элементы, как стратегии монтажа, ограниченная точка зрения и сценическая композиция [Seed, 2009]. Литература также заимствовала «стоп-кадры», чередование планов (общий, крупный, средний), замедленную или ускоренную съемку, наплывы, «наезды» камеры, обратную прокрутку кадров [Маркова, 2017, *132–136*], рассказчика, действующего как оператор, переключающий перспективу с одного персонажа на другого, внутрикадровую перспективу – переключение с высоты птичьего полета на крупный план и многое другое. Кинематографичность художественного текста является результатом синтеза кино и литературы, когда характерные для кинематографа приемы творчески осмысливаются и переносятся в литературу, выявляя ее скрытые резервы [Можаева, 2005; Фомина, 2010]. Так, одним из результатов синтеза литературы и кино является заимствование одного из важнейших элементов кинематографа – эффекта присутствия. Повествование строится на основе приема монтажа, включающего «динамичную точку зрения перцептора» [Фомина 2010, *153*] Так же как и в фильме, читатель видит происходящее с того ракурса, в том временном плане и с той степенью приближения, которые были заданы «оператором» и «режиссером» текста, то есть его автором [Можаева, 2006].

Есть основания утверждать, что кинематографичность как способ представления событий имеет более глубокие корни, чем сам кинематограф. Так, режиссер театра и кино, теоретик искусства С.М. Эйзенштейн утверждает, что монтажная структура, фрагментарность повествования, свободное владение временем повествования присутствуют, например, в произведениях русских классиков XIX века [Эйзенштейн, 1968]. Кинематографичность не следует трактовать как механическое перенесение приемов кино в литературу, использовать киноприемы в литературе – «это все равно, как пытаться воспроизвести движения собственного отражения, увиденного в зеркале… это приемы обратно из вторых рук» [Эйзенштейн, 1968, *URL*]. По словам профессора кинематографа и писательницы С. Козлофф, кинематограф, как и литература, опирается на существующие традиции нарратива, отражающие человеческое восприятие: фильмы лишь придали форму и выделили уже существующие традиции: «After all, film and literature both rely on human perception and narrative traditions; movies may just have named and emphasized pre-existing aspects of storytelling» / В конечном счете как кинематограф, так и литература опираются на человеческое восприятие и традиции нарратива; в фильмах всего лишь было названо и выделено то, что уже существовало в традиции устных сказаний (*перевод наш. – В. К.*) [Kozloff, 2020, *URL*].

В качестве материала исследования кинематографичности, в частности способов создания кинематографического эффекта в репродуктивном регистре художественного текста, нами было выбрано творчество одного из ярких представителей кинематографической прозы XX века, американского

писателя Дж. Стейнбека. Популярными среди широкого круга читателей являются его экспериментальные пьесы-новеллы «Of Mice and Men» и «The Moon is Down», однако третьей его попытке – «Burning Bright» – не уделяется достаточно внимания. «Burning Bright» – это современное моралите, история, которая, по замыслу автора, нашла бы отклик у каждого, о чем, в частности, говорит первый вариант ее названия «Everyman».

Пьеса-новелла задумывалась Дж. Стейнбеком как жанр, который с большей вероятностью найдет читателя и будет поставлен на сцене, так как не требует серьезной адаптации [Steinbeck, 1950]. Тем не менее эта форма накладывает и определенные ограничения: ее действие очерчено пространством сцены и длительностью спектакля, поэтому оно должно быть непосредственным, динамичным, а драматическая развязка раскрывается исключительно самими персонажами, что предопределяет кинематографичность повествования и задает его регистровые характеристики. Динамичность действия в пьесе-новелле создается монтажом фрагментов текста, принадлежащих к различным регистрам: репродуктивно-описательному, репродуктивно-повествовательному и, в меньшей степени, информативному.

Репродуктивно-описательный регистр создает фон действия. При помощи лексики, отражающей восприятие различными модальностями (зрительной, аудиальной), через призму физических ощущений и восприятия воссоздается картина реального мира. Например, в следующем описании видим визуальный ряд повествования: *The canvas walls of the dressing tent were discolored with brown water spots, with green grass stains and grey streaks of mildew, and the prickles of sun glittering came through* [Steinbeck, 1950, *URL*]. Использование номинаций цвета вместе с детальным описанием природы его происхождения (*water spots, grass stains, streaks of mildew*) направлено на придание повествованию точности, достоверности и максимального правдоподобия. В следующем фрагменте текста создается аудиальный ряд повествования: *From outside came the farmyard noises of chickens cackling, of pigs grunting, of horses snorting and whinnying in their stalls… A teakettle hummed steam on the stove, a coffee pot grunted and bumped beside it. The farm clock ticked, its pendulum flashing by the little glass window* [Steinbeck, 1950, *URL*]. Глаголы, образованные звукоподражательным способом (*cackling, snorting, whinnying, hummed, grunted, bumped, ticked*), образуют звуковой фон, погружающий читателя в обстановку повествования.

Кинематографическая проза имеет описательный, стенографический характер. Действия персонажей констатируются, но не комментируются автором: авторская речь, представляющая собой интерпретационный план повествования, в пьесе-новелле сводится до минимума, интерпретация действий остается за читателем. Так, основу репродуктивно-повествовательного регистра, раскрывающего динамику действия, составляют следующие группы лексических единиц.

1. Глаголы, называющие процесс визуальной перцепции, и наречия, их характеризующие: *Friend Ed was looking at Mordeen, looking closely. She looked back and her face was grave. She nodded. And then she smiled again* [Steinbeck, 1950, *URL*].

В приведенном выше примере читатель имеет возможность наблюдать немой диалог персонажей. Ключевая его составляющая – пристальный взгляд (*was looking, looking closely, looked back*).

Глаголы визуальной перцепции позволяют читателю «считывать» эмоции и отношения персонажей: *And Victor in triumph looked again at Mordeen. And he saw hatred in her face as he had never experienced – hatred so cold and dangerous that he could not counter it. His eyes wavered and fell and he turned away, and his eyes met Friend Ed's eyes, and there he saw an executioner looking at him with lethal, detached sternness, as though judging where to put the rope* [Steinbeck, 1950, *URL*]. Победный взгляд персонажа гаснет, как только он видит ненависть женщины (Мордин). Смущенный, он отводит глаза и встречается с неумолимым и суровым взглядом Френда Эда, который смотрит на него, как палач (*looked in triumph at, saw hatred, his eyes wavered and fell, turned away, his eyes met Friend Ed's eyes, he saw an executioner looking at him*).

2. Глаголы, именующие речевое действие, и наречия, их определяющие, с помощью которых одновременно происходит констатация факта произнесения и характеристика отношения говорящего к предмету высказывания. В следующем примере главный герой впервые произносит долгожданную фразу, и поэтому каждое ее слово он произносит по-особому, как будто впервые: *He said «Mordeen» softly, experimentally, as though he had never pronounced this name before … He said, «Mordeen, we have a child,» not telling her but tasting the words* [Steinbeck, 1950, *URL*].

3. Лексические единицы, именующие кинесические средства диалогической коммуникации (взгляд, мимика, жесты, положение тела). В репродуктивно-повествовательном регистре описание внешних проявлений эмоционального состояния преобладает над его прямой номинацией. Так, в следующем примере читатель делает вывод о состоянии персонажа, исходя из описания его мимики и позы: трясущийся подбородок, опущенная на руки голова и плачь свидетельствуют о глубочайшем эмоциональном потрясении, которое переживает персонаж: *…For a moment Joe Saul fought his trembling chin. And then he put his head down on his arms and wept* [Steinbeck, 1950, *URL*].

В кинематографической прозе естественная последовательность событий и логика их изложения представления уступает фрагментарному, обрывочному повествованию «вплоть до полного отсутствия внешней логики и упорядоченности» [Маркова, 2017, *134*]. Говоря о структурно-темпоральных особенностях репродуктивного регистра в тексте пьесы-новеллы «Burning Bright», следует отметить то, как автор экспериментирует с вре-

менными рамками повествования. Во втором акте пьесы-новеллы имеет место наложение темпоральных осей текстового времени: событийной и перцептивной линий повествования. Событийное, календарное время обозначено временным промежутком в несколько месяцев, в то время как перцептивная линия, т.е. позиция говорящего, субъективное восприятие времени перцептором [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004], представлена как одна непрерывная ситуация диалога. Таким образом, здесь также имеет место наложение нескольких планов повествования: репродуктивно-описательного, с помощью которого создается перцептивная линия, репродуктивно-повествовательного и информативно-описательного подвидов информативного регистра, репрезентирующих событийную линию сюжета.

Показателем смысловой и структурной связи, единства представленной перцептивной временной линии служит стилистический прием повтора. Герои, пытаясь убедить друг друга, повторяют одну и ту же фразу с различными вариациями на протяжении всего диалога *(My child. – Hush, Victor. It is not your child):*

She said without emphasis, *«It's not your child, Victor. It's Joe Saul's child.»*

And you – a swelling below your breasts and my child kicking against the soft wall, and turning, and I not able to put my hand there and feel its moving life.

«Hush, Victor. It is not your child. A year will draw – is drawing – out your sorrow like a basting thread.»

And you – you walk heavily on your heels, your shoulders back to balance the growing weight of *my child*, and your face is glorious and your eyes smile all day long and your mouth perhaps turns upward, smiling in your sleep.

«Hush, Victor,» she said wearily. *«It's not your child.* And don't you think it is a little cold in here? The rain will turn to sleet, I think.»

And you, Mordeen, quiet and tired with waiting – you move silently, with eyes and ears and touch turned inward to hear and see and feel *my child.*

«It's not your child. It's Joe Saul's child,» she said with heavy monotony [Steinbeck, 1950, *URL*].

В приведенном отрывке также присутствуют репродуктивно-описательные вставки, с помощью которых читатель глазами главного героя Виктора наблюдает, как меняется Мордин и растет его ребенок. Видовременная форма глаголов (простое настоящее время) обеспечивает единство и непрерывность разворачивающегося действия, эффект непосредственного присутствия, одновременности момента разговора и происходящих событий.

Событийное время второго акта – временной промежуток с июня по декабрь, о чем свидетельствуют маркеры объективного времени, «темпоральные адвербиалы», то есть языковые средства, характеризующиеся семантической функцией обозначения обстоятельственных отношений с семантикой темпоральности [Бидагаева, 2001; Фомина, 2010]. В первом

предложении, создающем визуальную экспозицию повествования, дана непосредственная номинация времени действия – июнь: *The June morning sun peered over the ridgepole of the barn…* [Steinbeck, 1950, *URL*].

Следующим маркером объективного времени служат единицы лексико-семантической группы «погода», дважды упоминаемые персонажами в диалоге. В первом случае набежавшая туча предвещает ливень – обычный для середины лета (Мордин говорит Виктору о том, что ему пора идти): *Outside, a thunderhead throttled the sun and the light in the kitchen grew dusky… Mordeen said, «I guess a shower is coming. Can't you go away, Victor?»* [Steinbeck, 1950, *URL*]. Во втором Мордин говорит о наступивших холодах и просит Виктора развести огонь, расчистить дорожку от снега, чтобы ее муж и друг смогли занести рождественскую ель: *Turn on the light, Victor, and build up the fire. The cold is creeping in. The winter's really here. <…> And very soon Friend Ed and Joe Saul will be coming with the Christmas tree. Shovel a wider path down to the road so they can get the tree in.*

Картину наступившей зимы также создает визуальный ряд – парящие за окном хлопья снега, заснеженные ветви ели: *The windows were edged with white-and big feathered flakes were drifting down <…> Victor looked out, and then he opened the porch door. A tumble of snow came in. Friend Ed and Joe Saul were sliding the fine fir tree butt forward up the path <…> Victor grabbed it and pulled the snowy branches through the door* [Steinbeck, 1950, *URL*].

Особая роль при создании кинематографического эффекта художественного текста принадлежит перцептивной лексике, привлеченной для создания большей наглядности и достоверности:

...For I think of the summer ending now and the stubble on the ground and *the hay brushing the ridge pole* in the barn and windfall apples on the orchard earth.

...I know the passing year. *The fall is chilling down* and t*he hoar frost does crisp* and yellow the strong grasses near the stream under *the tattering cottonwoods.* The blackbirds flocked nervously a week and now they are gone. The wind and the arrowing wild ducks are driving to the south over *the burning sumac*.

... I know *the white drifts curving down to the silver ice* in the shallows above the pond. I know *the black lashing branches of the pear trees* and *the dogs snuffling* and *moaning* in the storm porch. I can feel *the ice-air burning in my nose* and *blue aching fingernails* and *the acid cider* [Steinbeck, 1950, *URL*].

В данном фрагменте представлены лексические средства, описывающие различные модальности и ощущения: тактильные (*the hay brushing the ridge pole*), температурные (*The fall is chilling down*), аудиальные (*hoar frost does crisp*, *the dogs snuffling and moaning*), визуальные (*the tattering cottonwoods*, *the burning sumac*, *the white drifts curving down to the silver ice*, *the black lashing branches of the pear trees*), вкусовые (*acid cider*) и полимодальные – температурно-болевые ощущения (*blue aching fingernails*, *the ice-air burning in my nose*), которые расширяют перцептивное поле читателя и создают иллюзию непосредственного присутствия. Перцептивная лексика в

данном отрывке позволяет отнести его к репродуктивному регистру, однако глагол *know*, обозначающий ментальное действие, выводит всю ситуацию на более высокий уровень обобщения.

Как отмечалось выше, кинематографичность следует понимать шире, нежели заимствование приемов кинематографа: это скорее форма репрезентации знания, свойство мышления. Кинематографичность как план представления событий отражает естественный процесс мышления. Опыт непосредственного взаимодействия с реальным миром, увиденного, услышанного и т.д. запечатлевается, интериоризируется и предстает в памяти в виде образов пережитого. Кинематографический эффект в информативном регистре способствует воспроизведению знаний, сформированных на основе опыта безотносительно конкретной ситуации. Маркерами информативного регистра выступают лексические единицы, именующие ментальные процессы (*I know, I know the passing year*). Герой знает, что происходит в то или иное время года, он знает эти ощущения, может их предсказать.

Итак, в данном отрывке совмещаются все три плана повествования. Репродуктивно-описательный регистр воссоздает восприятие различными модальностями и способствует погружению читателя в атмосферу повествования. Репродуктивно-повествовательный передает постепенные изменения в окружающей обстановке, которые тем не менее воспринимаются в непосредственном моменте происходящего, хронотопе «здесь и сейчас». Информативно-описательный регистр использован для раскрытия конфликта, переживаемого персонажем: герой *знает*, что время идет и все забывается, он со всей ясностью видит, что случится в будущем, как если бы это происходило прямо сейчас, но время проходит, герои пытаются убедить друг друга и не могут прийти к согласию, и разговор, начавшись июньским утром, заканчивается перед Рождеством. Нужно полагать, что совмещение планов повествования продиктовано рамками, которые налагает жанр пьесы-новеллы: пьеса ограничена по времени, поэтому автору пришлось сжать объективный временной промежуток в полгода до протяженности диалога. Таким образом, экспериментируя с регистрами повествования, автор в полной мере реализует возможности кинематографичности прозы и показывает читателю свою историю.

Результаты проведенного анализа позволили выделить следующие средства создания кинематографического эффекта в репродуктивном регистре англоязычного художественного текста. Аудиовизуальная образность в репродуктивно-описательном и репродуктивно-повествовательном регистрах создается при помощи перцептивной лексики, репрезентирующей процессы восприятия различными модальностями (тактильные, температурные, аудиальные, визуальные, вкусовые и полимодальные ощущения), а также лексическими единицами, именующими паралингвистические средства диалогической коммуникации (глаголы визуальной перцепции, глаголы, именующие речевое действие). Структурно-темпоральной составляющей кинематографического эффекта является построение текста на основе монтажной техники композиции, то есть комбинации блоков текста, принадлежащих различным регистрам

речи, с помощью чего достигается фрагментарность, прерывность изображения и создается динамическая ситуация наблюдения.

Репрезентация событий в репродуктивном регистре – передача непосредственно воспринимаемого – использована автором с целью создания эффекта включенности в повествование, присутствия при описываемых событиях. Автор творчески подходит к возможностям репродуктивного представления событий, совмещая событийную и перцептивную линии повествования. Использованием форм настоящего времени для констатации непосредственно воспринимаемого в момент речи созданы структурно-темпоральное единство повествования и эффект непрерывности диалога персонажей. С другой стороны, лексика тематических групп «Времена года», «Погода», перцептивные вставки, ориентированные на полимодальное восприятие и описание сменяющихся ощущений, говорят о течении объективного времени.

Таким образом, репродуктивный регистр художественного текста как модель репрезентации событий и его совмещение с информативным регистром творчески используются автором с целью создания эффекта кинематографичности. Кинематографичность текста следует считать скорее языковым отражением естественного процесса восприятия и интерпретации информации, нежели заимствованием приемов кино с целью создания большей наглядности. Изучение кинематографичности дает некоторое представление об отражении в языке естественного процесса восприятия, интерпретации, запоминания и воспроизведения информации, что является перспективным направлением исследования. Перспективным представляется и дальнейшее изучение языковых средств, репрезентирующих полимодальное восприятие в репродуктивном регистре англоязычного художественного текста.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М., 1975. С. 6–71.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или поэтика культуры (На путях к гуманитарному разуму). М.: Гнозис, 1991. URL: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bibler_dial.htm (дата обращения: 13.06.2022).

Бидагаева Ц.Д. Темпоральные адвербиалы в английском предложении: языковой процесс выражения смысла: дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2001. С. 56–57.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2004. С. 20–138.

Кошикова А.В. Техника монтажа как признак литературной кинематографичности романа И. Макьюэна «Искупление» // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2016. № 2(14). С. 101–108.

Маркова Т.Н. Кинематографические приемы как проявление формотворчества современной прозы // Вестник ЮУрГГПУ. 2017. № 1. С. 132–136.

Можаева Т.Г. Кинематографичносгь современной художественной прозы и языковые средства ее создания // Очерки гуманитарных исследований: сб. науч. трудов молодых ученых. Барнаул: АлтГУ, 2005. Вып. 3. С. 142–153.

Можаева Т.Г. Языковые средства реализации кинематографичности в художественном тексте (на материале произведений Г. Грина, Э. Хемингуэя, М. Этвуд): дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 2006. С. 42–73.

Полупан Е.Б. Средства организации репродуктивного регистра в поэтическом тексте // Филологический журнал. 2010. № 17. С. 111–113.

Роговнева Ю.В. Типы репродуктивности и типы текстов // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: сборник научных трудов Международного научного симпозиума (Ярославль, 17–19 мая 2019 года) / под науч. ред. В.Н. Степанова. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2019. С. 552–558.

Сидорова М.Ю. О средствах формирования коммуникативных типов речи (репродуктивный регистр) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 1997. Т. 6. С.6–19.

Фомина М.А. Лингвистические средства реализации монтажа в художественном произведении // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 32(213). С. 153–156.

Эйзенштейн С.М. Литература в кино // Вопросы литературы. 1968. № 1. С. 91–112. URL: https://voplit.ru/author/ejzenshtejn-sergej/ (дата обращения: 25.12.2022).

Kozloff S. When we call a book cinematic, what do we really mean? // Daily News. 10.02.2020. URL: https://www.dailynews.lk/2020/02/10/tc/210870/when-we-call-book-cinematic-what-do-we-really-mean (дата обращения: 25.12.2022).

Pinker S. The Sense of Style: The Thinking Person's Guide to Writing in the 21st Century. Penguin Books, 2014. P. 11–27.

Seed D. Cinematic Fictions: The Impact of the Cinema on the American Novel up to World War II. Liverpool: University Press, 2009. P. 75-87.

Steinbeck J. Burning Bright. The Viking Press, 1950. URL: https://www.fadedpage.com/books/20200430/html.php (дата обращения: 13.06.2022).

V.V. Kucher
Postgraduate student, Assistant Lecturer,
Chair of the English language,
Linguistic Institute,
Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russia

Lingual Means of Creating Cinematic Effect in the English Literary Text

The article is devoted to the cinematic effect within a descriptive language register of the English literary text. The article reveals the essence of cinematic effect as a literary technique based on cinematographic montage composition style that is the use of certain compositional-syntactic means to create brisk, dynamic description and represent a viewer's shifting perspective. Cinematic effect enhances the plausibility of the literary text and should be considered more than just an imitation of cinematographic montage techniques but rather a lingual reflection of the natural process of perception and interpretation. The article reveals the concept and characteristic features of the descriptive language register of a literary text as a model for representing events, where the speaker describes what is actually observed at the moment of speech through sensory experiences. The article provides a thorough analysis of linguistic means of creating a cinematic effect within the framework of the descriptive language register of a literary text. The special attention is paid to lingual

means that manifest the perception by various modalities, and their role in creating a cinematic effect within the descriptive language register of a literary text. The author concludes that the use of the reproductive register is predefined by the genre peculiarities of the material under study, since the way of representing events within the framework of the descriptive language register is most conducive to conveying viewer's shifting perspective, the effect of the reader's direct presence at the events described, i.e. cinematic effect.

Key words: *language register; descriptive register; literary text; cinematography; cinematic effect*

REFERENCES

Bakhtin M.M. The Problem of content, material and form in verbal art [Problema soderzhaniia, materiala i formy v slovesnom khudozhestvennom tvorchestve]. Literature and aesthetics: recent studies. Moscow, 1975, pp. 6–71 (in Russian).

Bakhtin M.M. Verbal art aesthetics [Estetika slovesnogo tvorchestva]. Moscow: Iskusstvo, 1979. (in Russian).

Bibler V.S. Mikhail Mikhailovich Bakhtin, or poetics of culture (Ways to Humanitarian Mindset) [Mikhail Mikhailovich Bakhtin, ili poetika kul'tury (Na putiakh k gumanitarnomu razumu)]. Moscow: Gnozis, 1991. Available at: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bibler_dial.htm (accessed on 13 June 2022) (in Russian).

Bidagaeva Ts.D. Adverbs of time in an English sentence: The language process of expressing the meaning [Temporal'nye adverbialy v angliiskom predlozhenii: iazykovoi protsess vyrazheniia smysla]. Dissertation … candidate of Philological Sciences. Irkutsk, 2001, pp. 56–57 (in Russian).

Zolotova G.A, Onipenko N.K., SidorovaM.Iu. Communicative Grammar of the Russian language [Kommunikativnaia grammatika russkogo iazyka]. Moskow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute, 2004, pp. 20–138 (in Russian).

Koshikova A.V. Montage technique as a characteristic feature of the literary cinematography of «Atonement» by I. McEwan [Tekhnika montazha kak priznak literaturnoi kinematografichnosti romana I. Mak'iuena «Iskuplenie»]. *World literature at the crossroads of cultures and civilizations*, 2016, no. 2 (14). pp. 101–108 (in Russian).

Markova T.N. Cinematic Techniques as a Manifestation of Modern ProseCreating [Kinematograficheskie priemy kak proiavlenie formotvorchestva sovremennoi prozy]. *Issues of Iu-UrGGPU*, 2017. No 1, pp. 132–136 (in Russian).

Mozhaeva T.G. Cinematography of modern literary text and the lingual means of its creating [Kinematografichnosg' sovremennoi khudozhestvennoi prozy i iazykovye sredstva ee sozdaniia]. *Essays on humanitarian research: a collection of scientific works by young scientists*, Barnaul, 2005, Vol. 3, pp. 142–153 (in Russian).

Mozhaeva T.G. Langual means of creating cinematography in a literary text (in the works by G. Green, E. Hemingway, M. Atwood [Iazykovye sredstva realizatsii kinematografichnosti v khudozhestvennom tekste (na materiale proizvedenii G. Grina, E. Khemingueia, M. Etvud)]. Dissertation … candidate of Philological Sciences. Barnaul, 2006. pp. 42–73 (in Russian).

Polupan E.B. Language means constituting the reproductive register in a poetic text [Sredstva organizatsii reproduktivnogo registra v poeticheskom tekste]. *Philological journal*, 2010. No. 17, pp. 111–113 (in Russian).

Rogovneva Iu.V. Types of reproduction and types of texts [Tipy reproduktivnosti i tipy tekstov]. Russian grammar: active processes in language and speech: collection of scientific papers of the International scientific symposium (Yaroslavl, May 17–19, 2019). Edited by V.N. Stepanova. Iaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after. K.D. Ushinsky, 2019, pp. 552–558 (in Russian).

Sidorova M.Iu. On the means of creating communicative types of speech (reproductive register) [O sredstvakh formirovaniia kommunikativnykh tipov rechi (reproduktivnykh registr)]. *Issues of Moscow State University. Issue 9: Philology*, 1997. Vol. 6, pp. 6–19 (in Russian).

Fomina M.A. Linguistic means of creating montage in a literary text [Lingvisticheskie sredstva realizatsii montazha v khudozhestvennom proizvedenii]. *Issues of Chelyabinsk State University*, 2010. No. 32 (213), pp. 153–156 (in Russian).

Eizenshtein S.M. Literature in cinema [Literatura v kino]. *Issues of literature*, 1968. No. 1, pp. 91–112 Available at: https://voplit.ru/author/ejzenshtejn-sergej/ (accessed on 25 December 2022) (in Russian).

Kozloff S. When we call a book cinematic, what do we really mean? // *Daily News. 10.02.2020*. Available at: https://www.dailynews.lk/2020/02/10/tc/210870/when-we-call-book-cinematic-what-do-we-really-mean (accessed on 25 December 2022) (in English).

Pinker S. The Sense of Style: The Thinking Person's Guide to Writing in the 21st Century. Penguin Books, 2014, pp. 11–27 (in English).

Seed D. Cinematic Fictions: The Impact of the Cinema on the American Novel up to World War II. Liverpool: University Press, 2009, pp. 75−87 (in English).

Steinbeck J. Burning Bright. The Viking Press, 1950. Available at: https://www.faded-page.com/books/20200430/html.php (accessed on 13 June 2022) (in English).

А.В. Зорина

Военная академия войсковой противовоздушной обороны ВС РФ им. Маршала Советского Союза А.М. Василевского
Смоленск, Россия

УДК 811.112.2

DOI 10.35785/2072-9464-2023-64-4-156-170

СЕМАНТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СПОСОБОВ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ГЕРМАНИИ

Ключевые слова: *политический дискурс; эмоции; вербализация эмоций; семантическое моделирование; параметры.*

Предметом изучения в статье являются способы вербализации различных эмоций, рассмотренные на материале аутентичных текстов, относящихся к политическому дискурсу Германии. В современной политической коммуникации наблюдается превалирование эмоциональной составляющей над рациональной, поэтому существует необходимость всестороннего исследования техники номинации разнообразных эмоциональных состояний. Цель анализа состоит в выявлении особенностей семантического аспекта языковой репрезентации эмоций в немецкоязычных политических текстах.

Исследование проводится с помощью метода семантического моделирования в соответствии с пятью параметрами, отражающими основные виды синтагматических отношений между значениями слов в пределах одного речевого отрезка (словосочетания или предложения): «признаки эмоции», «деятельность эмоции», «проявление эмоции», «носитель эмоции», «причина эмоции».

В ходе настоящего исследования получены следующие выводы: параметры «признаки эмоции» и «деятельность эмоции» являются наиболее продуктивными в рамках политического дискурса Германии; в пределах упомянутых выше параметров отмечается явление метафоризации, которое также можно считать одним из продуктивных средств вербализации эмоций; по типу оценочного знака в политическом дискурсе ФРГ наблюдается преобладание отрицательных эмоций.

Результаты исследования могут быть использованы в научно-исследовательской и преподавательской деятельности, связанной с изучением особенностей эмоционального аспекта современной коммуникации с лингвистической точки зрения.

Все сферы жизни общества (СМИ, политика, бытовая коммуникация и другие) буквально пронизаны эмоциями, которые представляют собой один из важнейших компонентов мышления и языкового сознания современного человека, к какой бы лингвокультуре он не принадлежал. Причиной этому послужили мировые изменения глобального характера. В настоящее время становится заметной тенденция к усилению агрессии в процессе коммуникации между представителями как одной лингвокультуры, так и разных лингвокультур. К тому же отечественный лингвист В.И. Шаховский указывал на «глобальное эмоциональное раскрепощение человека» [Шаховский, 2016, *24*], позволяющее ему открыто демонстрировать свои эмоции в обществе и приводящее к увеличению количества эмотивных речевых актов в разных формах коммуникации, в том числе и той, которая происходит в политической сфере. Отличительной чертой политики как одной из сфер человеческой деятельности является ее дискурсивный характер.

В современной науке до сих пор не существует единого, принятого всеми исследователями определения термина «дискурс». Так, по мнению А.П. Чудинова, в отечественной лингвистике под дискурсом принято понимать «текущую речевую деятельность в данной сфере», «творимый в речи связный текст» [Чудинов, 2023, *40*]. Однако термин «дискурс» можно трактовать и более широко. Зарубежный исследователь Т. ван Дейк утверждал, что дискурс представляет собой «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста» [Ван Дейк, 1989, *7*]. Схожий взгляд на определение термина «дискурс» можно обнаружить в одной из работ Р.В. Белютина, который пишет, что «дискурс – это процесс общения, четко ориентированного в тематическом и

социофункциональном плане» [Белютин, 2019, *15*]. Именно данное определение является рабочим в рамках настоящего исследования. В двух последних дефинициях подчеркивается, что дискурс не ограничен рамками отдельного текста, важен и социальный контекст, в пределах которого происходит процесс коммуникации.

Существуют различные виды дискурсов: спортивный, экологический, юридический и др. Особое внимание в рамках настоящего исследования уделяется *политическому*. В отечественной науке в данном направлении работают А.П. Чудинов [Чудинов, 2023], Е.И. Шейгал [Шейгал, 2004] и др. За рубежом изучением политического дискурса занимаются, например, Т. ван Дейк [Dijk, 1997], З. Егер, Ф. Майер [Jäger, Maier, 2009].

Согласно Т.А. ван Дейку, под политическим дискурсом можно понимать дискурс политиков и политических институтов, представленный различными формами устных и письменных текстов институционального характера, к которым можно отнести парламентские дебаты, правительственные документы, а также политическую рекламу, речи политических деятелей, интервью с ними, политические ток-шоу: «Indeed, the vast bulk of studies of political discourse is about the text and talk of professional politicians or political institutions... Thus, besides parliamentary debates, bilis, laws, government or ministerial regulations, and other institutional forms of text and talk, we find such political discourse genres as propaganda, political advertising, political speeches, media interviews, political talk shows on TV, party programs, ballots, and so on» [Dijk, 1997, *12, 18*]. В данном определении ученый ограничивает политический дискурс деятельностью политиков, подчеркивая тем самым его институциональный характер. Отечественный же лингвист Е.И. Шейгал утверждает, что термины «политическая коммуникация» и «политический дискурс» можно использовать как равнозначные, и считает наиболее логичным широкое понимание политической коммуникации, включающее в себя любые коммуникативные единицы, прямо или косвенно относящиеся к сфере политики [Шейгал, 2004]. Именно данное определение термина «политический дискурс» является рабочим для настоящего исследования, поскольку оно позволяет отбирать для анализа тексты, которые каким-либо образом относятся к сфере политики, но не ограничиваются лишь политическим содержанием.

«Анализ текстов политического дискурса... обнаруживает значительную роль эмоционального фактора динамики языкового употребления» [Шаховский, 2008, *259*]. Не стоит недооценивать роль эмоций в политической коммуникации. Многие ученые [Герасименко, 1998; Миронова, 1997; Шаховский, 2008; Ealy, 1981; Hacker 1996], проводившие исследования политического дискурса, отмечают, что эмоциональное в нем часто доминирует над рациональным. Зарубежный лингвист М. Мостин утверждает: «Politik gehört zu den Themen, die bei den Bürgern eines Landes sehr viele Emotionen hervorrufen können. Ihr hohes Emotionalisierungspotenzial, d. h. das

Potenzial, beim Textrezipienten Emotionen auszulösen, lässt sich anhand mehrerer Tatsachen begründen» [Mostýn, URL].

А.П. Чудинов говорит также об эмотивной функции политического языка, которая ориентирована на выражение эмоций автора и возбуждение эмоций реципиента. Создание нужного эмоционального фона является важным фактором, необходимым для переубеждения адресата и побуждения его к требующимся действиям. Отмечается, что эмоции влияют на политические предпочтения не меньше, чем рациональное осознание проблемы. Довольно часто люди принимают решения под влиянием эмоций, а рациональное объяснение принятия данного решения ищут только потом (см.: [Чудинов, 2023]).

В одной из своих работ Д.Дж. Лиллекер говорит о «“внедрении” эмоций в политическую коммуникацию» [Лиллекер, 2010, *108*]. По мнению ученого, взаимодействие с политикой должно нести эмоциональную нагрузку, а политические деятели должны выражать эмоции в ответ на требование представителей широкой общественности. Традиционно политическую сферу принято считать рациональным процессом размышления и принятия решений. Однако социологические опросы показывают, что представители общества часто принимают свои решения на базе эмоциональных побуждений. Все более высокий уровень эмоций привносится в политику вследствие стирания границ между политической коммуникацией и популярной культурой, к которой относится, например, реклама. «Благодаря политической коммуникации должно быть видно, что политик – это честный человек, который разделяет все эмоции со своей аудиторией» [Там же, *110*]. Одна из целей политической коммуникации заключается в ее соответствии эмоциональному настрою реципиентов и способности вызвать эмоциональный отклик. В политической коммуникации акцент должен делаться на человеческих качествах политических деятелей, для чего необходимо раскрывать их эмоциональные состояния.

Похожее мнение высказывает и А.П Чудинов, считая, что в современном политическом языке наблюдается противоположное соотношение экспрессии и стандарта, то есть в настоящее время политическая коммуникация обладает высокой степенью экспрессивности (см.: [Чудинов, 2023]). Одной из основных задач политического текста, как устного, так и письменного, является оказание эмоционального воздействия на реципиента. Поэтому исследование широкого спектра эмоций через призму различных языковых средств, используемых для их вербализации, позволит выявить категории эмоционального воздействия в рамках политического дискурса.

Изучению эмоций с лингвистической точки зрения в отечественной науке посвящены труды В.И. Шаховского [Шаховский, 2008], Н.А. Красавского [Красавский, 2008], В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресяна [Апресян, Апресян, 1993] и других. Эмоциональная сфера человеческой коммуникации исследуется в работах не только российских, но и зарубежных лингвистов,

например, М. Шварц-Фризель [Schwarz-Friesel, 2007], А. Вежбицкой [Wierzbicka, Besemeres, 2009].

Долгое время эмоции были объектом изучения нелингвистических наук, например, философии, физиологии, психологии. Однако в современной науке до сих пор нет единого понимания термина «эмоции». Так, американский психолог К. Изард под эмоцией понимал «нечто, что переживается как чувство, которое мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и действия» [Изард, 2000, *27*]. Отечественный физиолог, создатель биологической теории эмоций П.К. Анохин утверждал, что «это физиологические состояния организма, имеющие ярко выраженную субъективную окраску и охватывающие все виды чувствований и переживаний человека – от глубоко травмирующих страданий до высоких форм радости и социального жизнеощущения» [Анохин, 1964, *339*].

Благодаря опыту, накопленному нелингвистическими науками в сфере исследования эмоционального аспекта жизнедеятельности человека, появилась возможность обратить внимание на функционирование эмоций в структуре языка. В.И. Шаховский отмечал, что с лингвистической точки зрения «эмоции представляют собой разновидность человеческих страстей» [Шаховский, 2016, *21*], охватывающих все сферы жизни человека и отражающихся на всех языковых уровнях.

Именно с помощью языка происходит номинация, описание, категоризация, манифестация (или сокрытие) различных эмоциональных состояний участников процесса коммуникации. Немецкий лингвист М. Шварц-Фризель указывает на то, что эмоции выражаются с помощью языковых символов, то есть слов: «Mit Wörtern können wir auf außensprachliche Objekte Bezug nehmen und unsere inneren Gefühle beschreiben» [Schwarz-Friesel, 2007, *135*].

Отечественный лингвист Н.А. Красавский утверждает: «…для того чтобы понять сущность того или иного вербально оформленного явления, необходим анализ техники его номинации» [Красавский, 2008, *81*]. Ученый подчеркивает важность анализа языковых средств, применяющихся для объективации фрагментов внешнего и внутреннего мира. «Лексический языковой субуровень... объективирует эмоциональный феномен самыми различными номинативными техниками» [Там же]. Выраженная с помощью лексических средств эмоция представляет собой знаковое образование, существующее и функционирующее в лингвокультуре и отражающее в себе эмоциональный опыт индивида и социума в целом, участвует в процессе оценочной категоризации и концептуализации окружающего мира.

По мнению М. Шварц-Фризель, вербализация эмоций в основном происходит с помощью двух групп лексических единиц: «*Gefühlswörter*... die Lexeme, mit denen wir explizit auf einzelne Emotionen referieren» [Schwarz-Friesel, 2007, *144*]; «*emotionalasdrückende Wörter* referieren nicht auf Emotionen, sondern vermitteln über ihre semantische Information primär emotionale

Eindrücke und Einstellungen, fokussieren also expressive Ausdrucksfunktion und fungieren... eher als Symptome denn als Symbole» [Schwarz-Friesel, 2007, *151*].

В свою очередь, В.И. Шаховский упоминал о том, что различные эмоции вербально представлены в следующих группах лексики: слова, называющие / обозначающие эмоции; лексика, описывающая эмоции; лексические единицы, которые выражают эмоции. При этом эмоция может представлять собой форму или предмет отражения. «Когда она предмет отражения, то слово, ее называющее, не является эмотивом, так как не выражает эмоцию, а служит индикацией понятия об определенной эмоции. Эмотив же своей семантикой выражает эмоциональное состояние внутреннего "я"» [Шаховский, 2016, *34*].

Однако, по мнению другого отечественного лингвиста Л.Г. Бабенко, семантическая категоризация эмоций должна производиться в процессе рассмотрения лексики, называющей эмоции, поскольку «в ней эмотивные смыслы эксплицитны, более устойчивы, стабильны. Эти слова – непосредственные знаки эмоций» [Бабенко, 1989, *13*]. Настоящая работа базируется на анализе именно таких лексических единиц.

Основная цель данного исследования заключается в семантическом моделировании способов вербализации как положительных, так и отрицательных эмоций.

Материалом исследования послужили аутентичные тексты на немецком языке (общим объемом более 500 страниц) из открытых онлайн-источников, таких как сайты политических партий и ведущих СМИ Германии. Проводился анализ не только статей, касающихся политической сферы, но и их заголовков, которые «призваны привлечь внимание читателей, заинтересовать их и побудить прочитать основной текст» [Чудинов, 2023, *171*]. Основным методом, применяемым в рамках данного исследования, является семантическое моделирование. А.В. Штофф под моделью понимает «такую мысленно представляемую или материально реализованную систему, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте» [Штофф, 1966, *19*]. В одной из работ Е.Н. Гуц и Е.Д. Ивановой отмечается, что «модель – это объект, результаты изучения которого используются как знания об исходном объекте» [Гуц, Иванова, 2022, *98*].

В рамках настоящего исследования для семантического моделирования применяется схема, разработанная Е.Н. Гуц и Е.Д. Ивановой, где предлагается делить лексические единицы на группы в соответствии с пятью параметрами. Причем под параметром понимается «величина, характеризующая семантические отношения между языковыми единицами, вербализирующими эмоцию» [Гуц, Иванова, 2022, *98*]. Лексические единицы включаются в группу конкретного параметра с помощью определенного вопроса. Первый параметр («признаки эмоции») предполагает ответ на вопрос «эмоция какая?». Для включения в группу второго параметра («деятельность эмоции») требуется ответ на вопрос «что делает эмоция?». Ответ на вопрос «как / в чем проявляется эмоция?»

позволяет выявить лексические единицы, которые относятся к группе третьего параметра («проявление эмоции»). Четвертый параметр («носитель эмоции») предполагает ответ на вопрос «эмоция принадлежит кому?», а пятый («причина эмоции») – «почему возникла эмоция?». Внутри параметров выделяются определенные подгруппы. В статье Е.Н. Гуц и Е.Д. Ивановой семантическое моделирование осуществляется на материале русского языка в отношении эмоций *боязнь* и *испуг*. В рамках настоящей работы исследование проводится на материале немецкого языка и не ограничивается названными выше эмоциональными состояниями.

Перейдем к анализу примеров. Параметр «признаки эмоции» предполагает наличие прилагательного или причастия, находящегося в атрибутивных отношениях с номинантом эмоционального состояния и выражающего свойства, характерные для эмоций определенного эмоционального диапазона. Наиболее полно представленной в рамках данного параметра является подгруппа «интенсивность эмоции». Так, статья политического блога blogs.taz.de, посвященная действиям немецких политиков по решению климатических проблем, имеет следующий заголовок: *Die **doppelte** Klima**angst** und der Aufstieg des Olaf Scholz* (1). В данном выражении встречается прямая номинация отрицательной эмоции «страх», а прилагательное «doppelte» (букв. «удвоенный») используется для обозначения интенсивности данного эмоционального состояния.

На сайте популярной информационной немецкой газеты размещена статья, освещающая проблемы внешней политики, которая названа автором так: *Kubas **panische Angst** vor dem DDR-Szenario* (2). В данной фразе привлекает внимание словосочетание «panische Angst», включающее прямую номинацию отрицательной эмоции «страх» и прилагательное «panisch» (букв. «панический»), которое подчеркивает интенсивность названной эмоции, высокий уровень эмоционального переживания, часто подталкивающего человека к необдуманным поступкам. Таким образом, по мнению автора статьи, представители официальной власти современной Кубы настолько *боятся* повторения их страной судьбы ГДР, где в результате волны массовых протестов коммунистическая партия утратила свои лидирующие позиции, что их действия сложно поддаются объяснению с логической точки зрения.

Еще одной подгруппой первого параметра является «осмысленность эмоции». На немецком сайте вопросов и ответов www.gutefrage.net в процессе обсуждения ставших неожиданными для многих результатов региональных выборов, которые проходили в Германии в начале октября 2023 года и на которых достаточно большой процент голосов получила политическая партия AfD (АдГ), один из пользователей отметил: *Diese **gerechtfertigte Angst** konnte die AfD missbrauchen* (3). Словосочетание «gerechtfertigte Angst» (букв. «оправданный страх») относится к описанию отрицательной эмоции, которую испытывает (и вовсе не безосновательно), по мнению автора текста, население ФРГ вследствие действий нынешнего правительства.

Однако представители партии AfD (АдГ) могли воспользоваться этим *страхом* с целью прихода к власти, не имея реального намерения разрешить сложившуюся кризисную ситуацию в стране.

Подгруппа «длительность эмоции» содержит указание на существование какого-либо эмоционального состояния во временном отношении. На сайте немецкой газеты Tageszeitung статья, посвященная внешнеполитическим проблемам, а именно действиям правительства Греции, которые не находят одобрения среди граждан данной страны, имеет следующий заголовок: ***Ewige Hoffnung*** *in Athen* (4). В этом словосочетании для описания длительности положительной эмоции «надежда» используется прилагательное «ewig» (букв. «вечный»). Причем содержание статьи в целом имеет скорее отрицательный посыл и сообщает, что греческое правительство, выбрав лозунгом своей предвыборной кампании фразу «Надежда приходит», спустя год не оправдало ожиданий своих избирателей.

В рамках подгруппы «непредсказуемость эмоции» отражается значение внезапности обозначенного эмоционального состояния. Так, на сайте немецкого новостного портала www. echo-online.de в статье о результатах уже упомянутых выше региональных выборов в Германии сообщается: *Betrübnis und Entsetzen auf der einen,* ***unerwartete Freude*** *und «Auftakt für einen Langstreckenlauf» auf der anderen Seite: Sehr emotional haben die kleineren Parteien das Wahlergebnis am Sonntagabend aufgenommen* (5). Прилагательное «unerwartet» (букв. «неожиданный») указывает на внезапность положительной эмоции «радость», которую теперь испытывают представители некоторых небольших политических партий ФРГ, поскольку данные выборы показали, что большее количество представителей подобных партий могут войти в состав немецкого парламента, изменив тем самым соотношение политических сил, и повлиять на политическую и экономическую жизнь своей страны в целом.

На сайте известной немецкой газеты опубликована статья, содержащая информацию об уличных демонстрациях в Германии против лидеров стран, входивших в состав объединения G8 («Большая восьмерка»), название которой гласит: *Die* ***blinde Wut*** *der Steinewerfer* (6). Данное словосочетание можно отнести к подгруппе «метафоричность эмоции», поскольку прилагательное «blind» (букв. «слепой») отражает свойственную отрицательным эмоциям (в нашем случае ярости) ассоциативную связь с потерей контроля над своими действиями под влиянием какого-либо эмоционального состояния. Подобный заголовок отражает содержание статьи в целом, поскольку в ней говорится о том, что вначале мирная уличная демонстрация переросла в ожесточенное столкновение протестующих с полицией.

Следующая подгруппа первого параметра называется «персонификация эмоции» и предполагает наделение какого-либо эмоционального состояния антропоцентрическими характеристиками. Так, статья, размещенная на сайте немецкой газеты Tagesspiegel и посвященная опасениям за сохранность жизни граждан Германии, находящихся за границей, называется следующим образом: ***Wachsende Angst*** *um Deutsche im Ausland* (7). Причастие

«wachsend» наделяет отрицательную эмоцию «страх» способностью любого живого существа, в том числе и человека, к росту.

В рамках двух последних подгрупп первого параметра наблюдается такое явление, как метафоризация, то есть образное обозначение эмоционального состояния. Метафора, представляющая собой «призму, через которую совершается структурирование знаний о мире» [Белютин, 2019, *227*], является одним из продуктивных средств вербализации эмоций, внешней формой выражения какого-либо эмоционального состояния. Подтверждение данной мысли можно обнаружить в одной из работ М. Шварц-Фризель, которая утверждает следующее: «Es werden alltagssprachlich mehr metaphorische Ausdrücke bei Emotionsdarstellungen eingesetzt als in Beschreibungen von anderen Referenzdomänen» [Schwarz-Friesel, 2007, *202*]. Кроме того, по мнению А.П. Чудинова, «в современном политическом дискурсе наблюдается высокая частотность метафор, это объясняется тем, что метафора превратилась в одно из наиболее сильных средств представления политических концепций и воздействие на политическое сознание общества» [Чудинов, 2023, *122*].

Перейдем к рассмотрению второго параметра, который называется «деятельность эмоции» и включает словосочетания, содержащие глагольную форму и прямое обозначение какой-либо эмоции, выступающей в роли субъекта. Как показало настоящее исследование, на данном этапе также имеет место метафоризация. В опубликованном на сайте одной из известных немецких телерадиокомпаний интервью политический психолог Т. Клихе, отвечая на вопрос журналиста о результатах опросов, свидетельствующих о снижении доверия к политике в целом, сказал следующее: *Und da* ***springen diese Ängste*** *dann in wahnsinnigen Bögen hoch und runter* (8). В этом высказывании прямая номинация отрицательной эмоции «страх» приобретает антропоцентрические характеристики, поскольку наделяется способностью к совершению физического действия – может «прыгать».

В решении парламентской фракции Bündnis 90 / Grünen (Союз 90 / Зеленые), размещенном на официальном сайте политической партии и касающемся регулирования поведения людей в сети Интернет, можно заметить фразу: ***Hass*** *und Hetze* ***drohen*** *alltäglich zu werden* (9). Здесь, так же как и в приведенном выше примере, отрицательная эмоция «ненависть» способна действовать как некое живое существо, а именно «грозить / угрожать».

Сочетания лексических единиц, составляющие группу третьего параметра «проявление эмоции», включают описание определенной эмоции, которая выражается не как активный субъект, а косвенно. Прямая номинация эмоционального состояния при этом употребляется в косвенном падеже. На сайте популярной немецкой газеты опубликована статья, имеющая название: *Wer* ***unter*** *Klima****angst leidet****, sollte einen Therapeuten aufsuchen* (10). В заголовке проявление отрицательной эмоции «страх» выражается через состояние субъекта, не обозначающего в данном примере конкретного человека и страдающего, словно какой-либо болезнью, *страхом* из-за вполне вероятного изменения существующих климатических условий в худшую сторону.

Лексические единицы и их сочетания, соответствующие параметру «носитель эмоции», включают обозначение носителя эмоционального состояния. Статья, размещенная на сайте популярной немецкой газеты, имеет следующий заголовок: ***Die Angst der Politiker*** *vor dem Volk* (11). В данной фразе носителем отрицательной эмоции «страх» являются политики Германии в целом. По мнению автора статьи, политические деятели ФРГ не уделяют должного внимания непосредственному участию рядовых граждан в принятии важных политических решений, поэтому доверие к политикам со стороны многих представителей немецкого сообщества заметно ослабевает.

Статья, опубликованная на сайте немецкой радиостанции Deutschlandfunk, содержит высказывание: *Es braucht den Glauben an das Konstruktive im Streit. Wo er fehlt, fehlen auch gemeinsame Ziele, dort kapern Anti-Demokraten* ***die Hoffnungen der Bevölkerung****: «Mit uns kann es besser werden!», behaupten sie* (12). Здесь носителем положительной эмоции «надежда» является население Германии. Однако контекст статьи в целом имеет скорее отрицательный посыл, поскольку в ней утверждается, что нынешнее правительство Германии своими действиями не оправдывает *надежд* представителей немецкого сообщества, чем, в свою очередь, пользуются антидемократы.

Параметр «причина эмоции» отражает категориальную ситуацию, которая повлекла за собой появление какого-либо эмоционального состояния. Еще раз обратимся к упомянутому выше интервью с политическим психологом Т. Клихе, который, рассуждая о «политических страхах», называл и их причины, одной из которых стала инфляция: ***Angst vor Inflation*** *ist eine klar politische Angst... Sie ist eine der relativ rationalen, doch eher von Tatsachen gestützten Ängste* (13). Причем психолог подчеркнул, что вышеупомянутый *страх* является рациональным и подкрепленным конкретными фактами экономической и политической жизни страны.

В одной из политических статей, опубликованных на сайте известного немецкого телеканала, журналист, ссылаясь в том числе на пресс-релиз фракции AfD (АдГ) в ландтаге земли Баден-Вюртемберг, говорит о том, что действующий министр иностранных дел Германии А. Бербок, совершая определенные политические действия, совсем не обращает внимания на то, что думают об этом ее избиратели, поэтому она должна «бояться народных восстаний»: *Die «sogenannte Außenministerin Baerbock» müsse nun «****Angst vor Volksaufständen*** *haben»* (14). В данной фразе присутствует прямая номинация отрицательной эмоции «страх», а также названа ее причина.

Встречаются также примеры, когда в рамках одного высказывания пересекаются словосочетания, которые можно отнести к группам разных параметров. Например, в статье, размещенной на сайте популярной немецкой газеты, касающейся действий официальных властей в период пандемии коронавируса, обращает на себя внимание следующая фраза: *Söder warnt vor Situation wie im März:* ***Angst vor*** *zweitem* ***Lockdown*** *in Deutschland* ***wächst*** (15). Здесь присутствует словосочетание, которое можно отнести к группе пара-

метра «деятельность эмоции», – «Angst wächst», а также лексические единицы, включенные в группу параметра «причина эмоции», – «Angst vor zweitem Lockdown». В первом случае наблюдается метафоризация, поскольку отрицательная эмоция «страх» наделяется характеристиками живого существа. Во втором случае причиной названной выше отрицательной эмоции является возможность введения следующего локдауна.

В ходе настоящего исследования указания на отрицательные эмоции (80% от отобранных для анализа примеров) встречались чаще, чем на положительные (20%). Объяснение этому можно найти в одной из работ В.И. Шаховского, который утверждает, что высокий уровень агрессии, эмоциональная неуравновешенность и преобладание отрицательных эмоций являются существенными ментальными характеристиками современного политического дискурса в целом (см.: [Шаховский, 2008]).

Из спектра отрицательных эмоций чаще попадались прямые номинации *страха (Angst)* (около 67% от общего числа проанализированных примеров). Это не случайно, поскольку, согласно коммуникативной теории эмоций Дж. Джонсон-Лэрд и К. Оутли, *страх* относится к пяти базовым эмоциональным состояниям человека [Johnson-Laird, Oatley, 1989].

В заключение можно отметить следующее: наиболее продуктивными параметрами семантического моделирования вербализации эмоций в рамках политического дискурса Германии выступают параметр «признаки эмоции», который позволяет определить специфические свойства какого-либо эмоционального состояния, и «деятельность эмоции», демонстрирующий способность эмоции совершать какие-либо действия самостоятельно. В пределах вышеупомянутых параметров наблюдается явление метафоризации, которая становится одним из продуктивных средств вербализации эмоциональных состояний. По типу оценочного знака в отобранных для анализа примерах отмечается превалирование отрицательных эмоций, что, в свою очередь, характерно для современного политического дискурса в целом.

Перспективным представляется дальнейшее исследование семантического моделирования способов вербализации эмоций в современном политическом дискурсе и сопоставление полученных результатов в рамках разных языковых систем. Так, на официальном сайте одного из региональных отделений партии «Единая Россия» размещена статья, содержащая информацию о торжественном митинге, посвященном Дню Победы, заголовок которой гласит: *В сердцах хранится* ***вечная надежда***... (16). В данной фразе присутствует словосочетание, относящееся к параметру «признаки эмоции», подгруппе «длительность эмоции». Подобное название соотносится с содеражанием статьи в целом, поскольку так автор пытается выразить *надежду* на то, что подвиги, совершенные советскими людьми в годы Великой Отечественной войны, навсегда останутся в памяти нашего народа.

ЛИТЕРАТУРА

Анохин П.К. Эмоции // Большая медицинская энциклопедия. 2-е изд. М., 1964. Т. 35. С. 339–367.

Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 27–35.

Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 130 с.

Белютин Р.В. Немецкий спортивный дискурс: опыт прагмасемантического и лингвокогнитивного исследования: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Смоленск, 2019. 38 с.

Белютин Р.В. Универсальное и специфическое в метафорических проекциях немецкого и русского спортивного дискурса // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 4(48). С. 227–237.

Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 310 с.

Герасименко Н.А. Информация и фасцинация в политическом дискурсе (к вопросу о функционировании бисубстантивных предложений) // Политический дискурс в России – 2: материалы раб. совещ. (Москва, 29 марта 1998 года) / под ред. Ю.А. Сорокина и В.Н. Базылева. М.: Диалог-МГУ, 1998. С. 20–23.

Гуц Е.Н., Иванова Е.Д. Семантическое моделирование способов вербализации эмоций (на примере эмоций боязнь и испуг) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 3(36). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskoe-modelirovanie-sposobov-verbalizatsii-emotsiy-na-primere-emotsiy-boyazn-i-ispug (дата обращения: 17.09.2023).

Изард К.Э. Психология эмоций / пер. с англ. А. Татлыбаева. СПб.: Питер, 2000. 460 с.

Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. М.: Гнозис, 2008. 374 с.

Лиллекер Д.Дж. Политическая коммуникация. Ключевые концепты / пер. с англ. С.И. Остнек. Харьков: Гуманитарный Центр, 2010. 300 с.

Миронова Н.Н. Дискурс-анализ оценочной семантики. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 1997. 158 с.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие. 8-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2023. 256 с.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.

Штофф В.А. Моделирование и философия. М. – Л.: Наука, 1966. 303 с.

Djik T.A. van. What is Political Discourse Analysis? // Belgian Journal of Linguistics. 1997. Vol. 11. P. 11–52.

Ealy S. Communication, Speech and Politics. Washington, D.C.: University Press of America, 1981. 244 p.

Hacker K.L. Political Linguistic Discourse Analysis // The Theory and Practice of Political Communication Research. New York: State University of New York Press, 1996. P. 28–55.

Jäger S., Maier F. Theoretical and Methodological Aspects of Foucaldian Critical Discourse Analysis and Dispositive Analysis // Methods of Critical Discourse Analysis / ed. by R. Wodak, M. Meyer. London: Sage, 2009. P. 34—61.

Johnson-Laird P.N., Oatley K. The Language of Emotions: an Analysis of a Semantic Field // Cognition and Emotion. 1989. V ol. 3(2). P .81–123.

Mostýn M. Emotionalität in politikbezogenen Internetkommentaren im deutsch-tschechischen Vergleich. URL: https://dokumenty.osu.cz/ff/journals/studiagermanistica/2012-11/SG_11_5_Mostyn.pdf (дата обращения 23.10.2023).

Schwarz-Friesel M. Sprache und Emotion. Tübingen / Basel: A. Francke Verlag, 2007. 406 S.

Wierzbicka A., Besemeres M. Emotion terms as a window on culture, social psychology and subjective experience // Язык и эмоции: номинативные и коммуникативные аспекты. Волгоград, 2009. С. 14–31.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. https://blogs.taz.de/verantwortliche/die-doppelte-klimaangst-und-der-aufstieg-des-olaf-scholz/.
2. https://www.welt.de/politik/ausland/plus239832125/Kubas-panische-Angst-vor-dem-DDR-Szenario.html.
3. https://www.gutefrage.net/frage/gruenelinkespdler-was-sagt-ihr-zu-den-18-der-afd.
4. https://taz.de/Kommentar-Ein-Jahr-Syriza-Regierung/!5267714/.
5. https://www.echo-online.de/lokales/darmstadt/ernuechterung-bei-fdp-und-linke-afd-zufrieden-2928908.
6. https://www.welt.de/politik/article915693/Die-blinde-Wut-der-Steinewerfer.html.
7. https://www.tagesspiegel.de/politik/wachsende-angst-um-deutsche-im-ausland-1129690.html.
8. https://www.mdr.de/nachrichten/deutschland/politik/interview-politische-angst-ampel-koalition-kritik-100.html.
9. https://www.gruene-bundestag.de/files/beschluesse/beschluss-verantwortung-im-netz.pdf.
10. https://www.welt.de/debatte/kommentare/article247709556/Politik-und-Gefuehle-Wer-unter-Klimaangst-leidet-sollte-einen-Therapeuten-aufsuchen.html.
11. https://www.fr.de/politik/angst-politiker-volk-11448574.html.
12. https://www.deutschlandfunk.de/jagoda-marinic-demokratie-ampelkoalition-rechtspopulismus-100.html.
13. https://www.mdr.de/nachrichten/deutschland/politik/interview-politische-angst-ampel-koalition-kritik-100.html.
14. https://www.zdf.de/nachrichten/politik/baerbock-zitat-ukraine-krieg-russland-100.html.
15. https://www.tagesspiegel.de/politik/angst-vor-zweitem-lockdown-in-deutschland-wachst-5587447.html.
16. https://vladimir.er.ru/activity/news/v-serdcah-hranitsya-vechnaya-nadezhda.

A.V. Zorina
Senior Lecturer,
Chair of Foreign Languages,
The Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after A.M. Vasilevsky Marshal of the Soviet Union
Smolensk, Russia

Semantic Modeling of Ways to Verbalize Emotions in the Political Discourse of Germany

The article deals with methods of verbalization of various emotions, considered on the material of authentic texts related to the political discourse of Germany. There is a predominance of the emotional component over the rational one in modern political communication, therefore there is a need for a comprehensive study of the technique of nominating various emotional states. The purpose of the analysis is to

identify the features of the semantic aspect of the linguistic representation of emotions in German-language political texts.

This study is carried out using the method of semantic modelling according to five parameters reflecting the main types of syntagmatic relations between the meanings of words within one speech segment (a word combination or a sentence): «signs of emotion», «activity of emotion», «manifestation of emotion», «carrier of emotion», «cause of emotion».

The following conclusions were obtained in the course of this study: the parameters «signs of emotion» and «activity of emotion» are the most productive within the framework of German political discourse; within the parameters mentioned above, the phenomenon of metaphorization is noted, which can also be considered as one of the productive means of verbalization of emotions; according to the type of evaluation sign, the predominance of negative emotions is observed in the political discourse of Germany.

The results of the research conducted in this article can be used in research and teaching activities related to the study of the features of the emotional aspect of modern communication from a linguistic point of view.

Key words: *political discourse; emotions; verbalization of emotions; semantic modeling; parameters*

REFERENCES

Anokhin P.K. Emotions [Emotsii]. *Big medical encyclopedia*. The 2nd edition, 1964. Vol. 35. pp. 339–367 (in Russian).

Apresian N.Yu., Apresian Yu.D. Metaphor in the lexicographic interpretation of emotions [Metafora v leksikograficheskom tolkovanii emotsii]. *Issues of linguistics*, 1992. No. 3. pp. 27–35 (in Russian).

Babenko N.G. Lexical means of emotion designation in the Russian language [Leksicheskie sredstva oboznacheniia emotsii v russkom iazyke]. Sverdlovsk: Ural State University, 1989. 130 p. (in Russian).

Belyutin R.V. German sports discourse: the experience of pragmasemantic and linguocognitive research [Nemetskii sportivnyi diskurs: opyt pragmasemanticheskogo i lingvokognitivnogo issledovaniia]. *Abstract of dissertation ... doctor of Philological Sciences*. Smolensk, 2019. 38 p. (in Russian).

Belyutin R.V. Universal and Specific Features in Metaphorical Projections of German and Russian Sports Discourse [Universal'noe i spetsificheskoe v metaforicheskikh proektsiiakh nemetskogo i russkogo sportivnogo diskursa]. *Issues of Smolensk State University*, 2019. No. 4 (48). pp. 227–237 (in Russian).

Van Djik T.A. Language. Cognition. Communication [Iazyk. Poznanie. Kommunikatsiia]. Moscow: Progress, 1989. 310 p. (in Russian).

Gerasimenko N.A. Information and fascination in political discourse (on the question of the functioning of bisubstantial sentences) [Informatsiia i fastsinatsiia v politicheskom diskurse (k voprosu o funktsionirovanii bisubstantivnykh predlozhenii)]. *Political Discourse in Russia – 2: Materials of the workshop (Moscow, March 29, 1998)*. Edited by Yu.A. Sorokin and V.N. Basylev. Moscow, 1998. pp. 20–23 (in Russian).

Guts E.N., Ivanova E.D. Semantic Modeling of Ways to Verbalize Emotions (The Case of Emotions Fear and Fright) [Semanticheskoe modelirovanie sposobov verbalizatsii emotsii (na primere emotsii boiazn' i ispug)]. *Issues of Omsk State Pedagogical University. Humanities studies,* 2022. No. 3

(36). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskoe-modelirovanie-sposobov-verbalizatsii-emotsiy-na-primere-emotsiy-boyazn-i-ispug (accessed on 17 September 2023) (in Russian).

Izard K.E. Psychology of emotions [Psikhologiia emotsii]. Translated by A. Tatlybaev. St. Petersburg: Peter, 2000. 460 p. (in Russian).

Krasavskii N.A. Emotional concepts in German and Russian linguistic cultures [Emotsional'nye kontsepty v nemetskoi i russkoi lingvokul'turakh]. Moscow: Gnozis, 2008. 374 p. (in Russian).

Lilleker D. Dzh. Political communication. Key concepts [Politicheskaia kommunikatsiia. Kliuchevye kontsepty]. Translated by S.I. Ostnek. Kharkov: Humanitarian Center, 2010. 300 p. (in Russian).

Mironova N.N. Discourse analysis of evaluative semantics [Diskurs-analiz otsenochnoi semantiki]. Moscow: NVI-TEZAURUS, 1997. 158 p. (in Russian).

Chudinov A.P. Political linguistics [Politicheskaia lingvistika]. Moscow: FLINTA, 2023. 256 p. (in Russian).

Shakhovskii V.I. Linguistic theory of emotions [Lingvisticheskaia teoriia emotsii]. Moscow: Gnozis, 2008. 416 p. (in Russian).

Sheigal E.I. Semiotics of political discourse [Semiotika politicheskogo diskursa]. Moscow: Gnozis, 2004. 326 p. (in Russian).

Shtoff V.A. Modeling and philosophy [Modelirovanie i filosofiia]. Moscow-Leningrad: Nauka, 1966. 303 p. (in Russian).

Djik T.A. van. What is Political Discourse Analysis? *Belgian Journal of Linguistics,* 1997. Vol. 11. pp. 11–52 (in English).

Ealy S. Communication, Speech and Politics. Washington, D.C.: University Press of America, 1981. 244 p. (in English).

Hacker K.L. Political Linguistic Discourse Analysis. *The Theory and Practice of Political Communication Research.* New York: State University of New York Press, 1996. pp. 28–55 (in English).

Jäger S., Maier F. Theoretical and Methodological Aspects of Foucaldian Critical Discourse Analysis and Dispositive Analysis. *Methods of Critical Discourse Analysis.* Edited by R. Wodak, M. Meyer. London: Sage, 2009. pp. 34–61 (in English).

Johnson-Laird P.N., Oatley K. The Language of Emotions: an Analysis of a Semantic Field. *Cognition and Emotion*, 1989. Vol. 3(2). pp.81–123 (in English).

Mostýn, M. Emotionality in policy-related Internet comments in a German-Czech comparison [Emotionalität in politikbezogenen Internetkommentaren im deutsch-tschechischen Vergleich]. Available at: https://dokumenty.osu.cz/ff/journals/studiagermanistica/2012-11/SG_11_5_Mostyn.pdf (accessed on 23 October 2023) (in German).

Schwarz-Friesel, M. Language and Emotions [Sprache und Emotion]. Tübingen/Basel: A. Francke Verlag, 2007. 406 p. (in German).

Wierzbicka A., Besemeres M. Emotion terms as a window on culture, social psychology and subjective experience. Volgograd, 2009. pp. 14–31 (in English).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Н.И. Пьяных

Средняя общеобразовательная школа № 3
Рассказово (Тамбовская область), Россия

УДК 94

DOI 10.35785/2072-9464-2023-64-4-171-187

ГОСУДАРСТВОГЕНЕЗ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Ключевые слова: *Древняя Русь; государствогенез; политогенез; восточные славяне; формирование государства*.

Целью исследования было раскрытие процесса государствогенеза Древней Руси в IX – конце X века. В статье анализируются раннесредневековые памятники русского и зарубежного историописания, сопоставляются содержащиеся в них исторические сведения. Производится синхронизация информации исторических источников с имеющимися на настоящий момент в опубликованных каталогах археологическими данными о Руси. Научной новизной исследования является доказанность непрерывной линии существования Древней Руси восточнославянского характера с первой половины IX века (без завоевания варягами с Ильменского региона в 882 году), присоединения великим князем Олегом соседних с полянами племен без норманнского участия, признания варягами сюзеренитета Руси на рубеже IX–X веков. Результаты исследования могут быть использованы в дальнейшем для обновления научных обобщающих трудов, чтения лекционных курсов и спецкурсов специалитета, бакалавриата, магистратур и аспирантур гуманитарных и неисторических специальностей по истории Древнерусского государства и истории России в целом.

В условиях очередной конфронтации России с Западом, проведения справедливой специальной военной операции на Украине, возврата нашей страны в последние годы к патриотическим ценностям, в том числе в отечественной истории, требуется поиск глубинных основ русской государственности. Объективная, достоверная с научной точки зрения информация о возникновении Древнерусского государства помогает лучше осознать и сохранить свое прошлое, идентифицироваться с его цивилизационными основами. Актуальность исследования определяется также сложившейся с конца 1980-х годов в отечественной исторической науке историографической ситуацией: постулируется архаичный (немного подновленный, что

можно назвать ренессансом древности) миф о призвании на Русь иностранных правителей, варягов-князей, от которых, по сути, ведется история Русского государства, при этом происходит искажение либо сомнительное объяснение археологических и других данных.

Генезис Древней Руси привлекает к себе внимание современных исследователей [Щавелев, 2020; Горский, 2023] и вызывает исторические дискуссии [Клейн, 2009; Варяги и Русь, 2015], что связано с недостаточно информативно полными и не всегда надежными источниками и возможностью их различных интерпретаций. Промежуточные итоги изучения начала Русского государства на нынешнем этапе развития исторической науки нашли освещение в историографическом труде [Петрухин, 2021, *89–115*].

Цель исследования – раскрыть процесс государствогенеза Древнерусского государства.

Методологической основой исследования являются принципы историзма, объективности и научности. В работе применялись ретроспективный, герменевтический, сравнительно-исторический, аналитический методы исторического познания.

В VIII–IX веках происходили значительные изменения этнической карты Европы. Одной из основных их причин были миграции народов, вызванные климатическими изменениями, демографическими факторами и военными конфликтами. Этнопроцессы обусловили модификации политической карты Европы, содействовали развитию политогенеза в Старом Свете.

Политогенез – это процесс выделения в обществе политической стороны как самостоятельной и появления особых властных форм организации общества [Гринин, 2007, *101*]. Ведущей линией политогенеза являлся государствогенез («стейтогенез» в авторской редакции) – образование собственно государства [Гринин, 2010, *23*].

Составной частью политогенеза в раннесредневековой Европе был процесс формирования государства у восточных славян. Судя по летописному повествованию, еще до IX века на территории их проживания существовали отдельные княжения [Повесть временных лет, 1996, *146*] (позднее, в середине X века, император ромеев Константин Багрянородный называл их на южнославянский манер «славиниями» [Древняя Русь в свете зарубежных источников, 2010, т. II, *160*]) – объединения племен, которые возглавлялись князьями – военными вождями. Самым важным оказался союз полян, ставший ядром Древней Руси.

Географическое положение Среднеднепровского региона с благоприятными климатическими условиями [Древняя Русь в средневековом мире, 2014, *258*], лесостепная зона, прохождение сухопутного трансконтинентального пути способствовали развитию пашенного земледелия, пастбищного скотоводства и торговли, что вело к усложнению социальной структуры общества, имущественному расслоению, обогащению знати и

выделению публичной власти. Постоянная агрессия Хазарского каганата содействовала этнополитической консолидации полян и раннему образованию Древнерусского государства, которое могло противостоять внешнему врагу.

В первой половине IX века в документах появляются известия о существовании народности и государства «Рос / Русь». В «Баварском географе» в описании Восточной Европы народ русь (*нем.* Ruzzi) расположен около хазар, исходя из повествования, в Среднем Поднепровье [Древняя Русь в свете зарубежных источников, 2010, IV, *29*]. Согласно «Бертинским анналам», народ рос возглавлял правитель с титулом «хакан», послы которого в 839 году прибыли к франкскому императору Людовику I Благочестивому от императора ромеев Феофила, к которому они направлялись «ради дружбы», то есть заключения союза [Древняя Русь в свете зарубежных источников, 2010, IV, *19*]. Из византийских документов известно о нескольких походах рати и флота росов на империю ромеев до 842 года и в 860 году [Древняя Русь в свете зарубежных источников, 2010, II, *129–130, 132, 177, 178*]. Древнерусские летописи, использовавшие исторические источники из Восточной Римской империи, утверждали, что Русь / Русская земля появилась в 852 году [Повесть временных лет, 1996, *148*].

Наличие правителя, вооруженных сил, послов-разведчиков, территории с населением убедительно свидетельствует о существовании уже в первой половине IX века Древнерусского государства, находившегося, однако, еще на ранней ступени становления (о бытии пред- или государственных образований в то время уже писали некоторые исследователи с разных исторических позиций [Рыбаков, 1982, *290*; Назаренко, 2012, *13–35*]).

Первоначальным правителем Руси («славянским царем»), по информации восточного энциклопедиста-путешественника первой половины X века ал-Масуди, был Дир (*араб.* ад-Дир) [Древняя Русь в свете зарубежных источников, 2010, III, *117*]. В русских летописях им являлся киевский князь третьей четверти IX века [Повесть временных лет, 1996, *149*]. Заимствованный у соседних хазар титул хакана [Седов, 2002, *278*] указывает на явные контакты с ними и стремление Древнерусского государства к суверенному паритету с Хазарией. Это равноправие было достигнуто, очевидно, после кровавой конфронтации, ведь Среднее Поднепровье не имело естественных преград от агрессии кочевников с востока и имеются письменные свидетельства о былой даннической зависимости киевлян от тюркоязычных племен [Повесть временных лет, 1996, *149*]. По данным разных источников, позднее, в конце X – середине XI века, великих князей русских Владимира Святославича и его сына Ярослава тоже титуловали каганами [Древняя Русь в свете зарубежных источников, 2010, III, *58, 60*; Слово о законе и благодати митрополита Илариона, 1997, *26, 52–53*].

Генезис этнонима «русь / рос» остается отдельной дискуссионной проблемой исторической науки [Дзибель, 2021, *80–99*; Кулешов, 2009, *439–457*; 2021, *106–110*; Максимович, 2021, *100–106*; Петрухин, 2022, *208–211*]. Только в начале XXI века в целом была научно обоснована этимология названия, происходящего от «русый» через славянское *roud-s-ь от праславянского корня *rъd- / *roud- / *ryd-, означавшего «красноватый», «рыжий», «бурый» [Максимович, 2006, *50*]. Данный этникон вытеснил сначала название полян («поляне, которые теперь зовутся русь» [Повесть временных лет, 1996, *151*]), а затем и именования других восточнославянских племен [Седов, 2002, *270*]. Возможно, что приобретшие суверенитет жители Среднего Поднепровья таким образом отличали себя от других славян, оставшихся данниками Хазарского каганата. До сих пор поддерживаемая рядом историков источниковедчески шаткая точка зрения о восхождении названия к скандинавскому значению слова «ruotsi», именования варягов-гребцов финнами, от которых будто бы оно перешло восточным славянам [Мельникова, 2011, *53*; Петрухин, 2014, *193*; Древняя Русь в средневековом мире, 2014, *700*], неверна. На Руси скандинавов исконно называли варягами, а в древнескандинавских источниках название «русь» не встречается [Древняя Русь в свете зарубежных источников, 2009, V]. Летописцы, которым не было достоверно известно о происхождении этникона и Древнерусского государства, впоследствии писали то «от варягов прозвалась Русская земля», то «варяги, прозвавшиеся Русью» [Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, 1950, *106, 107*; Повесть временных лет, 1996, *149, 150*]. Так или иначе, этноним «русь / рос» появился у восточных славян раньше прихода значительного количества варягов на территорию их проживания.

Рос, согласно «Бертинским анналам», самоназвание народности, а не именование его другими этническими или политическими общностями [Древняя Русь в свете зарубежных источников, 2010, IV, *19*]. Ряд исследователей, базируясь на словах послов об их принадлежности к народу свеев, отождествляют росов и скандинавов [Горский, 2010, *32*; Мельникова, 2011, *66*; Петрухин, 2014, *117*]. Однако послы-разведчики, по меткому замечанию историков [Сахаров, 1980, *44–45*; Свердлов, 2003, *98–99*], являлись только представителями кагана народа рос. «Свеи» также являлось самоназванием – населения Средней Швеции, а тюркоязычный титул и вовсе был им чужд. Археологических находок скандинавского происхождения в Среднеднепровском регионе ранее рубежа IX–X веков не обнаружено [Андрощук, Зоценко, 2012; Меч и златник, 2012; Комар, 2012, *316*; Макаров, 2012, *455*; Начало Руси глазами современной археологии, 2013, *499*; Щавелев, Фетисов, 2017, *293–294, 311*]. Тем не менее ранние контакты Руси со скандинавами, нанимавшимися в качестве ее разведчиков-послов, по данным «Бертинских анналов», были уже в первой половине IX века, на что обращали внимание ученые [Кузенков, 2012, *73*].

Исторические свидетельства о событиях в Среднеднепровском регионе вполне согласуются с археологическими данными местных ученых. Согласно им, в первой трети IX века произошло катастрофическое уничтожение волынцевской культуры, имевшей признаки влияния Хазарского каганата, и выдвижение на ее место Луки-Райковецкой культуры без следов воздействия степняков [Комар, 2012, *303, 364–365*; Комар, 2017, *33–34, 38*].

Процессы формирования государственных образований у восточнославянских племен происходили в IX веке также на других территориях их проживания, в частности в Поволховье-Приильменье. Оно с северо-запада было открыто для вторжения скандинавов. Один из авторов-составителей древнерусской летописи Нестор утверждал, что ильменские словене и соседние им балтийские и финноязычные племена платили дань варягам [Повесть временных лет, 1996, *149*], очевидно, после их вооруженной высадки. То есть северный центр восточных славян испытывал влияние скандинавов, даже возможно, что выходцы из-за Балтийского моря получили власть в Поволховском регионе в середине IX века.

Согласно древнерусским летописям, в 862 году ильменские словене и соседние им племена пригласили («призвали») на княжение варягов и братья Рюрик, Синеус и Трувор стали править соответственно в Новгороде, Белоозере и Изборске [Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, 1950, *106*; Повесть временных лет, 1996, *149*]. Однако, согласно археологическим данным, Белоозера в IX веке еще не существовало, а находок скандинавского происхождения в Изборске того времени не обнаружено [Макаров, 2012, *457*]. После смерти родственников Рюрик объединил север восточноевропейских земель, «и от тех варягов прозвалась Русская земля», – написал Нестор [Повесть временных лет, 1996, *149*], а Рюрик стал основателем правящей на Руси династии Рюриковичей. Обнаруженный около Новгорода благодаря археологическим раскопкам, в том числе новейшим [Хвощинская, 2021; 2022], некрополь отождествляется с ним и потому в историографии называется его именем – Рюриково городище.

Данные о призвании варягов-князей на северо-запад Восточной Европы, опирающиеся на летописные сведения, не имеющие подтверждений в других источниках, что примечательно – древнескандинавских [Древняя Русь в свете зарубежных источников, 2009, V], являются легендой. Еще на рубеже XIX–XX веков выдающийся историк А.А. Шахматов, осуществивший текстологические изыскания, доказал, что рассказ о Рюрике, об «основании» Руси варягами является последующей вставкой в первоначальный текст «Повести временных лет» [Шахматов, 2003, *185–231*]. Современные историки отмечают позднейшее переосмысление содержания устных народных преданий, являвшихся основой рассказа, неоднократно переработанных, измененных и дополненных в соответствии с реальностью первой половины XI – начала XII века, времени составления летописи [Мельникова, 2011; Стефанович, 2012, *513–*

582; Петрухин, 2014, *149*]. Ее компиляционный и часто мифологический характер, наличие фольклорной легитимации основания династии Рюриковичей, заимствование самого имени Рюрик, ставшего известным на Руси из дружинных преданий и/или информации о конунгах в родах датских и норвежских правителей с таким наречением в связи с заключением династических браков (последний силлогизм уже утверждался историками [Данилевский, 2012, *112*]), вызывают обоснованное сомнение в достоверности летописного повествования. Современные исследования [Янин, 2008, *33*; Мельникова, 2011; Стефанович, 2012, *513–582*; Кирпичников, 2014, *81–86*; Петрухин, 2014], использовавшие экстраполяцию позднейших русских договоров-«рядов» бояр с приглашением князей в Новгородскую республику на события IX века, не убеждают в истинности выделения публичной власти в Поильменье путем призвания князей-варягов.

Процесс объединения восточной ветви славянства и некоторых их соседей был длительным. Пред- и государственные образования в Среднем Поднепровье и Приильменье-Поволховье политически никак не были связаны друг с другом. Важными предпосылками их интеграции являлись обширная территория, занятая при наличии балтийских, финноязычных и отчасти тюркских племен восточнославянским населением, его присутствие в удаленных друг от друга регионах Восточной Европы, во многом определившее границы «большого» Древнерусского государства [Макаров, 2012, *454*]. Еще одним интеграционным предварительным условием было наличие древнеславянского языка – общего для восточных славян, о существовании которого говорит летопись [Повесть временных лет, 1996, *146*].

Следующим фактором, способствовавшим объединению, являлось формирование протяженного от Ладожского озера до Черного моря Балтийско-Днепровского торгового пути. Непосредственно под влиянием динамики торговли росли поселения, позднее – города и устанавливались связи между ними. Самые ранние археологические свидетельства о существовании торговой магистрали, известной в «Повести временных лет» как путь «из варяг в греки», относятся к 830-м годам [Носов, 2012, *111*; Начало Руси глазами современной археологии, 2013, *500*]. Однако активно функционировать Балтийско-Днепровский торговый маршрут начинает только на рубеже IX–X веков, экономически связав, таким образом, северный и южный центры восточных славян. Ведущей в объединении восточнославянских племен все же была военно-политическая сила.

Так как хронология Древнерусского государства второй половины IX – первой половины X века является калькуляцией летописцев, что доказано исторической наукой [Шахматов, 2003, *6–8*; Гиппиус, 2012, *49*; Горский, 2012, *11–14*], то условно в 882–912 годах правителем Руси был Олег. Достоверная информация о его происхождении отсутствует. Он являлся преемником своих

предшественников, возможно Аскольда, который правил, по летописным сообщениям, в Киеве в третьей четверти IX века [Повесть временных лет, 1996, *149*]. Олег с помощью дружины в условиях шедших в то время изменений в военном деле [Пенской, 2011, *212*] последовательно присоединил древлян, северян, радимичей, представители которых пополняли Киев, превратив его из поселения в город, названный «матерью городов русских». Археологи отмечают приток на территорию Киева в конце IX века носителей роменской культуры Днепровского левобережья [Комар, 2012, *365*]. В новых землях для контроля над ними Олег приказал строить опорные пункты, установил подвластному населению дань, для сбора которой совершался объезд – полюдье. В летописном перечне данников Олегу нет полян, ведь они были государствообразующей основой Руси.

Узнав об усилении Древнерусского государства, с севера по торговому пути прибывают варяжские силы, которые договариваются с Олегом. Как и подчиненные славянские племена, они признают его верховенство, согласно Нестору – «прозвавшиеся Русью» [Повесть временных лет, 1996, *150*], часть их компактно переселяется на юг (в Шестовицы, где сформировали лагерь [Комар, 2012, *365*; Фетисов, Щавелев, 2013, *36*]), постепенно вливается в русскую дружину, а часть сохраняет контроль над Севером, который по-прежнему платит им дань. Таким образом, произошла политическая интеграция двух основных центров восточнославянских и соседних им финноязычных племен. Интеграция была достаточно формальная, поэтому император ромеев Константин Багрянородный позднее писал о «внешней» и внутренней «Росии» [Древняя Русь в свете зарубежных источников, 2010, II, *158*], а ряд мусульманских авторов, последовательно заимствуя друг у друга полученную информацию, разделяли русов и славян [Древняя Русь в свете зарубежных источников, 2009, III, *30, 44, 47*]. Отношения между Русью и варягами стали поддерживаться через находившееся, по данным археологии [Время возникновения поселения, 2020, *70*], посередине Балтийско-Днепровского пути поселение Гнездово около современного Смоленска.

Летописные сведения о деятельности великого князя Олега дополняет подписанный от его имени русско-византийский договор 911 года, приведенный в древнерусском летописном своде [Повесть временных лет, 1996, *154*]. В тексте данного межгосударственного соглашения упоминается множество послов со скандинавскими именами [Трубачев, 2005, *167*], в чем нет ничего экстраординарного, так как свеи уже были посланцами хакана народа рос – в 839 году.

Преемником Олега был великий князь Игорь (условно 912–945 годы). Его жизнь до вступления на престол тоже достоверно неизвестна, во всяком случае, в тексте договора с империей ромеев от 911 года его имя не упоминается. Скорее всего, он являлся одним из бояр Олега, о существовании которых

сообщает договор, иначе и не стал бы он великим князем Руси. В древних государствах в случае отсутствия детей, родственников у правителя власть транслировалась лицу из его ближайшего окружения, как правило военачальнику. Игорь стал подлинным основателем династии правителей, именуемой Рюриковичами. Для обучения управления государством он, по информации византийского императора Константина Багрянородного [Древняя Русь в свете зарубежных источников, 2010, II, *158–159*], посадил своего сына Святослава, будущего правителя, наместником («посадником») основанного возле Рюрикова городища, но далекого от Киева Новгорода. Его назначение в Ильменский регион подтверждает появление там центральной власти.

С началом княжеской династии связана проблема ее этнического происхождения. В историографии еще со времен дореволюционных исследователей Российской империи, опиравшихся на летописные сообщения, утверждался варяжский генезис Игорева рода [Горский, 2010, *25*]. История все же является наукой, критически использующей источники, стремящейся к получению истинного знания. Поэтому единственное и записанное спустя два столетия после свершившихся событий сообщение «Повести временных лет» о родстве Рюрика и Игоря, не имеющее подтверждений в других исторических источниках, необоснованно. Имя Игорь, зафиксированное в русско-византийском договоре 944 года, возможно [Литвина, Успенский, 2006, *38*], восходит к древнескандинавскому Ingvarr. В отсутствие надежных генетических (есть неисторические работы подобной тематики [Волков, 2012]), антропологических – вообще данных о великом князе имя может свидетельствовать о смешанной славяно-скандинавской принадлежности основателя правящей династии на Руси, бывшей многонациональным государством. Археологические исследования также указывают на полиэтничный состав погребальных элитарных комплексов Киева того времени [Комар, 2012, *365*].

Игорь продолжил интеграцию восточнославянских племен, покорил уличей, назначив им дань. Платя ее и предоставляя военную силу для осуществления походов правителя Руси, племенные союзы сохраняли внутреннюю автономию, своих князей и народные собрания (в древнерусской летописи упоминается «совет» [Повесть временных лет, 1996, *163*]), что приводило к местным восстаниям, направленным на возвращение былого полного суверенитета. Так, после смерти Олега Игорю пришлось вновь покорять древлян. Возможное нарушение правил сбора дани стало поводом для восстания в 945 году, в ходе которого Игорь был убит. Все это свидетельствовало о непрочности Древнерусского государства, базировавшегося на власти правителя и его дружины – военной силы, что было характерно для древних государств, к которым относилась Русь.

После гибели Игоря из-за малолетства его наследника-сына Святослава, по данным иностранных источников, полновластной правительницей Руси [Древняя Русь в свете зарубежных источников, 2010, II, *143*, IV, *45*] в

середине X века стала Игорева вдова – Ольга. Она упразднила династию автохтонных племенных князей – предводителей восстания против Киева, окончательно подчинив их. Ольга укрепляет центральную власть путем проведения налоговой реформы и преобразования местного управления, в результате чего роль племенных княжений резко падает. Если в договорах Олега и Игоря с Византией упоминаются «великие и светлые», то есть местные князья, то в соглашениях Святослава их уже нет [Повесть временных лет, 1996, *154, 160, 171*].

Святослав Игоревич (945–972) продолжил укреплять Древнерусское государство, назначив, как и его отец, наместниками на наиболее важные территории – Новгород и древлянскую землю – своих сыновей. Владимир Святославич (978–1015) решительно покорил вятичей и радимичей. Таким образом, при нем было окончательно завершено объединение всех восточнославянских племен в составе единого Древнерусского государства [Горский, 2017, *23*].

Владимир осознавал необходимость консолидации страны, державшейся на военной силе, в составе которой жили представители разных общностей. Он уже традиционно вместо мятежных и вообще племенных князей посадил своих сыновей в города управлять локальными сообществами, нанеся тем самым удар племенной структуре Древнерусского государства. Тем не менее правитель понимал, что административно-территориального преобразования страны недостаточно для ее скрепления, так как он и сам, будучи наместником, участвовал в междоусобной войне. Великий князь Владимир Святославич использовал религию для консолидации Руси. Он крестился по православному обряду и принял от империи ромеев, с которой были вековые политические, торговые, культурные и религиозные отношения, христианство в качестве государственной религии Руси около 988 года. Крещение способствовало единению разрозненных племен и консолидации Руси, о чем свидетельствуют археологические данные [Макаров, 2012, *459*]. Княжеская династия использовала христианство в качестве идеологической основы управления страной, что способствовало укреплению ее власти. В целом с принятием христианства завершился процесс становления Древнерусского государства.

Таким образом, в конце I тысячелетия н.э. в контексте происходившего общеевропейского процесса политогенеза на территории проживания восточных славян под влиянием разных внутренних и внешних факторов в результате развития этнополитических общностей («союзов племен») сформировались протогосударственные политические структуры – княжения. Одно из них, полянское, не позднее конца первой половины IX века трансформировалось в государство со славянским названием «Русь / Рос».

В 830–840-е годы Древнерусское государство, по данным разных письменных источников, прежде всего зарубежного происхождения, появилось на исторической сцене, взаимодействуя с иностранными государствами военным и дипломатическим путями.

Древнерусское государство восточнославянского характера существовало в IX веке непрерывно, без завоевания его варягами (норманнами). Оно справедливо отождествляется с Лука-Райковецкой археологической культурой Днепровского правобережья.

Резкое усиление и территориальное расширение Руси произошло на рубеже IX–X веков в результате военной деятельности великого князя Олега. В его правление из Ильменского региона к Среднему Поднепровью прибыли варяжские отряды, признавшие сюзеренитет Руси, влившись в княжескую дружину, войдя в политическую элиту. Именно поэтому раскопанный археологами киевский некрополь X века был полиэтничным.

В течение X века все восточнославянские, а также ряд балтийских, финно-угорских и отчасти тюркских племен были объединены Древнерусским государством. С принятием в конце X столетия христианства в его восточном (православном) образце завершился процесс государствогенеза Руси, была обоснована ее идеологическая составляющая.

Проведенное в настоящем исследовании изучение данных древнерусских летописей и иностранных источников, историографическое сопоставление исторической и археологической информации, в том числе новейшей, изложенной другими авторами, не подтверждает «призвание варягов» на Русь и значительное влияние скандинавов на возникновение Древнерусского государства.

Возможности проанализированных имеющихся на данный момент письменных древнерусских и зарубежных источников уже исчерпаны исторической наукой для изучения истории Древней Руси. Перспективы дальнейшего исследования ее могут быть связаны с возможными в будущем археологическими открытиями.

ЛИТЕРАТУРА

Андрощук Ф., Зоценко В. Скандинавские древности южной Руси. Paris: Інститут археології НАН України, 2012. 367 с.

Варяги и Русь: сборник статей и монографий / отв. ред. В.В. Фомин. М.: Русская панорама, 2015. 505 с.

Волков В.Г. Все ли Рюриковичи происходят от одного предка? Происхождение Рюрика и Гедимина в свете последних генетических исследований // Генеалогия допетровского времени: источниковедение, методология, исследования: материалы XIV Петербургских генеалогических чтений (Санкт-Петербург, 26 июня 2010 г.). СПб., 2012. С. 11–40.

Время возникновения поселения Гнездовского археологического комплекса по данным радиоуглеродного датирования / В.В. Мурашева [и др.] // Российская археология. 2020. № 4. С. 70–86.

Гиппиус А.А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама / отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 37–63.

Горский А.А. Владимир Святой и формирование государственной территории Руси // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура: материалы Международной научной конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба (Москва, 14–16 октября 2015 г.) / отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Назаренко. М.; Вологда: Древности Севера, 2017. С. 15–23.

Горский А.А. Политическое развитие средневековой Руси. М.: Наука, 2023. 245 с.

Горский А.А. Русское Средневековье. М.: Астрель: Олимп, 2010. 222 с.

Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс: Эволюция государственности: От раннего государства к зрелому. М.: Либроком, 2010. 368 с.

Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства: Общий контекст социальной эволюции при образовании государства. М.: КомКнига, 2007. 272 с.

Данилевский И. Князья домонгольской Руси: «свои» или «чужие»? // Родина: новый исторический журнал. 2012. № 9. С. 112–114.

Данилевский И.Н. Герменевтические основы изучения летописных текстов. Повесть временных лет. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2019. 438 с.

Дзибель Г.В. О происхождении этнонима русь и рода Рюриковичей: взгляд на славяно-финно-скандинавское культурное пограничье IX–XI вв. с позиции антропологии родства // Этнографическое обозрение. 2021. № 4. С. 79–98.

Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Т. II: Византийские источники / сост. М.В. Бибиков. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 372 с.

Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Т. III: Восточные источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. 264 с.

Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Т. IV: Западноевропейские источники / сост., пер. и коммент. А.В. Назаренко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 502 с.

Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Т. V: Древнескандинавские источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. 384 с.

Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / под общ. ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. 989 с.

Кирпичников А.Н. Исторические данные о создании Русского государства // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / отв. ред. Н.А. Макаров, А.Е. Леонтьев; сост. И.Е. Зайцева. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 81–86.

Клейн Л.С. Спор о варягах: история противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия, 2009. 395 с.

Комар А.В. Киев и Правобережное Поднепровье // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама / отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 301–332.

Комар А. Между Русью и Хазарией: Днепровское Левобережье IX века в свете современной археологии // Rus´ and the World of the Nomads (the second half of 9th–16th centuries). Publication from the 7th International Scientific Conference, Plzeň, November 23th–26th, 2016 / ed. V. Nagirnyy, Krakow 2017 (Colloquia Russica. Series II, vol. 7). S. 31–43.

Комар А.В. Чернигов и Нижнее Подесенье // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама / отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 335–365.

Кузенков П.В. Из истории начального этапа византийско-русских отношений // Исторический вестник. 2012. № 1(148). С. 54–98.

Кулешов С.В. Еще раз о происхождении этносоционима русь // Этнографическое обозрение. 2021. № 4. С. 106–110.

Кулешов С.В. К оценке достоверности этимологий слова русь // Труды Государственного Эрмитажа XLVIII. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света: материалы Международной конференции,

состоявшейся 14–18 мая 2007 года в Государственном Эрмитаже. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2009. С. 441–459.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 639 с.

Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: Индрик, 2006. 740 с.

Макаров Н.А. Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама / отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 449–459.

Максимович К.А. Происхождение этнонима Русь в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников // KANIEKION: Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора И. С. Чичурова. М., 2006. С. 14–56.

Максимович К.А. *Rodiči – ruotsi – русь: критические заметки к новой этимологии старого этнонима // Этнографическое обозрение. 2021. № 4. С. 100–106.

Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды / под ред. Г.В. Глазыриной и Т.Н. Джаксон. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. 475 с.

Мельникова Е.А. Европейский контекст возникновения древнерусской государственности // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / отв. ред. серии Е.А. Мельникова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 240–269.

Меч и златник: к 1150-летию зарождения древнерусского государства / науч. ред.: Д.В. Журавлев, В.В. Мурашева. М.: Кучково поле: Мастерская Зарубина, 2012. 316 с.

Назаренко А.В. Русь IX века: обзор письменных источников // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама / отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 13–35.

Начало Руси глазами современной археологии. Доклад академика Н.А. Макарова, члена-корреспондента РАН Е.Н. Носова и академика В.Л. Янина // Вестник Российской академии наук. 2013. Т. 83, № 6. С. 496–507.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 640 с.

Носов Е.Н. Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама / отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 93–119.

Пенской В.В. Изменения в военном деле у восточных славян в IX–X вв. и их последствия // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2011. С. 210–214.

Петрухин В.Я. Имя русь: примордиализм и этнические генеалогии // Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. XXXIV: Межэтнические контакты в социокультурном контексте / отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2022. С. 208–212.

Петрухин В.Я. Начало русского государства и летописания в российских работах 2000–2020-х гг. // RussianStudiesHu. 2021. No. 2. С. 90–115.

Петрухин В.Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Форум; Неолит, 2014. 464 с.

Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука: С.-Петерб. изд. фирма, 1996. 667 с.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982. 590 с.

Сахаров А.Н. Дипломатия древней Руси: IX – первая половина X в. М.: Мысль, 1980. 358 с.

Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб.: Акад. проект, 2003. 734 с.

Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры, 2002. 624 с.

Слово о законе и благодати митрополита Илариона / подгот. текста и коммент. А.М. Молдована, пер. диакона Андрея Юрченко // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева [и др.]. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI–XII века. 543 с.

Стефанович П.С. «Сказание о призвании варягов» или Origo gentis russorum? // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 514–583.

Трубачев О.Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. 3-е изд., доп. М.: Наука, 2005. 286 с.

Фетисов А.А., Щавелев А.С. Викинги. Между Скандинавией и Русью. М.: Вече, 2013. 336 с.

Хвощинская Н.В. Об одной группе скандинавских находок на Рюриковом городище // Археологические вести. Вып. 37 / гл. ред. Н.В. Хвощинская. СПб., 2022. С. 116–125.

Хвощинская Н.В. Укрепления Рюрикова городища под Новгородом в контексте новейших археологических изысканий // Археологические вести. Вып. 33 / гл. ред. Н.В. Хвощинская. СПб., 2021. С. 107–120.

Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2: Раннее русское летописание XI–XII гг. СПб.: Наука, 2003. 1021 с.

Щавелев А.С. Хронотоп державы Рюриковичей (911–987 годы). М.: Аквилон, 2020. 560 с.

Щавелев А.С., Фетисов А.А. К исторической географии Восточной Европы IX в. 2. Карта скандинавских комплексов и артефактов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 / отв. ред. А.С. Щавелев. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. С. 278–328.

Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008. 395 с.

N.I. Pianykh
Ph.D. in History, History and Social Studies Teacher,
Secondary school No. 3
Rasskazovo (Tambov region), Russia

State Genesis of Ancient Russia

The purpose of the study was to reveal the process of state genesis of Ancient Russia in the IX − late X centuries. The article analyzes the early medieval monuments of Russian and foreign historiography, compares the historical information contained in them. The information of historical sources is synchronized with the archaeological data about Russia currently available in the published catalogs. The scientific novelty of the study is the proof of the continuous line of the existence of Ancient Russia of an East Slavic character from the first half of the IX century (without its conquest by the Varangians from the Ilmen region in 882), the annexation by Grand Duke Oleg of the neighboring tribes with the glades without Norman participation, the recognition by the Varangians of the suzerainty of Russia at the turn of the IX–X centuries. The results of this research can be used in the future to update scientific generalizing works, lecture courses and special courses of the specialty, bachelor's, master's and postgraduate courses of humanities and non-historical specialties on the history of the Ancient Russian state and the history of Russia as a whole.

Key words: *Ancient Rus; state genesis; politogenesis; Eastern Slavs; formation of the state*.

REFERENCES

Androshchuk F., Zotsenko V. Scandinavian antiquities of Southern Russia. [Skandinavskie drevnosti iuzhnoi Rusi]. Paris: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, 2012. 367 p. (in Russian).

Russian Russians and the Varangians: a collection of articles and monographs [Variagi i Rus': sbornik statei i monografii]. *Russian Historical Society.* Edited by V.V. Fomin. Moscow: Russian Panorama, 2015. 505 p. (in Russian).

Volkov V.G. Are all Rurikovichi descended from the same ancestor? The origin of Rurik and Gediminas in the light of recent genetic research [Vse li Riurikovichi proiskhodiat ot odnogo predka? Proiskhozhdenie Riurika i Gedimina v svete poslednikh geneticheskikh issledovanii]. *Genealogy of the Pre-Petrine time: source studies, methodology, research: materials of the XIV St. Petersburg Genealogical Readings, St. Petersburg, June 26, 2010*. St. Petersburg, 2012, pp. 11−40 (in Russian).

Gippius A.A. Before and after the Initial Arch: the Early chronicle history of Russia as an object of textual reconstruction [Do i posle Nachal'nogo svoda: ranniaia letopisnaia istoriia Rusi kak ob"ekt tekstologicheskoi rekonstruktsii]. *Rus in the IX–XI centuries: an archaeological panorama. Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences.* Edited by N.A. Makarov. Moscow; Vologda: Antiquities of the North, 2012. pp. 37−63 (in Russian).

Gorsky A.A. Vladimir the Saint and the formation of the state territory of Russia [Vladimir Sviatoi i formirovanie gosudarstvennoi territorii Rusi]. *Russia of the Epoch of Vladimir the Great: State, Church, Culture: Materials of the International Scientific Conference in Memory of the Millennium of the Death of the Holy Prince Vladimir Equal to the Apostles and the martyrdom of the Holy Princes Boris and Gleb, Moscow, October 14−16., 2015*. Edited by N.A. Makarov, A.V. Nazarenko. Moscow; Vologda: Antiquities of the North, 2017. pp. 15−23 (in Russian).

Gorsky A.A. Political development of medieval Russia [Politicheskoe razvitie srednevekovoi Rusi]. Moscow: Nauka, 2023. 245 p. (in Russian).

Gorsky A.A. Russian Middle Ages [Russkoe Srednevekov'e]. Moscow: Astrel: Olympus, 2010. 222 p. (in Russian).

Grinin L.E. The State and the historical process: The evolution of statehood: From an early state to a mature one [Gosudarstvo i istoricheskii protsess: Evoliutsiia gosudarstvennosti: Ot rannego gosudarstva k zrelomu]. Moscow: Librocom, 2010. 368 p. (in Russian).

Grinin L.E. The State and the historical process. The era of the formation of the state: The general context of social evolution in the formation of the state [Gosudarstvo i istoricheskii protsess. Epokha formirovaniia gosudarstva: Obshchii kontekst sotsial'noi evoliutsii pri obrazovanii gosudarstva]. Moscow: KomKniga, 2007. 272 p. (in Russian).

Danilevsky I.N. Princes of pre-Mongol Russia: «their own» or «strangers»? [Kniaz'ia domongol'skoi Rusi: «svoi» ili «chuzhie»?]. *Motherland: a new historical journal*. 2012. No. 9. pp. 112−114 (in Russian).

Danilevsky I.N. Hermeneutical foundations of the study of chronicle texts. A tale of bygone years [Germenevticheskie osnovy izucheniia letopisnykh tekstov. Povest' vremennykh let]. The 2nd edition, reviewed and expanded. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House, 2019. 438 p. (in Russian).

Dzibel G.V. On the origin of the ethnonym Rus and the Rurikovich family: a look at the Slavic - Finno -Scandinavian cultural borderland of the IX − XI centuries from the perspective of the anthropology of kinship [O proiskhozhdenii etnonima rus' i roda Riurikovichei: vzgliad na slaviano - finno - skandinavskoe kul'turnoe pogranich'e IX − XI vv. s pozitsii antropologii rodstva]. *Ethnographic review*. 2021. No. 4. pp. 79−98 (in Russian).

Ancient Rus in the light of foreign sources: A Textbook [Drevniaia Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov: Khrestomatiia]. Edited by T.N. Dzhakson, I.G. Konovalova and A.V. Podosinova. Vol. II: Byzantine Sources. Compiled by M. V. Bibikov. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2010. 372 p. (in Russian).

Ancient Rus in the light of foreign sources: A Textbook [Drevniaia Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov: Khrestomatiia]. Edited by T.N. Dzhakson, I.G. Konovalova and A.V. Podosinova. Vol. III:

Eastern Sources. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2009. 264 p. (in Russian).

Ancient Russia in the light of foreign sources: A Textbook [Drevniaia Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov: Khrestomatiia]. Edited by T.N. Dzhakson, I.G. Konovalova and A.V. Podosinova. Vol. IV: Western European sources. Compiled, translated and commented by A.V. Nazarenko. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2010. 502 p. (in Russian).

Ancient Russia in the light of foreign sources: A Textbook [Drevniaia Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov: Khrestomatiia]. Edited by T.N. Dzhakson, I.G. Konovalova and A.V. Podosinova. Vol. V.: Old Norse Sources. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2009. 384 p. (in Russian).

Ancient Rus in the Medieval world: encyclopedia [Drevniaia Rus' v srednevekovom mire: entsiklopediia]. *Institute of General History of the Russian Academy of Sciences*. Edited by E.A. Melnikova, V.Ya. Petrukhina. Moscow: Ladomir, 2014. 989 p. (in Russian).

Kirpichnikov A.N. Historical data on the creation of the Russian state [Istoricheskie dannye o sozdanii Russkogo gosudarstva]. *Rus in the IX–XII centuries: society, state, culture / Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences*. Edited by N.A. Makarov, A.E. Leontiev. Compiled by I.E. Zaitseva. Moscow; Vologda: Antiquities of the North, 2014. pp. 81−86 (in Russian).

Klein L.S. The dispute about the Varangians: the history of confrontation and arguments of the parties [Spor o variagakh: istoriia protivostoianiia i argumenty storon]. St. Petersburg: Eurasia, 2009. 395 p. (in Russian).

Komar A.V. Kiev and the Right–Bank Dnieper region [Kiev i Pravoberezhnoe Podneprov'e] . *Rus in the IX − XI centuries: an archaeological panorama. Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences*. Edited by N.A. Makarov. Moscow; Vologda: Antiquities of the North, 2012. pp. 301−332 (in Russian).

Komar A. Between Russia and Khazaria: the Dnieper Left Bank of the IX century in the light of modern archaeology [Mezhdu Rus'iu i Khazariei: Dneprovskoe Levoberezh'e IX veka v svete sovremennoi arkheologii]. *Rus and the World of the Nomads (the second half of 9th–16th centuries). Publication from the 7th International Scientific Conference, Plzeň, November 23th–26th, 2016*. Edited by V. Nagirnyy. Krakow 2017, 521p. (Colloquia Russica. Series II, Vol. 7). pp. 31−43 (in Russian).

Komar A.V. Chernihiv and Nizhny Podesenye [Chernigov i Nizhnee Podesen'e]. *Rus in the IX–XI centuries: an archaeological panorama. Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences*. Edited by N.A. Makarov. Moscow; Vologda: Antiquities of the North, 2012. pp. 335−365 (in Russian).

Kuzenkov P.V. From the history of the initial stage of Byzantine-Russian relations [Iz istorii nachal'nogo etapa vizantiisko-russkikh otnoshenii]. *Historical Bulletin*. 2012. No. 148. pp. 54−98 (in Russian).

Kuleshov S.V. Once again about the origin of the ethnosocionym Rus [Eshche raz o proiskhozhdenii etnosotsionima Rus']. *Ethnographic review*. 2021. No. 4. pp. 106−110 (in Russian).

Kuleshov S.V. To assess the reliability of the etymologies of the word Rus [K otsenke dostovernosti etimologii slova Rus']. *Proceedings of the State Hermitage XLVIII. The formation of Russian statehood in the context of the early Medieval history of the Old World. Materials of the International Conference held on May 14-18, 2007 at the State Hermitage Museum*. St. Petersburg: State Hermitage Publishing House, 2009. pp. 441−459 (in Russian).

Lebedev G.S. The Viking Age in Northern Europe and Russia [Epokha vikingov v Severnoi Evrope i na Rusi]. St. Petersburg: Eurasia, 2005. 639 p. (in Russian).

Litvina A. F., Uspensky F.B. The choice of the name of Russian princes in the X − XVI centuries. Dynastic history through the prism of anthroponymy [Vybor imeni u russkikh kniazei v X − XVI vv. Dinasticheskaia istoriia skvoz' prizmu antroponimiki]. Moscow: Indrika, 2006. 740 p. (in Russian).

Makarov N.A. Historical evidence and archaeological realities: in search of correspondences [Istoricheskie svidetel'stva i arkheologicheskie realii: v poiskakh sootvetstvii]. *Rus in the IX–XI centuries: archaeological panorama. Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences*. Edited by N.A. Makarov. Moscow; Vologda: Antiquities of the North, 2012. pp. 449−459 (in Russian).

Maksimovich K. A. The origin of the ethnonym Rus in the light of historical linguistics and ancient written sources [Proiskhozhdenie etnonima Rus' v svete istoricheskoi lingvistiki i drevneishikh pis'mennykh istochnikov]. *KANIEKION: Jubilee collection in honor of the 60th anniversary of Professor I. S. Chichurov*. Moscow, 2006. pp. 14–56 (in Russian).

Maksimovich K.A. *Rodiči – ruotsi – rus: critical notes on the new etymology of the old ethnonym [*Rodiči – ruotsi – pus': kriticheskie zametki k novoi etimologii starogo etnonima]. *Ethnographic Review*. 2021. No. 4. pp. 100–106 (in Russian).

Melnikova E.A. Ancient Russia and Scandinavia: Selected works [Drevniaia Rus' i Skandinaviia: Izbrannye trudy]. Edited by G.V. Glazyrina and T.N. Dzhakson. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2011. 475 p. (in Russian).

Melnikova E. A. The European context of the emergence of Ancient Russian statehood [Evropeiskii kontekst vozniknoveniia drevnerusskoi gosudarstvennosti]. *The oldest states of Eastern Europe: 2010: Prerequisites and ways of formation of the Old Russian state. Institute of General History of the Russian Academy of Sciences*. Edited by E.A. Melnikova. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2012. pp. 240–269 (in Russian).

Sword and Zlatnik: to the 1150th anniversary of the Birth of the Old Russian state [Mech i zlatnik: k 1150-letiiu zarozhdeniia drevnerusskogo gosudarstva]. Edited by D.V. Zhuravlev, V.V. Murasheva. Moscow: Kuchkovo field: Zarubin's workshop, 2012. 316 p. (in Russian).

Murasheva V.V., Panin A.V., Shevtsov A.O., Malysheva N.N., Zazovskaya E.P., Zaretskaya N.E. The time of the settlement of the Gnezdovsky archaeological complex according to radiocarbon dating [Vremia vozniknoveniia poseleniia Gnezdovskogo arkheologicheskogo kompleksa po dannym radiouglerodnogo datirovaniia]. *Russian archaeology.* 2020. No. 4. pp. 70–86 (in Russian).

Nazarenko A.V. Russia of the IX century: a review of written sources [Rus' IX veka: obzor pis'mennykh istochnikov]. *Rus in the IX–XI centuries: an archaeological panorama. Institute of Archeology of the RussianAcademy of Sciences*. Edited by N.A. Makarov. Moscow; Vologda: Antiquities of the North, 2012. pp. 13–35 (in Russian).

The beginning of Russia through the eyes of modern archaeology. The report of academician N.A. Makarov, corresponding member of the Russian Academy of Sciences E.N. Nosov and academician V. L. Yanin [Nachalo Rusi glazami sovremennoi arkheologii. Doklad akademika N.A. Makarova, chlena-korrespondenta RAN E.N. Nosova i akademika V.L. Ianina]. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2013. Vol. 83. No. 6. June. pp. 496–507 (in Russian).

Novgorod first chronicle of the elder and younger izvodov [Novgorodskaia pervaia letopis' starshego i mladshego izvodov.]. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1950. 640 p. (in Russian).

Nosov E.N. Novgorod land: Northern Priilmenye and the Volga region [Novgorodskaia zemlia: Severnoe Priil'men'e i Povolkhov'e]. *Rus in the IX–XI centuries: an archaeological panorama. Institute of Archeology of the RussianAcademy of Sciences*. Edited by N.A. Makarov. Moscow; Vologda: Antiquities of the North, 2012. pp. 93–119 (in Russian).

Penskoi V.V. Changes in military affairs among the Eastern Slavs in the IX–X centuries and their consequences [Izmeneniia v voennom dele u vostochnykh slavian v IX–X vv. i ikh posledstviia]. *Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages. Early states of Europe and Asia: problems of politogenesis*. XXIII. Moscow: Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, 2011. pp. 210–214 (in Russian).

Petrukhin V.Ya. The name of Rus: primordialism and ethnic genealogies [Imia rus': primordializm i etnicheskie genealogii]. *Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages*. Issue XXXIV. Interethnic contacts in a socio-cultural context. Edited by E.A. Melnikova. Moscow, 2022. pp. 208–212 (in Russian).

Petrukhin V.Ya. The beginning of the Russian state and chronicles in Russian works of the 2000-2020s. [Nachalo Russkogo gosudarstva i letopisaniia v rossiiskikh rabotakh 2000–2020-kh gg.]. *Russian Studies Hu,* 2021. No. 2. pp. 90–115 (in Russian).

Petrukhin V.Ya. Rus in the IX–X centuries. From the vocation of the Varangians to the choice of faith [Rus' v IX–X vekakh. Ot prizvaniia variagov do vybora very.]. The 2nd edition, corrected and expanded. Moscow: Forum; Neolithic, 2014. 464 p. (in Russian).

The tale of bygone years [Povest' vremennykh let]. Prepared, translated, introduced and commented by D.S. Likhachev. Edited by V.P. Adrianova-Peretz. The 2nd edition, corrected and expanded. St. Petersburg: Nauka: St. Petersburg publishing house firm, 1996. 667 p. (in Russian).

Rybakov B.A. Kievan Rus and the Russian principalities of the XII–XIII centuries [Kievskaia Rus' i russkie kniazhestva XII–XIII vv.]. Moscow: Nauka, 1982. 590 p. (in Russian).

Sakharov A.N. Diplomacy of ancient Russia: IX − the first half of the X century [Diplomatiia drevnei Rusi: IX - pervaia polovina X v.]. Moscow: Thought, 1980. 358 p. (in Russian).

Sverdlov M. B. Pre-Mongol Russia. Prince and princely power in Russia VI – the first third of the XIII century [Domongol'skaia Rus'. Kniaz' i kniazheskaia vlast' na Rusi VI – pervoi treti XIII v.]. St. Petersburg: Academic project, 2003. 734 p. (in Russian).

Sedov V.V. Slavs: Historical and archaeological research [Slaviane: Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie]. *Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences*. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2002. 624 p. (in Russian).

A word about the law and grace of Metropolitan Hilarion [Slovo o zakone i blagodati mitropolita Ilariona]. *Library of Literature of Ancient Russia, RAN*. Text preparation and comments by A.M. Moldovan, translated by Deacon Andrey Yurchenko. Edited by D.S. Likhachev, L.A. Dmitriev, A.A. Alekseev, N.V. Ponyrko. St. Petersburg: Nauka, 1997. Vol. 1: XI−XII centuries. 543 p. (in Russian).

Stefanovich P.S. «The Legend of the vocation of the Varangians» or Origo gentis russorum? [«Skazanie o prizvanii variagov» ili Origo gentis russorum?]. *The oldest states of Eastern Europe: 2010: Prerequisites and ways of formation of the Ancient Russian state*. Edited by E.A. Melnikov. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2012. pp. 514−583 (in Russian).

Trubachev O.N. In search of Unity: a philologist's view on the problem of the Origins of Russia [V poiskakh edinstva: vzgliad filologa na problemu istokov Rusi]. The 3rd edition, expanded. Moscow: Nauka, 2005. 286 p. (in Russian).

Fetisov A.A., Shchavelev A.S. Vikings. Between Scandinavia and Russia [Vikingi. Mezhdu Skandinaviei i Rus'iu]. Moscow: Veche, 2013. 336 p. (in Russian).

Khvoshchinskaya N.V. About one group of Scandinavian finds at the Rurik settlement [Ob odnoi gruppe skandinavskikh nakhodok na Riurikovom gorodishche]. *Archaeological News, Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences.* Issue 37 Edited by N.V. Khvoshchinskaya. St. Petersburg, 2022. pp. 116−125 (in Russian).

Khvoshchinskaya N.V. Fortifications of the Rurikov settlement near Novgorod in the context of the latest archaeological research [Ukrepleniia Riurikova gorodishcha pod Novgorodom v kontekste noveishikh arkheologicheskikh izyskanii]. *Archaeological News, Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences*. Issue 33. Edited by N.V. Khvoshchinskaya. St. Petersburg, 2021. pp. 107−120 (in Russian).

Shakhmatov A.A. Russian Chronicle History Vol. 1. The tale of bygone years and the most ancient Russian chronicle vaults. Book 2. Early Russian chronicle of the XI–XII years. [Istoriia russkogo letopisaniia. T. 1. Povest' vremennykh let i drevneishie russkie letopisnye svody. Kn. 2. Rannee russkoe letopisanie XI-XII gg.]. St. Petersburg: Nauka, 2003. 1021 p. (in Russian).

Shchavelev A.S. Chronotope of the Rurikovich Empire (911−987). [Khronotop derzhavy Riurikovichei (911–987 gody)]. Moscow: Aquilon, 2020. 560 p. (in Russian).

Shchavelev A.S., Fetisov A.A. To the historical geography of Eastern Europe of the IX century. 2. Map of Scandinavian complexes and artifacts [K istoricheskoi geografii Vostochnoi Evropy IX v. 2. Karta skandinavskikh kompleksov i artefaktov]. *Ancient states of Eastern Europe*, 2015. Edited by A.S. Shchavelev. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2017. pp. 278−328 (in Russian).

Yanin V.L. Essays on the history of medieval Novgorod [Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda]. Moscow: Languages of Slavic cultures, 2008. 395 p. (in Russian).

Е.А. Шинаков

Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского
Брянск, Россия

УДК 930.1

DOI 10.35785/2072-9464-2023-64-4-188-207

ИСТОКИ И ЗАРОЖДЕНИЕ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ (X–XVI века)

Ключевые слова: *благотворительность; милость; средневековая Русь; убогие; переселенцы; князь; потлач; сполиирование; социальная политика.*

Благотворительность, или «милость» в древнерусских источниках, – одна из функций государства и общества. Средневековая Русь X–XVI веков дает хороший материал для изучения зарождения этого явления в России. Статьи на данную тему – большая редкость, поэтому появление новой книги З.А. Исмаиловой заставило в формате научной дискуссии с привлечением методики и инструментария социокультурной антропологии и компаративизма заново рассмотреть истоки и формы благотворительности князей и «общества» Древней и Московской Руси по отдельным периодам их истории.

Благотворительность и меценатство в последние годы стали распространенным общественным трендом, переплетаясь с государственной социальной политикой. Тем не менее работы, посвященные специально зарождению данного явления на Руси, можно пересчитать по пальцам, поэтому публикация таковых поневоле наводит на размышления и желание в процессе дискуссии высказать и свои соображения по данной проблематике. К таким работам можно отнести книгу брянской исследовательницы З.А. Исмаиловой «Государева милостыня на Руси. Исследование обычая государева подаяния в контексте социально-демографических процессов в XI–XVI вв.» [Исмаилова, 2021]. Данная статья не является рецензией на эту монографию: последняя и изложенные в ней факты явились лишь базой для анализа процесса зарождения русской государственной благотворительности, по сути социальной политики в целом и ее истоков на Руси.

Работа З.А. Исмаиловой опирается на ряд разнообразных письменных источников, но прежде всего на посмертную летописную похвалу правителю, анализу которой как исторического источника посвящен первый, вводный раздел монографии. Впрочем, во «Введении» З.А. Исмаилова рассматривает под таким углом зрения не только летописи, но и «жития святых», и церковно-учительную литературу, делая вывод о меньшей информативности и достоверности двух последних по сравнению с летописными

известиями. Замечаний к этому разделу два: использование источниковедческих работ исключительно А.А. Шахматова и игнорирование первого сохранившегося русского полемически-публицистического произведения, написанного до самых ранних летописей, в начале 40-х годов XI века – «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона, содержащее похвалу «великому кагану нашей земли Володимиру». Впрочем, с точки зрения целей статьи историографические разногласия по вопросам времени и последовательности создания летописных произведений особого значения не имеют. В «похвальной» же части «Слова» ничего о благотворительной деятельности князя не говорится.

Последующие три главы построены по хронологическому принципу: *от позднеродового строя до середины XII века; середина XII – конец XIV века; XV – середина XVI века.* Главы разделены как по хронологическому, так и по проблемному принципу. В целом такая структура сомнений не вызывает, тем более что разные разделы в зависимости от специфики материала и целей исследования построены по причинно-следственному принципу, компаративно-диахронному и компаративно-синхронному (хотя имеются и чисто описательные разделы). Автор приводит убедительные обоснования для выделения периодов раздачи «государевой милостыни»: для каждого из них – разные по масштабам и причинам.

В разделе главы I «Социальные истоки обычая подаяния» автор, опираясь на несколько работ известных этнологов и антропологов, прежде всего Н.И. Зибера и Д.Д. Фрейзера, переносит их выводы на языческий (родовой) период Древней Руси. При этом она избирательно использует источники не только по Руси, но и по другим синхростадиальным странам (причем не только славянским (Карантания), но и, например, королевству Меровингов), а также работы известных медиевистов (А.Я. Гуревич, И.Я. Фроянов). В связи с этим главный вывод автора – «государева милостыня» является наследием первобытных представлений об общности родового (племенного) имущества и необходимости его постоянного перераспределения в пользу неимущих соплеменников – сомнений не вызывает. Тем более что в данном случае [Исмаилова, 2021, *75*] З.А. Исмаилова ссылается на тезисы основоположника научной этнографии и эволюционно-универсалистской теории развития общества Л.Г. Моргана. Менее убедительно и фундированно, особенно с учетом современных, в том числе археологических, данных, звучит ее тезис о причинах интерполяции помощи, оказываемой бедным родственникам их родней или соплеменниками, на правителя *персонально*. Она приводит лишь одно мнение – А.Я. Гуревича, опирающееся на материалы прежде всего Скандинавии: правители раздают «милостыню» в надежде взамен получить нечто большее, хотя и нематериальное, – почет, уважение и т.д. [Исмаилова, 2021, *77*].

На самом деле на этапе «варварства» (по терминологии Л.Г. Моргана и Ф. Энгельса), военной демократии и последующей иерархии, или аристократии (в марксистском учении второй половины XX века), потестарно-политическом, или «сложных (комплексных) вождеств» (в политической или социокультурной антропологии), монополизация («приватизация») коллективной собственности правителем или правящим слоем (дружиной, например) происходила и более сложно, и более упрощенно и грубо одновременно. Она базировалась на сочетании именно в этот переходный между «чистой» первобытностью и классовым или хотя бы стратифицированным обществом период двух противоположных принципов взаимоотношений правителя и общества. Это «старый» принцип реципрокности (взаимообмена услугами) и «инновационный» – господства – подчинения в разных формах и степени. В материальном аспекте последний нашел выражение в праве правителя на все имущество, а иногда и жизнь подданных, причем формально часто «свободных» общинников, а не рабов, хотя и последние уже существовали. Приведем один пример из очень многих. Мулохве (правитель) африканского сложного вождества Луба имел право на любую вещь своих подданных, даже на их жен. После отказа вождя одного из подчиненных племен платить ему дань Касонго (имя правителя) «в соответствии со своим обыкновением» разграбил имущество его племени и перебил большинство жителей. С другой стороны, Касонго выступал как благодетель для своих приближенных: родственников, «свиты», воинов, даже «носильщиков» [Кобищанов, 1995, *96–97*]. Они ездили вместе с ним по стране и кормились за счет трудового населения, получая таким способом, по сути, «государеву милость» как наследие принципа реципрокности. Это называлось «погостить». По отношению же к остальной, не имеющей причастности к носителям власти части того же народа действовал уже принцип прямого и грубого насилия.

Для получения избыточного продукта, необходимого для проявления «милости» к тем, на кого опиралась новая, уже «предгосударственная» власть, был и другой способ – экзоэксплуатация, проще говоря – прямой (добыча) или косвенный (дань-откуп, дань-контрибуция, «подарки», кормление, неэквивалентная торговля) грабеж чужих народов. Он часто не исключал и «полюдья», но был гораздо более результативным и эффектным, хотя и более рискованным. Недаром дружинники Игоря Старого после неудачного похода на Византию в 944 году оказались, по их словам, «голы и босы» и вынуждены были компенсировать недостачу за счет повышенной дани с древлян. Болгарский хан Тервель, как сказано в словаре «Суды», «положил, перевернув свой щит, что имел во время войны и [поставил на него] свой кнут, которым стегал своего коня, и сыпал деньги, пока они не скроют и щит, и кнут. Он поставил свое копье на землю и до верха его и в большом количестве навалили шелковые одежды. Наполнив сундуки золотыми и серебряными монетами, он раздавал их воинам, разбрасывая правой рукой золото, а левой серебро» [Гръцки, 1958–

1980, *310*]. Щедрость – безусловно, но для кого и для чего? На этот вопрос отвечают русские летописцы, которых цитирует (правда, не в данной связи, а только с точки зрения осуждения алчности «новых» князей) и автор рассматриваемой монографии. Во «Введении» к Начальному своду, вошедшему в Новгородскую первую летопись, сказано: «како быша первые князи и мужие их, и како отбараху Руския земле, и ины страны прияху под ся; те ибо князи не збираху многа имения, ни творимых вир, ни продаж въскладаху люди; но оже будяше правая вира, то ту возмя, дааше дружине на оружье» [Исмаилова, 2021, *61*]. Однако З.А. Исмаилова опускает самую интересную часть цитаты: «А дружина его кормяхуся, воююще ины страны и бьющеся и ркуще: “братие, потягнем по своем князе и по Рускои земле”; и глаголющее: “мало есть намъ, княже, двухсотъ гривенъ”» [НПЛ, 1950, *104*]. В данном случае под «первыми князьями» явно подразумеваются князья-завоеватели («конунги-викинги» по терминологии Г.С. Лебедева) – Олег, Игорь, Святослав – того самого периода «военной иерархии». Доля указаного типа избыточного (точнее, добавочного) продукта перепадала и простым «воям», а не только дружине, правда по «иерархическому» принципу (как в 907 году во время похода Олега Вещего на Византию). По сути это был инструмент «социального выравнивания», который выполнял те же функции, что и милостыня, но за чужой счет. Раздел «Княжеская милостыня до середины XII в.» логично начинается с благотворительных акций Владимира Святого. Создатель подлинного, хотя и «раннего», по политико-антропологической терминологии, государства Владимир Святой вынужден временно так же относиться к дружине, как и его предшественники, что отражено в монографии. Правда, здесь указывается такое качество правителя *вообще*, а не на конкретном этапе государствогенеза, как *щедрость*. Это знаменитая фраза летописи о серебряных ложках дружине вместо деревянных [Исмаилова, 2021, *77–78*], отсылающая к прошлому («яко дед мой и отець мой»). Гораздо важнее новые черты благотворительности Владимира, связанные с произошедшими в результате его всеобъемлющих реформ социальными и идеологическими сдвигами в обществе. З.А. Исмаилова отмечает два новых вида благотворительности, ранее отсутствовавших, но объясняет их возникновение преимущественно идеологическими причинами, хотя и упоминает об усилении социального неравенства и появлении нищих в результате разложения первобытного строя со ссылкой на мнение И.Я. Фроянова [Фроянов, 2014, *59–60*; Исмаилова, 2021, *87*]. А вот сопоставление «пиров Владимира» с потлачем вряд ли правомерно. Потлач там, где он имеет регулярный характер, например у индейцев северо-западного побережья Северной Америки (тлинкиты, квакиютль, нутка), используется как метод «предвыборной агитации» при выборах вождя племени – поселка[1]. Пиры же Владимира относятся к середине его правления – после завершения реформ, но задолго до его смерти. Вот

[1] В этой связи гораздо ближе к потлачу представляется раздача «именья», «отча богатства» Святополком сразу после его восшествия на престол в конце 1015 года и в преддверии

здесь скорее целью являлось сглаживание негативных последствий реформ для некоторых слоев населения. Любая «перестройка» социальных устоев ведет (первоначально, по крайней мере) к появлению «изгоев», потерявших старый статус и источники существования. Так было и на Руси. Летопись отмечает появление, с одной стороны, убогих и нищих, с другой – разбойников. Для первых была раздача милостыни и продуктов питания, для вторых – временное введение смертной казни. Что интересно, и первое, и второе инициировалось, санкционировалось и обосновывалось *новым* общественным институтом – Православной церковью. Недаром в языческом «Законе Русском» у правителя не было права смертной казни. Что же касается милостыни, то, как и пишет автор монографии, крупные благотворительные акции были приурочены к закладке церквей (Преображения в Василеве) или церковным праздникам (Успения Пресвятой Богородицы, например, в Киеве) [Исмаилова, 2021, *83–85*]. Другое дело, что христианская идеология была лишь формой, «поводом», а причина заключалась в другом – возвысить правителя не над «народом» (это уже было достигнуто), а над знатью и дружиной, для которых он все еще был лишь «первым среди равных». В этой связи интересной и, по-видимому, впервые высказываемой является мысль о том, что щедрые раздачи милостыни народу (в летописи без даты) были произведены в 996 году не в столице, а в Василеве, чтобы в случае открытого недовольства дружины и киевлян поражением, которое Владимир только что потерпел от печенегов, опереться на широкие народные массы [Исмаилова, 2021, *84–85*]. Общение князя через голову верхов с низами служило в том числе и этой цели, и не только на Руси. Вспомним синхростадиальные Чехию и Польшу с нарочито крестьянскими генеалогиями Пржемысловцев и Пястов, «крестьянский» обряд интронизации в Карантанском княжестве. Избранных Богом общение с бедняками не унижает, а возвышает над знатью. Впрочем, этим не брезговали (иногда) и византийские василевсы. Для знати же, как «старой» (родо-племенной), так и «новой» (военно-дружинной), был другой подход, хотя и отличавшийся от милостыни нищим лишь количественно, а не качественно. Впрочем, серебряные «лжицы» Владимира для дружины меркнут на фоне заботы Болеслава Храброго о своем войске, в которое были включены и бывшие «племенные» (?) князья. «Он построил… на обширной равнине князей, стоявших как бы в виде хора; отдельные полки отличались друг от друга одеждой различного цвета. И вся эта пестрая одежда стоила совсем не дешево, но там было собрано все наиболее ценное, что только можно было найти у какого-либо народа. Золото в его время имелось у всех как обыкновенное серебро. Презренное серебро считалось как

борьбы с братьями. Другой вариант «потлача» – «пированье светлое» с участием разных слоев населения – устроил насильственно захвативший власть в Киеве в 1039 г. черниговский князь Всеволод Святославич [ПСРЛ, 1862, т. 9, *163*]. Жаль только, что известие поздней (XVI века) Никоновской летописи при отсутствии более ранних упоминаний вызывает большие сомнения.

бы соломой» [Галл Аноним, 1996]. Правил Болеслав чуть позднее Владимира, но на том же этапе государствогенеза – переходном к раннему государству.

Далее З.А. Исмаилова отмечает полное отсутствие упоминаний летописью фактов раздачи милостыни «убогим» с 1015 до 1072 года, а фактически до 1078 года. Она объясняет это тремя факторами: князья вместо раздачи богатств начали их копить; функция социального призрения была возложена на Церковь еще Владимиром, «дая от именья своего урок»; и, наконец, эти годы (до начала 60-х годов) были относительно мирными («бысть тишина велика в земли Руськой») [Исмаилова, 2021, *93–95*], и только затем вновь стали накапливаться нищие и убогие в таком количестве, что Церковь в одиночку не могла их призреть. Что же касается «общества», то оно еще не готово было ментально-психологически делиться своими «именьями». Вновь практику раздачи милостыни возродил ставший в 1078 году киевским князем Всеволод Ярославич и еще в большей степени продолжил его сын Владимир Мономах. Автор монографии объясняет эти факты как объективными факторами (увеличение количества нуждавшихся в результате внутренних войн, восстаний и нашествий половцев в последней трети XI века), так и субъективными – личностными особенностями князей. С одной стороны, последнее верно, если учесть правление между Всеволодом и Владимиром скупого (вплоть до занятия ростовщичеством) князя Святополка Изяславича. З.А. Исмаилова, однако, не упоминает об изменениях в характере Всеволода к концу жизни, отразившихся и на его деятельности. «И нача любити смысл уных… и людем не хотети княжить [по] правде [вариант: “княже правды”]. И начаша тивуне его грабите люди и продавати» [ПСРЛ, 1962, т. 2, *208*]. Да и до этого речь идет о «любви» только к «черноризцам», хотя «измлада люби правду и и набдя убогие» [ПСРЛ, 1962, т. 2, *207*]. Что касается Владимира Мономаха, то автор данной книги приводит мнение М.П. Алексеева, считавшего особое «нищелюбие» этого князя результатом влияния его жены, англосаксонской принцессы Гиты, предоставившей мужу «Отцовские поучения» VIII века, положенные в основу «Поучения детям» самого Владимира Мономаха [Исмаилова, 2021, *100*].

Впрочем, З.А. Исмаилова не полностью соглашается с этим исследователем, так как в английском поучении нет призыва давать милостыню нищим, а в «Поучении» Владимира есть [Исмаилова, 2021, *100*]. Она считает главным источником, повлиявшим на образ мыслей Владимира, византийскую церковно-учительскую литературу, прежде всего «Слово Иоанна Златоуста о берущих много имения» [Исмаилова, 2021, *101*]. Однако нельзя сбрасывать со счетов и прямое влияние других близких родственников, причем как для Всеволода, так и для Владимира. Имеется в виду византийская принцесса Мария Мономах – жена Всеволода и мать Владимира. Византийское присутствие, по данным археологии, весьма ощутимо в материальной культуре Переяславля Южного во второй половине XI века, вплоть до постройки терм и особой системы фортификации. Почему же надо исключать духовную, политическую

культуру и идеологию? Именно для «восточной деспотии» (а именно таковым, при всем ее православии и античном наследии, было политическое устройство империи ромеев) характерна социальная демагогия, выражающаяся в системно-периодическом общении василевса с низами, раздаче милостыни, угощениях и представлениях на праздники и т.д. Всеволод находился под воздействием жены в молодые годы, Владимир «измлада» получил более основательное византийское религиозно-политическое воспитание. Но были ли эти два князя исключением для эпохи, когда, по мнению автора книги, быть милосердным к беднякам было еще «не модно» в обществе (см. раздел «Отношение киевского общества к подаянию милостыни»)? По мнению З.А. Исмаиловой, так и было. Они стали исключением как владельцы наиболее разоряемого половцами Переяславского княжества, которые при этом «имели добрый, милосердный характер, были воспитаны в христианской традиции» и, соответственно, не могли выносить «тягот и разорения родной земли» и ее населения [Исмаилова, 2021, *120*]. Судя по посмертным похвалам нескольких князей, во всяком случае погибшего в 1078 году в Тмуторокани Глеба Святославича и Ярополка Изяславича, предательски убитого Нерадцем (возможно, по заданию Всеволода Киевского) в конце 1086 года, отнюдь нет. В летописи стало популярным, наряду с другими достоинствами умершего князя, подчеркивать его «нищелюбие», «странолюбие» и то, что он был «молитвенником за убогих» [ПСРЛ, 1962, т. 2, *190*]. Налицо изменение психологии если не князей, то их идеализированных образов, созданных церковной интеллигенцией того времени, начиная (как подчеркивает и автор книги, и летописец задолго до него) с Феодосия Печерского. Сравним с главным идеолого-полемическим произведением 40-х годов XI века, написанным за несколько десятилетий до летописей (при любой их датировке) высшим иерархом и идеологом Церкви митрополитом Иларионом, «Словом о Законе и Благодати». В нем содержится «похвала», по сути панегирик, Владимиру Святому, но в перечислении его заслуг и качеств, сравниваемых с апостольскими, нет места не то что «нищелюбию», но даже таким христианским добродетелям, как доброта и милосердие. Подобное сравнение могло бы наглядно продемонстрировать изменение господствующей идеологии и менталитета. Жаль, что автор монографии этого не сделала, ограничиваясь только летописными текстами. Сполиирование – тема отдельного исследования, тем более уже проделанного [Бойцов, 2009, *239–343*]. Однако древнерусские материалы в нем ограничиваются описанием разграбления княжеского имущества после убийства Андрея Боголюбского. Но разграбление – лишь один из методов «приобщения» народа к личности умершего монарха, олицетворявшего этот народ, путем получения его имущества. Оно могло частично передаваться и по завещанию (Карл Великий), и наследниками добровольно. «Княгиня же (жена) его много раздили богатство монастырем и попом и убогим яко дивитися всем (людем) человеком яко такой милостыни

никто не может сотворити» [ПСРЛ, 1962, т. 2, *102 об.*], говорится о вдове Святополка Изяславича в 1113 году. Судя даже по построению фразы, раздача вдовой имущества умершего мужа – явление новое, возникшее благодаря специфике наследования власти уже в государстве, а не на уровне позднепервобытной мегаобщины, вполне напоминает западноевропейское и византийское сполиирование. Поэтому она вызвала удивление «людей», хотя и не предотвратила последующего разграбления имущества ростовщиками разного типа. В дальнейшем же, как правильно отметила автор, подобные факты не повторялись несколько десятилетий после смерти Владимира Мономаха, за исключением событий 1039 года, связанных с насильственным и «незаконным» захватом власти в Киеве Всеволодом Святославичем. Впрочем, упоминание о милостыне церквям и монастырям и устройстве «пированья светлого» (действительно, типа потлача) не только с верхами, но и со «всеми людьми» имеется только в Никоновской летописи XVI века, но его нет в ранних: Лаврентьевской, Ипатьевской, Радзивилловской, Новгородской первой.

Следующие три параграфа монографии З.А. Исмаиловой («Княжеская милостыня с середины XII в. до татарского нашествия», «Экономические и социально-демографические условия, способствовавшие расцвету обычая подаяния», «Милостыня от татарского нашествия до княжения Ивана Калиты»), по сути, можно объединить: они охватывают «расцвет» феодальной раздробленности – середину XII – начало XIV века. Батыевы и последующие нашествия, как следует из текста книги, не поменяли сущностно ни причин, ни поводов, ни целей, ни социально-идеологического характера княжеской «милости». Безусловно, менялись только ее масштабы.

И до, и после собственно батыевых нашествий главной причиной как прямой, так и косвенной (снижение или временная отмена налогов) княжеской милости нищим, странникам и т.д. было желание увеличить трудовое, податное или оброчное население своих княжеств. Ее максимальный размах падает на 80–90-е годы XII века и начало XIII века. Главной причиной увеличения количества «нищих» и «убогих» автор правильно считает княжеские усобицы середины XII века, в основном в южной Руси, и сопровождавшие их половецкие грабежи и угон населения, а позднее, в 60–80-х годах, и самостоятельные набеги половцев. Отсюда и вынужденные, но необходимые меры по поддержанию беглецов из южной Руси в спокойную Смоленскую, Залесскую (Ростово-Суздальскую) и Карпатскую (Галицкую) Русь, где внутренние усобицы начались позже, а половецкая опасность отсутствовала вовсе. Однако начало периода знаменуется еще «старой» причиной, поводом, да и регионом княжеской «милости». Это события 1154 года, когда Ростислав Мстиславич Смоленский занял столичный престол после смерти предпоследнего (последним оставался Юрий Долгорукий) сына Владимира Мономаха – князя Вячеслава. В данном случае описан классический обычай сполиирования, произведенного наследником из средств умершего князя.

Роздано было буквально все, включая чрезвычайно драгоценные предметы стоимостью в 100 гривен, или табун в 50 лошадей, или крупное село [Исмаилова, 2021, *123*]. Правда, если это и была попытка западноевропейско-византийского сполиирования либо чего-то типа архаичного потлача, причем весьма дорогостоящего, то она для Ростислава завершилась втуне. Он теряет киевский престол вначале в пользу Изяслава Давыдовича Черниговского в 1154 году, а затем в пользу Юрия Долгорукого и в 1155 году, не получая поддержки ранее обласканных им киевлян, хотя и умирает киевским князем, но не в Киеве, а своей исконной вотчине – Смоленской земле. Перед смертью он в 1168 году «неимущим двойную милостыню разда», что, с одной стороны, вполне согласуется с христианскими представлениями об обеспечении себе места в Царствии небесном, с другой – объясняется социально-демографической политикой по включению беженцев из южных земель в социальную структуру Смоленского княжества. Несмотря на то, что часть известий о Ростиславе взята из трудов В. Татищева, З.А. Исмаилова вслед за Д.С. Лихачевым считает их вполне достоверными, восходящими к личному летописцу Ростислава, составленному игуменом Печерского монастыря Поликарпом [Исмаилова, 2021, *125*]. С именем другого представителя смоленской ветви Рюриковичей на киевском престоле – Рюрика Ростиславича расположенный к нему выдубицкий летописец связывает «подаяние без скудости» и «многия милостыни», а с его женой – «милование маломощех, и всих бедующих», а также то, что она «обижаемых и страждущих в напастях охраняла и защищала» [Исмаилова, 2021, *127*]. Третий представитель смоленской династии – Роман Ростиславич, скончавшийся в 1180 году, тоже отличался заботой о нищих, монастырях, церквях [ПСРЛ, 1962, т. 2, *616–617*]. Продолжил традиции нищелюбия брат и преемник Романа на смоленском столе Давыд Ростиславич, причем это свое качество он проявлял и во время визитов в Киев. В 1195 году князь «позва монастыря вся на обед и бысть с ними весел и милостыню силну раздава им и нищим» [ПСРЛ, 1962, т. 2, *682*]. Последнее сообщение особенно важно, ибо исключает корыстные мотивы в действиях Давыда. С другой стороны, можно предположить, что в столице князь действовал по привычке, приобретенной в родном княжестве, где подобная «милость» вполне могла иметь и рациональные цели (помощь переселенцам). Таким образом, анализ действий нескольких князей смоленской ветви позволяет и их приобщить к той группе «окраинных» правителей (Суздальских и Галицких), нищелюбие которых З.А. Исмаилова объясняет необходимостью помогать переселенцам с разоряемого усобицами и кочевниками Юга.

Что касается северо-восточной ветви Мономашичей, то автор называет целую плеяду князей, занимавшихся благотворительностью по двум причинам: привлечение и помощь в обустройстве переселенцев с Юга на слабозаселенный, но относительно безопасный Север и помощь претерпевшим

бедствие (пожары, например). Опираясь на разные источники, она считает такими благотворителями Юрия Долгорукого, Глеба, Андрея (Боголюбского) и Всеволода (Большое Гнездо) Юрьевичей, жену последнего, Константина Всеволодовича и Василько Константиновича Ростовских, Глеба Васильковича Белозерского и Ростовского, Ивана Дмитриевича Переславльского, Михаила Ярославича Тверского. Даже если по конкретным персоналиям возможны ошибки или преувеличения (что иногда и, как кажется, излишне строго к летописцам и к себе допускает и автор), то сам список свидетельствует в пользу ее предположения о системности такой благотворительности именно для Северо-Востока Руси. На это прямо указывает автор монографии: «Милостыня становилась целевым социальным пособием. Одна из ее целей… заключалась в том, чтобы удержать население на земле, дать ему минимальную возможность закрепиться на ней» [Исмаилова, 2021, *154*]. Батыево нашествие неизбежно повлияло на масштабы благотворительности и ее характер: добавился, например, выкуп пленников, стали уходить деньги и на подкуп ханов и их приближенных («поминки»), а затем и на регулярную дань – но все это было неизбежным для предотвращения еще более разорительных ордынских походов. Сменилось и направление миграций: к переселенцам из южной, прежде всего Черниговской, Руси добавились и внутренние для великого Владимирского княжества – в Белоозеро, Переславль, позднее в Москву и Тверь. Характерно, что благотворительность северные князья проявляли только в своих наследственных землях, и она куда-то испарялась, когда они захватывали киевский престол, в частности Юрий Долгорукий в 1155 году, не говоря уже об Андрее Боголюбском в 1169 (1171) году, войска которого полностью опустошили Киев, или Всеволоде III, позднее разорившем Белгород и Рязань. На примере Всеволода видно, почему они так поступали: горожан сожженных Белгорода и Рязани переселяли во Владимирское княжество с частью их движимого («легкого») имущества. Впрочем, Юрию это аукнулось уже в 1157 году, когда, судя по всему, он был отравлен на пиру у осмянника Петрилы, а дворы и имущество его, сына и суздальцев киевляне подвергли стихийному сполиированию [ПСРЛ, 1962, т. 2, *489*]. Андрея Боголюбского, несмотря на его чрезвычайно интенсивную благотворительность на Севере [Исмаилова, 2021, *130–135*], Господь наказал чуть позднее, причем по иронии судьбы руками тех, кто получал от него «милость», а единственным, кто первоначально проявил заботу о его теле, был именно киевлянин. Единственным суздальским Мономашичем, который по-иному относился к своим «южным» подданным, был Глеб Юрьевич, который, впрочем, княжил в родовом гнезде Владимира Мономаха – Переяславле Южном. Кроме того, милостыня была роздана по весьма существенному поводу – рождению у Глеба сына Владимира в 1168 году. И третье «но»: по данным В.Н. Татищева *только*, причем с необычной точностью – 200 гривен серебра нищим и 300 гривен монастырям. Впрочем, и Ипатьевская летопись косвенно

подтверждает это известие и исключительно хорошее для северных князей отношение Глеба, который был «кроток и благонравен», к населению юга Руси. Недаром после взятия и разгрома Киева в 1169 (1171) году его брат Андрей именно Глеба назначил наместником Киева, а тот «нищих добре набдяше» [ПСРЛ, 1962, т. 2, *563*]. Что же касается самого Андрея Боголюбского, то З.А. Исмаилова основное внимание уделяет многочисленным фактам раздачи князем милостыни разным слоям населения, включая впервые «затворников» – возможно, заключенных [Исмаилова, 2021, *132*] и раздачу Михаилом имущества убийц Андрея на помин души [Исмаилова, 2021, *135*]. В то же время с точки зрения «ограбления умерших государей», то есть сполиирования, интерес представляет и реакция горожан Владимира и Боголюбова на смерть князя. А именно – сначала разграбление его имущества, а также дворов и «жизни» всех его приближенных, включая итальянских архитекторов, а затем оказание особых почестей его телу.

«Грабители-владимирцы считали себя, очевидно, вправе поступать так, как они поступали. Но, с другой стороны, они должны были ощущать греховность своего поведения, иначе Микулице с иконой в руках не удалось бы добиться успеха там, где княжеская администрация оказалась совершенно недееспособной. Удивительная беспомощность властей перед угрозой “законного” сполиирования видна на этом примере столь же хорошо, как и в десятках иных случаев» [Бойцов, 2009, *310*].

Список галицко-волынских князей – благотворителей и «нищелюбцев» у З.А. Исмаиловой получился гораздо более коротким: в нем всего два имени. Это Ярослав Владимирович Осмомысл (1153–1187) и Владимир Василькович Волынский (1269–1289). Первый правил в годы благополучия Галицкого княжества, недоступного для степных набегов, прибежища «странников» из более восточных регионов южной Руси, конец правления второго пришелся на период, когда и до Волыни повторно после Батыева нашествия дотянулась тяжелая монголо-татарская длань. И причины раздачи милостыни, и ее «адресаты» у каждого из них свои. Первый системно «расстраивал» землю, «страныя любя и нищая кормя» «сильной милостыней» [ПСРЛ, 1962, т. 2, *656*], то есть действительно заботился о пополнении и благоустройстве населения молодого княжества. Перед смертью же Ярослав раздавал «имение свое» монастырям и нищим – как считает ряд историков (в частности, И.Я. Фроянов), дабы закрепить престол после своей смерти не за законным наследником Владимиром, а за бастардом Олегом, сыном любовницы Настасьи.

Однако с мнением И.Я. Фроянова автор данной монографии не согласна из-за того, что получатели «имения» (по сути, взятки-залога) не могли иметь влияния на «земство» Галича, а также на то, что «мужи галичские» в дальнейшем преступили крестное целование князю и выгнали Олега [Исмаилова, 2021, *129*]. Однако и нищие, особенно юродивые, кликуши, и монастыри

имели огромное влияние на умы людей. Так что перед нами, скорее всего, типичная попытка потлача либо добровольного превентивного сполиирования ради одного из сыновей и, вероятно, под влиянием любовницы. Другое дело, что по ряду причин она оказалась неудачной. Со вторым князем ситуация более ясная, тем более что сам летописец объясняет и причины ее, и цели раздачи им драгоценностей не только своих, но и матери и бабки («бабы своея»)[2], а также стада и коней «по всей земли» [ПСРЛ, 1962, т. 2, *920–926*]. Это результат разорения Волыни татарскими союзниками Руси, шедшими на Польшу, – «Телебузиной ратью». Тем более князь был очень болен, ожидал смерти, которая и последовала через два года после раздачи имущества (1287 год) – в 1289 году. Цель – не привлечь новое население, а сохранить старое. Естественно, автоматически подразумевалась и надежда получить прощение грехов в загробной жизни не только для себя, но и для родных женщин. Монастыри в данном случае не получили ничего, так как, судя по посмертной похвале, князь и так заботился о них всю жизнь, а от татарских разорений они страдали намного меньше, чем крестьянские хозяйства.

В связи с описанием событий на Волыни отметим одну из привлекательных черт монографии З.А. Исмаиловой: она изобилует цитатами из источников, что делает ее не только более доказательной, но и интересной для читателей разной степени научной подготовки. Но только в этом случае (1287 год) приводится детальное, скрупулезное описание всех пожертвованных княжеской семьей предметов. В данном аспекте только один летописный фрагмент приближается, но по тщательности все же далеко не достигает этого эпизода – перечисление видов «имения» Вячеслава Владимировича, сполиированных его преемником Ростиславом Мстиславичем киевлянам в 1154 году. И если положительным моментом предыдущей главы являлась попытка использования компаративной методики и понятийного аппарата этнологии, то в данных трех параграфах главы II таковым является комплексное использование разных источников (не только летописных), посвященных одному лицу или событию. Впрочем, и в конкретно-исторических параграфах предшествующей главы этот элемент также присутствовал: «Изборник» Святослава, житие Феодосия Печерского, жития святых князей, «Поучение Владимира Мономаха детям» в сравнении с англосаксонскими «Отцовскими поучениями». В первом и втором параграфах главы II автором книги наиболее активно используются два произведения Даниила Заточника. Однако здесь начинаются и замечания. Во-первых, у Даниила два

[2] Жена не упоминается по неизвестной причине. В то же время именно ее личность представляет интерес для данной темы, ибо Ольга являлась дочерью Романа Михайловича Черниговo-Брянского, на которой Владимир Василькович женился в Брянске в 1263 году. Брянское же княжество, являясь самым крупным преемником великого Черниговского (с передачей титула), как и Волынь, не столько пострадало, сколько в демографическом плане выиграло от монголо-татарского нашествия и последующих походов, в результате которых население с юга, непрерывно разоряемого, бежало на север Черниговских земель. Впрочем, никаких данных о благотворительной деятельности Романа и его преемников не сохранилось.

произведения, в каждом из которых при несомненно едином авторстве (о чем говорит большое количество одинаковых фраз, афоризмов и метафор)[3] вырисовывается несколько разный «социальный» облик автора. И это неудивительно, поскольку собственно «Слово» обращено к Ярославу Владимировичу («сыну великого царя Владимира», по Даниилу), представителю смоленских Мономашичей, трижды правившему в Новгороде Великом в 80–90-е годы XII века по приглашению новгородцев и воле Всеволода Большое Гнездо, но в последний раз упомянутому в Вышгороде под Киевом. «Послание» написано для сына Всеволода – Ярослава (отца Александра Невского) на несколько десятилетий позже. Здесь не место детально анализировать динамику статуса Даниила, но вряд ли он был просто «образованным книжником», защитником нищих и убогих. Его образ гораздо сложнее и динамичнее. Он не был ни простым человеком, ни боярином, ни служителем церкви. Если он и не относился к правящей элите, то явно привык вращаться в ее среде, и иногда даже его славословия князю имеют ироничный оттенок. Он явно небогат, но знал лучшие времена и пострадал по вине бояр, поскольку в первом «Слове» он допускает возможность служить боярам, а от близости к княжьему двору остерегает. В «Послании» он уже явно противопоставляет хорошего князя и плохих бояр. Здесь он называет себя «рабом» князя, что для Древней Руси означало реальный статус, ибо в менталитете еще не было принято называть себя уничижительно «рабом» правителя. Человек мог служить князю и занимать высокий пост в иерархии, тиуна например, но при занятии этого поста «без ряда» становился холопом [Устав Владимира Мономаха, 1987, статья 110, *23*]. По сути, он призывает князя давать «милость», которая в данном случае синонимична не подаянию нищим, содержанию или жалованью, «богатство и славу» умным и храбрым людям, которые, в свою очередь, принесут то же самое и князю. Если исключить некоторые неизбежные демагогические фразы, Даниил призывает к поддержке не всех подряд, тем более нищих и убогих как социального слоя, а тех, кто мог бы успешно служить князю на разных поприщах и заменить бояр, то есть нового слоя «милостников», вскоре получивших соционим «дворяне». С другой стороны, З.А. Исмаилова упустила в реконструкции образа Даниила еще одно доказательство своих базовых положений о перемещении населения с юга Руси на север и поддержке этого процесса своей «милостью» северными князьями. В обоих произведениях Даниил упоминает о своей, вероятно, первоначальной службе одному из черниго-северских Рюриковичей – Ростиславу, отказавшемуся от Курского стола и лично сказавшему об этом Даниилу. Впрочем, автор монографии и не ставила задачи исследования биографии автора «Слова» и «Послания», ссылаясь в оценке идейной направленности его произведений на мнение автора 1951 года И.У. Будовница [Исмаилова, 2021, *157*]. Также автор излишне однозначно обрисовывает внешнеполитическую обстановку на южных рубежах Руси в конце

[3] Впрочем, имеется и точка зрения (Б.А. Рыбакова), что «Слово Ярославу Владимировичу» и «Послание Ярославу Всеволодичу» принадлежат разным авторам.

XII – начале XIII века, говоря о непрерывно возраставшей после 1185 года половецкой опасности и неспособности князей бороться с ней, причем ссылаясь в том числе на такой, мягко выражаясь, сомнительный с научной точки зрения источник, как «Слово о полку Игореве» [Исмаилова, 2021, *147–148*].

На самом деле последний *самостоятельный* набег половцев на Русь состоялся в 1190 году, причем в том же году русские князья совершили ответный поход, а в 1191 году успешно его повторили, захватив большую добычу. В 1193 году с половецкими ханами был заключен мир [Плетнева, 1990, *147–151, 166–168*]. 90-е годы были для Руси мирными и спокойными (не считая набега рязанцев на какие-то черниговские волости, возможно Брянеск). В начале XIII века усобицы возобновились, но только в Галицко-Волынских землях после гибели в Польше Романа Мстиславича в 1205 году. Половцы стали поддерживать одного претендента на галицкий стол, венгры – другого. В дальнейшем половцы продолжили участвовать в русских усобицах, но только по «приглашению» князей. Во Владимиро-Суздальском княжестве единственная, хотя и крупная, усобица относится к 1216 году, а до этого Всеволод Большое Гнездо взял и разорил Рязань в 1208 году. Смысл уточнений в том, что военных причин для увеличения количества разоренного населения, кроме Галицких и Рязанских земель, не было. Что касается крестоносной агрессии в Прибалтике (о которой автор, впрочем, и не упоминает, в данном контексте – правильно), то она, за исключением событий 1240–1242 годов и взятия Полоцка тевтонскими рыцарями в 1288 году, собственно русских земель не затрагивала, хотя и вызвала переселение туда части населения Прибалтики [Шинаков, Пискунов, 2015, *130–131*; Шинаков, 2018, *5–6*]. Также положительным моментом данных параграфов являются элементы компаративизма и контент-анализа. В частности, большую наглядность и доказательность выводам автора придает диахронно-компаративная таблица по сравнению количества князей и княгинь – «благотворителей» периодов XI – первой половины XII (5 за 138 лет) и второй половины XII – первой трети XIII веков (11 за 83 года). Другая таблица (получатели милостыни в 1154–1237 годах) менее доказательна, ибо более общие категории получателей милостыни (нищие, убогие и др.) могли включать и более частные, «узкие» (вдовицы и сироты, затворники, странники), что признает и автор [Исмаилова, 2021, *141–142*]. Также к методическим плюсам текста можно отнести уместное и корректное использование иллюстративных источников, в частности летописных миниатюр, изображающих Андрея Боголюбского, пирующего и с нищими, и с боярами одновременно [Исмаилова, 2021, *134–135, 238, 239*]. Такой подход к ритуально-психологическому аспекту власти, типичный для православно-византийской политической культуры, более характерен уже для «московского», чем для киево-русского менталитета и этоса правящей верхушки.

Впрочем, именно Андрей Боголюбский и являлся провозвестником новой политической практики (в теории отраженной произведениями Даниила Заточника).

Тем не менее следует отметить одну фактическую ошибку автора, для темы неважную, но именно в современных условиях неожиданно приобретающую концептуальное значение. Во втором параграфе главы II «Экономические и социально-демографические условия, способствовавшие расцвету обычая подаяния», по сути подводящему итоги всему домонгольскому периоду, З.А. Исмаилова допускает неточную формулировку относительно распространения термина «Украина». На с. 145–146 автор пишет (в связи с кончиной в 1187 году переяславского князя Владимира Давыдовича – «о нем же Украйна много постона» [ПСРЛ, 1962, т. 2, *653*]) о том, что для Южного Поднепровья это первое упоминание данного слова по отношению к указанной территории. Из контекста можно понять, что в дальнейшем термин становится обычным, хотя его этническое содержание меняется. Но, во-первых, 1187 год является первым по упоминанию топонима «Украйна» не только для Южного Поднепровья, но и для Руси в целом, во-вторых, его использует только одна летопись из трех древнейших – Ипатьевская, в-третьих, ни в одной летописи (включая Ипатьевскую) этот термин больше по отношению к данному региону не применяется. Лишь под 1213 годом и только в Галицко-Волынской Ипатьевской летописи термин «Оукраина» применен к крайне западной Берестейской земле [ПСРЛ, 1962, т. 2, *732*], да уже под 1282 годом упоминается село Воинь «на Вькриници», расположенной, судя по контексту, где-то на границе Берестейской и Любельской земель [ПСРЛ, 1962, т. 2, *889*]. В других летописях нет и этих упоминаний. В принципе, данного вопроса можно было бы вообще не касаться, но, поскольку автор сама концентрирует на нем внимание читателя, следовало подойти более аккуратно.

Одним из наиболее удачных разделов книги является четвертый параграф главы II «Милостыня Ивана Калиты и Михаила Тверского». Другое дело, что его логичнее было бы поставить в начало следующей главы III. Такое перераспределение материала сделало бы работу более пропорциональной за счет увеличения объема главы III, насчитывающей всего 20 страниц, но, главное, более логичной: Московская Русь была бы объединена в одной главе. Это видно даже из итоговых выводов к данному параграфу: «на смену обычаю раздавать богатства пришел обычай его завещать» [Исмаилова, 2021, *210*]. И произошло это именно при Иване Даниловиче Калите и Михаиле Александровиче Тверском, на протяжении уже XIV века. Тем не менее часть богатств князей все еще раздавалась, но при жизни, «порциями» и целенаправленно – для привлечения и поддержания новых переселенцев с юга и востока Руси. В данной связи интересно, что З.А. Исмаилова полно-

стью разделяет точку зрения М.Н. Тихомирова на то, что «Калита» не ироничное прозвище князя, а отражение в народной памяти его щедрости, готовности всегда открыть калиту для раздачи «милости».

Большим плюсом именно этого параграфа, его своеобразной изюминкой является максимально комплексный анализ письменных источников разного времени и происхождения, в том числе сербских. Другое дело, что автор, как представляется, иногда излишне критично и противоречиво относится к результатам своего же анализа. Так, при рассмотрении деятельности Ивана Калиты автор считает невозможным заимствование фразы «тишина великая» из Старшей Сербской летописи Лаврентьевской и Симеоновской из-за небольшого хронологического разрыва между ними [Исмаилова, 2021, *177–178*], но вполне возможным – заимствование описаний благотворительной деятельности деспота Стефана Лазаревича при описании щедрости Ивана Калиты в «Житии Пафнутия Боровского» [Исмаилова, 2021, *184–185*]. Однако если разрыв между Старшей Сербской и Лаврентьевской летописями действительно составляет всего несколько лет, то с Симеоновской летописью он уже более 100 лет. А и там, и там есть фраза о «тишине великой» как заслуге правителя. Невозможно же считать, что эта фраза, путешествуя во времени, вдруг каким-то чудом вернулась из Симеоновской летописи в Лаврентьевскую. Гораздо проще и логичнее предположить единую или тесно взаимосвязанную творческую «кухню» православного славянского мира под эгидой единого Константинопольского патриархата, тем более что для конца XIV века эти связи реально были весьма оживленными. К тому же мы имеем прецедент явной взаимосвязи, если не сотворчества, в начале XII века авторов «Чешской хроники» и «Повести временных лет», отраженной, в частности, в знаменитой фразе князя Олега Вещего о Киеве: «се буде мати городам Руским» – явной реминисценции фразы пророчицы Либуше о Праге. Но все эти сомнения исчезают у З.А. Исмаиловой при поистине виртуозном историографическом анализе благотворительной деятельности и биографии в целом Михаила Александровича Тверского [Исмаилова, 2021, *200–210*].

Кроме того, желательно было бы ответить и на такой, более связанный с тематикой монографии вопрос: почему благотворительностью по отношению к переселенцам с Юга и Востока Руси во время монголо-татарских нашествий занимались только волынские, московские, ростовские и тверские князья? В равных географических условиях по отношению к Орде находилось, например, Брянское княжество – главный правопреемник Великого Черниговского. А Смоленское великое княжество находилось даже в более безопасных от ордынских набегов условиях. По данным археологии, по крайней мере в Брянском княжестве плотность населения во второй половине XIII – XIV веке также возрастает. Возможно, дело в политике князей либо в наличии слабозаселенных плодородных земель (для Москвы – Подольского ополья), или, наоборот, их отсутствии (для Смоленска)? Либо в

разной степени информативности источников? Во всяком случае, такие вопросы возникают, и отметить их наличие следует.

При анализе структуры содержания главы III бросается в глаза абсолютная несхожесть причин и форм княжеской благотворительности XV и XVI веков, пожалуй, даже большая, чем между XV и XIV веками. Это лишний раз подтверждает большую логичность переноса параграфа «Милостыня Ивана Калиты и Михаила Тверского» в одну главу с параграфами главы III «Государева милостыня в XV в.» и «Государева милостыня в XVI в. и ее эволюция в функцию централизованного государства». В XV веке «милость» распределялась лишь по соборным церквям и монастырям, причем в преддверии крупных политических и военных предприятий Василия Темного и Ивана III, явно с целью небесного обеспечения их успешного завершения («прося помощи и заступничества») [Исмаилова, 2021, *211, 212–213*]. В случаях освящения главных церквей устраивался благотворительный пир, на котором присутствовали бояре и вельможи, но не рядовые священнослужители, тем более – убогие и нищие. Последним, правда, милостыня по таким случаям также раздавалась, как, впрочем, и монастырям. Зафиксирован и один случай форс-мажорного характера: в 1443 году можайский князь Иван Андреевич (кстати, в целом мягкосердечием не отличавшийся) вынужден был кормить голодающих беглецов из тверского княжества, среди которых уже начались случаи людоедства. В XV веке княжеская милость характеризовалась исключительным прагматизмом и приуроченностью к конкретным событиям, но не отличалась ни системностью, ни желанием правителя обеспечить себе загробную жизнь, ни стремлением завоевать расположение простых подданных (церковные иерархи и бояре не в счет). Но в этом же веке зафиксированы и первые проявления благотворительности со стороны «общества», что вызвало даже появление особого параграфа – «Милостыня служилых людей в XV в.». Впрочем, З.А. Исмаилова может отметить лишь два факта такого рода: один связан с благополучным для конкретного воина Ивана окончанием военных действий, второй их предваряет. Первое событие – поражение московских войск у Белева в 1438 году от татарского царевича Улу-Мухаммеда, второе – молебен в церкви Св. Николая под Нижним Новгородом перед походом русских войск на Казань в 1469 году, после которого милостыню давали «дети боярские и прочие вои» [Исмаилова, 2021, *217–219*]. Автор упоминает о более частых фактах благотворительности богатых людей (не всегда бояр) в Новгороде Великом, что, в общем, естественно, – жаль только, что этот сюжет рассмотрен весьма бегло [Исмаилова, 2021, *218, 219*]. Пожалуй, тот же недостаток можно отнести и к последнему параграфу главы III «Государева милостыня в XVI в. и ее эволюция в функцию централизованного государства». Параграф этот весьма многоплановый и к тому же достаточно обеспеченный разными типами источников, и десятка страниц для полноценного раскрытия его содержания явно недостаточно.

В параграфе описан процесс формирования единой, но разветвленной системы социального призрения и «выравнивания», начавшийся при Василии

III, в основном завершенной на Стоглавом соборе 1551 года и дополненной в последующие годы царствования Ивана IV Грозного. Она имела разные источники и каналы финансирования, к ее реализации на практике привлекались различные церковные, государственные и общественные институты, имевшие разные функции и задачи. Это и государственная «руга» церквям и монастырям, обязанным взамен кормить сотни, а то и тысячи нуждающихся (не считая самих монахов), и прямой «государев корм» освобожденным пленникам (впрочем, затем компенсируемый казне за счет посошной повинности), и «богадельные избы» для нетрудоспособных и больных, и официальное разрешение побираться по дворам у «боголюбцев» «здоровым» беднякам, и разовая (например, перед Казанским походом 1552 года) раздача милостыни не только государем, но и «князьями и воеводами». При всей подробности изложения З.А. Исмаилова в данном разделе меньше внимания уделяет анализу причин создания именно такой системы, где на общество возлагалось в реальности больше и прав, и обязанностей в данной сфере – ведь его представителями были и главы богаделен – целовальники, и их сотрудники – «градцкие люди добры», и ухаживавшие за прокаженными и престарелыми «здравые строи» и «бабы стряпчие». А здоровых бедняков вообще должны были содержать некие «боголюбцы», а не находившиеся при монастырях, а значит и содержавшиеся частично за счет казны (руги), «богадельные избы». В «Заключении» (надо сказать, очень ясном и четком) автор выразил главную мысль данного параграфа: «В середине XVI в. обычай подаяния стал эволюционировать в функцию централизованного государства и вследствие этого стал терять свою религиозно-христианскую церковную окраску». Все было сложнее, учитывая средневеково-религиозный менталитет населения. И автор книги отразил его в описании изображения Саввы Сербского на миниатюрах Лицевого свода: Св. Савва нищим сыплет немного монет, монахам – много [Исмаилова, 2021, *221*]. Именно государство, часто в лице самого самодержца, стоит за этой системой благотворительности, но его роль прикрывается Церковью, то есть религиозно-христианская окраска даже усиливается. Как и некоторые другие функции, общественное призрение было частично переложено и на «общество», но и здесь те, кто этим занимается, называются «боголюбцы». Однако данные замечания, как и все предшествующие, имеют частный и дискуссионный характер. В целом же книга З.А. Исмаиловой является существенным вкладом в исследование малоизученных вопросов русской медиевистики.

ЛИТЕРАТУРА

Бойцов М.А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. 550 с.

Будовниц И.У. Памятник ранней дворянской публицистики (Моление Даниила Заточника) // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т. VIII. М.; Л., 1951. С. 138–157.

Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. Гл. 6 // Славянские хроники / сост. А.И. Цепков. СПб.: Глаголь, 1996. С. 328–412.

Гръцки извори за българската история. 1958–1980. Т. V.

Исмаилова З.А. Государева милостыня на Руси. Брянск: Изд-во ИП Худовец Р.Г., 2021. 252 с.

Кобищанов Ю.М. Полюдье: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М.: Ин-т Африки РАН,1995.

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / отв. ред. М.Н. Тихомиров / под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950. 640 с.

Плетнева С.А. Половцы. М.: Наука, 1990. 204 с.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Восточная литература, 1962. 1105 с.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1862. 278 с.

Устав Владимира Мономаха. Русская правда Пространной редакции (по Троицкому 1-му списку второй половины XIV в.) // Материалы по истории СССР. Вып. 2 / под ред. А.Д. Горского. М.: Высшая школа, 1987. С. 14–24.

Фроянов И.Я. Древняя Русь IX–XIII вв. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М., 2014. 1087 с.

Шинаков Е.А. О «внешних» источниках пополнения населения частновладельческих сельских поселений Древней Руси: комплексный анализ источников по Деснинскому региону // Итоги и перспективы исследования аграрной истории России в X–XXI вв.: XXXVI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тезисы докладов и сообщений (Брянск, 24–28 сентября 2018 г.) / отв. ред. Е.Н. Швейковская. М.: ИСл РАН, 2018. С. 3–6.

Шинаков Е.А., Пискунов В.О. Находки украшений балтского происхождения на древнерусских поселениях Трубчевского ополья // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2013 году. Международный научный ежегодник / отв. ред. Е.А. Шинаков. Брянск: РИО БГУ, 2015. С. 126–133.

E.A. Shinakov
Ph.D. in History, Doctor, Professor,
Chair of Russian History,
Academician I.G. Petrovsky Bryansk State University
Bryansk, Russia

Origins and Origins of Russian State Charity (X–XVI)

Charity, or «mercy» in the ancient Russian sources, is one of the functions of the state and society. Medieval Russia in the 10th−16th centuries provides good material for the study of the origins of this phenomenon in Russia. Articles on this topic are very rare, so the appearance of Z.A. Ismailova's new book on this problem «made» her material presentation in the form of scientific discussion, using the methodology and tools of socio-cultural anthropology and comparativism to reconsider the origins and forms of charity of princes and «society» of ancient and Moscow Russia by separate periods of their history.

Key words: *charity; mercy; medieval Russia; the poor; migrants; Prince; Potlatch; pardon; social policy.*

REFERENCES

Boitsov M.A. Greatness and humility [Velichie i smirenie]. *Essays on political symbolism in medieval Europe.* Moscow, 2009. 550 p. (in Russian).

Budovnits I.U. Monument to early noble journalism (Prayer of Daniil Zatochnik) [Pamyatnik rannei dvoryanskoi publitsistiki (Molenie Daniila Zatonika)]. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature of the USSR Academy of Sciences*. Moscow; Leningrad, 1951. Vol. VIII. p. 138–157 (in Russian).

Froyanov I.Ya. Ancient Rus of the IX–XIII centuries. Popular movements. Princely and veche power [Drevnyaya Rus' IX – XIII vv. Narodnye dvizheniya. Knyazheskaya i vechevaya vlast']. Moscow, 2014. 1087 p. (in Russian).

Gall Anonim. Chronicle and deeds of Polish princes or rulers. Chapter 6 [Khronika i deyaniya knyazei ili pravitelei pol'skikh.Gl.6]. *Slavic Chronicles*. Compiled by A.I. Tsepkov. St. Petersburg: Glagol, 1996. pp. 328–412 (in Russian).

Greek sources on Bulgarian history [Gr"tski izvori za b"lgaskata istoriya]. 1958–1980.Vol. V. (in Bulgarian).

Ismailova Z.A. Sovereign alms in Rus' [Gosudareva milosty`nya na Rusi]. Bryansk: IP Xudovecz R.G., 2021. 252 p. (in Russian).

Kobishchanov Yu.M. Polyudye: a phenomenon in the domestic and world history of civilizations [Polyud'e: yavlenie otechestvennoi i vsemirnoi istorii tsivilizatsii]. Moscow: Institute of Africa RAN,1995. (in Russian).

NFC − Novgorod first chronicle of the older and younger editions [NPL − Novgorodskaya Pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov]. Edited by M.N. Tikhomirov. Compiled and introduced by A.N. Nasonova. Moscow; Leningrad, 1950. 640 p. (in Russian).

Pletneva S.A. Polovtsians [Polovtsy]. Moscow: Nauka, 1990. 204 p. (in Russian).

CCRC − Complete collection of Russian chronicles [PSRL− Polnoe sobranie russkikh letopisei]. *Ipatiev Chronicle*. Vol. 2. Moscow: Vostochnaya literatura, 1962. 1105 p. (in Russian).

CCRC − Complete collection of Russian chronicles [PSRL− Polnoe sobranie russkikh letopisei]. *Chronicle collection called the Patriarchal or Nikon Chronicle*. Vol. 9. St. Petersburg, 1862. 278 p. (in Russian).

Shinakov E.A. On «external» sources of replenishment of the population of privately owned rural settlements of Ancient Rus': a comprehensive analysis of sources for the Desninsky region [O «vneshnikh» istochnikakh popolneniya naseleniya chastnovladel'cheskikh sel'skikh poselenii Drevnei Rusi: kompleksnyi analiz istochnikov po Desninskomu regionu]. *Results and prospects for research into the agrarian history of Russia in the 10th–21st centuries: Session XXXVI of the Symposium on the Agrarian History of Eastern Europe: abstracts of reports and communications (Bryansk, September 24–28, 2018)*. Edited by E.N. Shveikovskaya. Moscow: ISl RAN, 2018. pp. 3−6 (in Russian).

Shinakov E.A., Piskunov V.O. Finds of jewelry of Baltic origin in ancient Russian settlements of the Trubchevsky region [Nakhodki ukrashenii baltskogo proiskhozhdeniya na drevnerusskikh poseleniyakh Trubchevskogo opol'ya]. *Archaeological research in the Dnepr Euroregion in 2013. International Scientific Yearbook*. Edited by E.A. Shinakov. Bryansk: RIO BGU, 2015. pp. 126−133 (in Russian).

И.А. Мартинкевич

Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет
Витебск, Республика Беларусь

УДК 364:355.292.4(476)’1940/1950

DOI 10.35785/2072-9464-2023-64-4-208-220

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ОСНОВ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНВАЛИДОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В БССР (1940−1950-е годы)

Ключевые слова: *социальное обеспечение; инвалиды войны; Великая Отечественная война; правовые основы; СССР; БССР; материальная помощь; пенсии; выплаты; льготы; жилье; трудоустройство.*

Статья посвящена становлению основных положений законодательной базы социального обеспечения инвалидов Великой Отечественной войны в первые послевоенные годы в БССР. Рассматриваются направления, по которым союзным и республиканским правительствами были приняты важнейшие законы и постановления, определившие дальнейшее развитие социальной поддержки инвалидов войны. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что принятие 23 июня 1945 года Закона «О демобилизации старших членов действующей армии» послужило основой для дальнейшего выстраивания системы социального обеспечения инвалидов Великой Отечественной войны, определило важнейшие направления деятельности органов социального обеспечения по оказанию им помощи. Особое внимание уделялось правовому регулированию выплаты инвалидам Великой Отечественной войны пенсий и других видов материальной поддержки. Один из значимых документов в этой сфере, «Закон о государственных пенсиях», стал новым этапом в пенсионном деле и способствовал упорядочению их начислений и выплат.

Обеспечение нужд инвалидов, потерявших на фронтах войны свое здоровье, стало одной из важнейших задач советского правительства в первые послевоенные годы. Жизнь солдат на фронте была практически полностью оторвана от повседневной мирной жизни. Это во многом определило необходимость как психологической, так и материальной поддержки защитников Родины, обеспечения их самым необходимым после возвращения на прежнее место жительства. Однако полноценно решить данные проблемы было невозможно без разработки соответствующей законодательной базы. Появление в правовой системе нового понятия – «инвалиды Великой Отечественной войны» – было официально утверждено постановлением СНК СССР от 6 мая 1942 года «О трудоустройстве инвалидов Отечественной войны». Соответствующее постановление было принято ЦК БССР и ЦК ВКП(б)Б в ноябре 1943

года [НАРБ, ф. 4п, оп. 29, д. 628, *110–112*]. Однако первые попытки по организации обеспечения инвалидов войны были предприняты советским правительством в то время, когда большая часть территории республики находилась под немецко-фашистской оккупацией. Тем не менее на освобожденных территориях принятое еще 1 января 1944 года постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ближайших задачах Совнаркома БССР и ЦК КП(б) Беларуси» обязывало руководителей сделать все возможное для оказания своевременной денежной помощи семьям красноармейцев и партизан, а также оказывать содействие инвалидам Великой Отечественной войны в бытовом плане и трудоустройстве по их возвращении к месту жительства [Коммунистическая, 1985, *488*].

Дальнейшее развитие политики советского правительства по социальному обеспечению демобилизованных фронтовиков нашло свое отражение в постановлении от 19 декабря 1944 года СНК и ЦК КП(б) Белоруссии «О мерах помощи семьям фронтовиков и инвалидам Отечественной войны». Согласно этому документу обкомам, горкомам и райкомам ВКП(б), областным, городским и районным исполкомам, Советам депутатов трудящихся, ЦК профсоюзов и ЦК ЛКСМБ было предложено организовать среди населения по примеру рабочих, колхозников и интеллигенции Борисовского, Слуцкого, Стародорожского, Ветковского районов сбор средств для оказания помощи семьям фронтовиков и инвалидов Великой Отечественной войны. В городах и селах, на фабриках и заводах, в колхозах, совхозах и МТС были организованы массовые субботники и декадники помощи семьям фронтовиков. Осуществлялись производство товаров широкого потребления, ремонт квартир, заготовка и доставка топлива, сбор одежды и продуктов питания. Управлению по делам искусств было поручено организовать специальные спектакли и концерты с участием лучших артистов республики, а собранные средства передать в фонд помощи семьям ветеранов и инвалидов Великой Отечественной войны.

Чтобы обеспечить более высокое качество организации работы: сбора, учета и распределения средств, поступающих в фонд помощи семьям фронтовиков и инвалидов Великой Отечественной войны, были созданы специальные комиссии. С учетом не только социальной, но и идеологической значимости этого дела редакторам республиканских, областных и районных газет было предписано освещать в печати деятельность групп и отдельных лиц, оказывавших помощь семьям фронтовиков и инвалидам войны [Сборник, 1947, *735–736*]. Перечисленные меры были особенно важны на начальном этапе формирования системы социального обеспечения, но они были направлены лишь на решение определенных проблем и не могли быстро исправить ситуацию. Нельзя игнорировать и экономические трудности военного времени, которые значительно сдерживали осуществление принятых задач.

После окончания Великой Отечественной войны союзным руководством с учетом накопленного опыта работы по организации мероприятий со-

циального обеспечения инвалидов войны был разработан один из основополагающих нормативно-правовых актов – Закон «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии», принятый сессией Верховного Совета СССР 23 июня 1945 года. Согласно ему, было утверждено предложение Совнаркома СССР о демобилизации первой очереди тринадцати старших возрастов действующей армии, увольнение в запас которых планировалось завершить во второй половине 1945 года. Определялись не только сроки демобилизации, но и вопросы размещения и материальной помощи бывшим фронтовикам. Демобилизованных предписывалось доставить к месту жительства за счет государства, а при возвращении с фронта обеспечить их питанием, полным комплектом обмундирования и обувью. Закон предусматривал единовременную денежную выплату за каждый год службы в армии в годы Великой Отечественной войны. Размер выплат различался в зависимости от воинского звания. Так, рядовым всех армий и родов войск, получившим денежное обеспечение по общевоинскому тарифу, надлежало выплачивать годовое жалованье за каждый год службы, а рядовым специальных частей и подразделений, получавшим повышенное денежное обеспечение, – полугодовой оклад за каждый год службы. Сержантам полагалось выплачивать полугодовой оклад по соответствующим денежным расценкам до 900 руб. и не менее 300 руб. за каждый год службы. Самые высокие выплаты были назначены офицерскому составу. Их размер зависел также от того, как долго офицер находился на военной службе в годы Великой Отечественной войны. Предусматривались выплаты двухмесячного оклада за один год службы, трехмесячного оклада за два, четырехмесячного оклада за три и пятимесячного за четыре года.

Закон о демобилизации содержал приказы об увольнении в запас и касался вопроса трудоустройства фронтовиков-инвалидов. В частности, Советы народных комиссаров союзных и автономных республик, а также исполкомы краевых и областных Советов рабочих депутатов, руководители предприятий, учреждений и организаций в городах обязывались обеспечить работой демобилизованных не позднее чем через месяц после возвращения к месту жительства. Предоставляемая должность должна была быть не ниже той, которую занимали защитники Родины до прихода в армию, причем с учетом опыта и специальности, приобретенных ими в Красной армии. Чрезвычайно важное значение в законодательном акте для демобилизованных солдат имела информация об обеспечении их жилплощадью и топливом [Сборник, 1947, *437*].

Отдельный пункт закона регламентировал обеспечение демобилизованных из армии крестьян. Исполкомы районных и сельских советов, правления колхозов должны были оказывать им всемерную помощь в трудоустройстве и обзаведении хозяйством. Для населенных пунктов, пострадавших от немецкой оккупации, предписывалось бесплатно отводить лесосечный фонд демобилизованным из Красной армии для подготовки строительных материалов. Финансовую помощь оказывал Всесоюзный

банк, где бывшим фронтовикам были предоставлены кредиты в размере от 5 до 10 тысяч рублей на строительство и восстановление жилых домов со сроком погашения от 5 до 10 лет.

После демобилизации первой (23 июня 1945 года) и второй (25 сентября 1945 года) очереди личного состава Красной армии [История, 2011, *145–147*] для союзного и республиканского правительств одной из главных задач стало обеспечение инвалидов Великой Отечественной войны работой. Решение этой проблемы позволило не только ускорить процесс вхождения бывших фронтовиков в мирную жизнь, но и увеличить численность рабочей силы в экономике, что было немаловажно в период послевоенного восстановления.

20 марта 1946 года руководством страны было принято решение о проведении третьей очереди демобилизации, завершившейся в 1948 году. С этого времени отношение к фронтовикам начало постепенно меняться. По сравнению с первым Законом о демобилизации бывшие военнослужащие были лишены ежемесячных выплат и бесплатного проезда на поезде (раньше имели право один раз в год). Инвалиды, даже потерявшие конечности или зрение, обязаны были ежегодно проходить медицинское переосвидетельствование для подтверждения инвалидности, дающее право на получение пенсии [НАРБ, ф. 7, оп. 3, д. 1720, *29*].

Центральные органы власти искали пути для решения основных проблем: трудоустройства и обеспечения жильем наименее защищенной, но в то же время многочисленной категории – инвалидов Великой Отечественной войны. Создание правовой основы обеспечения работой демобилизованных было заложено в годы войны в постановлениях Совнаркома СССР от 20 января 1943 года «О трудоустройстве инвалидов Великой Отечественной войны» и «О ближайших задачах Совнаркома БССР и ЦК КП(б) Белоруссии» от 1 января 1944 года, в которых отмечалось, что ЦК КП(б)Б и СНК БССР следует принять все возможные меры для оказания своевременной помощи в организации бытового и трудового устройства инвалидов Великой Отечественной войны [Сборник, 1947, *488*].

Вопросы трудоустройства, определенные Законом «О демобилизации», конкретизировались в постановлении «О трудоустройстве инвалидов Великой Отечественной войны», принятом СНК БССР и ЦК КП(б)Б в октябре 1945 года. Важно, что этот документ регулировал вопросы трудоустройства защитников Родины уже в послевоенное время и детально регламентировал обязанности структур исполнительной власти. На сотрудников Наркомата социального обеспечения БССР была возложена личная ответственность за трудоустройство и организацию обучения новым профессиям инвалидов Великой Отечественной войны. Местные органы социального обеспечения должны были заняться определением групп инвалидности, направить их на работу и назначить пенсии не позднее трех дней после выписки демобилизованных по состоянию здоровья из госпиталя. Исполкомами областных Советов депутатов руководителям предприятий и

учреждений было поручено безотлагательно и в кратчайшие сроки предоставить направленным органами социального обеспечения инвалидам Великой Отечественной войны работу с учетом их индивидуальных возможностей, а также обеспечить их необходимыми производственными и бытовыми условиями [НАРБ, ф. 7, оп. 3, д. 1831, *4*].

В целях расширения возможной численности трудоустройства среди уволенных в запас фронтовиков и повышения качества предоставляемых им рабочих мест Наркомату социального обеспечения БССР пришлось организовать обучение новым специальностям инвалидов Великой Отечественной войны, которых не смогли принять на прежнее место работы. Обучение новым профессиям планировалось проводить среди инвалидов Первой и Второй мировой войны, для чего облисполкомы, горисполкомы и райисполкомы должны были предоставить органам социального обеспечения необходимые помещения для мастерских с общежитиями при них. Наркомату БССР было поручено организовать специальные группы для обучения инвалидов Великой Отечественной войны по программам средней и неполной средней школы при общеобразовательных школах для взрослых, а все наркоматы и ведомства, имевшие возможность организовать курсы по подготовке рабочих кадров, должны были принимать на обучение демобилизованных инвалидов войны III группы по заключению врачебно-трудовой экспертной комиссии (ВТЭК). При этом выплата пенсий в случае трудоустройства должна была сохраняться независимо от размера заработной платы и прибыли на предприятиях, в учреждениях или колхозах. Категорически запрещалось принуждать инвалидов работать сверхурочно. При наличии заключения ВТЭК руководители предприятий и учреждений должны были предоставлять отпуска инвалидам Великой Отечественной войны, а также выплачивать материальную помощь временно нетрудоспособным независимо от стажа непрерывной работы.

Однако для этой категории граждан, помимо упомянутых послаблений, в постановлении были определены и меры против уклонения от работы. Так, инвалиды Великой Отечественной войны III группы, не принявшие предложения о работе в течение двух месяцев со дня направления на работу, могли быть лишены пенсии по решению органов социальной защиты (что происходило довольно часто после издания указа). Более жесткой мерой стала административная ответственность в случае, если демобилизованные по состоянию здоровья имели направление на работу от организаций социального обеспечения и необоснованно уклонялись от трудоустройства.

В целях содействия трудоустройству инвалидов Великой Отечественной войны и контроля за этим процессом было решено создать постоянно действующие областные, городские и районные комиссии. В их состав входили заместитель председателя профильного комитета КП(б)Б, секретарь комитета ВЛКСМ, председатель соответствующей профсоюзной организации и начальник отдела социального обеспечения, который был секретарем комиссии. При Наркомате социального обеспечения, областных и

городских собесах необходимо было создать секторы по трудоустройству инвалидов Великой Отечественной войны, а в районах, где положение было наиболее тяжелым, при необходимости разрешалось ввести должность инспектора по трудоустройству.

За трудоустройством инвалидов был налажен строгий контроль: 20 числа каждого месяца облисполкомы должны были представлять в Совнарком БССР отчет об итогах трудоустройства [НАРБ, ф. 7, оп. 3, д. 1831, *5–6*].

Самой многочисленной категорией демобилизованных инвалидов Великой Отечественной войны являлись бывшие военнослужащие, до войны проживавшие в сельской местности. Это обусловило необходимость немедленной разработки специальной законодательной базы для организации им помощи. Следует отметить, что сам закон в отношении данной категории населения разрабатывался в условиях существования колхозного строя. На содержание постановления определенным образом повлияло то обстоятельство, что предыдущие постановления Совета Министров БССР о первоочередном обеспечении хлебом инвалидов Великой Отечественной войны, проживавших в сельской местности и не связанных с сельским хозяйством, по объективным (послевоенная разруха) и субъективным (невежество и мошенничество чиновников на местах) причинам исполкомами областных и районных Советов депутатов не выполнялись. В результате только 5217 инвалидов Великой Отечественной войны I и II групп обеспечивались хлебом в республике [ГАГО, ф. 1214, оп. 4, д. 2, *7*].

Слабое развитие правовой базы и трудности послевоенной жизни сказались на характере и качестве помощи тем защитникам Родины, которые проживали в селе. 15 апреля 1947 года было принято постановление Совета Министров БССР «Об обеспечении хлебом инвалидов Великой Отечественной войны, проживающих в сельской местности». Его основной задачей являлась организация целенаправленного распределения помощи и обеспечение хлебом демобилизованных инвалидов войны. Для этого правительство БССР разработало целый комплекс мер. Согласно закону, областные и районные исполнительные комитеты Советов рабочих депутатов обязались получать хлеб из средств, выделяемых для села, в первую очередь для инвалидов Великой Отечественной войны I и II групп, не связанных с сельским хозяйством [Там же, *7*]. Постановление отменило несправедливость по отношению к работающим инвалидам Великой Отечественной войны, которые ранее были лишены права на получение хлеба при приеме на работу в учреждения или организации. Перед руководителями была поставлена задача контролировать ситуацию таким образом, чтобы у трудоустроенных инвалидов Великой Отечественной войны I и II групп сохранялся уровень продовольственного обеспечения, который они получали до трудоустройства. Особое внимание было уделено самым беззащитным гражданам – инвалидам I группы. Поскольку они имели постоянную потребность в помощи государства, уходе и не могли работать, областные и

районные исполкомы должны были обеспечивать их хлебом, даже если инвалиды были связаны с сельским хозяйством [ГАГО, ф. 1214, оп. 4, д. 2, *7*].

Резкое увеличение числа граждан, вернувшихся с фронта с ограниченными физическими возможностями и неспособных нормально существовать без помощи со стороны, а также начавшаяся после окончания войны демобилизация обусловили необходимость разработки законодательства для решения проблемы выплаты пенсий и материальной помощи. Следует отметить, что сразу после войны в этой сфере было много недостатков, поскольку пенсии тем военнослужащим, которые были признаны заключением ВТЭК негодными к строевой службе, а также инвалидам I, II и III групп, по ранению или заболеваниям, полученным во время службы, выплачивались на основании довоенных документов, в частности постановления СНК СССР от 16 июля 1940 года № 1269 «О пенсиях военнослужащим рядового и младшего сержантского состава и членам их семей». Применительно к инвалидам войны в этом документе отмечалось: «Военнослужащим рядового состава, ставшим инвалидами вследствие ран, контузии или увечий, полученных при обороне СССР или при исполнении других обязанностей военной службы, либо вследствие болезней на фронте, работавшим до призыва на срочную военную службу в качестве рабочих и служащих и имевшим среднемесячную заработную плату до 400 рублей, установить пенсии в следующих размерах: инвалидам I-й группы – 100% ежемесячной заработной платы, II-й группы – 75%, III-й группы – 50%». При исчислении стажа военная служба включалась в стаж непрерывной службы.

Как известно, в Великой Отечественной войне принимали участие специальные контингенты, набранные из системы ГУЛАГа НКВД СССР. Военнослужащим, не работавшим до призыва на военную службу, но отбывавшим наказание, назначалась ежемесячная пенсия по инвалидности в зависимости от установленной статьи выплат: инвалидам I группы – 150 / 120 руб., инвалидам 2 группы – 120 / 100 руб., инвалидам III группы – 90 / 70 руб. При расчете пенсий учитывались все доходы. Важным условием назначения выплат было включение в семейный бюджет дополнительной помощи за счет ведения подсобного хозяйства. Это касалось не только сельских, но и городских жителей. Однако независимо от места жительства на окончательный размер пенсии влияли место работы и размер заработной платы до призыва в армию. Для получения пенсии военнослужащим, уволенным по состоянию здоровья, приходилось пройти несколько этапов сбора необходимых документов, подтверждающих их новый социальный статус. До середины 1944 года инвалиду было достаточно предоставить в органы социального обеспечения копию медицинской справки, утвержденной военным комиссариатом. Со второй половины того же года инвалиды при оформлении пенсии должны были ежегодно проходить ВТЭК, предъявлять военный билет и удостоверения с заключением о признании их негодными к военной службе. С каждым годом усложнялись правила переаттестации инвалидов войны и труда с тяжелыми

заболеваниями и необратимыми дефектами (полная слепота, ампутация конечностей, стойкий паралич и т.д.).

Еще большие трудности с получением пенсий возникли у вернувшихся из плена. В соответствии с законодательством при оформлении пенсии вместо копии медицинского заключения инвалиды войны должны были предъявлять документ, выданный военкоматом, который подтверждал бы факт ранения, контузии или заболевания во время пребывания в армии, а также свидетельство об освобождении от военной службы. Известно, что бывшие военнопленные, как правило, не имели этих документов, а местные военкоматы по месту жительства отказывались выдавать таким инвалидам документы, ссылаясь на отсутствие специальных директив.

Большое количество подтверждающих документов, которые инвалидам приходилось собирать в органах социальной защиты для получения пенсий, а также издание ряда указов, приказов и инструкций, уточнявших отдельныые моменты при начислении и выдаче пенсий, привело к появлению различного рода неточностей.

С сентября 1944 года при назначении пенсий по государственному социальному обеспечению стало засчитываться время службы в Красной армии и на флоте, а также время пребывания в партизанском отряде (при условии поступления на работу рабочим или служащим в течение трех месяцев после освобождения от военной службы или выхода из партизанского отряда) стало засчитываться как в общий, так и в стаж непрерывной работы. В целом 1944 год был богат на различные новшества в пенсионном обеспечении демобилизованных. В этом году вместо документов старого образца инвалидам Великой Отечественной войны стали выдавать удостоверения личности – пенсионные удостоверения инвалидов Великой Отечественной войны. Согласно пункту «а» статьи 88 инструкции, утвержденной постановлением СНК СССР № 101 от 31 января 1944 года, они выдавались солдатам рядового, сержантского и старшинского состава, ставшим инвалидами после получения ранений, контузии или увечий при выполнении служебных обязанностей во время войны или в результате заболеваний, приобретенных на фронте. Бланки с надписями на обложке «Пенсионное удостоверение инвалида Великой Отечественной войны», которые централизованно печатались в Наркомате социального обеспечения РСФСР, являлись документами строгого учета и отчетности и распределялись по областным и краевым отделам социального обеспечения, где они выдавались районными управлениями с учетом численности инвалидов Великой Отечественной войны.

В практике пенсионного обеспечения действовала система поощрений за выслугу лет, введенная еще до войны. Повышенные пенсии выплачивались за воинское звание, за мужество, проявленное в боях, которое было отмечено боевыми наградами. Такая система была введена и для инвалидов Великой Отечественной войны. Еще 11 ноября 1943 года, почти сразу после утверждения статута ордена Славы (8 ноября 1943 года), вышел

приказ наркома социального обеспечения РСФСР «О назначении повышенных пенсий потерявшим трудоспособность лицам рядового и сержантского состава Красной армии, награжденным орденом Славы всех трех степеней». Полные кавалеры ордена Славы – инвалиды Великой Отечественной войны получали надбавку в размере 50% к установленной пенсии, а для отдельных лиц, например сержантов, размер пенсии также увеличивался на 50%, но с надбавкой в 25% [Коммунистическая, 1985, *475*].

С изданием инструкции «О порядке назначения и выплаты пенсий по инвалидности рядовому, сержантскому и старшинскому составу», утвержденной упомянутым выше постановлением СНК СССР № 101 от 31 января 1944 года, можно сказать, что перед окончанием Великой Отечественной войны была утверждена тенденция увеличения государственного пенсионного обеспечения участников войны, в том числе отдельных представителей категории инвалидов войны из рядового состава. Постановлением СНК СССР от 7 июля 1945 года № 1634 народным комиссарам союзных республик разрешалось назначать повышенные на 25% пенсии по инвалидности рядовым в звании ефрейтора.

С 1 января 1946 года минимальный размер пенсии для военнослужащих, не связанных с сельским хозяйством и ставших инвалидами I группы вследствие ранения, контузии или увечья, полученных в боях или при исполнении иных обязанностей, связанных с нахождением на фронте, составлял 300 руб. в месяц. Для тех, кто был связан с сельским хозяйством, был установлен меньший размер пенсии – 250 руб., для сотрудников других сфер деятельности – 300 руб. в месяц. Этим же постановлением минимальный размер пенсии был определен для рядовых военнослужащих, ставших инвалидами I группы в результате несчастных случаев, не связанных с исполнением воинской обязанности или пребыванием на фронте, на 20% ниже, чем минимальный размер пенсии, установленный для инвалидов Великой Отечественной войны [Кудрявцев, 1958, *18–19*].

Упомянутый документ не содержал распоряжений относительно партизан и военнопленных, в связи с чем многие из них не могли получать пенсии по инвалидности. По этой причине во второй половине 1946 года начался пересмотр их дел. Приказом Министра социального обеспечения РСФСР от 31 июля 1946 года «О пенсиях бывшим военнослужащим рядового, сержантского и старшего звания» в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от июля № 1516 от 9 ноября 1946 года «О пенсиях бывшим военнослужащим и их семьям» был принят новый нормативный акт в отношении военнослужащих и партизан, ставших инвалидами, уволенных в запас или демобилизованных из партизанских отрядов. Для получения права на пенсию по инвалидности вместе с военными партизанам и бывшим военнопленным необходимо было получить заключение ВТЭК, в котором подтверждалось, что инвалидность наступила в результате ранения, контузии или увечья, полученных

в боях или во время боевых действий, выполнения воинских обязанностей, а также заболевания, приобретенного на фронте.

Принципиально новым этапом в пенсионном обеспечении инвалидов Великой Отечественной войны стал Закон «О государственных пенсиях», обсужденный и принятый на XX съезде КПСС (февраль 1956 года) и V сессии Верховного Совета СССР 14 июля 1956 года [Коммунистическая, 1985, *312–401*]. Подписанию закона способствовало завершение восстановления разрушенной экономики, что позволило выделить больше средств на обеспечение инвалидов войны [Там же, *388*].

На XX съезде КПСС были отмечены серьезные недостатки в пенсионном деле: низкий размер выплат многим пенсионерам и в то же время неоправданно высокие пенсии для некоторых категорий людей, зачастую еще не старых и трудоспособных. Действующее пенсионное законодательство накопило множество устаревших положений, не соответствующих реалиям времени. Это привело к своеобразному разрыву между пенсиями и достигнутым уровнем заработной платы [Греков, 1951, *7*].

Помимо прочего, Закон «О государственных пенсиях» предусматривал назначение пенсий по инвалидности военнослужащим и членам их семей. Согласно новому документу, выход на пенсию происходил в случае, если инвалидность наступила во время прохождения военной службы, либо не позднее трех месяцев после увольнения в запас, либо позже, но вследствие ранения, контузии, увечья или болезни во время военной службы. Пенсии бывшим партизанам и членам их семей назначались на тех же основаниях, что и военнослужащим и членам их семей [Коммунистическая, 1985, *397*].

Однако размеры выплат солдатам, проходившим службу в качестве рабочих, служащих или членов артелей промышленных кооперативов, и неработавшим были разными. Установили нормы для военнослужащих, привлекавшихся в качестве рабочих или служащих, если фронтовик до дня призыва на военную службу был рабочим, служащим артели промкооперации или прекратил работу не ранее чем за три месяца до призыва. Эти нормы применялись и в тех случаях, когда военнослужащий из названных категорий на момент призыва в действующую армию не был трудоустроен, но за ним сохранялся непрерывный стаж в соответствии с действующим законодательством о денежных пособиях по временной нетрудоспособности [Греков, 1951, *17–19*]. Согласно статье 39 Закона «О государственных пенсиях» военнослужащим, работавшим рабочими или служащими до призыва на военную службу и ставшим инвалидами вследствие ранения, контузии или увечья, полученных при обороне СССР, при исполнении других обязанностей военной службы, болезни, связанной с пребыванием на фронте, пенсии выплачивались в размерах, соответствующих окладу до призыва на военную службу. Инвалиды I группы получали 100% заработной платы до 500 руб. в месяц, II группы – 90% и до 450 руб., III группы – 65% и до 400 руб. Кроме того, по

каждой группе предусматривалось по 10% вышеупомянутых доплат от остатка заработной платы [Коммунистическая, 1985, *396–397*].

Законом от 14 июля 1956 года были установлены минимальная и максимальная пенсии для бывших защитников Родины, ставших инвалидами на фронте. Наименьшая выплата составила 385 руб. для I группы инвалидности, 285 – для II группы и 210 – для III группы. Самые крупные выплаты были установлены в размере 1200, 900 и 450 руб. соответственно. Другие размеры пенсий были установлены для военнослужащих, не проработавших до призыва на военную службу. Данным группам военнослужащих, демобилизованных по состоянию здоровья, были произведены следующие выплаты (см. табл. 1).

Таблица 1

Выплаты инвалидам Великой Отечественной войны, не работавшим до призыва на военную службу

Группы	Инвалиды, за исключением тех, кто всегда проживал в сельской местности и не связан с сельским хозяйством	Инвалидам, всегда проживавшим в сельской местности и связанным с сельским хозяйством
I	385 руб.	327 руб.
II	285 руб.	242 руб.
III	210 руб.	178 руб.

Составлено по: [Греков, 1951].

Из приведенных выше данных видно, что согласно новому Закону «О государственных пенсиях» выплаты инвалидам войны, связанным с сельским хозяйством, были меньшими. Однако важно то, что по сравнению с предыдущими документами новый закон прямо предусматривал сами выплаты инвалидам, проживавшим не только в городской, но и в сельской местности.

Следует отметить, что согласно закону бывшим партизанам Великой Отечественной войны (кроме тех, кто имел право на пенсию в размерах, установленных для офицеров и сверхсрочников) пенсии по инвалидности назначались на тех же основаниях, что и военнослужащим рядового, сержантского и старшинского состава срочной службы.

Генералам, адмиралам, офицерам, рядовым, сержантам и старшинам сверхсрочной службы, если они не получили права на пенсию, установленную для военнослужащих соответствующих категорий, согласно новому законодательству пенсии могли назначаться на основании показателей, что были закреплены для рабочих и служащих, независимо от того, работали ли они ранее рабочими или служащими. При этом пенсии исчислялись из оклада согласно должности и воинскому званию, которое имел солдат до увольнения в запас [Греков, 1951, *22–24*].

В целях корректировки принимаемых мер по обеспечению инвалидов войны в соответствии с их ежедневными потребностями союзное и республиканское правительства в рассматриваемый период приняли и другие постановления, но большинство из них носили уточняющий характер.

Таким образом, основой социального обеспечения инвалидов Великой Отечественной войны стал Закон «О демобилизации старших членов действующей армии», принятый сессией Верховного Совета СССР 23 июня 1945 года. Документ определил основные направления деятельности органов социального обеспечения по оказанию помощи инвалидам войны. В исследуемый период право конкретизировалось постановлениями, приказами и распоряжениями, которые принимались на общесоюзном уровне. Такая практика была особенно полезна, поскольку местное руководство при издании того или иного приказа учитывало наиболее актуальные проблемы конкретного региона республики. Одним из значимых документов по социальному обеспечению инвалидов являлся «Закон о пенсиях», который стал новым этапом в пенсионном деле и способствовал упорядочению начислений и выплат.

ЛИТЕРАТУРА

Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 6: Беларусь у 1946–2009 гг. Мінск: Современная школа, Экоперспектива, 2011. 728 с.

Государственный архив Гродненской области (ГАГО). Ф. 1214. Оп. 4. Д. 2.

Греков А. П. Льготы и государственное обеспечение военнослужащих и их семей: справочник. М.: Воениздат, 1947. 112 с.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во полит. лит., 1985. Т. 7: 1938–1945. 574 с.

Кудрявцев Г.С. О государственных пенсиях. Л.: Лениздат, 1958. 134 с.

Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 7. Оп. 3. Д. 1720.

НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1831.

НАРБ. Ф. 4п. Оп. 29. Д. 628.

Сборник законов СССР и указов Президиума ВС СССР за 1945–1946 гг. М.: Ведомости Верхов. Совета СССР, 1947. 187 с.

I.A. Martsynkevich
Ph.D. in History, Associate Professor,
Chair of Social Sciences and Humanities,
Vitebsk State Order of Peoples' Friendship Medical University
Vitebsk, Republic of Belarus

Formation of the Legal Basis for Social Security of Disabled People of the Great Patriotic War in the BSSR (1940−1950s)

The article is devoted to the formation of the main provisions of the legislative framework for social security of disabled people of the Great Patriotic War in the first post-war years in the BSSR. The directions in which the Union and Republican

governments adopted the most important laws and regulations that determined the further development of social support for war invalids are considered. The results obtained allow us to conclude that the adoption of the Law «On the demobilization of senior members of the active army» on June 23, 1945 served as the basis for the further construction of the social security system for disabled people of the Great Patriotic War and determined the most important areas of activity of social security bodies to provide assistance to them. Particular attention was paid to the legal regulation of payments to disabled people of the Great Patriotic War, pensions and other types of material support. One of the significant documents in this area, the "Law on State Pensions," became a new stage in the pension business and contributed to the streamlining of their accruals and payments.

Key words: *social security; disabled war veterans; The Great Patriotic War; legal basis; THE USSR; BSSR; material aid; pensions; payments; advantages; Frame; Job.*

REFERENCES

Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidium of the USSR Armed Forces for 1945-1946 [Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma VS SSSR za 1945–1946 gg.]. Moscow: Vedomosti Verkhov. Soviet of the USSR, 1947. 187 p. (in Russian).

Grekov A.P. Benefits and state support for military personnel and their families [L'goty i gosudarstvennoe obespechenie voennosluzhashhih i ih semej]. *Reference book*. Moscow: Voenizdat, 1947. 112 p. (in Russian).

History of Belarus in 2 vol. Vol. 6. Belarus in 1946–2009 [Gistoryya Belarusi u 6 t. T. 6. Belarus u 1946–2009 gg.] Minsk: Sovremennaya shkola, Ekoperspektiva, 2011. 728 p. (in Belorussian).

Kudryavtsev G.S. About state songs [O gosudarstvennyh pesnsijah]. Leningrad: Lenizdat, 1958. 134 p. (in Russian).

The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. *Fund 7. List 3*. Record 1720 (in Russian).

The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. *Fund 7. List 3*. Record 1831(in Russian).

The National Archives of Belarus (NARB) [NARB-Natsionalny arkhiv Respubliki Belarus]. *Fund 4p. List 29.* Record 628(in Russian).

State Archive of the Grodno Region (SAGR) [Gosudarstvennyj arhiv Grodnenskoj oblasti (GAGO)]. Fund 1214. List 4. Record 2 (in Russian).

The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986) [Kommunisticheskaja partija Sovetskogo Sojuza v rezoljucijah i reshenijah s'ezdov, konferencij i plenumov CK (1898–1986)]. *Institute of Marxism-Leninism under the CPSU Central Committee*. The 9th edition, reviewed and expanded. Vol. 7: 1938–1945. Moscow: Political publishing house. lit., 1985. 187 p. (in Russian).

В.И. Короневский

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

УДК 94(470)

DOI 10.35785/2072-9464-2023-64-4-221-233

ЗАЩИТНИЦА ПРАВОСЛАВИЯ ИЛИ БЛАГОЧЕСТИВАЯ КАТОЛИЧКА? СВ. СОФИЯ СЛУЦКАЯ В НАРРАТИВАХ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА[1]

Ключевые слова: *София Слуцкая; православие; католицизм; уния; святость; Речь Посполитая; Великое княжество Литовское; Российская империя; Слуцк; Януш Радзивилл.*

Статья посвящена истории восприятия русскоязычными (архимандрит Афанасий (Вечорко), священник Григорий (Кулжинский), Ф.Ф. Серно-Соловьевич и др.) и польскоязычными (Ю. Крашевский, Ю. Осиповская, В. Сырокомля, Т. Корвин-Шимановский) авторами XIX – начала XX века фигуры св. Софии Слуцкой, канонизированной Православной церковью. По вопросу о конфессиональной принадлежности святой в начале XXI века имела место полемика в белорусских церковно-исторических кругах. Обосновывается точка зрения, согласно которой два противоположных взгляда на вероисповедание святой княгини сформировались уже в XIX веке, хотя в ту эпоху их сторонники и не вступали в открытый спор. Выделяются две нарративные традиции, в рамках которых св. София соответственно воспринимается как православная, защищавшая своих единоверцев в Слуцке от давления со стороны унии, или как последовательница католицизма (у разных авторов – римского или греческого обряда), чья связь с православием была незначительной. Особое внимание уделяется связи роста влиятельности культа св. Софии на рубеже XIX–XX веков с достигшим тогда своего расцвета концептом «Слуцк – оплот гонимого православия в Речи Посполитой», который активно развивался православными авторами Минской епархии в указанный период.

Примечательным явлением в современной истории исследований религиозности элит Великого княжества Литовского XVI–XVII веков стала дискуссия о конфессиональной принадлежности княгини Софии Юрьевны из рода Олельковичей-Слуцких (1585–1612), в 1984 году прославленной Православной церковью в составе Собора белорусских святых. В 2000–2010-е годы традиционный взгляд на Софию как на преданную сторонницу православия был

[1]Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 21-48-04402): «Святые и герои: От христианизации к национализму. Символ, образ, память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)».

поставлен под сомнение в трудах ряда историков, в первую очередь А.А. Скепьян. С опорой на новые архивные находки белорусская исследовательница аргументировала тезис о принадлежности Софии Слуцкой к католическому вероисповеданию [Скеп'ян, 2013, *153–205*]. Ответом стали критические статьи, авторы которых отстаивали истинность традиционного православного взгляда на святую княгиню [Виталий (Антоник), протоиерей, 2012, *166–181*; Павел (Бубнов), протодиакон, 2020, *58–109*].

Не углубляясь в подробности современной дискуссии, отметим, что полярные точки зрения на вероисповедание Софии, ее личность и деятельность появились задолго до начала XXI века, так что мы считаем уместным говорить о своеобразной «предыстории» современных споров, истоки которых следует искать во временах, когда Слуцк, как и все прочие территории бывшего Великого княжества Литовского, входил в состав Российской империи. Цель данной статьи – проследить процесс формирования представлений о конфессиональной принадлежности княгини в нарративах XIX – начала XX века.

Для начала обратимся к биографии самой Софии. Будущая святая, появившаяся на свет в 1585 году, была представительницей княжеского рода Олельковичей-Слуцких, долгое время сохранявшего верность православию. Осиротев в раннем возрасте, она осталась не только последней представительницей своей фамилии, но и наследницей обширных владений. София оказалась под опекой католиков Ходкевичей – одного из наиболее влиятельных магнатских родов Великого княжества Литовского. В 1594 году Иероним Ходкевич заключил договор с Радзивиллами, согласно которому по достижении взрослого возраста София будет выдана замуж за кальвиниста Януша Радзивилла. Однако в последующие годы отношения между магнатами серьезно испортились, и в 1600 году на улицах Вильно чуть было не разыгралась кровопролитная битва между Радзивиллами и Ходкевичами за руку княжны и ее имущество. В итоге компромисс был найден, и наследница князей Слуцких все-таки стала женой Януша Радзивилла. В 1612 году 27-летняя княгиня скончалась при родах и была похоронена в Слуцком Свято-Троицком монастыре.

Согласно традиционной точке зрения, принятой в современной православной литературе, княгиня, хоть и была воспитана католиками, все же оставалась православной, как и большая часть представителей ее рода. Выйдя замуж за Януша Радзивилла, она использовала свое влияние на мужа для защиты православной веры в Слуцке и препятствовала распространению на этих землях унии. Именно заступничество за православных в эпоху укрепления позиций католицизма на восточных территориях Речи Посполитой принято считать главной заслугой Софии перед Церковью [Масленицына, Богодзяж, 2012].

После кончины княгини многие авторы посвятили ей свои произведения. Характеризуя усопшую, они расставляли акценты не так, как более поздние православные авторы: заслуги Софии перед верой ими не упоминались.

В многочисленных эпитафиях и похоронных речах, исследованных М. Ярчиковой, отмечались два аспекта. Во-первых, факт преждевременной кончины любимой жены Януша Радзивилла, рожденные которой дети также умерли и не оставили ничего безутешному мужу [Jarczykowa, 2012, *95*]. Во-вторых, смерть последней из князей Олельковичей-Слуцких, на которой древний род, «Olgirdowe plemię», окончательно прерывался [Jarczykowa, 2012, *96*].

За небольшими исключениями [Klecha, 2017, *20–22*] последующие за погребением Софии два столетия не обогатили польскоязычную литературу произведениями, посвященными слуцкой княгине. Однако уже в XIX веке ситуация изменилась. Автором первого и, вероятно, наиболее популярного художественного произведения о княгине стал Ю. Крашевский. Его повесть «Ostatnia z xiążąt Słuckich: kronika z czasów Zygmunta trzeciego» увидела свет в 1841 году. Действие преимущественно разворачивается в 1599–1600 годах, накануне свадьбы Софии и Януша Радзивилла. Основной текст автор предваряет обширным введением о состоянии Литвы в конце XVI века, в котором рассказывает о проблемах эпохи Сигизмунда III [Kraszewski, 1841, t. 1, *13–40*]. Наибольшее внимание писатель уделяет разрывавшим Речь Посполитую противоречиям между представителями разных конфессий. Один из наиболее громких раздоров подобного рода представляет для него особый интерес.

Вплоть до последних глав произведения главными действующими лицами являются протестанты Радзивиллы и католики Ходкевичи, а не сама слуцкая княгиня. Раздраженные взаимными оскорблениями, они не хотят искать компромисс по поводу брака Януша и Софии, из-за чего едва не начинается кровопролитная братоубийственная война. Прийти к соглашению удается в последний момент, а окончательно конфликт разрешается лишь через вмешательство сейма перед лицом нарастающей угрозы со стороны иноземных неприятелей. Тем не менее полноценного единения все равно не наблюдается: писатель грустно отмечает, что в ближайшем походе в Молдавию Ходкевичи приняли активное участие, а Радзивиллы от такового уклонились [Kraszewski, 1841, t. 1, *101*]. Крашевский дает понять читателю, что, пусть в конкретном случае гражданская война и была предотвращена, раздоры внутри Речи Посполитой на этом не закончились.

Сама София у Крашевского на протяжении всей книги тяжело страдает. Она любит Януша, но не считает возможным подвести своих опекунов-благодетелей. Еще больше ее пугает возможность стать причиной кровопролитной междоусобицы, которая приведет к гибели множества людей. В конечном итоге она выходит замуж за Радзивилла, однако их брак оказывается несчастливым, и в конце повествования княгиня трагически умирает.

Конфессиональной принадлежности Софии Крашевский не уделяет особого внимания, хоть и изображает ее чрезвычайно религиозной. Тем не менее по косвенным признакам позицию автора определить нетрудно. В тексте отмечается, что княгиня молится отдельно от католиков Ходкевичей,

однако не вызывает их раздражения, в отличие от «еретика» Радзивилла или «схизматика» Острожского [Kraszewski, 1841, t. 2, *66*]. Набожная девушка готова отказаться от брака с Янушем, если на то не будет благословения римского папы [Kraszewski, 1841, t. 2, *161*]. Вопросы замужества ей разъясняет униат Иосиф Рутский [Kraszewski, 1841, t. 2, *161–162*]. Местом венчания стал «Jezuicki kościoł», причем со стороны невесты присутствовал «Unicki Mnich Ruski» [Kraszewski, 1841, t. 3, *113*]. Наконец, на смертном одре княжна ведет разговор с базилианином о. Прокопом, которому отдает распоряжение вечно молиться о ее душе и душах ее предков в «waszem Słuckim Monasterze» [Kraszewski, 1841, t. 3, *144–149*]. Таким образом, Крашевский воспринимал Софию как униатку, хотя и не придавал ее конфессиональной принадлежности определяющего значения: судьба Софии привлекала автора своей драматичностью и была вписана им в общий трагический контекст истории страдавшей от внутренних неурядиц Речи Посполитой.

Спустя год после издания повести Крашевского свет увидело другое произведение о княгине под названием «Zofia Ololkiewiczówna księżniczka słucka». Его автором стала польская писательница Ю. Осиповская. В отличие от Крашевского, она писала не столько «хронику из времен Сигизмунда III», сколько историю несчастной девушки, которую судьба заставила сделать тяжелый выбор между личным счастьем и предотвращением междоусобной войны в родной стране. София у Осиповской – литературный персонаж эпохи романтизма. Она готова променять знатность и богатство на жизнь в уединенной «chatkę nad Niemnem» и возможность свободно располагать своим сердцем [Osipowska, 1842, t. 1, *15*]. Влюбившись в Сигизмунда Батория, племянника покойного короля Стефана, в результате трагического недоразумения и интриг иезуита Игнатия София, эта «bohaterka-męczennica», выражаясь словами А. Клехи [Klecha, 2017, *25*], вынуждена выйти замуж за нелюбимого Януша, чтобы избежать кровопролитной битвы между Ходкевичами и Радзивиллами.

Слуцкая княгиня изображается Осиповской как человек выдающихся нравственных достоинств. София самоотверженная, чуткая и искренняя. Более того, она ярая патриотка Речи Посполитой, преклоняющаяся перед памятью Стефана Батория [Osipowska, 1842, t. 1, *66*]. Писательница делает свою героиню римо-католичкой и наделяет исключительным благочестием. Ее София почитает св. Казимира и с благоговением слушает проповеди Петра Скарги [Osipowska, 1842, t. 1, *187*], а ее удивительную набожность отмечает сам Сигизмунд III [Osipowska, 1842, t. 1, *188*]. По-видимому, католическое благочестие княгини призвано завершить созданный Осиповской безупречный образ и подчеркнуть драматичность выбора, который Софии приходится делать в конце повести.

Следующий художественный текст о Софии – трагедия «Możnowładcy i sierota» – увидел свет уже в конце 1850-х годов. Ее автором

стал уроженец Минщины В. Сырокомля, несколько лет прослуживший в Несвиже и имевший доступ к документам Радзивиллов. В его трагедии присутствуют те же мотивы, что и в произведении Осиповской. София, «героиня-мученица», жертвует своим счастьем ради сохранения мира в Речи Посполитой. В роли возлюбленного княгини, которого она вынуждена отвергнуть, на этот раз выступает не Сигизмунд Баторий, а Ян Кароль Ходкевич, что придает противостоянию магнатских родов еще больший накал. В одной из последних сцен слуцкая «Елена Троянская» в ответ на восклицание Яна Кароля о том, что Радзивилл недостоин ее жертвы («Janusz niegodzien»), отвечает: «Ale Polska godna». Ходкевич, проникнувшись патриотизмом Софии и осознав, что должен поступиться своими интересами ради родины, отпускает возлюбленную [Syrokomla, 1859, *126*].

В отличие от Осиповской и Крашевского, Сырокомля мало пишет о религиозности княгини. Тем не менее и для него, как и для упомянутых ранее авторов, она является католичкой. Такой вывод можно сделать по одной из реплик Кшиштофа Радзивилла (отца Януша), в которой он, кальвинист, описывая приготовления к свадьбе, отмечает, что готов даже позвать «kapłana Katolickiej wiary» [Syrokomla, 1859, *92*]. Не вызывает сомнений, что адресатом подобной уступки являлась девушка, которой предстояло вступить в брак с его сыном, то есть сама София.

Упомянем и четвертое польскоязычное произведение о Софии, созданное в указанный период. Небольшая поэма «Zofija Olielkowiczówna, księżniczka Słucka» вышла из-под пера Т. Корвин-Шимановского в 1891 году [Korwin-Szymanowski, 1891]. По всей видимости, она была вдохновлена повестью Ю. Осиповской: на это указывают как схожие мотивы (несчастная сирота выдающихся нравственных достоинств вынуждена выбирать между любовью и миром в стране), так и особенности фабулы произведения (Сигизмунд Баторий в качестве истинного возлюбленного княжны). Тем не менее, в отличие от ярой католички, которую изобразила Осиповская, поэт представил читателю деву, не предающуюся размышлениям о религии. О конфессиональной принадлежности и о набожности Софии Корвин-Шимановский не пишет ничего.

На этом список художественных произведений, написанных польскими литераторами XIX века и посвященных фигуре Софии, заканчивается. Несмотря на некоторые различия, авторы трех первых текстов, созданных в 1840–1850-е годы, смотрят на Софию под одним и тем же углом, и их произведения отличают две важные характерные черты.

Во-первых, в каждом из произведений в качестве ключевого события жизни Софии фигурирует конфликт Ходкевичей и Радзивиллов из-за ее брака с Янушем. Именно вокруг этого драматичного спора выстраивается все повествование. Осиповская и, в меньшей степени, Крашевский опреде-

ленное внимание уделяют также кончине княгини, однако значимой смысловой нагрузки соответствующие главы не несут: писатели вводят их, чтобы лишний раз подчеркнуть трагичность судьбы последней представительницы рода Олельковичей-Слуцких. О деятельности Софии после заключения брака ни один из авторов не пишет.

Во-вторых, главным положительным качеством Софии, по мнению всех трех авторов, становится ее готовность пренебречь личным счастьем ради более высокой цели: предотвращения кровавого побоища и сохранения единства внутри Речи Посполитой. Религиозность княгини, будь она униаткой, как у Крашевского, или римо-католичкой, как у Осиповской и Сырокомли, не является ее главной отличительной чертой, а лишь дополняет светлый образ патриотичной «героини-мученицы», готовой к самопожертвованию во имя блага отчизны.

* * *

Иной взгляд на личность Софии и ее судьбу сложился в православной среде. К сожалению, на данный момент невозможно установить, когда зародилась традиция почитания слуцкой княгини в качестве святой: имеющиеся скудные источники не позволяют удовлетворительно ответить на вопрос о формах, которые память о княгине принимала в XVII–XVIII веках. Мы можем лишь утверждать, что к 1680-м годам она не была забыта местными монахами: на это указывает упоминание Софии в числе «благочестивых князей Богом спасаемого града Слуцка» в Слуцком синодике 1684 года, опубликованном Д.В. Скрынченко [Скрынченко, 1914, *5*].

Наиболее ранний из известных источников, автор которого бесспорно считал княгиню святой, был создан уже в XIX веке. Он известен под названием «Чудеса Благоверной Слуцкой княгини Софии Олельковны, мощами своими в Слуцком Свято-Троицком монастыре нетленно почивающей». Оригинал документа, к сожалению, не сохранился: современный исследователь вынужден довольствоваться текстом, который в 1912 году опубликовал архимандрит Слуцкого Троицкого монастыря Афанасий (Вечорко), уже тогда жаловавшийся на ветхость рукописи [Афанасий (Вечорко), архимандрит, 1912а, *9–10*]. Автор, слуцкий иеромонах Маркиан, пишет о событиях 1811–1812 годов, участником которых являлся сам, и отмечает два чуда, связанных с заступничеством Софии. Первое из них случилось в 1811 году, когда недуг поразил «большой перст правыя руки» иеромонаха. «Повинуяся промыслу», он стал молить благоверную княгиню об исцелении и получил его. Второй случай имел место в 1812 году. Согласно Маркиану, еще при жизни София предсказала, что, если в тяжелые времена ее останки будут обнесены вокруг города, беда пройдет мимо Слуцка. Когда к Слуцку подошли французы, как отмечает Маркиан, горожане хотели выполнить указание княгини, но архимандрит Троицкого монастыря не

позволил им сделать это. В итоге «во граде сем не бе ни единыя души поражения, но токмо в монастыре бе разграбление» [Афанасий (Вечорко), архимандрит, 1912а, *10*].

Согласно Афанасию (Вечорко), указание княгини все-таки было выполнено жителями Слуцка в 1848 году, когда в городе свирепствовала холера. Мощи Софии были пронесены по городу, и эпидемия стихла. Это чудо, как и чудеса, описанные Маркианом, свидетельствует, что в первой половине XIX века в Слуцке уже существовала традиция почитания мощей местной святой заступницы. Тем не менее цельного нарратива, системно излагающего православный взгляд на жизнь и подвиги благоверной княгини, представленного житием или хотя бы основательной газетной статьей, к 1848 году все еще не существовало.

Однако в этом же году в «Собрании древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам» с пометкой «с древнего списка» было опубликовано письмо Януша Радзивилла римскому папе, датированное 1600 годом. В тексте сам Януш называет себя католиком, а София представлена как сторонница иной религии, под которой понимается православие [Собрание древних актов и грамот, 1848, *66–67*]. В наши дни факт поддельности опубликованного в 1848 году письма не вызывает сомнений: сравнение публикации из «Собрания древних грамот» и документа, обнаруженного А.А. Скепьян в архиве Ходкевичей, показало, что о принадлежности Софии к православию, а кальвиниста Радзивилла к католицизму в оригинале письма речи не шло [Скеп’ян, 2013, *181–184*]. Тем не менее на авторов второй половины XIX – начала XX века подложный текст письма Януша Радзивилла оказал влияние, став одним из источников, на основании которых публицисты пытались реконструировать биографию слуцкой княгини.

Немногочисленные источники 1850–1860-х годов, в которых встречаются упоминания о Софии, содержат противоречащие друг другу истории о ее отношениях с Янушем Радзивиллом и роли в судьбе слуцкого православия. Так, в книге П.М. Шпилевского «Путешествие по Полесью и Белорусскому краю», опубликованной в 1858 году, упоминается, что по совету духовника Софии, отца Прокофия, Радзивилл построил в Слуцке две православные церкви. П.М. Шпилевский утверждает, что Януш не только покровительствовал православным, но и сам был «православным до смерти жены». О деятельности Софии при этом не говорится ничего [Шпилевский, 1858, *55*].

Альтернативная точка представлена в опубликованном в 1868 году стихотворении священника Григория (Кулжинского) «Святая слуцкая княгиня София». Автор изображает героиню образцом преданности православию: она хранила веру предков, несмотря на то что «муж фанатик из околиц манил ее в кальвинский сонм». Григорий (Кулжинский) представляет Софию именно как персонализированный «пример борьбы с врагом», но не

как защитницу Православной церкви, а в качестве ее искусителей в стихотворении выступают не католики, а кальвинисты. Тем не менее в тексте стихотворения присутствуют отсылки к свойственному поздней агиографии Софии мотиву борьбы против натиска унии, католицизма и «полонизма». В частности, автор подчеркивает, что действие происходит «в Слуцке древле-православном, не гнувшем выи пред ляхом». Также в конце стихотворения священник риторически обращается к Софии, призвав ее молить Христа, «чтоб несчастная страна забыла унию скорее» [Григорий (Кулжинский), священник, 1868, *1–2*].

Идеи, зачатки которых просматриваются в указанном стихотворении, в полной мере были развиты в нарративах 1890–1910-х годов. Первым крупным текстом этого периода, уделяющим внимание Софии, следует признать работу Ф.Ф. Серно-Соловьевича «Слуцкая старина», опубликованную в журнале «Русский паломник» в 1891 году и в дальнейшем изданную отдельной брошюрой. Публицист утверждает исключительную роль Слуцка как города, который «крепко держал знамя православия от начала своего основания до настоящего времени». По мнению автора, «ни один иезуит не смел сюда показаться, и между населением ни один из православных случан не изменил вере своих предков, не перешел в унию или католицизм» [Серно-Соловьевич, 1891б, *105–107*]. Излагая историю Слуцка и его святынь и включая в их число, в частности, мощи св. Гавриила Белостокского (Слуцкого), автор упоминает и об останках Софии. Слуцкую княгиню он характеризует как почитаемую в народе святую, которая при жизни была сторонницей православия и даже поставила своему мужу обязательное условие: дети, рожденные в браке, непременно должны быть православными. Сделано это было, «так как Януш Радзивилл был сначала католиком, а потом кальвином» [Серно-Соловьевич, 1891а, *438–439*].

До 1914 года было издано и несколько других текстов, авторы которых во многом следовали за Ф.Ф. Серно-Соловьевичем: описывая историю Слуцка как оплота православия, они упоминали в числе главных городских святынь мощи св. Софии и приводили краткие сведения о ней самой [Глебов, 1904, *61–63*; Город Слуцк как оплот православия, 1908, *2–3*; Св. мученик младенец Гавриил Слуцкий, 1914, *281–285*; Нивич, 1914, *1–2*].

Личность благоверной княгини стала объектом пристального внимания в 1912 году, в год трехсотлетия со дня ее кончины. Первое со времен Григория (Кулжинского) стихотворение посвятил Софии Л. Цветков, писавший, что ее деятельность пришлась на времена, когда «наш край несчастный» находился «под гнетом злобных поляков», а «Сигизмунд, король лукавый» здесь «насильем унию вводил». Слуцкая княгиня, наряду с Константином Константиновичем Острожским и Андреем Курбским, помещается Л. Цветковым, в число тех, кто «свершил подвиги благие», защищая угнетаемое в Речи Посполитой православие и русский народ [Цветков, 1912, *2*].

В том же году было издано и жизнеописание святой, автором которого стал архимандрит слуцкого Свято-Троицкого монастыря Афанасий (Вечорко). Автор опирался на известные ему документы (включая публикацию письма Януша Радзивилла от 1848 года) и развивал мотивы предшествующих писателей. София изображается им как благочестивая православная княгиня, которая, несмотря на то что «муж зачастую обижал ее», все-таки имела на него влияние и использовала его для «защиты православия и русской народности». В частности, отмечается, что она не только заботилась о материальном обеспечении местных православных храмов и монастырей и принимала участие в деятельности местного православного братства, но и побудила своего мужа-католика остановить распространение унии в Слуцке [Афанасий (Вечорко), архимандрит, 1912а, *5–6*]. Перепечатавший текст Афанасия (Вечорко) редактор «Гродненских епархиальных ведомостей» Н.И. Шелутинский восхищался «чарующим впечатлением», которое должен был получить «православно-русский человек нашего края», читая жизнеописание Софии. «Верность православию до смерти, поддержку его в злощастные времена народившейся унии» он отмечал как выдающееся достоинство княгини, считая ее жизнь «уроком для нашего времени» и «славным воодушевляющим примером» [Афанасий (Вечорко), архимандрит, 1912б, *79–80*].

В наиболее ярком виде образ Софии, защищающей православие от фанатичного католика Радзивилла, предстает у В.П. Лебедева в его рассказе «Святая княгиня». Произведение, опубликованное в 1914 году, состоит из двух частей. В первой жестокий Януш за незначительную провинность исступленно избивает плетью своего челядина Михася, приверженца «русской веры». Экзекуция прекращается только тогда, когда «в черной полумонашеской одежде» появляется княгиня и удерживает мужа от расправы над невинным. Вторая часть представляет собой диалог Софии и старого инока из слуцкого Свято-Троицкого монастыря. Из разговора персонажей читатель узнает, что София исключительно благочестива: в ее покоях «святые книги славянской печати разложены», а сама она накануне вернулась из пешего паломничества к одной из основанных ею православных церквей, «где в посте и молитве три дня провела». В конце рассказа она сожалеет, что слишком мало успела сделать для блага Православной церкви, и завещает хранить в монастыре реликвии, оставшиеся от нее и ее предков. Реликвии должны были вещать потомкам «о княгине Софии Юрьевне, что вела свой род от св. князя Владимира и верной дщерью была святой церкви православной» [Лебедев, 1914*, 285–287*].

В целом образ защитницы православия от натиска унии и католицизма выкристаллизовывался в нарративах XIX – начала XX века постепенно. Локальная традиция почитания нетленных останков Софии Слуцкой, выросшая, по-видимому, из обычая поминовения слуцких князей, сформировалась не позднее первой половины XIX века – более точная датировка на

основании имеющихся источников едва ли возможна. Первые тексты, вышедшие из православной среды и уделяющие внимание конфессиональной принадлежности благоверной княгини и ее отношениям с Янушем Радзивиллом, появляются в 1840–1860-е годы. Однако их свидетельства отрывочны и противоречивы: во второй трети XIX века единый православный взгляд на личность и жизненный путь Софии еще не сложился. Высказанный А.А. Скепьян тезис об искусственном конструировании в 1830-е годы культа Софии, будто бы изобретенного церковными и светскими властями в связи с «патрэбамі дзяржаўнай ідэалогіі», так как «Праваслаўная царква пасля падаўлення паўстання 1830–1831 гг. шукала асоб, якія маглі б падкрэсліць вернасць мясцовай шляхты праваслаўю, стварыць супрацьвагу польскай нацыянальнай ідэі» [Скеп'ян, 2013, *153, 204*], не может быть принят ввиду отсутствия каких-либо документальных подтверждений: на данный момент исследователи не располагают никакими свидетельствами, позволяющими говорить о роли официального Петербурга или хотя бы чиновников Минской губернии в деле развития культа св. Софии. По-видимому, существующий в наши дни образ княгини как заступницы православной веры сформировался уже в конце XIX – начале XX века в рамках создававшегося тогда усилиями православных публицистов и местного духовенства образа города Слуцка как оплота православия, выстоявшего в неравной борьбе с унией и римо-католицизмом. Нелегкая судьба святой защитницы «русской веры», противостоящей фанатичному мужу-католику, прекрасно вписалась в общую канву истории Слуцка, «не гнувшего выи пред ляхом». Для православных авторов рубежа столетий София стала одним из олицетворений истории ее родного города – цитадели православия на землях Речи Посполитой.

Таким образом, история двух противоположных точек зрения на конфессиональную принадлежность, личность и деятельность Софии уходит корнями в XIX – начало XX века. И хотя современные сторонники того или иного взгляда на вероисповедание благоверной княгини не апеллируют к художественным произведениям и публицистике XIX века, выстраивая свою аргументацию преимущественно на основании архивных документов, значительная часть их тезисов была впервые озвучена еще в позапрошлом столетии. Научная дискуссия начала XXI века стала одним из этапов длительного процесса формирования представлений о фигуре св. Софии Слуцкой, начало которому было положено еще во времена Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасий (Вечорко), архимандрит. Блаженная Слуцкая Княгиня София Юрьевна Олелько. Минск: Электро-типография С.А. Некрасова, 1912а. 13 с.

Афанасий (Вечорко), архимандрит. Блаженная Слуцкая княгиня София Юрьевна Олелько // Гродненские епархиальные ведомости. 1912б. № 9. С. 79–91.

Виталий (Антоник), протоиерей. Святая праведная София Слуцкая // Труды Минской духовной академии. 2012. № 10. С. 166–181.

Глебов И.А. Город Слуцк (исторический очерк). Вильна, 1904. С. 53–81.

Город Слуцк как оплот православия // Братский листок. 1908. № 14. С. 2–3.

Григорий (Кулжинский), священник. Святая слуцкая княгиня София. Минск, 1868. 2 с.

Лебедев В.П. Святая княгиня // Русский паломник. 1914. № 18. С. 285–287.

Масленицына И., Богодзяж И. София Слуцкая: повесть-эссе. Минск: Четыре четверти, 2012. 104 с.

Нивич Я. Народный праздник // Северо-Западная жизнь. 1914. № 87. С. 1–2.

Павел (Бубнов), протодиакон. История изучения биографии святой праведной Софии, княгини Слуцкой // ΧΡΟΝΟΣ. Церковно-исторический альманах. 2020. № 7–8. С. 58–109.

Св. мученик младенец Гавриил Слуцкий // Русский паломник. 1914. № 18. С. 281–285.

Серно-Соловьевич Ф.Ф. Слуцкая старина // Русский паломник. 1891а. № 28. С. 438–442.

Серно-Соловьевич Ф.Ф. Случеская старина // Русский паломник. 1891б. № 7. С. 105–107.

Скеп'ян А.А. Князі Слуцкія. Мінск: Беларусь, 2013. 246 с.

Скрынченко Д.В. Слуцкий синодик 1684 года. Вильна: Изд. Сев.-Зап. отд. ГРО, 1914. 12 с.

Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам. Минск: Губернская типография, 1848. 402 с.

Цветков Л. Блаженная София княгиня Слуцкая // Минское слово. 1912. № 1517. С. 2.

Шпилевский П.М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. СПб., 1858. 242 с.

Jarczykowa M. Przy pogrzebach rzeczy i rytmy: Funeralia Radziwiłłowskie z XVII wieku. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2012. 276 s.

Klecha A. Literackie kreacje Zofii z Olelkowiczów Radziwiłłowej, ostatniej księżniczki słuckiej (1586–1612) // Białostockie teki historyczne. 2017. T. 15. S. 11–33.

Korwin-Szymanowski T. Zofija Olielkowiczówna, księżniczka Słucka. Киев: Типография Г.Л. Францкевича, 1891. 31 s.

Kraszewski J. Ostatnia z xiążąt Słuckich. T. 1. Wilno: Wydawnictwo Józefa Zawadskiego, 1841. 191 s.

Osipowska J. Zofia Ololkiewiczówna, księżniczka słucka. T. 1. Warszawa: Wydawnictwo Augusta Emmanuela Glucksberga, 1842. 196 s.

Syrokomla W. Zofija, Xiężniczka Słucka. Wilno: Księgarz A. Assa, 1859. 126 s.

V.I. Koronevskii
Research Assistant,
Institute of History,
St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

The Defender of the Orthodoxy or the Pious Catholic? St. Sophia of Slutsk in the Narratives of 19th – early 20th Centuries

The paper is devoted to the history of the perception of St. Sophia of Slutsk by both Russian-language (Athanasius Vechorko, Gregory Kulzhinski, Feodor Sero-Solovievitch etc.) and Polish-language (Jozeph Krashevski, Josephine Osipovska, Vladislav Syrokomla, Teodor Korvin-Shimanovski) writers of the 19th – early 20th centuries. St. Sophia is canonized by the Orthodox Church. Despite that, in the early 21st century Belarusian historians debated her denomination. This article claims that the dispute related to the Saint's denomination is based on two competing points of view which formed in the 19th century, although, at that time their proponents did not debate. Two traditions of perception of Sophia

are distinguished. According to the first of these, Sophia was the defender of the Orthodoxy from the Catholics. Based on the second one, she was the Catholic of Roman or Greek rite who could hardly be related to the Orthodoxy. The link between the development of the Orthodox cult of Sophia at the turn of the 19th – 20th centuries and the elaboration of the concept «Slutsk – the stronghold of the persecuted Orthodoxy in the Polish-Lithuanian Commonwealth» is investigated.

Key words: *St. Sophia of Slutsk; Orthodoxy; Catholicism; Union; sanctity; the Polish-Lithuanian Commonwealth; the Grand Duchy of Lithuania; the Russian Empire; Slutsk; Janush Radziwill.*

REFERENCES

Afanasy (Vechorko), archimandrite. Blessed Slutsk Princess Sofia Yurievna Olelko [Afanasij (Vechorko), arhimandrit. Blazhennaya Sluckaya Knyaginya Sofiya YUr'evna Olel'ko]. Minsk: Elektro-tipografiia S.A. Nekrasova, 1912. 13 p. (in Russian).

Afanasy (Vechorko), archimandrite. Blessed Slutsk Princess Sofia Yurievna Olelko [Afanasij (Vechorko), arhimandrit. Blazhennaya Sluckaya Knyaginya Sofiya YUr'evna Olel'ko]. *Grodno Diocesan Gazette.* 1912. No. 9, pp. 79–91 (in Russian).

Vitaly (Antonik), archpriest. Holy Righteous Sophia of Slutsk [Vitalij (Antonik), protoierej. Svyataya pravednaya Sofiya Sluckaya]. *Proceedings of the Minsk Theological Academy.* 2012. No. 10, pp. 166–181 (in Russian).

Glebov I.A. The city of Slutsk (historical essay) [Gorod Slutsk (istoricheskii ocherk)]. Vilna, 1904. pp. 53–81 (in Russian).

The city of Slutsk as the stronghold of the Orthodoxy [Gorod Slutsk kak oplot pravoslaviia]. *Bratskii listok*, 1908. No. 14. pp. 2–3 (in Russian).

Grigory (Kulzhinsky), priest. St. princess Sophia of Slutsk [Sviataia slutskaia kniaginia Sofiia]. Minsk, 1868. 2 p. (in Russian).

Lebedev V.P. The Saint Duchess [Sviataia kniaginia]. *Russian pilgrim*, 1914. No. 18. pp. 285–287 (in Russian).

Maslenitsyna I., Bogodziazh I. Sophia of Slutsk: Story-essay [Sofiia Slutskaia: Povest'-esse]. Minsk: Chetyre chetverti, 2012. 104 p. (in Russian).

Nivich I. The national feast [Narodnyi prazdnik]. *Severo-Zapadnaia zhizn'*, 1914. No. 87. pp. 1–2 (in Russian).

Pavel (Bubnov), protodeakon. The history of studying of the biography of saint righteous Sophia, duchess of Slutsk [Istoriia izucheniia biografii sviatoi pravednoi Sofii, kniagini Slutskoi]. *Chronos. Church-historical almanac,* 2020. No. 7–8. pp. 58–109 (in Russian).

St. Martyr young Gabriel of Slutsk [Sv. muchenik mladenets Gavriil Slutskii]. *Russian pilgrim*, 1914. No. 18. pp. 281–285 (in Russian).

Serno-Solovjevich F.F. The Slutsk antiquity [Slutskaia starina]. *Russian pilgrim*, 1891. No. 28. pp. 438–442 (in Russian).

Serno-Solovjevich F.F. The Slutsk antiquity [Slucheskaia starina]. *Russian pilgrim*, 1891. No. 7. pp. 105–107 (in Russian).

Skep'ian A.A. Slutskis Dukes [Kniazi Slutskiia]. Minsk: Belarus, 2013. 246 p. (in Belorussian).

Skrynchenko D.V. The 1684 Slutsk sinodik [Slutskii sinodik 1684 goda]. Vilna: Sev.-Zap. otd. GRO, 1914. 12 p. (in Russian).

The collection of the ancient charters and documents of the cities of the Minsk region, the Orthodox monasteries, the churches and different things [Sobranije drevnikh gramot i aktov gorodov Minskoi gubernii, pravoslavnykh monastyrei, tserkvei i po raznym predmetam]. Minsk: Gubernskaia tipografiia, 1848. 402 p. (in Russian).

Tsvetkov L. Blessed Sophia, the princess of Slutsk [Blazhennaia Sofiia kniaginia Slutskaia]. *Minskoje slovo*, 1912. No. 1517, pp. 2 (in Russian).

Shpilevskii P.M. The journey in Polesia and the Belarusian land [Puteshestvije po Poles'iu i Belorusskomu kraiu]. St. Petersburg, 1858. 242 p. (in Russian).

Jarczykowa M. Things and rhythms at funerals: Radziwiłł funerals from the 17th century [Przy pogrzebach rzeczy i rytmy: Funeralia Radziwiłłowskie z XVII wieku]. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2012. 276 p. (in Polish).

Klecha A. Literary creations of Sophi Radziwill drom Olelkovichs, the last princess of Slutsk (1586–1612) [Literackie kreacje Zofii z Olelkowiczów Radziwiłłowej, ostatniej księżniczki słuckiej (1586–1612)]. *Białystok historical portfolios*, 2017. Vol. 1. pp. 11−33 (in Polish).

Korwin-Szymanowski T. Sophia Olelkovich, the princess of Slutsk [Zofija Olielkowiczówna, księżniczka Słucka]. Kiev: Tipografiia G.L. Frantskevicha, 1891. 31 p. (in Polish).

Kraszewski J. The Last of the Slutskis Dukes [Ostatnia z xiążąt Słuckich]. Vol. 1. Wilno: Wydawnictwo Józefa Zawadskiego, 1841. 191 p. (in Polish).

Osipowska J. Sophia Olelkovich, the princess of Slutsk [Zofia Ololkiewiczówna, księżniczka słucka] Vol. 1. Warsow: Wydawnictwo Augusta Emmanuela Glucksberga, 1842. 196 p. (in Polish).

Syrokomla W. Sophia, Princess of Slutsk [Zofija, XiężniczkaSłucka]. Wilno: KsięgarzA. Assa, 1859. 126 p. (in Polish).

М.П. Беляев

Государственный гуманитарно-технологический университет
Орехово-Зуево (Московская область), Россия

УДК 94(430.245)

DOI 10.35785/2072-9464-2023-64-4-233-248

РЕГЕНСБУРГСКИЙ КОНВЕНТ КУРФЮРСТОВ 1636/1637 ГОДОВ И БОРЬБА БРАНДЕНБУРГА ЗА ИМПЕРСКИЙ МИР

Ключевые слова: *коллегия курфюрстов; конвент; заседание; амнистия; заключение мира; Бавария; Вюртемберг.*

Предметом исследования статьи является политика курфюршества Бранденбург, направленная на заключение мира с воюющими державами антигабсбургской коалиции, в ходе Регенсбургского конвента. По мнению правившего императора, целью конвента было избрание римского короля – будущего императора Фердинанда III. Тем не менее своей задачей бранденбургский курфюрст Георг Вильгельм считал заключение мира, которому должна предшествовать амнистия в отношении сословий, не подписавших Пражский мир. В ходе подготовки к конвенту и самого конвента стало ясно, что саксонский курфюрст Иоганн Георг проводит антибранденбургскую политику. По его инициативе Бранденбург оказался втянут в войну со Швецией, затем Иоганн Георг предложил своему коллеге Георгу Вильгельму пойти на уступки: передать Швеции Померанию во имя мира в Империи. Бранденбург предложил начать переговоры, воспользовавшись посредничеством польского короля. Это было отвергнуто большинством курфюрстов. Затем приняли предложение начать

переговоры совместно с императором о заключении мира со Швецией и Францией. В итоге переговоры со Швецией провалились. В вопросе амнистии в отношении герцогства Вюртемберг бранденбургская делегация потерпела неудачу. В результате под влиянием руководителя делегации и сторонника императора Шварценберга Бранденбург согласился на избрание римского короля. Таким образом, мирная политика Бранденбурга потерпела неудачу.

Регенсбургскому конвенту курфюрстов 1636/1637 годов уделено немало внимания в зарубежной и отечественной историографии, но в основном в рамках изучения общей истории Тридцатилетней войны. Настоящая статья посвящена рассмотрению политики Бранденбурга на этом конвенте.

Основными методами настоящего исследования являются сравнительный, хронологический и диалектический.

Вскоре после заключения Пражского мира советник императора граф Стадион предложил курфюрсту Майнцу избрать нового римского короля. Шесть месяцев спустя император довел эту просьбу до сведения других курфюрстов [Hengerer, 2012, *120*]. Было решено отправить им два отдельных послания: общее – о решении вопроса престолонаследия и специальное – об избрании сына императора Фердинанда римским королем.

В первом письме император говорил о том, что избрание римского короля необходимо прежде всего «ввиду опасных намерений иностранных держав, которые под предлогом помощи и покровительства собирались подавить исконные свободы империи, ввести свои законы и подчинить себе всю Империю». Чтобы убедить иностранные державы уйти, надо урегулировать вопрос о престолонаследии как можно быстрее и в любом случае до наступления междуцарствия. С этой целью курфюрстам предлагалось встретиться с императором на конвенте в феврале-марте следующего года, еще до возобновления боевых действий.

В своем втором послании император просил курфюрстов избрать его старшего сына Фердинанда, короля Венгрии, римским королем. Он показал себя способным государственным деятелем, главой императорской армии и успешным дипломатом при ведении переговоров о заключении Пражского мира. Это говорит о том, что в будущем Фердинанд будет достойно занимать высший имперский пост. Таким образом, императорская инициатива при созыве конвента курфюрстов в Регенсбурге ограничивалась выборами римского короля. Фердинанд II не считал необходимым пользоваться советами курфюрстов по таким вопросам, как амнистия, заключение мира со Швецией или способ избежать войны с Францией. В конце ноября императорский посланник Георг Людвиг фон Шварценберг отправился к саксонскому и бранденбургскому дворам.

К этому времени Бранденбург оказался в центре войны, в первую очередь из-за политики курфюрста Саксонии Иоганна Георга. Последний успешно отстаивал свои интересы при заключении Пражского мира, добившись присоединения двух лужицких и четырех магдебургских амтов в

Даме, Бурге, Ютерборге и Кверфурте, которые ранее принадлежали ему только в качестве залога. Кроме того, эрцгерцог Леопольд Вильгельм отказался от Магдебургского архиепископства в пользу принца Августа Саксонского. Также саксонскому курфюрсту перешли епископства Мейсен, Мерзебург и Наумбург. За это Иоганн Георг обещал не поднимать вопрос об амнистии. Он лишь пытался уговорить императора помиловать исключенные из мира сословия. После заключения Пражского мира курфюрст Саксонии попросил шведского канцлера Оксеншерну вывести свои войска из Империи, в частности из тех районов, которые перешли к Саксонии в соответствии с условиями этого договора.

Посланник императора Шварценберг после посещения саксонского курфюрста 25 декабря прибыл в Берлин. Как и Иоганн Георг, его бранденбургский коллега Георг Вильгельм дал ответ императору на его обращение в рамках, установленных Золотой буллой. Он уклонился от комментариев по поводу выборов, но согласился с проведением собрания курфюрстов для полного успокоения Империи. Тайный советник бранденбургского курфюрста Адам фон Шварценберг являлся двоюродным братом императорского посланника. 31 декабря двое двоюродных братьев провели конфиденциальные консультации. Советник курфюрста Адам Шварценберг в ходе консультаций подчеркивал искреннюю дружбу своего государя с императорским домом, но в то же время указывал, что курфюрст ожидает получить большую поддержку от императора. Прежде всего, Георг Вильгельм хотел, чтобы с ним советовались при составлении военных планов. Это был единственный способ, по его мнению, предотвратить полный разгром страны. Георг Вильгельм жаловался, что отдал все военные силы саксонскому союзнику, но это не способствовало безопасности Бранденбурга. Теперь ему следовало либо выйти из военного конфликта, либо остаться под шведской оккупацией. Бранденбург нес тяготы войны в одиночку, в то время как Саксония не находилась в эпицентре вооруженного столкновения, хотя и разжигала его. Здесь впервые проявились разногласия между двумя курфюрстами-протестантами, ставшие впоследствии решающим мотивом для Регенсбургского конвента. Императорский посланник подробно доложил в Вену о том, что получено одобрение двух курфюрстов на созыв собрания для установления полного спокойствия Империи. Однако Шварценберг не преминул указать на разногласия между Саксонией и Бранденбургом и рекомендовал императору принять меры по исправлению положения до начала конвента. В противном случае ему было бы трудно обеспечить наследование титула римского короля Австрийским домом. В целом инициатива Фердинанда II увенчалась успехом лишь частично: курфюрсты не согласились в письменной форме дать обязательство урегулировать вопрос о выборах римского короля. Он был отложен до собрания в Регенсбурге. В то же время желание Фердинанда II видеть своего сына римским королем не встретило принципиального сопротивления ни одного курфюрста. Однако в той или иной

степени они указывали императору, что урегулирование престолонаследия должно идти рука об руку с умиротворением Империи. Советники императора в отчете от 25 января 1636 года говорили о возможности созыва конвента курфюрстов [Haan, 1967, *30–32, 40, 43–45*].

Однако Саксония отказалась избирать римского короля до тех пор, пока император не объявит всеобщую амнистию, «поскольку этот… путь мог бы успокоить Империю». Посольство Бранденбурга получило такое же распоряжение [Droysen, 1861, *164*]. Интересно, что Иоганн Георг воздержался от указаний своим посланникам тесно сотрудничать с бранденбургскими коллегами. 23 февраля Георг Вильгельм написал курфюрсту Саксонии о совпадении их намерений и замыслов. Но бранденбургский курфюрст совершенно иначе, чем его саксонский кузен, понимал вопросы умиротворения Империи. В этих условиях центральная задача предстоящего собрания курфюрстов для Георга Вильгельма заключалась в инициировании мирных переговоров со Швецией. Присоединение герцогства Померания было для него основополагающим принципом политики. Бранденбургский курфюрст уже тогда не доверял Иоганну Георгу. Георг Вильгельм хотел убедить императора более решительно продвигать интересы Бранденбурга, понимая, что в то же время должен учитывать его пожелания. В этих условиях не могло быть и речи об антиимператорской политике курфюрста.

Как и Иоганн Георг, Георг Вильгельм не мог лично посетить конвент из-за военного положения, а также из-за неудовлетворительного хода финансовых переговоров с сословиями. Однако, в отличие от своего саксонского кузена, бранденбургский курфюрст дал своим посланникам точные 100-страничные инструкции по всем вопросам, которые могли возникнуть на конвенте. Они должны были проводить политику, направленную на установление мира.

В инструкции очень подробно говорилось о шведских военных операциях и мирных инициативах. Посланники должны работать над тем, чтобы курфюрст Бранденбург мог непосредственно участвовать в будущих переговорах с Оксеншерной. Георг Вильгельм настаивал на освобождении оккупированных шведами территорий. Он считал, что ни при каких обстоятельствах нельзя отдавать им в залог померанские гавани. Помимо шведского вопроса, в бранденбургских инструкциях рассматривались франко-имперские отношения. Французский король в прошлом оказал имперским чинам много услуг. И теперь он не предъявлял Империи никаких личных требований, а просто пытался защитить свободу сословий и добиться всеобщего мира. Значит, императору следует привлечь Францию к мирному урегулированию в Империи. Наконец, успокоения в Империи можно достичь объявлением амнистии не присоединившимся к Пражскому миру сословиям [Haan, 1967, *65–69*].

Часть бранденбургской инструкции, относящаяся к выборам римского короля, подробно повторяла различные аргументы, которые обсуждались на заседаниях тайного совета. Посланники должны сделать все возможное для того, чтобы обсуждение выборов было приостановлено до тех пор, пока не будут приняты конкретные решения по мирным переговорам [Documenta, 1979, *125–127*]. От новых выборов, говорилось в инструкции, можно ожидать мало пользы, если умиротворение будет отложено. По поводу подготовки новой избирательной капитуляции бранденбургским посланникам было поручено конфиденциально советоваться со своими саксонскими коллегами. В Берлине очень сожалели, что не договорились об этом раньше. Такое важное дело требовало предварительных тайных консультаций между курфюрстами Саксонии и Бранденбурга. Георг Вильгельм, однако, понимал, «как холодно они относятся к нам на таких конференциях и многое выманивают из наших уст – так как мы еще не можем быть уверены, будет ли это в нашу пользу или во вред нам». Точки зрения Иоганна Георга и Георга Вильгельма соприкасались только в том, что вопрос о выборах должен рассматриваться во вторую очередь. В этом отношении можно говорить об общей оппозиции двух курфюрстов-протестантов, с одной стороны, и курфюрстов Майнца и Кельна – с другой. Таким образом, ход Регенсбургского собрания в решающей степени зависел от позиции Баварии [Haan, 1967, *70–71*].

На конвенте лично присутствовали четверо из семи курфюрстов Империи: Фердинанд III, Максимилиан Баварский и два духовных курфюрста – архиепископы Кельна и Майнца. Как и прежде, курфюрсты Бранденбурга и Саксонии представляли свои интересы через уполномоченных. Бранденбургскую делегацию возглавлял граф Адам фон Шварценберг. В ее состав входили тайные советники Левин фон Кнезебек, фон Блюменталь, доктор Фрице. Бранденбуржцы появились в Регенсбурге уже 19 июля 1636 года. Собрание курфюрстов напоминало настоящий форум элит: прибыли посланцы от короля Испании, Польши, Англии, Франции, Дании, от республики Соединенных провинций [Прокопьев, 2020, *212*; Haan, 1967, *96*; Droysen, 1861, *162*].

Конвент открылся 15 сентября. Поскольку он проходил без какого-либо вмешательства со стороны Франции, Фердинанду II удалось выполнить всю свою программу. Еще до начала собрания Франция и Швеция выступили против выборов римского короля, поскольку отсутствовали голоса курфюрстов Трира и Пфальца. Ставилась под вопрос правомочность собрания. Архиепископ Трирский Зотерн был насильственно отрешен от должности и пребывал в заключении [Веджвуд, 2011, *444*; Droysen, 1861, *162*; Прокопьев, 2020, *212*]. Император приказал провести обыск в его канцелярии и найти документы об отношениях архиепископа с Францией и Швецией. В то же время император велел своим послам объявить курфюрстам, что он вскоре пришлет им достаточно материалов о преступлениях Зотерна, чтобы они тогда непременно согласились на изгнание своего трирского коллеги [Haan, 1967, *32*].

По трирскому делу бранденбургская делегация заняла осторожную позицию. С одной стороны, порицались союзные отношения Зотерна с Францией, с другой – бранденбуржцы были против его смещения с должности только на основании сообщений, извлеченных из архива и вырванных из контекста. Отсутствие полной информации и достаточных доказательств лишало возможности принимать по этому делу решение. Предлагалось приостановить рассмотрение трирского дела и приступить к обсуждениям в отсутствие архиепископа Зотерна [Documenta, 1979, *127–129*].

Курфюрст Майнца Ансельм Казимир в частных беседах пытался убедить миссии протестантских курфюрстов прежде всего избрать римского короля. Однако его усилия не увенчались успехом. Саксонцы настаивали на амнистии. В бранденбургской делегации считали, что вопросы мира должны превалировать над вопросом о выборах. Пока существовало такое разногласие, Ансельм Казимир счел бессмысленным назначать заседания коллегии курфюрстов. Новая встреча состоялась 25 сентября 1635 года по просьбе польского посла графа Осилинского. Он передал послание от своего короля. Польского посла выслушали и попросили его представить сообщение в письменном виде.

В письменной форме послание короля Владислава IV, помимо общих добрых пожеланий конвенту, содержало рекомендации избрать короля Венгрии (будущего Фердинанда III) римским королем и пожелание курфюрстам содействовать делу мира. Владислав предлагал свою поддержку в данном вопросе. Борьба французской и императорской дипломатии за благосклонность польского короля закончилась победой дома Габсбургов. Владислав IV агитировал за сохранение императорской короны в Австрийском доме и в то же время отверг попытки Франции выдвинуть польскую кандидатуру на предстоящих выборах. Когда конвент собрался на свое третье заседание 27 сентября, большинство курфюрстов высказалось за то, чтобы либо дать польскому посланнику только общий ответ, либо отложить подробные консультации до выборов римского короля. Посланники Бранденбурга попытались использовать польский меморандум, чтобы прежде обсудить вопросы мира и уже во вторую очередь – выборы. Они объясняли, что вопрос о престолонаследии не внесен в повестку дня конвента и требует дальнейшего обсуждения. С самого начала бранденбуржцы исходили из того, что Владислав IV хотел поручить своему посольству мирное посредничество, хотя об этом прямо не говорилось в письме. Между тем польский посланник в Берлине предлагал его еще до открытия Регенсбургской конвента. Георг Вильгельм с готовностью принял данное предложение. Он поручил своему посланнику Блюменталю сделать представление об этом императорскому двору в Вене. Сам Владислав уже обращался к императору, но был перенаправлен к папе. Польский король считал, что Пражский мир не продлится долго. Бранденбургские посланники, прибывшие в Регенсбург, получили приказ

поддержать польское мирное посредничество. Поэтому бранденбуржцы попытались представить на обсуждение коллегии курфюрстов польский меморандум. Во время четвертого заседания бранденбургская делегация высказала фундаментальные соображения о войне и достижении мира. Предусмотренное в Праге умиротворение Империи не осуществилось, а война еще больше разгоралась. Бранденбуржцы видели два пути достижения всеобщего мира в будущем. На основании Пражского соглашения можно было завоевать мир с помощью оружия или же начать новые переговоры и посмотреть, каким путем быстрее будет достигнут мир. Посланники Георга Вильгельма считали невозможной победу с оружием в руках. В любом случае изгнание шведов было связано с разорением имперских земель. Поэтому необходимо было приложить усилия для возобновления мирных переговоров. В Берлине считали, что шведский рейхсрат также заинтересован в прекращении войны. Для этой цели и следовало использовать польского короля.

Однако других курфюрстов заявления посланников Георга Вильгельма мало впечатлили. Несмотря на все усилия бранденбуржцев, направленные на поддержку посредничества польского короля, оно было отклонено большинством коллегии курфюрстов на седьмом заседании. Посланникам Георга Вильгельма пришлось смириться с тем, что дальнейшее рассмотрение польского меморандума было отложено до тех пор, пока не представится возможность.

Таким образом, попытка Бранденбурга поставить вопрос прекращения войны и заключения мира на первый план за счет польского предложения потерпела неудачу. Не в последнюю очередь это произошло из-за отсутствия консультаций с саксонскими посланниками. Посольства двух курфюрстов-протестантов не сделали ничего в Регенсбурге для согласования общей позиции. Кроме визитов вежливости 16 и 17 сентября, до начала декабря не было никаких встреч саксонцев и бранденбуржцев.

В это время папа инициировал созыв Кельнского мирного конгресса. Курфюрсты не желали оставлять ведение переговоров и заключение мира от имени Империи одному императору. Большую роль в обсуждении этого пункта играли баварские и бранденбургские посланники. Вопрос о том, кто должен вести мирные переговоры с иностранными государствами со стороны Империи, уже рассматривался в Мюнхене и в Берлине. Оба посольства получили подробные инструкции, как не допустить единоличного участия в переговорах императора.

Однако в Мюнхене и в Берлине по-разному подходили к решению данного вопроса. Противоположные взгляды привели к длительным спорам между баварскими и бранденбургскими посланниками. Баварцы предлагали наряду с императорскими уполномоченными в качестве представителей Империи направить на Кельнский конгресс депутацию от коллегии курфюрстов. Это не лишало каждого курфюрста права в целях защиты личных интересов

иметь своих представителей на переговорах, если он сочтет данный шаг необходимым. Курфюрст Максимилиан отказывал императору в праве единолично представлять Империю. Бранденбуржцы с самого начала скептически отнеслись к баварскому предложению. Они поддержали требование о привлечении курфюрстов к переговорам с другими странами. В остальном, однако, баварская инициатива казалась им недостаточно отвечающей интересам отдельных курфюрстов. Бранденбуржцы предложили, чтобы каждый курфюрст посылал на переговоры послов по своему усмотрению. Георг Вильгельм не доверял не столько императору, сколько Иоганну Георгу и считал, что каждый курфюрст сам может отправить своего представителя. Кроме того, по мнению бранденбургских посланников, коллегия курфюрстов не обладала необходимыми полномочиями для представления интересов всех имперских чинов на переговорах с зарубежными странами. Той же позиции придерживались и при саксонском дворе. В итоге на шестнадцатом заседании решили, что каждый курфюрст может отправить своих посланников на Кельнский конгресс по своему усмотрению. Предложение баварцев направить представителя от всей коллегии курфюрстов было отклонено.

Оссилинский хотел использовать делегацию коллегии курфюрстов на Кельнском конгрессе как посредника для заключения польско-шведского мира. Однако член бранденбургской делегации Кнезебек объяснил ему, что такая увязка только осложнит дело. На заседании 30 октября бранденбуржцам пришлось признать, что в начале конвента они поспешно отреагировали на польский меморандум. Затем курфюрсты решили временно приостановить отношения с польским королем, чтобы получить информацию о том, как императорский двор отнесется к мирному посредничеству Владислава. 10 ноября 1636 года польский посол покинул конвент курфюрстов.

Намерения императорского двора в 1636/1637 годах, вероятно, заключались в том, чтобы предоставить курфюрстам в лучшем случае консультативную роль, но не право голоса на переговорах с Францией и Швецией. Но курфюрсты пытались принять участие в мирных переговорах в рамках, выходящих за пределы совещательной функции. Император тем не менее, как считали его советники, должен был сохранить за собой руководство мирными переговорами [Haan, 1967, *120–124, 145–148, 160, 281*].

В итоге курфюрсты должны были удовлетвориться обещаниями императора о скором начале мирных переговоров. Но 15 февраля 1637 года Фердинанд II умер. По мнению английского историка Дж. Паркера, никаких серьезных переговоров с иностранными державами от имени курфюрстов не было [Thirty Years' War, 1998, *146*]. Император решил вести переговоры отдельно с Францией в Кельне при посредничестве папы и со Швецией при посредничестве курфюрстов Майнца и Бранденбурга [Форстен, 1894, *454–455*], которые выступали от имени коллегии курфюрстов.

Голландский поверенный в делах Фоппе ван Айзема по просьбе императора обратился через своего сына к шведскому дипломату Сальвиусу в Гамбурге с вопросом: желает ли Швеция вести переговоры непосредственно с императором в Вене или Праге? Сальвиус дал уклончивый ответ, который Айзема истолковал как утвердительный. Маркграф Сигизмунд Бранденбургский, которого шведы очень хорошо знали, начал переговоры от имени двух курфюрстов со шведским легатом в Штеттине Стеном Бьельке. Последний отверг в качестве места переговоров императорский двор, но был готов принять маркграфа в Штеттине либо встретиться с ним в другом месте. Встреча состоялась 1 марта 1637 года в Фиррадене. Бьельке заявил о готовности вступить в мирные переговоры, но потребовал в качестве условия получение маркграфом необходимых полномочий не только от коллегии курфюрстов, но и от императора, как главного противника Швеции. Соответствующие полномочия от императора были предоставлены. 1 июня состоялась новая встреча, на которой Швецию представлял Лилльестром, а Бранденбург – фон дер Борн и Фромхольд. С обеих сторон высказывались различные замечания и мнения о месте будущих переговоров: шведы предпочитали Гамбург, а император – Франкфурт-на-Одере. По этому поводу завязалась продолжительная и в связи с болезнью Бьельке неторопливая переписка. Решение должны были принять непосредственно в Вене и Стокгольме. Дело затянулось. Фердинанд III, теперь уже стремившийся к миру, позволил своим переговорщикам уступить в отношении полномочий и места переговоров. Бьельке также советовал А. Оксеншерне последовать примеру императора, но шведский канцлер был теперь менее, чем когда-либо, склонен к миру, «потому что просить мира у врага нецелесообразно, лучше и приличнее позволить изгнать себя силой». Поэтому в создавшейся обстановке надо было «направлять наши усилия более на продолжение войны, чем давать нам какую-либо надежду на успешные переговоры». С самого начала в Стокгольме и не ожидали многого от посредничества Бранденбурга. Оно стало вовсе невозможным после смерти герцога Померании, когда обострились отношения между Швецией и Бранденбургом. Переговоры прекратились совсем со смертью Стена Бьелке [Odhner, 1973, *53–54*].

Еще одной важной проблемой для Бранденбурга, обсуждаемой на конвенте, являлся вопрос о сатисфакции. Курфюрсты-католики подчеркивали, что согласно Пражскому миру их этот вопрос не касается. После открытия Регенсбургского конвента Иоганн Георг также предпринял официальный шаг, чтобы избавиться от бремени сатисфакции. 19 сентября он подробно написал своему двоюродному брату в Бранденбург, как, по его мнению, должны быть урегулированы шведские претензии. В письме императору саксонский курфюрст внес предложения по урегулированию этого вопроса. Иоганн Георг предлагал Бранденбургу найти пути и средства, чтобы убедить шведов уйти из Империи и «снискать таким образом бессмертную славу в том, что они избавили встрево-

женное отечество от невыносимого бремени». Причину напряженности в саксонско-бранденбургских отношениях во время Регенсбургского конвента можно увидеть в данном «невинном, благонамеренном» предложении. Письмо курфюрста Саксонии было воспринято в Берлине как странное и совершенно неожиданное. Это вызвало недовольство Георга Вильгельма, считавшего, что Иоганн Георг хочет устраниться от мирных переговоров со Швецией. Саксонский курфюрст заявлял, что выплата сатисфакции Швеции его не касается. Хорошо известно, писал Георг Вильгельм своим посланникам в Регенсбург 4 октября, что разрыв отношений со Швецией вызван требованиями Иоганна Георга. Кроме того, бранденбургскому курфюрсту обещали, что война против шведской короны будет вестись не от его имени, а от имени императора и всех имперских чинов. Поэтому Георг Вильгельм поручил своим посланникам добиваться от императора и курфюрстов гарантий того, что разрыв со Швецией не причинит большого вреда. Саксонское предложение об удовлетворении было сочтено чрезмерно несправедливым для Бранденбурга. Под влиянием Гетцена Георг Вильгельм попросил своих посланников потребовать надежную гарантию территориальной целостности Бранденбурга от совета курфюрстов и от имени всех имперских чинов. Однако курфюрсты такой гарантии от имени всей Империи дать не могли.

Георг Вильгельм стал, несомненно, главной жертвой интриг саксонского курфюрста. Его письмо от 4 октября 1636 года можно рассматривать как заявление о банкротстве бранденбургской политики после заключения Пражского мира. Георг Вильгельм чувствовал себя брошенным своим двоюродным братом. В своем отчете от 15 октября бранденбургские посланники сообщали о том, чего давно опасались: после реализации собственных намерений саксонский курфюрст почти не беспокоился об интересах Бранденбурга. В окружении самого Георга Вильгельма канцлер Гетцен теперь ссылался на то, что ранее он выступал против дружбы с Саксонией. Это было неприятно курфюрсту, и в начале 1637 года он отправил Гетцена в отставку. Вопрос сатисфакции был очень важным для Бранденбурга и не мог быть урегулирован сепаратными переговорами. Поэтому Георг Вильгельм должен был немедленно отклонить предложение Саксонии делать то, что она сама считает неприятным и неуместным. Но курфюрст не отверг его решительно и ограничился заявлением, что письмо Иоганна Георга требует тщательного изучения и консультаций с герцогами Померании и Мекленбурга. Посланники Георга Вильгельма в Регенсбурге опасались, что столь осторожный ответ будет истолкован в Дрездене как знак одобрения. Кроме того, они считали, что следует напомнить саксонскому курфюрсту о его обещании защитить Курмарк и поддерживать претензии Бранденбурга в Померании [Haan, 1967, *160–163, 281, 287*]. В Совете курфюрстов в Регенсбурге посланники Георга Вильгельма потребовали, чтобы Швеции не позволяли иметь территорию, крепость или морское побережье на имперской земле [Thirty Years' War, 1998, *145*]. Точно так же все ее финансовые

претензии должны быть отклонены. Никто больше не обязан платить шведским солдатам, которые и так «достаточно заработали на жизнь» грабежами и поборами в Германии. В отношении требований о сатисфакции следовало указать, что Империя уже достаточно эксплуатировалась Швецией в течение прошлых военных лет, так что нет необходимости платить какие-либо дополнительные контрибуции. По крайней мере, ради мира можно согласиться выплатить шведским солдатам жалованье за два месяца, а шведской короне – оговоренную сумму денег. Однако для этого следует проконсультироваться со всеми сословиями, которым в прошлом помогала Швеция. Решение всего комплекса вопросов связано с заключением общего мирного соглашения.

Аргументы бранденбуржцев противоречили позиции саксонцев, но встретили единодушное одобрение курфюрстов-католиков. Кельн не возражал против того, чтобы евангелические чины, которые последние несколько лет поддерживались шведской короной, желали в случае необходимости уплатить ей контрибуцию в целях заключения мира. Эту точку зрения разделяли и баварские посланники, которые также выступали за то, чтобы бранденбургские предложения были подробно доложены императору. С другой стороны, посланники Иоганна Георга рассматривали действия Бранденбурга как атаку на политику своего курфюрста в отношении Швеции. Поэтому они прежде всего старались не допустить, чтобы эти заявления стали мнением коллегии курфюрстов для императора. Дрезденские советники были особенно встревожены обвинением в том, что Саксония в последние годы просила помощи у шведов, а теперь пытается избавиться от бремени сатисфакции. Бранденбургское заявление вызывало раздражение у Иоганна Георга и наводило на размышления. Он пожаловался Георгу Вильгельму 14 ноября. Тем не менее Иоганн Георг воздерживался от оправдания своей политики перед коллегией курфюрстов. Он считал более целесообразным противодействовать бранденбургским заявлениям непосредственно при императорском дворе.

Посланники Георга Вильгельма с самого начала осознали, что они ничего не могут сделать для решения вопроса об амнистии против единого фронта курфюрстов-католиков. Поэтому они очень неохотно передавали своему государю жалобы и просьбы от вюртембергских представителей в Регенсбурге. Бранденбургские посланники в своем донесении от 17 августа предлагали, чтобы курфюрст лично ходатайствовал перед императором за герцога Вюртемберга Эберхарда. В этом случае они предприняли бы что-нибудь в Регенсбурге. Георгу Вильгельму было нелегко отказаться от защиты Вюртемберга. Граф Шварценберг, в частности, предпочел бы оставить весь вопрос об амнистии на усмотрение Саксонии. Он счел несправедливым, что Бранденбург в Регенсбурге должен действовать, с его точки зрения, в ущерб своим интересам, делая за Саксонию то, о чем она должна была договориться в Праге. Еще во время подготовки к поездке в Регенсбург Шварценберг позаботился, чтобы бранденбургская миссия агитировала только за всеобщую ам-

нистию без каких-либо обязательств перед отдельными сословиями. Ему удалось убедить Георга Вильгельма полностью отказаться от запланированного вмешательства в пользу герцога Вюртемберга.

В Совете курфюрстов Бранденбург ограничивался общими рассуждениями о преимуществах примирения императора с имперскими чинами. Посланники Георга Вильгельма заявили, что не могут подробно обсуждать проблемы, связанные с амнистией, поскольку бранденбургский двор не был об этом проинформирован. В частности, курфюрст не знал, что побудило императора не распространять амнистию на ряд сословий. В целом Георг Вильгельм согласился, что общая амнистия мало послужит восстановлению мира и благоденствия. Что касается вюртембергского вопроса, бранденбуржцы довольствовались заявлением, что Фердинанд II вернет герцогу его статус и предоставит финансовую компенсацию. То есть реституция герцога Эберхарда была полностью отдана на милость императора. Приобретение Баварией Хайденхайма прямо считалось законным. Духовные владения, включая монастыри, оставались в руках прелатов. По крайней мере, имущество сохранялось за католической церковью до тех пор, пока герцог Вюртемберга не добьется другого решения в рамках обычной судебной процедуры. Это следовало рассматривать как вопиющую несправедливость, тем более что представленные документы свидетельствовали: герцог правомерно владеет спорными монастырями и епископствами. По другим владениям предполагалось установить их стоимость для финансовой компенсации. Бранденбуржцы были уже неспособны отстаивать интересы Вюртембурга и удовлетворились предложением Баварии о посредничестве по этим вопросам.

Мнение коллегии курфюрстов об амнистии было полностью основано на аргументах ее католической части. Соответственно, за исключением вюртембергского дела, проблема амнистии считалась уже решенной. Позиция Бранденбурга не имела никакого значения. Член делегации Кнезебек был разочарован. Он был единственным, кто встал на защиту еще не примирившихся сословий. Сама идея всеобщей амнистии была не очень популярна среди католиков. Это прекрасно понимали протестанты [Haan, 1967, *164–166, 184–187*].

Шварценберг, с согласия или без согласия своего курфюрста, отказался настаивать на решении вопроса амнистии, так что саксонские послы остались одни и уже не справлялись с этой задачей. По всей видимости, габсбургским дипломатам удалось склонить на свою сторону всесильного графа Шварценберга обещанием уступить Померанию после смерти ее герцога Бранденбургу. Возможно, были получены определенные гарантии и по решению юлихского вопроса. Тем самым было достигнуто согласие Георга Вильгельма на избрание сына Фердинанда II римским королем [Droysen, 1861, *166*; Форстен, 1894, *454*].

Обсуждение амнистии было завершено, и этот вопрос был исключен из повестки дня. Соображения коллегии курфюрстов по данной проблеме были 2 декабря представлены императору, за которым оставалась полная свобода действий [Haan, 1967, *160, 187*]. Фердинанд II неохотно согласился, заявив, что простит любого князя, который подчинится ему [Thirty Years' War, 1998, *145*]. С другой стороны, теперь император добился того, к чему стремился в начале конвента: ответственность за амнистию больше не лежала исключительно на его плечах. Теперь он делил ее с коллегией курфюрстов.

В Берлине ясно осознавали, что, пока император еще жив, единственным кандидатом на выборах является эрцгерцог Фердинанд. В ситуации, когда этот кандидат стоял во главе имперской армии, а в коллегии курфюрстов явно доминировало католическое большинство, вряд ли можно было ожидать учета интересов протестантов при разработке избирательной капитуляции. Бранденбург считал бы свою задачу выполненной, если хотя бы был сохранен статус-кво в конфессиональных отношениях. Опасение, что Георг Вильгельм останется один, удерживало его от последовательного отстаивания интересов евангелической веры. Обсуждения в Совете курфюрстов показали, однако, что конфессиональные различия не играли столь важной роли в подготовке избирательной капитуляции, как предполагалось в Берлине. Гораздо большее значение имели отношения между императором и Империей. Большинство указаний, которые курфюрст давал своим посланникам по подготовке новой избирательной капитуляции, были направлены на то, чтобы в большей степени, чем прежде, привязать будущего императора к сотрудничеству с коллегией курфюрстов.

И в Мюнхене, и в Берлине считали, что императоры мало придерживались избирательной капитуляции, которую они подписали в прошлом. В то же время в Берлине полагали, что будет трудно найти адекватное средство контроля за ее исполнением. Баварцы в целом сыграли ведущую роль в составлении новой избирательной капитуляции [Haan, 1967, *187, 212, 213, 215*]. К будущему императору предъявлялось лишь несколько символических требований: по возможности назначать в армии германских офицеров, воздерживаться от бездумного расквартирования войск на территории Империи, не позволять своей австрийской канцелярии вмешиваться в дела Империи и уважать конституцию.

12 (22) декабря 1636 года Фердинанд III наконец был единодушно избран в Регенсбурге римским королем [Веджвуд, 2011, *444–445*]. Георг Вильгельм также проголосовал за избрание, поскольку другого выхода на тот момент у него не было. Лишь более тесная связь с императором давала надежду. Но даже Шварценберг был далек от того, чтобы ожидать от него долгосрочного спасения. Он знал, что в политике каждое достижение требует чего-то взамен и тот, кому нечего предложить, не получит ничего от других. Если Бранденбург хотел, чтобы его уважали, он должен был что-то значить для императора, то есть быть эффективным в военном отношении. Политика Шварценберга была основана на этой идее. Он хотел сделать Бранденбург способным защитить себя, чтобы он не был добычей

врагов и игрушкой друзей, а вместо этого мог отстаивать свои права [Prutz, 1900, *370–371*].

Итоги конвента в основном оцениваются с позиций усиления власти либо олигархии курфюрстов, либо императора. Большинство историков считают, что Регенсбургский конвент продемонстрировал огромную власть курфюрстов. Сам факт его созыва во время Тридцатилетней войны говорит об их влиянии. В отсутствие рейхстага они фактически подменили его и могли узурпировать даже некоторые полномочия императора. Курфюрсты умело использовали Золотую буллу и, как представители имперских чинов, защищали сословные свободы против габсбургско-династической политики императора. По сути, проявился олигархический дуализм: соправление императора и курфюрстов [Ивонин, 2009, *134*; Thirty Years' War, 1998, *145*; Прокопьев, 2020, *212*]. По мнению других историков (С.В. Веджвуд, Ж. Паже), собрание курфюрстов 1636/1637 годов ознаменовало укрепление власти императора в Германии [Веджвуд, 2011, *445*; Pagès, 1972, *208–209*].

На деле чаще всего предварительные решения готовились тремя лицами: императором, курфюрстами Баварии и Саксонии [Прокопьев, 2020, *212–213*]. Религиозно-правовые аспекты на конвенте играли лишь второстепенную роль по отношению к общеполитическим соображениям. Ослабление конфессиональных отношений привело к ослаблению связей между бывшими соратниками как в католическом, так и в протестантском лагерях. Это заложило основу для новых разделений, уже политического характера, между имперскими чинами, включая и курфюрстов. Саксонско-бранденбургский конфликт стал решающим фактором на Регенсбургском конвенте курфюрстов и достиг там своего апогея. В результате бранденбургские посланники получили приказ разорвать контакты со своими саксонскими коллегами [Haan, 1967, *282*].

Для Георга Вильгельма Регенсбургский конвент обернулся провалом его политики, проводимой на основе Пражского мира. Но следует отметить, что, если бы инициативы Бранденбурга были приняты большинством коллегии курфюрстов, мир пришел бы в Империю гораздо раньше 1648 года.

ЛИТЕРАТУРА

Веджвуд С.В. Тридцатилетняя война / пер. с англ. И.В. Лобанова. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2012. 571 с.

Ивонин Ю.Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее новое время 1495–1806. М.; Смоленск: РКонсульт, Изд-во СмолГУ, 2009. Т. 2, ч. 2. 335 с.

Прокопьев А.Ю. Тридцатилетняя война. СПб.: Наука, 2020. 385 с.

Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). СПб.: Типография В.С. Балашева и Ко, 1894. Т. 2. 630 с.

Documenta Bohemica Bellum Tricennale illustrantia. Praha: Academia, 1978. T. VI. 536 s.

Droysen J.G. Geschichte der preussischen Politik. Bd. 3. Abth. 1. Leipzig: Veit und Comp., 1861. 359 S.

Haan H. Der Regensburger Kurfürstentag 1636/1637. Münster: Aschendorff, 1967. 304 S.

Hengerer M. Kaiser Ferdinand III. (1608–1657): Vom Krieg zum Frieden: Eine Biographie. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2012. 560 S.

Odhner C.T. Die Politik Schwedens im Westphalischen Friedenscongress und die schwedischen Herrschaft im Deutschland. Hannover: Hirschheydt, 1973. 353 S.

Pagès G. La Guerre de Trente Ans. 1618–1648. Paris: Payot, 1972. 267 p.

Prutz H. Preußische Geschichte. Bd. 1. Stuttgart: J.G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger, 1900. 463 S.

The Thirty Years' War / ed. by Parker Geoffrey. 2nd ed. London; New York: Routledge, 1998. 316 p.

M.P. Belyaev
Ph.D. in History, Associate Professor,
Chair of History and Humanities,
State University of Humanities and Technology
Orekhovo-Zuevo, Moscow Region, Russia

Regensburg Convention of Electors 1636/1637 and Brandenburg's Struggle for Imperial Peace

The subject of this article is the policy of the Electorate of Brandenburg, aimed at concluding peace with the warring powers of the anti-Habsburg coalition during the Regensburg Convention. According to the ruling emperor, the purpose of the convention was to elect a Roman king – the future Emperor Ferdinand III. However, the Brandenburg Elector Georg Wilhelm set as his task the conclusion of peace, which should be preceded by an amnesty for the classes that did not sign the Prague Peace. During the preparation for the convention and the convention itself, it became clear that the Saxon Elector Johann Georg was pursuing an anti-Brandenburg policy. On his initiative, Brandenburg found itself drawn into a war with Sweden, then Johann Georg invited his colleague Georg Wilhelm to make concessions: to transfer Pomerania to Sweden in the name of peace in the Empire. During the convention, Brandenburg proposed to begin negotiations using the mediation of the Polish king. This was rejected by the majority of the Electors. Then a proposal was made to begin negotiations together with the emperor on concluding peace with Sweden and France. As a result, negotiations with Sweden failed. On the issue of amnesty for the Duchy of Württemberg, the Brandenburg delegation failed. As a result, under the influence of the leader of the delegation and a supporter of the Emperor Schwarzenberg, Brandenburg agreed to the election of the Roman king. As a result, Brandenburg's peace policy failed.

Key words: *college of electors; convention; meeting; amnesty; conclusion of peace; Bavaria; Württemberg.*

REFERENCES

Wedgwood S.V. Thirty Years' War [Tridcatiletnjaja vojna]. Translated from English by I.V. Lobanova. Moscow: AST: Astrel: Poligrafizdat, 2012. 571 p. (in Russian).

Ivonin Yu.E. Universalism and territorialism. The old empire and territorial states of Germany in early modern times 1495 – 1806 [Universalizm i territorializm. Staraja imperija i territorial'nye gosudarstva Germanii v rannee novoe vremja 1495 – 1806]. Vol. 2. Part 2. Moscow; Smolensk: RConsult, Smolensk State University, 2009. 335 p. (in Russian).

Prokopyev A.Yu. Thirty Years' War [Tridcatiletnjaja vojna]. St. Petersburg: Nauka, 2020. 385 p. (in Russian).

Forsten G.V. The Baltic question in the 16th and 17th centuries (1544–1648) [Baltijskij vopros v XVI i XVII stoletijah (1544–1648)]. Vol. 2. St. Petersburg: Printing house of V.S. Balashev and Co., 1894. 630 p. (in Russian).

Bohemian Documents Illustrating the Thirty Years' War [Documenta Bohemica Bellum Tricennale illustrantia]. Vol. VI. Prague: Academia, 1978. 536 p. (in German).

Droysen J.G. History of Prussian politics [Geschichte der preussischen Politik]. Vol. 3. Part 1. Leipzig: Veit und Comp., 1861. 359 p. (in German).

Haan H. The Regensburg Electors' Day 1636/1637 [Der Regensburger Kurfürstentag 1636/1637]. Münster: Aschendorff, 1967. 304 p. (in German).

Hengerer M. Emperor Ferdinand III (1608–1657): From War to Peace: A Biography [Kaiser Ferdinand III. (1608–1657): Vom Krieg zum Frieden: Eine Biographie]. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2012. 560 p. (in German).

Odhner C. T. Sweden's politics in the Westphalian Peace Congress and Swedish rule in Germany [Die Politik Schwedens im Westphalischen Friedenscongress und die schwedischen Herrschaft im Deutschland]. Hannover: Hirschheydt, 1973. 353 p. (in German).

Pagès G. The Thirty Years' War. 1618–1648 [La Guerre de Trente Ans. 1618–1648]. Paris: Payot, 1972. 267 p. (in French).

Prutz H. Prussian history [Preußische Geschichte]. Vol. 1. Stuttgart: J.G. Cotta'sche bookstore successor, 1900. 463 p. (in German).

The Thirty Years' War. Edited by Parker Geoffrey. The 2nd edition. London; New York: Routledge, 1998. 316 p. (in English).

А.А. Егоров

Южный Федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия

УДК 94

DOI 10.35785/2072-9464-2023-64-4-248-255

АНГЛО-РУССКОЕ ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В 1799 ГОДУ: ПО МАТЕРИАЛАМ «ЖУРНАЛА ЭКСПЕДИЦИИ ГОЛЛАНДСКОЙ» ИВАНА ФЕДОРОВА

Ключевые слова: *война; коалиция; союзники; военное сотрудничество; битва; мемуары; корабли; экспедиция; конвенция; поражение; катастрофа; враждебность; непонимание.*

На протяжении столетий Англия и Россия чаще всего во время крупных военных конфликтов выступали в качестве антагонистов. Лишь трижды за многовековую историю взаимоотношений они были военно-политическими союзниками и партнерами: в конце XVIII – начале XIX века, во времена Первой и Второй мировых войн. В статье на основе анализа «Журнала Экспедиции Голландской» И. Федорова, документа, хранящегося в архиве ФИРИ РАН (Санкт-Петербург), прежде никогда не привлекавшегося историками,

предпринята попытка охарактеризовать англо-русское военное сотрудничество в годы Второй коалиционной войны против республиканской Франции, важным элементом которой явилась так называемая «Секретная экспедиция» осени 1799 года в Голландию, в которой приняли участие как английские, так и русские войска.

Любопытным феноменом в отношениях Англии и России, длящихся уже почти полтысячелетия, является военное сотрудничество двух стран. На протяжении столетий две державы, как правило, выступали в качестве упрямых, а подчас и непримиримых антагонистов, однажды вступив даже во фронтальную конфронтацию в годы так называемой Крымской войны 1853–1856 годов. За весь этот огромный исторический период лишь трижды Англия и Россия предстали на мировой арене в качестве прямых военно-политических союзников: в годы революционных и Наполеоновских войн, во время Первой и Второй мировых войн.

Довольно интересным и все еще явно недостаточно исследованным отечественными историками сюжетом может считаться военно-политическое сотрудничество Англии и России в годы Первой и Второй антифранцузских коалиций (1792–1797 и 1798–1802 годов). При этом следует отметить, что отсутствие активной военной помощи Англии со стороны России в 1792–1797 годах привело к тому, что отечественные авторы как в дореволюционный, советский, так и в современный период уделили сравнительно мало внимания этому этапу в формировании англо-российского военного альянса.

Несколько иная ситуация сложилась относительно англо-русского военного сотрудничества в годы Второй коалиционной войны против республиканской Франции. Сюжеты, связанные с ней (Итальянский и Швейцарский походы Суворова, экспедиция адмирала Ушакова в Средиземное море), многократно становились предметом различных научных трудов [Гребенщикова, 2020, *27–39*]. Первым серьезным, академическим исследованием этой темы стала пятитомная «История войны России с Францией в царствование императора Павла I», вышедшая из-под пера графа Д.А. Милютина и опубликованная еще в середине XIX века [Милютин, 1857].

Однако даже в этом весьма скрупулезном и обширном исследовании событиям, связанным с так называемой «Секретной экспедицией» англо-русского корпуса к голландским берегам (являвшейся важной составной частью Второй коалиционной войны в планах союзников), было уделено сравнительно мало места. В огромном, более чем пятисотстраничном втором томе сочинения Милютина ей отведено примерно шестьдесят страниц, то есть чуть больше одной десятой части текста [Милютин, 1857, *356–415*]. Если можно так выразиться, «традиция» рассматривать «Секретную экспедицию» осени 1799 года в Голландию как малозначащий и, соответственно, «проходной» эпизод Второй коалиционной войны, заложенная Милютиным, сохранялась в российской дореволюционной, в советской и даже в постсоветской историографии

вплоть до сравнительно недавнего времени. Лишь одиннадцать лет назад (в 2012 году) группа авторов из Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, возглавляемая доктором исторчиеских наук К.Б. Назаренко, заявила о своем намерении осуществить трехлетний исследовательский проект: «Голландская экспедиция русской армии 1799 г. в контексте коалиционных войн конца XVIII – начала XIX вв.: источниковедческий аспект». Авторы проекта проделали большую и интересную работу, опубликовав ряд содержательных статей и даже работ монографического плана. Предпринимая это важное начинание, участники проекта справедливо отозвались о «Секретной экспедиции» как о «малоизученной кампании рубежа XVIII–XIX веков». Особо ценной является, по нашему мнению, статья кандидата исторических наук М.А. Смирновой «Мемуары о Голландской экспедиции 1799 г.: источниковедческий обзор», опубликованная в третьем выпуске «Вестника Санкт-Петербургского университета» за 2013 год [Смирнова, 2013, *20–29*].

Тщательно собрав и проанализировав мемуарные свидетельства русских, английских, голландских и французских участников развернувшихся в Голландии осенью 1799 года боевых действий, М.А. Смирнова сумела представить довольно яркую картину «Секретной экспедиции» с точки зрения ее непосредственных очевидцев и действующих лиц. Вместе с тем один чрезвычайно любопытный источник, так называемый «Журнал Экспедиции Голландской. 1799 г.» И. Федорова, по какой-то причине выпал из поля зрения исследовательницы.

Это тем более удивительно, что он находится в фонде Воронцовых, хранящемся в архиве ФИРИ г. Санкт-Петербурга [Архив СПб ФИРИ РАН, оп. I, д. 213]. Думается, что есть смысл обратиться к данному интересному свидетельству непосредственного участника «Секретной экспедиции», почему-то проигнорированному практически всеми исследователями событий осени 1799 года на севере Голландии.

Прежде всего, следует отметить, что название документа в какой-то степени условно, так как «Журнал» отнюдь не представляет собой некую поденную запись событий. Написанный три с половиной года спустя после окончания Голландской экспедиции, он, скорее, может быть причислен к разряду мемуарных источников. Автор «Журнала» известен: это некий Иван Федоров, надворный советник Коллегии иностранных дел Российской империи, приписанный к экспедиции в Голландию в возрасте примерно 29 лет. Учитывая приложенное к «Журналу» письмо на имя графа С.Р. Воронцова, в котором он просит уволить его со службы с сохранением жалования, датированное 26 июля 1803 года, с большой долей вероятности и сам этот документ можно датировать 1803 годом. Свою просьбу автор письма мотивирует тем, что вследствие участия в экспедиции из-за перенесенных во время нее тягот заболел ревматизмом. «Журнал Экспедиции Голландской» представляет собой текст на 32 листах формата А6, написанный чрезвычайно аккуратным, «канцелярским» почерком. Ведя речь о содержании «Журнала», резонно обратить внимание на

следующее: не будучи профессиональным военным, автор «Журнала» сравнительно мало пишет о чисто военной стороне событий осени 1799 года в Голландии. В то же самое время, как свидетельство, хоть и в значительной степени пассивного наблюдателя «Секретной экспедиции», рукопись И. Федорова, безусловно, является важным историческим документом, позволяющим взглянуть на это, в общем-то, сугубо военное событие с несколько непривычного «штатского» ракурса. В тексте «Журнала» можно легко выделить две основные части. В первой автор описывает организацию и транспортировку русских подразделений экспедиции к голландским берегам. Во второй дает описание собственно боевых действий российских войск вместе с союзниками-англичанами на севере Голландии осенью 1799 года. В самом начале своего рассказа, рассуждая о цели войны 1799 года со стороны Российской империи, автор отмечает: «По известной твердой системе двора Российского, дабы прекратить распространившуюся Францией революцию и особливо в Италии в начале прошедшей войны приняты были со стороны России всевозможные меры» [Журнал Экспедиции Голландской, *3*]. Таким образом, в трактовке И. Федорова, война 1799 года была призвана обуздать революцию, начавшуюся во Франции десятью годами ранее. Далее русский дипломат пишет о том, что переговоры об организации русско-английской экспедиции в Голландию вели (со стороны англичан) Ч. Уитворт и «нарочный короля (Георга III) флота капитан Попгам, человек с познаниями приличными сему званию», по словам Федорова [Журнал Экспедиции Голландской, *4*]. В данном фрагменте «Журнала» важно то, что, комплиментарно, хоть и весьма кратко, отозвавшись о капитане Попгаме, автор воздержался от каких-либо оценочных суждений насчет Ч. Уитворта, весьма известного английского дипломата. Описывая подготовку русского экспедиционного корпуса, Федоров указывает, что его дислокация менялась как минимум трижды: «Полкам (русским) по первому ордеру было назначено собираться в Либаве, по второму в Риге, а по третьему... в Ревеле». Из Ревеля русские полки должны были отплыть на английских кораблях эскадры коммодора Ферриса, «искусного, доброго и весьма пожилого офицера», по словам Федорова. В состав английской эскадры входили девять линейных кораблей, два фрегата и семь транспортных судов. [Журнал Экспедиции Голландской, *4–5*]. На кораблях Ферриса к берегам Голландии направились основные силы русского корпуса в составе дивизий генералов Жеребцова и Эмме. «Августа 6-го, – пишет Федоров, – снялась с якоря Аглинская эскадра с российскими войсками, под начальством Комодора Фериса, находившегося на корабле «Inflexible», на коем со всем своим статом помещен был и главнокомандующий корпусом генерал-лейтенант Герман» [Журнал Экспедиции Голландской, *8*]. Еще одна часть русского экспедиционного корпуса (дивизия под командованием генерал-майора Н.И. Эссена) отправилась к берегам Голландии двумя неделями раньше на бортах эскадры контр-адмирала П.В. Чичагова [Журнал Экспедиции Голландской, *7*]. Сам автор, по-видимому, находился на одном из кораблей эскадры Ферриса, возможно, что и на

флагманском. По свидетельству Федорова, едва покинув Ревельский порт, английская эскадра попала в сильный шторм, который продолжался десять дней. «На море, – замечает мемуарист, – стоял ежедневно крепкой и противной ветер, который (так) увеличивался и вечеру, что с величайшим трудом можно было управлять снастями корабельными». Следствием этого, по словам Федорова, было то, что «весь стат корпусного начальника и множество других штаб и обер-офицеров в продолжении того времени были полумертвыми, и сам начальник в равном почти находился состоянии» [Журнал Экспедиции Голландской, *9*]. При этом автор отмечает, что русские солдаты легче перенесли качку, нежели «отцы-командиры» [Журнал Экспедиции Голландской, *9*]. Несмотря на то что из-за погодных условий переезд русского корпуса в Голландию растянулся более чем на три недели, автор «Журнала» отмечает, что на кораблях эскадры Ферриса «не было... ни драки, ни шуму». Вместе с тем, в качестве своеобразного исключения из этого общего правила, Федоров дальше описывает, как он выразился, «приключение у кухни, где обыкновенно все толкаются, чтобы покурить у очага трубочку...». Этот эпизод столь колоритен, что есть смысл привести его целиком. «Один матрос (англичанин) не хотел русского гренадера пускать к очагу раскурить трубку. Он оспоривал право свое прямым солдатским языком и показывая кулак сказал: Год дем, мы за вас идем драться, а вы нам трубки табаку раскурить не даете. Матрос хотя не разумел из русских ни одного слова, но кулак и год дем произвели в нем такое бешенство, что он выхватил из котла кусок горячего мяса, бросил с чрезвычайной скоростью в лицо гренадера и обварил ему всю правую щеку. Сколь ни больно было перенести такой зверской поступок, однако ж гренадер, не вступая в драку пожаловался по команде и виновный наказан был по морскому уставу» [Журнал Экспедиции Голландской, *13–14*]. В завершении первой части «Журнала», посвященной подготовке «Секретной экспедиции» и транспортировке российской части экспедиционного корпуса, Федоров сообщает о прибытии эскадры Ферриса к берегам Голландии в первых числах сентября 1799 года. При этом высадка на берег российских войск прошла, по его словам, «быстро, организовано и деятельно» в такой степени, что это удивило самих англичан [Журнал Экспедиции Голландской, *18*]. Спустя три дня после прибытия русских войск в Северную Голландию (6 сентября 1799 года), замечает автор, состоялся военный совет у «Его Светлости дюка Йоркского, в коем, между прочим рассуждая, что нельзя никак оставаться долгое время на столь малом куске земли, на коем будучи можно поморить войско с голоду, решились, чтобы завтра поутру в три часа атаковать неприятеля». Правда, затем Федоров пишет о том, что из-за прибытия войск генерал-майора Эссена лишь на следующий день (7 сентября) предполагаемая атака вражеских позиций была перенесена на 8 сентября. Таким образом, из приведенного материала первой части «Журнала» можно сделать как минимум три вывода: во-первых, трижды менявшаяся дислокация российского корпуса, безусловно по приказу самого царя, внесла немалую сумятицу в организацию экспедиции на ее подготовительном этапе; во-

вторых, значительный временной разрыв между отплытием эскадры контр-адмирала Чичагова и эскадры коммодора Ферриса тоже, по всей видимости, не способствовал оперативным и, главное, скоординированным действиям российских войск; в-третьих, и об этом наглядно свидетельствует эпизод конфликта между русским гренадером и английским матросом, русские солдаты – участники экспедиции совершенно не понимали ее цели, а их командование, видимо, довело до рядовых лишь то, что они, выражаясь словами потерпевшего российского гренадера, отправляются «драться за англичан». Сам по себе конфликт между английским моряком и русским солдатом, несмотря на свой, казалось бы, частный характер, довольно хорошо иллюстрирует непонимание и даже враждебность, с самого начала, очевидно, присутствовавшую в отношениях между союзниками. Во второй части своей рукописи автор «Журнала», описывая первый бой с участием российского контингента (так называемое первое сражение при Бергене 8 сентября 1799 года), обращает внимание на четыре главных момента: во-первых, он отмечает, что «храбрость российского войска удивляла англичан. Усердие к вере и государю приводило их в исступление»; во-вторых, констатирует, что «русские солдаты сражались под беспрестанным огнем восемь часов»; в-третьих, сообщает о том, что «неприятель потерял чрезвычайно много в (этом бою); ибо одних взятых в полон было с лишком 4000 человек, со многими штаб и обер-офицерами...»; в-четвертых, упоминает в несколько мелодраматическом тоне о взятии французами в плен генерал-лейтенанта И.И. Германа: «Печальная весть дошедшая в главную квартиру о потере Начальника (генерала Германа. – *А. Е.*) поразила всех как громовым ударом. Все осиротело. Уныние отнимало силу, и никто не знал за что приняться» [Журнал Экспедиции Голландской, *23, 24, 26*]. Второй бой с участием российских солдат 21 сентября (второе сражение при Бергене), следствием которого явилось занятие союзниками г. Алькмаара, Федоров лишь бегло упоминает, ограничиваясь тем, что вновь подчеркивает храбрость и мужество русских воинов. Далее он пишет о том, что «по сим успехам заключали, что после двух жарких встреч неприятель не в состоянии будет удержать за собою Гарлема и Амстердама, что города сии покорятся без всякого кровопролития, и что экспедиция Голландская с предполагаемой целью кончится...» [Журнал Экспедиции Голландской, *29*]. О третьем и (последнем) крупном сражении Голландской кампании 25 сентября 1799 года (так называемой битве при Бакуме) Федоров даже не упоминает. Он «свертывает» военную тему своего «Журнала» следующей довольно невнятной фразой: «По некоторым политическим причинам Его Светлость дюк Йоркский при наступлении глубокой ночи, отступил от Алкмара и заключил с французами перемирие, вследствие которого корпус российских войск с поспешностью сел на корабли и отправился на зимние квартеры на острова Жернзи и Гернзи, воздыхая о начальнике взятом в плен и товарищах своих убитых в сражении» [Журнал Экспедиции Голландской, *29*]. Завершает «Журнал» И. Федорова рассказ о подвиге некоего портупей-прапорщика, героически погибшего в первом сражении при Бергене. Будучи окружен французскими гусарами, не желая отдать им знамя, которое

он нес, этот русский воин «сдернул его с древка, обернул вокруг себя и начал защищаться до тех пор, покуда не был убит. Французы сохранив всякое почтение к такому великому духу Россиянина, взяли тело его... и оглася во всей армии своей столь благороднейший поступок, уведомили о том и начальника войск Российских, прося его, чтобы он приказал тело его взять для должного погребения по обряду Греческого вероисповедания». [Журнал Экспедиции Голландской, *30–31*]. «Подобных сему примеров, – пишет в заключение автор «Журнала», – найти можно у русских весьма много; ибо закон, любовь к отечеству и верность своему Государю – суть добродетели, которых не в состоянии у них оспорить ни одно правление на свете». [Журнал Экспедиции Голландской, *32*]. В целом во второй части «Журнала» обращает на себя внимание, помимо неоднократного подчеркивания храбрости и мужества российских воинов – участников Голландской экспедиции, повторяющаяся, как своеобразный рефрен, фраза об «удивлении», которое испытывали англичане в отношении своих русских союзников. К какому же выводу можно прийти на основе всего вышесказанного? По-видимому, можно констатировать отсутствие взаимопонимания и подлинно союзнического взаимодействия со стороны англичан в отношении их союзников-россиян, которых они, скорее всего, воспринимали как варваров. Отсутствие каких-либо резко критических отзывов об англичанах в «Журнале» также вполне объяснимо. Граф С.Р. Воронцов, которому И. Федоров адресовал свое письмо, сопроводив его «Журналом Экспедиции Голландской», был хорошо всем известен своими англофильскими симпатиями, и подобные отзывы об англичанах вряд ли были бы восприняты им положительно. К тому же период 1801–1803 годов для российской дипломатии был временем, когда в окружении императора Александра I возобладала партия сторонников «свободы рук» [Сироткин, 1996, *10*]. Приоритетная идея тех, кто придерживался такой политической линии, состояла в равноудаленности от двух главных геополитических соперников в Европе – Англии и Франции. По-видимому, именно эти соображения и привели к недосказанности, которая так явно прослеживается в «Журнале» Ивана Федорова. Вместе с тем, на наш взгляд, этот исторический источник, впервые вводимый в исторический оборот, без сомнения, является достаточно любопытным, хотя и своеобразным документальным свидетельством англо-русского военного сотрудничества.

ЛИТЕРАТУРА

Гребенщикова Г.А. Россия и Англия в конце XVIII – начале XIX века: от союза к войне // Военно-исторический журнал. 2020. № 9. С. 27–39.

Журнал Экспедиции Голландской. 1799 // Архив ФИРИ РАН. Д. 36. Воронцовы. Оп. 1. Д. 213.

Милютин Д.А. История войны России с Францией в царствование императора Павла I. Т. 2. СПб., 1857. 556 с.

Смирнова М.А. Мемуары о Голландской экспедиции 1799 г.: источниковедческий обзор // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2013. Вып. 3. С. 20–29.

Сироткин В.Г. Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801–1812 гг. М., 1966. 208 с.

A.A. Egorov
Ph.D. in History, Doctor, Professor,
Chair of Foreign History and International Relations,
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia

Anglo-Russian Military Cooperation in the Year of 1799: Based on the Materials from the «Journal of the Dutch Expedition» by I. Fiodorov

For centuries England and Russia most often acted as antagonists during major military conflicts. Only three times in the century-long history of relations were they military-political allies and partners: in the late 18th and early 19th centuries during the First and Second World Wars. In this article, based on the analysis of the «Journal of the Dutch Expedition» by Ivan Fiodorov – a document stored in the archives of the Federal Institute of the Russian History of the Russian Academy of Sciences of St. Petersburg, which had never before been involved by historians, an attempt is made to characterize (based on the text of this document) Anglo-Russian military cooperation in the years of the Second Coalition war against Republican France, an important element of which was so-called «Secret Expedition» in the autumn of 1799 to Holland in which both English and Russian troops took part.

Key words: *war; coalition; allies; military cooperation; battle; memoirs; ships; expedition; convention; defeat; catastrophe; animosity; misunderstanding.*

REFERENCES

Grebenshchikova G.A. Russia and England in the late XVIII – early XIX century: from the Union to the war [Rossiya i Angliya v konce XVIII – nachale XIX veka: ot soyuza k vojne]. *Military Historical Journal*, No. 9. 2020. pp. 27−39 (in Russian).

Journal of the Dutch Expedition. 1799 [Zhurnal Ekspedicii Gollandskoj. 1799]. *Archive of FIRI RAS*. Case 36. Vorontsov. List I. Case 213. (in Russian).

Milyutin D.A. History of the war between Russia and France in the reign of Emperor Paul I [Istoriya vojny Rossii s Franciej v carstvovanie imperatora Pavla I]. Vol. 2. St. Petersburg, 1857. 556 p. (in Russian).

Smirnova M.A. Memoirs of the Dutch expedition of 1799: a source review [Memuary o Gollandskoj ekspedicii 1799 g.: istochnikovedcheskij obzor]. *Bulletin of St. Petersburg University*. Series 2: History. Issue 3. 2013. pp. 20−29 (in Russian).

Sirotkin V.G. The duel of two diplomacies. Russia and France in 1801−1812 [Duel' dvuh diplomatij. Rossiya i Franciya v 1801–1812 gg]. Moscow, 1966. 208 p. (in Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Беляев Михаил Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и гуманитарных наук Государственного гуманитарно-технологического университета (г. Орехово-Зуево, Московская область). E-mail: babek-han@mail.ru.

Бубнова Нина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник НОЦ «Смоленский центр квантитативной филологии» Смоленского государственного университета; доцент кафедры русского языка Военной академии войсковой противовоздушной обороны ВС РФ им. Маршала Советского Союза А.М. Василевского. E-mail: 85ninochka67@mail.ru.

Егоров Александр Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории и международных отношений Южного Федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: egorov_1799@ mail.ru.

Зорина Анастасия Валерьевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Военной академии войсковой противовоздушной обороны ВС РФ им. Маршала Советского Союза А.М. Василевского (г. Смоленск). E-mail: AnastasijaZorina67@yandex.ru.

Кешфидинов Шевкет Рустемович – магистр педагогического образования, стажер-исследователь НОЦ «Смоленский центр квантитативной филологии» Смоленского государственного университета. E-mail: keshfidinov-shevket@rambler.ru.

Короневский Виктор Ильич – лаборант-исследователь Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: iliich2000@mail.ru.

Кучер Василина Васильевна – ассистент кафедры английского языка, аспирант кафедры английской филологии Лингвистического института Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул). E-mail: kuchervv@bk.ru.

Линник Юрий Владимирович (1944–2018) – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, философ-космист, поэт, участник Международного научно-творческого семинара «Школа сонета»; Петрозаводский государственный университет.

Мартинкевич Иван Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного ордена Дружбы народов медицинского университета (Республика Беларусь). E-mail: spkulik2013@yandex.ru.

Папейко Анатолий Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики начального образования Могилевского государственного университета им. А.А. Кулешова (Республика Беларусь). E-mail: anatoly_papeiko@mail.ru.

Парамонова Мария Николаевна – соискатель кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: mariapa2007@yandex.ru.

Першина Ксения Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы и теории словесности Донецкого государственного университета. E-mail: ksenia11pershina@gmail.com.

Потапова Евгения Владимировна – магистр филологии, стажер-исследователь НОЦ «Смоленский центр квантитативной филологии» Смоленского государственного университета. E-mail: jenni_p@mail.ru.

Пьяных Никита Иванович – кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания Средней общеобразовательной школы № 3 г. Рассказово (Тамбовская область). E-mail: nikita-p-2016@mail.ru.

Смирнова Дарья Николаевна – преподаватель кафедры русского языка Военной академии войсковой противовоздушной обороны ВС РФ им. Маршала Советского Союза А.М. Василевского; аспирант кафедры русского языка Смоленского государственного университета. E-mail: Ada95ri25m@yandex.ru.

Федоренко Валентина Вячеславовна – аспирант кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: valentina_fedorenko98@mail.ru.

Федоскин Андрей Владимирович – аспирант кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: davidboui@yandex.ru.

Федотов Олег Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы Московского педагогического государственного университета. E-mail: o_fedotov@list.ru.

Шафранская Элеонора Федоровна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник НОЦ «Смоленский центр квантитативной филологии» Смоленского государственного университета; профессор кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета. E-mail: shafranskayaef@mail.ru.

Шинаков Евгений Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского. E-mail: shinakov@mail.ru.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ИЗВЕСТИЯ СМОЛЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА» ЗА 2023 ГОД

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Андреев С.Н. Атрибутивная структура лирических циклов «Ангел Армении» Сергея Городецкого и «Армения» Осипа Мандельштама. – № 2(62). – С. 28–38.

Антюхова Е.А., Караулова Ю.А. Речевые способы выражения отрицательной оценки, используемые для создания негативного имиджа Дж. Байдена в оппозиционном политическом дискурсе США. – № 3(63). – С. 76–88.

Балакина Л.В. О множестве метафорических смыслов в репрезентации феномена «язык» в книге А. Тальмайера «Heraus mit der Sprache». – № 2(62). – С. 113–122.

Басыров Ш.Р. Стилистически маркированные наименования офисных работников в немецком языке. – № 1(61). – С. 109–124.

Белютин Р.В. Прагмасемантика высказываний футбольных фанатов в баннерной коммуникации (на материале немецкого языка). – № 2(62). – С. 84–95.

Бубнова Н.В. Модель макро- и микроструктуры словаря имен собственных электронного ресурса «Армянский текст русской поэзии». – № 4(64). – С. 54–63.

Войтальянова Я.И., Шелихова С.В. Этнокультурная метафора повседневной жизни как отражение национальной языковой картины мира в английском языке. – № 1(61). – С. 84–97.

Воронцова Т.И., Воронцова А.А. К вопросу о корреляции категорий эвиденциальности и эпистемической модальности. – № 2(62). – С. 73–83.

Гришаева Л.И. «Детские» анекдоты как средство и способ поддержания коллективной идентичности носителей языка и культуры (часть 1). – № 2(62). – С. 96–112.

Гришаева Л.И. «Детские» анекдоты как средство и способ поддержания коллективной идентичности носителей языка и культуры (часть 2). – № 3(63). – С. 64–75.

Зорина А.В. Семантическое моделирование способов вербализации эмоций в политическом дискурсе Германии. – № 4(64). – С. 156–170.

Калиущенко В.Д. Типология имен существительных, мотивирующих глаголы. – № 1(61). – С. 69–83.
Каяниди Л.Г. Мистериально-дионисийский сюжет Вячеслава Иванова и его мистическая антропология (принцип «ты еси»). Статья первая. – № 3(63). – С. 4–17.
Кешфидинов Ш.Р., Шафранская Э.Ф. Армянская кошениль и красный цвет Армении в русской словесности. – № 4(64). – С. 19–38
Королева И.А. Региональная историческая лексикография: проблемы и перспектива развития. – № 2(62). – С. 39–48.
Кочкина А.В. Образ повседневности в рассказе С. Мишнева «Черторой». – № 3(63). – С. 29–38.
Краснова О.Н. Текстовая когезия как способ раскрытия глубинных художественно-психологических свойств повествователя «Бедной Лизы» Н.М. Карамзина. – № 2(62). – С. 5–14.
Кудрицкая С.В. Мотив душевной болезни в творчесте Михаила Пантюхова (1880–1910) и Александры Мирэ (1874–1913). – № 2(62). – С. 15–27.
Кучер В.В. Языковые средства создания кинематографичности в репродуктивном регистре англоязычного художественного текста. – № 4(64). – С. 143–156.
Лешкова Н.В. Дискурсивные стратегии православного дискурса. – № 1(61). – С. 46–57.
Ли Л. Сопоставительный анализ «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля и китайского «Словаря Канси». – № 2(62). – С. 59–72.
Линник Ю. Сомнамбулическое (Венок сонетов М.А. Волошина «Lunaria»). – № 4(64). – С. 5–11.
Лицарева А.Ф. Образ женщины в белом в устных нарративах о Великой Отечественной войне: мотивы, сюжеты, функции. – № 1(61). – С. 18–34.
Лунькова Е.С. Отадъективное словообразование в смоленских говорах: словообразовательный тип с суффиксом -к(а). – № 1(61). – С. 35–45.
Николина Н.А., Петрова З.Ю., Фатеева Н.А. Компаративные конструкциис образами цветов в современной русской прозе. – № 2(62). – С. 48–58.
Нюбина Л.М. Загадка в кроссворде как вид текста. – № 3(63). – С. 39–51.
Павлова Л.В., Романова И.В. Созвучие Сарьяна и Армении в восприятии русских поэтов. – № 1(61). – С. 5–18.
Папейко А.А. Квалитативная характеристика жизни в поэтическом дискурсе М.И. Цветаевой. – № 4(64). – С. 89–101.
Парамонова М.Н. Смоленская писательская организация: литературная ситуация послевоенного периода. – № 4(64). – С. 101–117.
Першина К.В. «Уединенное» и «Опавшие листья» В. Розанова как «другая литература». – № 4(64). – С. 76–88.

Потапова Е.В. «Армянский» VS «грузинский» локальные тексты: к вопросу о генезисе и путях развития. – № 4(64). – С. 38–54.
Радионова А.В. Роль анатомических тем в творчестве и философской концепции Б. Пастернака. – № 3(63). – С. 17–29.
Сиразетдинова Р.Н. Вербализация лексемы «LOVE» в современных мультипликационных фильмах. – № 1(61). – С. 97–109.
Смирнова Д.Н. Классификации названий смоленских улиц. – № 4(64). – С. 131–142.
Стрельцов А.А. Анонимные письма-предупреждения в художественной литературе: сопоставительный анализ переводов с английского языка на русский. – № 3(63). – С. 89–103.
Суй Ин. Отражение китайских культурных реалий в современном русском языке в парадигме предметных и смысловых соответствий. – № 3(63). – С. 51–63.
Терских М.В., *Боцорога К.В.* Роль непрямой коммуникации при формировании имиджа банка: работа с негативными отзывами клиентов. – № 1(61). – С. 58–69.
Федоренко В.В. Фольклорные элементы в поэзии Екатерины Клетновой. – № 4(64). – С. 64–76.
Федоскин А.В. Стихотворения с историческим временным компонентом в современной российской поэзии (на примере премии «Поэзия»). – № 4(64). – С. 117–131.
Федотов О.И. Поэтологическое эссе Юрия Линника «Сомнамбулическое» о венке сонетов Максимилиана Волошина «Lunaria» (попытка адекватной интерпретации). – № 4(64). – С. 12–18.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Андреев К.А. Смоленское сражение 1941 года в советской и современной историографии. – № 3(63). – С. 145–161.
Беляев М.П. Регенсбургский конвент курфюрстов 1636/1637 годов и борьба Бранденбурга за имперский мир. – № 4(64). – С. 233–248.
Бойко О.О. Германская угроза и дискуссии о европейских союзах: особенности либеральной политико-идеологической преемственности лидеров либеральной партии от У. Гладстона до Г. Асквита в конце XIX – начале XX века. – № 2(62). – С. 211–222.
Величко Е.О. К становлению практики королевских визитов в колониальные владения Великобритании: предыстория первого официального тура принца Уэльского в Канаду в 1860 году. – № 2(62). – С. 197–210.
Егоров А.А. Англо-русское военное сотрудничество в 1799 году: по материалам «Журнала Экспедиции Голландской» Ивана Федорова. – № 4(64). – С. 248–255.

Елизаров С.А. Основные тенденции развития системы органов местного государственного управления БССР (1953–1964). – № 1(61). – С. 218–232.
Иванова О.Ю. Наступление Красной армии на Сычевском направлении в ходе операции «Марс». – № 1(61). – С. 203–218.
Ивонина Л.И. Несостоявшийся союз: Оливер Кромвель и Великий Конде. – № 1(61). – С. 174–185.
Карушкина Н.В. Василий Михайлович Вершинин – царский комиссар и летописец революции. – № 3(63). – С. 119–135.
Кобец О.В., Кодин Е.В. Белорусизация на Смоленщине со страниц газеты «Рабочий путь», 1920–1930-е годы. – № 2(62). – С. 150–169.
Короневский В.И. Защитница православия или благочестивая католичка? Св. София Слуцкая в нарративах XIX – начала XX века. – № 4(64). – С. 221–233.
Космовская А.А. Оброки и сборы с лавок Чердынского уезда в XVII–XVIII веках. – № 1(61). – С. 139–153.
Кулаков В.И. Легенды о прусских городищах. – № 2(62). – С. 183–197.
Кулаков В.И. Семантика декора оружия пруссов. – № 3(63). – С. 161–173.
Майоров А.А., Шинаков Е.А. Днепро-Окский путь («угровский переход») конца IX – начала XI века. – № 1(61). – С. 125–139.
Мартинкевич И.А. Формирование правовых основ социального обеспечения инвалидов Великой Отечественной войны в БССР (1940−1950-е годы). – № 4(64). – С. 208–220.
Познахирев В.В. Продовольственное обеспечение пленных унтер-офицеров и рядовых в России и странах Запада в XVIII веке. – № 2(62). – С. 123–137.
Пьяных Н.И. Государствогенез Древней Руси. – № 4(64). – С. 171–187.
Савчук Р.А. Влияние советской идеологии на публичный дискурс православного духовенства и мирян Украинской ССР (вторая половина 1980-х годов). – № 1(61). – С. 153–165.
Собко Е.М. Россия и Нидерланды в первой половине XVIII века: основные этапы развития двусторонних отношений. – № 3(63). – С. 198–206.
Суменкова М.В. Флагманская роль Русской православной церкви в антиалкогольной борьбе начала XX века в России (на примере Пензенской епархии). – № 2(62). – С. 138–149.
Трусова М.А. Германский кредит СССР в двусторонних переговорах и с позиции западных держав. – № 3(63). – С. 135–145.
Ушаков А.В. Торговая политика «новгородских гостей» Любека в конце XV века. – № 1(61). – С. 165–174.
Филатова С.А. Отношение немецких гуманистов XVI века к католической церкви. – № 3(63). – С. 174–182.
Ходин А.А. Эволюция восприятия чинами Священной Римской империи французской политики «реюнионов» во второй половине XVII века. – № 3(63). – С. 183–198.

Хомченко С.Н. Военнопленные Великой армии в Смоленской губернии в 1812–1814 годах. – № 3(63). – С. 104–118.
Шинаков Е.А. Истоки и зарождение русской государственной благотворительности (X–XVI века). – № 4(64). – С. 188–207.
Штацкая А.М. Жизнь на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны (по материалам автобиографий выпускников гуманитарных факультетов Псковского государственного педагогического института 1948–1953 годов). – № 2(62). – С. 170–183.
Шумаков А.А. Несостоявшаяся революция Габриэля 1800 года: причины и предпосылки. – № 1(61). – С. 186–203.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М.Н. Артеменков (Смоленск, председатель)

Михаил Николаевич Артеменков – кандидат исторических наук, доцент, завкафедрой государственно-правовых дисциплин, ректор Смоленского государственного университета

И.В. Романова (Смоленск, зампредседателя)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

В.А. Волков (Москва)

Владимир Алексеевич Волков – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Московского педагогического государственного университета

А.Б. Каменский (Москва)

Александр Борисович Каменский – доктор исторических наук, профессор, руководитель школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

В.С. Кошелев (Минск, Республика Беларусь)

Владимир Сергеевич Кошелев – доктор исторических наук, профессор, завкафедрой истории нового и новейшего времени Белорусского государственного университета

А. Молнар (Дебрецен, Венгрия)

Ангелика Молнар – доктор, PhD, доцент Института славистики Дебреценского университета

Л.В. Рацибурская (Нижний Новгород)

Лариса Викторовна Рацибурская – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой русского языка и общего языкознания Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Ф.Б. Успенский (Москва)

Федор Борисович Успенский – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, директор Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук

Н.А. Фатеева (Москва)

Наталья Александровна Фатеева – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук

З.А. Харитончик (Минск, Республика Беларусь)

Зинаида Андреевна Харитончик – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Минского государственного лингвистического университета

И.Р. Чикалова (Минск, Республика Беларусь)

Ирина Ромуальдовна Чикалова – доктор исторических наук, профессор, завкафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка, ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси

THE EDITORIAL COUNCIL

M.N. Artyomenkov (Smolensk, The Chairperson)

Mikhail Nikolaevich Artyomenkov – Candidate of history, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines, Rector of Smolensk State University

I.V. Romanova (Smolensk, Deputy Head)

Irina Viktorovna Romanova – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

V.A. Volkov (Moscow)

Vladimir Alekseyevich Volkov – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Department of History of Russia, Moscow State Pedagogical University

A.B. Kamensky (Moscow)

Alexander BorisovichKamensky – Doctor of history, Professor, Head of School of History of the National Research University Higher School of Economics

V.S. Koshelev (Minsk, The Republic of Belarus)

Vladimir Sergeyevich Koshelev – Doctor of history, Head of the Department of Modern and Contemporary History, Belarusian State University

A. Molnar (Debrecen, Hungary)

Angelka Molinar – Doctor of sciences, PhD, Associate Professor, the Institute of Slavic Studies at the University of Debrecen

L.V. Ratsiburskaya (Nizhny Novgorod)

Larisa Viktorovna Ratsiburskaya – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of the Russian Language and General Linguistics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

F.B. Uspensky (Moscow)

Fedor Borisovich Uspensky – Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of philology, professor, Director of V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

N.A. Fateyeva (Moscow)

Natalya Alexandrovna Fateyeva – Doctor of philology, Chief Researcher, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

Z.A. Kharitonchik (Minsk, The Republic of Belarus)

Zinaida Andreyevna Kharitonchik – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of General Linguistics, Minsk State Linguistic University

I.R. Chikalova (Minsk, The Republic of Belarus)

Irina Romualdovna Chikalova – Doctor of history, Professor, Head of the Department of World History and Theory and Methods of Teaching, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; Leading Researcher, the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.В. Романова (гл. редактор)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

А.В. Тихонова (зам. гл. редактора)

Анастасия Владимировна Тихонова – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, заместитель директора по науке Смоленского государственного музея-заповедника

Р.В. Белютин (отв. секретарь)

Роман Вячеславович Белютин – доктор филологических наук, доцент, завкафедрой немецкого языка Смоленского государственного университета

С.Н. Андреев

Сергей Николаевич Андреев – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета

С.Ю. Артемова

Светлана Юрьевна Артемова – доктор филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета

Л.И. Ивонина

Людмила Ивановна Ивонина – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Смоленского государственного университета

Д.Е. Комаров

Дмитрий Евгеньевич Комаров – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории казачества и социально-гуманитарных наук Смоленского казачьего института промышленных технологий и бизнеса (филиала) Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)

А.В. Королькова

Анжелика Викторовна Королькова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета

Л.В. Павлова

Лариса Викторовна Павлова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета

О.Е. Похаленков
Олег Евгеньевич Похаленков – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы Института филологии и массмедиа Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского

А.М. Ранчин
Андрей Михайлович Ранчин – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Ю.Л. Цветков
Юрий Леонидович Цветков – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Института гуманитарных наук Ивановского государственного университета

РЕДАКТОРЫ РУБРИК

С.Н. Андреев, Л.В. Павлова (филологические науки)
Л.И. Ивонина, А.В. Тихонова (исторические науки)

EDITORIAL BOARD

I.V. Romanova (Editor-in-chief)
Irina Viktorovna Romanova – Doctor of philology, Professor, Head of the Departmentof Literature and Journalism, Smolensk State University

A.V. Tikhonova (Vice Editor-in-chief)
Anastasia Vladimirovna Tikhonova – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Departmentof History of Russia, Smolensk State University, Deputy Director of Science, Smolensk State Museum Reserve

R.V. Belyutin (Executive Editor)
Roman Vyacheslavovich Belyutin – Doctor of philology, Associate Professor, Head of the Department of the German Language, Smolensk State University

S.N. Andreev
Sergey Nikolayevich Andreev – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of the Foreign Languages, Smolensk State University

S.Yu. Artemova
Svetlana Yurievna Artemova – Doctor of philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Theory of Literature, Tver State University

L.I. Ivonina
Lyudmila Ivanovna Ivonina – Doctor of history, Professor, Professor of the Department of World History and International Relations, Smolensk State University

D.Y. Komarov
Dmitry Yevgenyevich Komarov – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Department of the History of Cossack and Social and Humanitarian Sciences, Smolensk Regional Cossack Institute of Industrial Technologies and Business (branch) of K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management

A.V. Korolkova
Anzhelika Viktorovna Korolkova – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

L.V. Pavlova
Larisa Viktorovna Pavlova – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

O.Y. Pokhalenkov
Oleg YevgenyevichPokhalenkov – Doctor of philology, Associate Professor, Professor of the Departmentof Literature of the Institute of Philology and Mass Media, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski

A.M. Ranchin
Andrei Mikhailivich Ranchin – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

Yu.L. Tsvetkov
Yuriy Leonidovich Tsvetkov – Doctor of philological sciences, professor at the department of foreign literature of the Institute for Humanities, Ivanovo State University

EDITORS OF SECTIONS

S.N. Andreev, L.V. Pavlova (Philology)
L.I. Ivonina, A.V. Tikhonova (History)

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Доводим до Вашего сведения, что с **1 сентября 2023 года** во всех почтовых отделениях России открыта подписка на журнал **«Известия Смоленского государственного университета».**

Журнал включен в подписной каталог Почты России. Подписка осуществляется во всех отделениях почтовой связи и в онлайн-сервисе podpiska.pochta.ru.

Журнал выходит 4 раза в год. Годовая подписка состоит из 4 номеров.

Стоимость **полугодовой** подписки – 1144 руб. 44 коп.

Система доставки – **адресная**.

Индексы в Объединенном каталоге

Подписной индекс **– ПН182**

Адрес редакции и издателя:
214000, Смоленская область, Смоленск, ул. Пржевальского, 4
Смоленский государственный университет
Тел.: (4812) 700231, факс: (4812) 383157
E-mail: izwestija@smolgu.ru

Научное издание

Известия Смоленского государственного университета

Выходит 4 раза в год
2023, № 4(64)

Издательство
Смоленского государственного университета
214000, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Редакторы *Е.А. Воропаева, И.В. Марусова, О.В. Папко*
Редактор англоязычных текстов *П.В. Силаев*
Технический редактор *И.В. Марусова*
Компьютерная верстка *А.П. Борисов*

Дата выхода 19. 02. 2024. Формат 70x100$^{1}/_{16}$.
Усл. п. л. 22,0. Тираж 300 экз.

Отпечатано: Типография ИП Суркова Н.Н.
Смоленская область, г. Смоленск, ул. Б. Советская, д.12/1

Цена свободная